

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
«Европейский университет в Санкт-Петербурге»
Факультет антропологии

На правах рукописи

Прус Ирина Владимировна

**ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ПРАКТИКИ СОУЧАСТИЯ И
ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕНЕНИЯ СЕБЯ В АНТИЭЙДЖИСТСКИХ ВЕБ-
СООБЩЕСТВАХ**

Научная специальность 5.6.4 Этнология, антропология и этнография
отрасль наук — исторические науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель
Кандидат искусствоведения, доцент
Лурье Михаил Лазаревич

Санкт-Петербург — 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	5
СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ	8
ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ	12
ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА	14
НАУЧНАЯ НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ	17
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ	18
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ	19
СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ И АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ	20
СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ	23
ГЛАВА 1. АНТИЭЙДЖИСТСКИЕ ВЕБ-СООБЩЕСТВА В КОНТАКТЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РЕЖИМЫ ПУБЛИЧНОСТИ	25
1.1. «ДЕТСКО-МОЛОДЁЖНОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БЗР»: ОТ ГРУППЫ К ПАБЛИКУ	26
1.1.1. Контекст возникновения первого антиэйджистского веб-сообщества	26
1.1.2. Режим доступа к публикациям и неформальная иерархия в группе БЗР	29
1.1.3. Появление правил группы и «заккрытие стены»: смена коммуникативной парадигмы	32
1.2. Политизация АЭК: «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ» И ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ	35
1.3. «ПОДСЛУШАНО: ЭЙДЖИЗМ»: МЕЖДУ МОДЕРАЦИЕЙ И ЦЕНЗУРОЙ КОЛЛЕКТИВА	39
1.4. «ГОЛОС НЕГОЛОСУЮЩИХ»: ПЕРВОЕ АНТИЭЙДЖИСТСКОЕ СМИ	41
1.5. ВЫВОДЫ ГЛАВЫ 1	43
1.5.1. Режимы публичности антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте	43
1.5.2. Веб-сообщество ВКонтакте как специфическое пространство выражения несогласия	47
ГЛАВА 2. ПРОИЗВОДСТВО АНТИЭЙДЖИСТСКОГО ДИСКУРСА	52
2.1. ДИСКУРС ТРАВМЫ: «ДЕТСКИЙ ВОПРОС» В ВАРИАНТЕ ВК-ГРУППЫ БЗР	53
2.1.1. Исследовательский контекст: дискурс травмы	53
2.1.2. Детская политика России 2000–2010-х годов: опасные и незащищенные несовершеннолетние	56
2.1.3. Поиск события травмы: от бухгалтерии ошибок к трагическому нарративу	57
2.1.4. Конструирование «взрослых»: стратегии БЗР	59
2.1.5. «Дети» и «подростки»: категориальная политика БЗР	67
2.1.6. Дискурс травмы в антиэйджизме: общие замечания	72
2.2. «РЕБЕНОК» КАК «УГНЕТАЕМЫЙ»: ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ПО АНАЛОГИИ	73

2.2.1. Исследовательский контекст: дискурс угнетения	73
2.2.2. Русскоязычный вариант фемдискурса и детская и молодежная политика	75
2.2.3. Конструирование эйджизма как тотальной системы дискриминации	78
2.2.4. Деконструкция «взрослого» как врага	84
2.2.5. Новое концептуальное наполнение категорий «дети» и «подростки» в дискурсе угнетения	91
2.2.6. Дискурс угнетения в антиэйджизме: общие замечания	95
2.3. ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ И НОВЫЙ ЯЗЫК РАЗГОВОРА О ЧУВСТВАХ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В АНТИЭЙДЖИСТСКОМ ДИСКУРСЕ	96
2.3.1. Исследовательский контекст: терапевтический дискурс	96
2.3.2. Терапевтический нарратив и эйджизм: новые формы личных историй	98
2.3.3. Усвоение риторики терапии: эйджизм как эмоциональное и психологическое насилие	101
2.3.4. «Взрослый» как травмированный и «взрослый» как друг: пересмотр детско- взрослых отношений на языке терапии и эмоций	106
2.3.5. «Дети» и «подростки» в терапевтическом дискурсе: субъекты самоисследования и самопомощи	107
2.3.6. Терапевтический дискурс в антиэйджизме: общие замечания	108
2.4. ВЫВОДЫ ГЛАВЫ 2	109
2.4.1. Механизмы производства русскоязычного антиэйджизма	109
ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ АНТИЭЙДЖИСТСКИХ ТЕОРИЙ	112
3.1. ПОЯВЛЕНИЕ АНТИЭЙДЖИСТСКИХ ТЕОРИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	115
3.2. «Эйджизм» в АКТИВИСТСКОМ ПРАКСИСЕ	118
3.2.1. Независимые школьные газеты и движение Youth Liberation: переход к критике угнетающей системы образования и программам прямых действий	119
3.2.2. Активистские сообщества против эйджизма: локальные группы и национальные сети подростковых организаций	124
3.2.3. Обоснования детского и подросткового угнетения: нормативные языки англоязычного антиэйджистского активизма	126
3.3. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ТЕОРИИ УГНЕТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	135
3.3.1. «Чайлдизм» в психоаналитической перспективе: угнетение детей и подростков как эвристика	135
3.3.2. «Чайлдизм» в исследованиях детства: от категории «детской агентности» к новой парадигме социального воображения	139
3.4. ВЫВОДЫ ГЛАВЫ 3	145

3.4.1. Интеллектуальная история теории угнетения несовершеннолетних	145
3.4.2. Антиэйджизм как вернакулярная критическая теория и вернакулярный конструктивизм	148
ГЛАВА 4. АНТИЭЙДЖИЗМ: МЕЖДУ РИТОРИЧЕСКИМ ПРИЕМОМ И ИСКУССТВОМ СУЩЕСТВОВАНИЯ	154
4.1. КРИТИКОВАТЬ И ОПРАВДЫВАТЬ: ЗНАКОМСТВО С АНТИЭЙДЖИЗМОМ КАК СТРАТЕГИЯ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ	155
4.2. АНТИЭЙДЖИЗМ КАК ИСКУССТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ.....	163
4.2.1. Антиэйджист как субъект анализа и критики.....	163
4.2.2. «Я веду жизнь активного БЗР-овца»: функция автора и практика производства текста.....	166
4.2.3. Воображение практик соучастия в антиэйджистском проекте: взгляд руководителей веб-сообществ	170
4.2.4. Дискурсивные настройки жизненных решений	173
4.3. ИЗОБРЕТЕНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ АНТИЭЙДЖИСТА В БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ	179
4.3.1. Контексты появления развернутого биографического нарратива	183
4.3.2. Биография как материал и метод антропологии и микроистории: вопросы и задачи параграфа.....	185
4.3.3. Биографическое повествование: Катя.....	191
4.3.4. Биографическое повествование: Степа.....	213
4.3.5. Биографическое повествование: Ксюша	226
4.4. ВЫВОДЫ ГЛАВЫ 4	235
4.4.1. Антиэйджистские техники изменения себя	235
4.4.2. Антиэйджизм как утопическое сообщество: методологический комментарий к анализу «детской агентности»	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	242
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	250
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	266
СПИСОК УЧАСТНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	288

Введение

Постановка проблемы

С 1990-х годов в социальных исследованиях детства стала доминировать теория «детской агентности» («children's agency»), предполагающая описание и анализ ребенка как активного и независимого субъекта социальных взаимодействий [Prout, James 2005]. Подобный рефлексивный ход оказался созвучен публичной риторике, которую формировали идеи эмансипаторных движений и либеральной повестки. «Конвенция о правах ребенка» 1989 года, помимо прочего, легитимировала релевантность мнения ребенка о собственной индивидуальности и образе жизни, а популяризаторы идей «нового родительства», представители соцслужб и семейной психологии обозначили интересы ребенка как ключевой фактор в вопросах воспитания и заботы.

За последние двадцать лет концептуализация статуса детей неоднократно становилась проблемной и в российском контексте. В качестве характерных примеров можно привести моральные паники вокруг вопросов ювенальной юстиции [Львовский 2010], кейса «синих китов» [Архипова* и др. 2017]¹ и участия несовершеннолетних в политических митингах [Ерпылева 2014а]. В контексте повышенного исследовательского и общественного внимания к способности или неспособности детей быть полноценными участниками социального мира данная диссертация показывает работу с этим вопросом изнутри — с тем, как сами дети и подростки формируют дискурс о собственной социальной роли.

Диссертационное исследование посвящено анализу антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте, — интернет-пространств, для участников которых изобретение нового языка разговора о несовершеннолетних стало специфическим предметом рефлексии, главной темой в коммуникации между собой и основанием для производства текстов.

Веб-сообщества, называющие себя «антиэйджистами» и ставящие перед собой задачу бороться с «эйджизмом», или с дискриминацией детей и подростков по возрасту, появились в русскоязычном сегменте интернета в первой половине 2010-х годов. Эти веб-сообщества возникали как низовая инициатива — их создатели хотели перевести свое понимание проблематичности детского и подросткового опыта в коллективно разделяемое мнение среди подписчиков веб-сообществ и, в дальнейшей перспективе, в вопрос

¹ Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания лиц, включенных Минюстом РФ в реестр иноагентов, или организаций, признанных запрещенными на территории России.

публичной повестки. Участники антиэйджистских веб-сообществ, преимущественно несовершеннолетние, публикуют личные размышления на темы детства, детских прав и ролей, формулируют манифесты и программные проекты *нового детства*, в процессе постоянного комментирования и модерирования вырабатывая антиэйджистские языки разговора о детском, свои для каждого из этих веб-сообществ.

Здесь и далее под антиэйджистскими веб-сообществами² понимается следующая сеть групп и пабликов ВКонтакте — «Детско-молодежное освободительное движение БЗР [Борьба за равноправие]» (далее — БЗР; создано в 2012 году, на данный момент 5 606 подписчиков), «АЭК: Антиэйджистская коалиция» (далее — АЭК, создано в 2017 году, на данный момент 188 подписчиков), «Подслушано: эйджизм» (создано в 2019 году, на данный момент 1158 подписчиков), «Голос неголосующих» (далее — «Голос»; создано в 2020 году, на данный момент 162 подписчика)³. Эти ВК-сообщества объединены личными знакомствами авторов и администраторов, взаимными репостами публикаций и пересекающимися аудиториями.

За десять лет существования антиэйджистских веб-сообществ в этой сети появлялись и исчезали (то есть становились заброшенными, «мертвыми» страницами) другие группы и паблики, которые не находятся в центре моего исследования, но упоминаются в качестве небольших отступлений: например, «БЗР в Туле» или «Движение БЗР - Борьба За Равноправие Возрастов» (веб-сообщество, созданное подростками города Закаменск). В соцсетях Facebook* и Одноклассники русскоязычных подростковых антиэйджистских пабликов нет. Некоторые участники антиэйджистских пабликов используют Telegram для организации коллективных чатов, а Instagram* и YouTube как дополнительные инструменты по созданию и распространению контента. В июне 2024 года был создан антиэйджистский Telegram-канал, который прекратил работу после первой вступительной публикации. Таким образом, в российском контексте антиэйджизм представляет собой ограниченный фрагмент дискурса, который можно обнаружить практически только в рамках описываемых в этой работе веб-сообществ ВКонтакте. Небольшое исключение составляет пара материалов, опубликованных на других медиа-платформах и написанных участниками антиэйджистских ВК-пабликов⁴.

² В данной диссертации понятия «веб-сообщество» и «ВК-сообщество» применяются как взаимозаменяемые родовые названия для двух видов веб-страниц в соцсети ВКонтакте, а именно групп и пабликов. Таким образом, «веб-сообщество» и «ВК-сообщество» используются как технические наименования, соответствующие номенклатуре ВКонтакте, а не как аналитические категории.

³ Данные по количеству подписчиков актуальны на 20.09.24.

⁴ См., например [Экфорд 2020]. Автор Instagram*-аккаунта @paper_creature иногда размещает на своей персональной странице публикации, посвященные антиэйджизму. Несколько моих информантов рассказывали о том, как пробовали публиковать различный контент, посвященный антиэйджизму, на своих YouTube каналах или персональных страницах ВКонтакте.

В данном диссертационном исследовании рассматривается: во-первых, какие контексты — технологические, социальные, историко-культурные — стоят за формулированием, созданием и публикацией антиэйджистских текстов; во-вторых, какие проекты себя и мира учреждает антиэйджистский дискурс; в-третьих, как конструируются, артикулируются и функционируют эти проекты себя и мира в личных контекстах участников антиэйджистских веб-сообществ. Другими словами, диссертация предлагает разбор того, как, в ответ на что (и/или вопреки чему) складываются конкретные дискурсивные формы (антиэйджистские высказывания) и что намереваются совершить и совершают посредством этих высказываний акторы (авторы, администраторы и подписчики антиэйджистских веб-сообществ). Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: как производится и манифестируется антиэйджистский дискурсивный проект?

Объект данного исследования — антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте как фрагменты цифрового пространства, в которых администраторы, модераторы, авторы и подписчики взаимодействуют между собой и с публикациями, размещенными в этих группах и пабликах.

Предмет диссертации — стратегии производства антиэйджистского дискурса в веб-сообществах ВКонтакте и социальные эффекты этой дискурсивной работы.

Цель диссертации — проанализировать культурную и историческую специфику дискурса дискриминации несовершеннолетних в антиэйджистских ВК-сообществах и рассмотреть отношения, которые возникают между антиэйджистским высказыванием и субъектами этого высказывания.

Для достижения этой цели были сформулированы и реализованы следующие **задачи**:

— описать механизмы производства антиэйджистского дискурса с точки зрения социально-технологических условий его создания, опираясь на полевую и архивную работу в антиэйджистских ВК-сообществах: цифровые практики и цифровые пространства;

— определить историко-культурные контексты антиэйджистского дискурса: интеллектуальную историю задействованных в нем риторических стратегий и категорий, условия и механизмы трансфера их в антиэйджистские группы и паблики ВКонтакте;

— представить этнографическое описание антиэйджистских веб-сообществ: биографические траектории участников, способы взаимодействия между собой и окружающими людьми, рефлексии об антиэйджизме;

— исходя из сделанных этнографических наблюдений, сформулировать теоретические перспективы для исследований детства в целом, и антропологии детства, в частности;

— сформулировать теоретические перспективы сделанных этнографических наблюдений для исследовательского направления социологии и антропологии знания, занимающихся анализом критических теорий;

— сформулировать методологические перспективы сделанных этнографических наблюдений для цифровой антропологии.

Я предполагаю, что анализ этого дискурсивного проекта, который не влияет прямо ни на большие нарративы о детстве, ни на политические решения или институции, позволяет ухватить контексты и механизмы создания «низовых утопий» — пространств критики и воображения альтернативных способов жизни — в современной России и понять, как на них влияют трансформации цифровых технологий и тенденции в повседневной риторике, какие эффекты они оказывают (или нет) на индивидуальных и коллективных субъектов. С другой стороны, исследование антиэйджистских ВК-сообществ дает возможность пересмотреть и дополнить интеллектуальную историю социально-критического языка описания и анализа детства, в то же время проблематизируя эпистемологический потенциал его категориального аппарата.

Степень изученности темы

Тема диссертации объединяет три проблематики исследований детства, к которым обращались представители разных гуманитарных дисциплин — это 1) вопросы об агентах производства знания о детях и детстве, 2) о практиках соучастия подростков в публичной сфере, 3) об отношениях между детством и утопией. Эти три направления во многом пересекаются между собой, но, как показано далее, каждое из них ставит разные вопросы к материалу, учитывая которые возможно четче определить положения данного исследования.

Очевидно, что определенный взгляд на то, кто такие дети, на что они способны или не способны и какое место они занимают в социальном мире, транслируют совершенно разные и типологически несопоставимые акторы: так, это могут быть институциональные площадки, какими предстает школьная система в работах Филиппа Арьеса [Арьес 1999] или Мишеля Фуко [Foucault 2020]; интеллектуалы и целые направления в детских исследованиях, чьи идеи влияют как на государственную политику, так и на публичную риторику «детского вопроса» [Turmel 2008; Димке 2013; Дуденкова 2014]; или объекты

материального мира — здания и планировка школ или детских музеев, игрушки, — которые посредством формирования определенных техник тела и сценариев детского поведения проецируют представления бюрократов, архитекторов и дизайнеров о детях и подростках [Boddington, Boys 2011; Брендоу-Фаллер 2021]. В исследовательской перспективе в качестве агентов по производству знания о детстве и детском чаще всего рассматриваются профессиональные сообщества или акторы: их опознают как последователей или противников различных интеллектуальных традиций, а их педагогические или академические концепции детства возводят к философии Просвещения, романтизма, социалистического проекта и т. д. Хотя легитимация языковых и интеллектуальных ходов, как и самой роли агента производства знания о детском, в антиэйджистских веб-сообществах устроена по-другому (как в связи с особенностями функционирования медиасреды, так и в результате специфической для каждого ВК-сообщества опознаваемой роли в публичной сфере) — прием реконструкции интеллектуальных контекстов, в которые погружены анализируемые авторами педагогические и профессиональные концепции детства, стал продуктивным ходом для осмысления антиэйджизма. Этот шаг в академическом тексте в каком-то смысле конвенционален и не требует специального обоснования (хотя его часто обходят стороной исследователи, работающие с представлениями несовершеннолетних о детстве [Taft 2011; Jenkins et al. 2016]). При анализе антиэйджистских веб-сообществ реконструкция интеллектуальных контекстов выполняет не историографическую функцию, а аналитическую. Такая техника позволяет не только дескриптивно представить разные, иногда исторически далекие, но концептуально близкие проекты воображения детства, но и работать с вопросами, которые они поднимали, конвенциями, которые они принимали, оспаривали или, возможно, полемически игнорировали, контекстами, в которых эти проекты обретали свою форму, и адресатами, к которым они обращались.

Диссертация опирается на теоретические и этнографические результаты исследований, посвященных детскому и подростковому коллективному участию в публичной сфере, суб(контр)культурным объединениям несовершеннолетних и их практикам сопротивления. Это направление в отечественной антропологии и социологии представлено работами, в которых рассматриваются молодежные политические объединения [Громов 2012], субкультуры [Щепанская 2004; Громов 2008; Головин, Лурье 2008; Громов 2009], солидарности и культурные сцены [Омельченко, Сабирова 2011; Омельченко 2020]. В западноевропейской и североамериканской академии исследователи фокусируют свое внимание на практиках сопротивления и организации альтернативных языков и форм соучастия: как группы подростков-активистов используют мемы и

видеоблоги для привлечения внимания к важным, по их мнению, общественным вопросам [Jenkins et al. 2016]; как дети-протестующие изобретают способы «радикального» политического участия, противопоставляя себя взрослым, только «играющим в политику» [Dagisi 2013]; как подростки пересобирают формат манифеста в качестве автобиографической практики, позволяющей им опознать в себе активистов [Gonick et al. 2021]. В этих и ряде других исследований представления о детстве, которые имплицитно влияют как на содержание активистских движений, так и на саморепрезентацию участников, появляются в качестве способа утвердить (или скорее подтвердить) идею авторов о существовании специфического детского взгляда на мир. Под другим углом рассматриваются представления о детском и детстве в работе Хавы Рейчел Гордон. В исследовании, посвященном активистским движениям подростков в Окленде и Портленде, автор описывает, как концепция возрастного неравенства, с одной стороны, приобретает уникальную интерпретацию в каждом из движений в зависимости от пережитых сообществом событий и социально-культурных характеристик участников, и с другой — влияет на стратегии партнерских отношений с взрослыми и публичную репрезентацию движения [Gordon 2007; Gordon 2010]. Таким образом, представления о детском здесь оказываются не элементом эссенциалистских или конструктивистских тезисов, выведенных из анализа феноменов детских культур, а понимаются как стратегически развернутая дискурсивная форма, которая контекстуально и исторически специфична и влияет на план повседневных интеракций самих подростков. Стиль аналитической работы Гордон позволяет поместить ее текст в традицию исследований сопротивления, авторы которых отошли от производства дескрипций идеологического содержания социальных движений и переключили свое внимание на эффекты, которые локальные интерпретации «угнетения», «дискриминации» или других категорий оказывают на практику активистов [Graeber 2009; Брубейкер 2012; Postill 2024]. В этой перспективе сопротивление понимается не как конкретная и устойчивая форма социального действия, особая для каждой специфической группы, а как процесс, посредством которого создаются альтернативные отношения и интерпретативные модели [Courpasson, Vallas 2016: 8].

Исследовательский контекст проектов сопротивления позволяет поставить вопросы, которые уточняют анализ производства представлений о детском и детстве в антиэйджистских ВК-сообществах: какой потенциал антиэйджисты видят в ВК-сообществах? как они позиционируют роль и значение своих интернет-пространств в более широком контексте? какие практики для них оказываются связаны с антиэйджистской деятельностью? как авторы-антиэйджисты понимают публичность и публичное пространство? С одной стороны, такой анализ тесно связан с пониманием прагматики

антиэйджистского дискурса. Определение горизонта условий — кто, на каких основаниях и с помощью каких процедур может осуществить антиэйджистское высказывание и на кого оно (должно быть) направлено — дополняет представления о контексте, в котором конкретные жанры и риторические стратегии становятся устойчивыми, то есть более привлекательными и нормативными для авторов-антиэйджистов. С другой стороны, практики соучастия сами становятся эффектами антиэйджистского дискурсивного проекта, так как антиэйджисты размышляют о медиа-форме антиэйджизма и рефлексивно выстраивают ее.

Третий исследовательский контекст, который позволяет уточнить как структуру кандидатской работы, так и вопросы к некоторым ее частям, — это исследования утопических проектов и сообществ. Так, по замечанию Питера Крафтла, большинство исследований, посвященных отношениям между детством и утопией как практикой сосредоточены на педагогике и ее преобразовательном (чаще эмансипаторном) потенциале [Kraftl 2009: 70]. «Поскольку образование по природе своей проективно, оно неотделимо от создания образа желаемого будущего и поэтому всегда связано с утопией» [Кукулин и др. 2015: 12]. Реализованная через образовательные практики утопия появляется в исследованиях не только как аналитическое заключение о профессиональных педагогических проектах (например, при рассмотрении модели образования Джона Дьюи, коммун Антона Семеновича Макаренко и свердловского клуба Владислава Петровича Крапивина, педагогических тактик «Артека» и «Орленка» [Freeman-Moir 2011; Димке 2018: 20, 54–56; Козлова 2020]), но и как наблюдаемый эффект вернакулярных подростковых групп и объединений (здесь можно вспомнить фанатские форумы по «Гарри Поттеру», появляющиеся в исследованиях Генри Дженкинса и Натальи Самутиной, сообщества авторов-активистов в исследованиях Найла Нэнс-Кэрролла, Адель Павлидис и Симоны Фуллагар [Jenkins 2006: 169–205; Самутина 2013; Nance-Carroll 2021; Pavlidis, Fullagar 2014]).

Обобщая результаты вышеупомянутых исследований, можно сказать, что посредством педагогических проектов и низовых образовательных инициатив происходит создание альтернативного социального пространства, внутри которого не только изменяются способы понимания и описания детского, но и формируются технологии работы с собой и миром, подразумевающие преобразование повседневности. Сообщества, которые создают и занимают такие альтернативные социальные пространства, Дарья Димке определяет как «утопические». Нарратив ее исследования, посвященного Фрунзенской коммуне, выстроен через анализ коммуникативных стратегий и ритуалов, соотносящихся с утопическим воспитательным проектом, разработанным Игорем Петровичем Ивановым и

преобразованным вожатыми-активистами и пионерами [Димке 2018]. В том же ракурсе утопических техник, но не упоминая сам термин, пишет Майке Баадер о «детской агентности», которая дискурсивно производилась в немецких активистских движениях Kinderladen и Schülerladen⁵ в 1970-х годах [Baader 2016]. Предполагалось, что в пространствах «детских» и «школьных магазинов» дети и ученики младшей школы будут самостоятельно определять внутреннюю организацию социальной и материальной среды, устанавливать правила, моделировать и претворять в жизнь поведенческие модели свободных субъектов, соразмерных надеждам о новом обществе после 1968 года. Оба этих исследования описывают проекты, которые противопоставляют себя большим нарративам о детстве, находятся в позиции критики к принятым конвенциям о статусе детей и о нормативных отношениях с ними, но самое главное — предполагают активное включение детей и подростков как агентов по воплощению утопического проекта и управлению им. Авторы этих работ ставят вопросы к материалу, которые наиболее близки к проблематике данного диссертационного исследования: какие отношения выстраиваются между представлениями участников «утопических сообществ» (Коммуны, активистов или антиэйджистских групп и пабликов) о детях и подростках как об агентных субъектах с «официальным» контекстом и контекстом самого коллектива? как эти представления реализуются в качестве элемента их жизненного мира? Чтобы избежать того эффекта, который производят композиции книги Димке⁶ и работы Баадер, — а именно исчезновения субъектов действия за описанием техник преобразования себя и мира, — и в рамках полевой работы, и в структуре исследования основной акцент ставится на самих участниках антиэйджистских веб-сообществ, который достигается посредством этнографического описания их представлений и практик.

Теория и методы

Для решения задач исследовательского проекта и анализа материалов полевой работы данная диссертация опирается на методы и концептуальный аппарат истории идей, исследований идеологий и публичной сферы, цифровой антропологии и этнографии

⁵ Kinderladen и Schülerladen получили название из-за зданий бывших продуктовых магазинов, которые передавались детям и школьникам для реализации проектов самоуправления.

⁶ Стоит оговориться, что фокус на самих участниках, который интересует меня в этой работе, появляется в работах Димке: в шестой главе «Коммунары и окружающий мир: Коммуна как “секта”» и в статье «Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной» [Димке 2015; Димке 2018: 224–249].

соцсетей. Каждая глава начинается с описания теоретических пресуппозиций и задействованного в анализе категориального аппарата.

Цифровая антропология: методы полевой работы в онлайн-пространствах⁷

В начале 2000-х годов появление и распространение графических многопользовательских онлайн-игр и виртуальных миров, которые цитировали представления о физическом мире с «местами и пространствами, телами и объектами» [Boellstorff et al. 2012: 122], спровоцировало изобретение в цифровой антропологии методологического проекта, который предполагал воспроизведение «классической» полевой работы в самих онлайн-мирах с помощью аватара исследователя. Том Боллсторфф, Бонни Нарди, Селия Пирс и Т.Л. Тэйлор были уверены, что «цифровое» можно исследовать не только подсматривая за практиками пользователей онлайн, фиксируя техники использования технологий «через плечо» информантов или с помощью бесед об их цифровом опыте, но и в режиме «полевого антропологического исследования» — то есть проводя включенное наблюдение, или соприсутствуя с информантами в онлайн-пространствах⁸ [Ibid: 51]. Буквально переписывая свой методологический проект по фрагментам из «Аргонавтов западной части Тихого океана» Бронислава Малиновского, авторы описывают методы своей работы как поведение полевого антрополога на виртуальных Тробрианах: продолжительное проживание с исследуемым сообществом и детальная реконструкция жизни, рутины и событий, привычек и правил; «глубокое погружение», предполагающее не просто техники наблюдения за повседневностью, но ее стратегическое проживание совместно с информантами; исследование через взаимодействие между информантами и антропологом лицом к лицу (точнее, между аватарами информантов и антрополога лицом к лицу) [Ibid: 29–51, 65–91]. Согласно антропологам виртуальных миров, такие онлайн-игры, как *Second Life* и *World of Warcraft*, должны быть описаны как места «в их собственных терминах», как самостоятельный и требующий отдельного осмысления контекст, который структурирует то, как

⁷ Более подробно положения этого раздела представлены в статье «Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн полях» [Прус 2025]. Эти же тезисы раскрыты под другими углами в рецензии на книгу Роджерса Брубейкера [Прус 2024: 231–233] и в реплике в Антропологическом форуме [Форум 2023: 108–115].

⁸ Чтобы сделать акцент на участии антрополога в жизни информантов, Пирс предлагает уточнять «включенное наблюдение» с помощью нового понятия «соучастное вовлечение» (participant engagement) [Pearce, Artemisia 2009: 210–211, 231–234]. Таким образом, там, где виртуальная этнография 1990-х и 2000-х пыталась легитимировать в качестве метода антропологии «включенное наблюдение» как наблюдение без взаимодействия, авторы программы классической полевой работы онлайн сосредоточились именно на отношениях между антропологом и информантами и их соучастии в производстве знания.

взаимодействуют люди со средой и объектами и как люди выстраивают отношения друг с другом [Boellstorff 2008: 60–66; Nardi 2010: 29; Boellstorff et al. 2012: 39, 68–69, 147].

В отличие от виртуальных миров, которые за счет феноменологического и визуального удвоения реальности позволяли концептуально переносить и поле, и полевую практику, и тело антрополога в цифровую реальность, для Боллсторфа и его коллег социальные сети уже не подлежали обоснованию в качестве мест для полевой работы и понимались только как медиа, посредники коммуникации [Boellstorff 2008: 257; Boellstorff et al. 2012: 7–8].

Именно в качестве полевых мест социальные сети станут предметом рефлексии Джона Постилла, Сары Пинк и Джошуа Блюто. Они предлагают сделать цифровые практики пользователей предметом антропологического анализа и исследовать их методами конвенциональной полевой работы [Postill, Pink 2012; Bluteau 2021]. Эта перспектива требует от исследователей социальных медиа остранить собственный цифровой опыт и проблематизировать то, как другие пользователи пишут публикации, сообщения, обмениваются постами и ссылками, комментируют или организуют свои страницы. Этим простым, казалось бы, ходом — снять с цифровых практик ореол универсальности и увидеть их локальную природу в рамках конкретного фрагмента интернета — указанные выше авторы вводят важный методологический принцип, который позволяет работать лицом к лицу с другими людьми в текстоцентричных онлайн-пространствах, анализировать социальность, которая формируется благодаря взаимодействию людей друг с другом и с окружающей средой, с конкретными социальными медиа.

Данное диссертационное исследование строится на материалах полевой работы в онлайн-сеттинге, которая наследует концептуальным и методологическим положениям «классической» полевой работы, как сформулировали упомянутые выше цифровые антропологи-полевики, но в то же время учитывает ее современную критику, такую как внимание к политическому измерению локальности [Gupta, Ferguson 1997: 36–37] и требование к исторической контекстуализации, к работе с полевым местом как с фрагментом современности, который обладает исторической глубиной и динамикой трансформаций [Comaroff, Comaroff 1992: 23–25].

Эмпирическая база

Этнографический материал, цитируемый в работе, собран в период с 2020 по 2024 год и включает архив публикаций, полевые дневники наблюдения в пабликах и чатах, интервью с активными участниками и администраторами антиэйджистских веб-сообществ.

Собранный архив публикаций⁹ содержит:

— 6 164 записи веб-сообщества «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР [БОРЬБА ЗА РАВНОПРАВИЕ]»¹⁰; опубликованы в период с 31.08.2012 по 14.01.2025.

— 247 записей веб-сообщества «АЭК: антиэйджистская коалиция»; опубликованы в период с 04.10.2019 по 25.08.2024.

— 571 запись веб-сообщества «Подслушано: эйджизм»; опубликованы в период с 24.01.2019 по 24.02.2022.

— 385 записей веб-сообщества «Голос неголосующих»; опубликованы в период с 19.07.2020 по 26.06.2024.

Чтобы учесть изменения в оформлении групп и пабликов, отредактированные и удаленные публикации и комментарии, был добавлен еще один источник материала — веб-архив исследуемых веб-сообществ, расположенный на платформе Wayback Machine.

Материалы медиа-архива позволили проанализировать процессы производства антиэйджистского дискурса, изменения риторических стратегий и способов фреймирования антиэйджистских высказываний — вопросы, которые ставятся во второй главе диссертации. Для реконструкции историко-культурного контекста антиэйджизма веб-сообществ ВКонтакте применялись специализированная литература, архивные документы, законодательные акты, произведения культурной индустрии, которые позволяли понять политическую и общественную рецепцию «детского вопроса» в современной России, риторические стратегии и идеологемы, актуальные для русскоязычной публичной сферы.

В то же время некоторые публикации и комментарии, собранные как часть медиа-архива для диссертации, предоставляют информацию об утверждении, отказе или критике установленных в веб-сообществах коммуникативных норм и режимов публичности. При анализе эта информация дополняет полевые наблюдения за взаимодействиями между участниками, материалы, полученные в ходе интервью и разговоров с информантами, архивные документы, законодательные акты, специализированную литературу, посвященную русскоязычному сегменту интернета. Все вместе они выступают важным

⁹ Записи антиэйджистских ВК-сообществ опубликованы в открытом доступе. Авторская орфография и пунктуация сохранены во всех цитируемых далее публикациях и комментариях.

¹⁰ Паблик «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР (БОРЬБА ЗА РАВНОПРАВИЕ)» имеет две веб-страницы: официальное ВК-сообщество, созданное в 2012 году (<https://vk.com/joinbZR>), и вторая страница от 2013 года, выполняющая функцию архива или дублера ленты первой группы (https://vk.com/bZR_jumor). Основное повествование идет об официальном ВК-сообществе.

источником данных для реконструкции социотехнологических условий производства антиэйджистского дискурса и истории антиэйджистских ВК-сообществ, которым посвящена первая глава.

В третьей главе реконструируется история антиэйджизма как идеи о дискриминации детей и подростков посредством обращения к созданным за пределами России и русскоязычного пространства дискурсивным проектам, в которых концепция угнетения детей и подростков изобреталась и использовалась как самостоятельная социальная и теоретическая проблема. Одним из маркеров таких проектов выступает использование специальных терминов — в данном случае, понятия *ageism*, *adultism* и *childism*. Среди таких проектов можно назвать подростковые активистские организации Youth Liberation, Students Rise Up, Youth Power и NYRA (National Youth Rights Association), самиздатский журнал «No! Against Adult Supremacy», академические направления, основанные Элизабет Янг-Брюль и Джоном Воллом, и другие упомянутые в диссертации примеры антиэйджистской дискурсивной работы.

За четыре года работы с антиэйджистами со мной вышло на связь и регулярно поддерживало общение 18 пользователей, примерно 2/3 из общего числа активных в этот период авторов, администраторов и участников антиэйджистских ВК-пабликов. Эта оценка состава антиэйджистских веб-сообществ основана на моих личных наблюдениях во время полевой работы в пабликах и чатах и соответствует мнению моих информантов. Мои собеседницы, администраторы антиэйджистских ВК-сообществ Аня и Катя предполагали, что с момента появления чата БЗР в 2016 году и до нашего разговора можно вспомнить около 50–60 участников, которые появлялись в качестве активных авторов или завсегдатаев беседы (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ¹¹; 21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). К 2020 году, к началу моего поля, публиковали тексты и общались в этом чате около 30 антиэйджистов. В чате паблика «Голос неголосующих», который стал альтернативной площадкой для активных антиэйджистов последних лет, состояло примерно 20 человек¹², так как в него не входили администраторы пабликов БЗР, АЭК и «Подслушано: эйджизм».

С моими собеседницами и собеседниками мы встречались как минимум для одного большого разговора, в ходе которого я касалась трех тем: биография (отношения с родителями, учителями, сверстниками, школьная повседневность), медиа (пользовательский опыт, отношение к интернету, медиа-привычки) и участие в

¹¹ Все имена информантов были изменены. «12 лет в АЭ» — сокращение от «12 лет в антиэйджизме», которое означает период времени с момента знакомства информанта с любым антиэйджистским ВК-сообществом до даты проведения интервью.

¹² Периодически в чат «Голоса» заходили новые участники, а некоторые были исключены, но с лета 2021 года и до закрытия чата в 2022 году в нем было не больше 25 человек.

антиэйджистских пабликах. За единственным исключением с информантами я никогда не встречалась оффлайн, так же, как и они друг с другом, — все мы проживали в разных городах и взаимодействовали исключительно онлайн. После интервью мы продолжали общаться в коллективных и индивидуальных чатах или с помощью видео- или аудиозвонков, в ходе которых могли вести как большие разговоры о формах несправедливости к несовершеннолетним, так и общение в формате «как дела?», коротких бесед о происходящем в школе, в России и мире. Все эти материалы позволили реконструировать контексты, в которых участие в антиэйджистских веб-сообществах ВКонтакте обрело значение и значимость для моих информантов. В то же время как интервью, так и регулярные взаимодействия позволяли увидеть антиэйджизм не только как медиа-феномен, опубликованные тексты и ВК-сообщества, но и как интерпретативную технику, программу социального воображения и жизни моих информантов — сюжеты, которым посвящена четвертая глава диссертации.

Научная новизна исследования

Данная диссертация представляет единственное на сегодняшний день исследование антиэйджистского дискурсивного проекта в России. В рамках диссертации представлен аналитический подход, нехарактерный для исследований детства, в котором дискурсивный проект несовершеннолетних рассматривается как проект знания, обладающий собственной интеллектуальной историей. В этой перспективе антиэйджистский дискурс может сопоставляться с представлениями и концепциями о детстве, сформулированными академическими теоретиками, политиками и активистами, с одной стороны, с другой — пониматься в более широком контексте становления и распространения языка критических теорий социального доминирования и влияния гуманитарного знания на социальное воображение и повседневность субъектов. Диссертация вводит в научный оборот корпус этнографических данных о низовой социальной критике в русскоязычном интернете 2010-х годов¹³.

Кроме того, эта работа — одно из немногих антропологических исследований подростковых медиа-практик и медиа-практик в целом, которое написано с опорой на полевую работу в онлайн-сеттинге. Диссертация содержит методологическую рефлексию о том, как может проводиться цифровое исследование в соответствии с антропологическими

¹³ См. примеры подобных исследовательских вопросов, решенных исключительно анализом публикаций [Никипорец-Такигава, Паин 2016].

конвенциями о полевых методах, и эмпирические результаты и аналитические заключения, позволяющие говорить о преимуществах и ограничениях цифровых полевых исследований.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте, созданные несовершеннолетними и молодыми людьми и предназначенные для них, становились пространствами, которые провоцировали и рационализировали критику повседневной жизни, социальных норм и категориальных аппаратов, задавая ей конкретную тему — детско-взрослые отношения.

2. Осмысление детско-взрослых отношений в антиэйджистских ВК-сообществах опирается на три дискурсивных порядка, которые становились доминирующими в разные периоды существования групп и пабликов: «дискурс травмы» (2012–2015 гг.), риторически представляющий детство как период постоянных обид, наносимых взрослым миром; «дискурс угнетения» (с 2015 г.), сопровождавшийся появлением обобщенных рассуждений о дискриминирующем языке или об экономическом (и политическом) угнетении несовершеннолетних; и «терапевтический дискурс» (с 2018 г.), предполагавший новую форму автобиографического повествования с акцентом на связи психологических и эмоциональных страданий с тотальной несправедливостью по отношению к несовершеннолетним.

3. Трансформации инфраструктуры и нормативного поведения в соцсети ВКонтакте повлияли на производство антиэйджистского дискурса. Представления о свободных форумах и формат открытой «ленты» обусловили производство групповой идентичности антиэйджистов за счет наращивания личных свидетельств несправедливости, а нормализованное к середине 2010-х гг. отношение к веб-сообществам как к управляемым интернет-площадкам привело к модерации контента, что способствовало выработке мета-критического антиэйджистского дискурса.

4. Русскоязычный антиэйджистский дискурсивный проект типологически сопоставим с рефлексией последователей новой социологии детства. Авторы академической теории угнетения несовершеннолетних и ее вернакулярной версии в антиэйджистских ВК-сообществах, не имея никакого прямого отношения друг к другу, опирались на конструктивистские идеи об организации социального мира, искали скрытые отношения доминирования, составляющие тотальную систему угнетения, мобилизовали риторику социальной справедливости, заимствовали из феминистского дискурса логику

построения интерпретаций и специфический вокабуляр для описания и анализа положения детей и подростков.

5. Антиэйджизм манифестируется не только в виде публикаций, но и как своеобразный способ самоидентификации и целенаправленной работы с собственной биографией, повседневностью и отношениями с другими. Этот акцент на житнетворчестве позволяет говорить о типологической сопоставимости антиэйджистских ВК-сообществ с утопическими сообществами, превращающими идеологемы в практики изменения себя.

6. Антиэйджизм функционирует как высокоэффективная интерпретативная техника, которая позволяет увидеть вызывающий вопросы и недоумение социальный мир как объяснимый и последовательный, переводя любые ситуации и отношения на язык возмущения несправедливостью к детям и подросткам — будь то строгость родителей, пренебрежение со стороны знакомых, подчиняющая школьная повседневность или наблюдаемые в окружающем обществе насилие, аномия и апатия.

7. Кейс антиэйджистских ВК-сообществ позволяет увидеть, что приемы критической теории и социально-конструктивистской парадигмы могут функционировать вне академического и активистского праксиса в виде повседневных лексиконов и риторических конструкций и могут участвовать в создании дискурсивных пространств, в которых возможно не только подвергать сомнению нарративы о детстве и родительстве, здравый смысл и законодательные проекты, но и ставить неудобные вопросы самим себе и культивировать практику вопрошания как повседневное упражнение.

8. Классическая модель полевой работы Б. Малиновского может выступать как концептуальным, так и методологическим основанием для проведения цифрового полевого исследования в социальных медиа. Она предполагает проживание онлайн повседневности совместно с информантами, описание конкретного полевого интернет-места в его собственных терминах и проблематизацию возникающих в нем практик и социальных отношений.

Теоретическая и практическая значимость работы

Научная значимость исследования обусловлена рядом представленных в нем теоретических рассуждений, которые оказались возможны благодаря длительной этнографической работе. В рамках антропологического исследования антиэйджистских веб-сообществ в представленной диссертации удалось проблематизировать роль цифровых практик и цифрового контекста в производстве вернакулярной критической теории, описывающей взаимоотношения, или скорее конфликт, между возрастными группами. В то

же время проработка интеллектуального контекста тех риторических и интерпретативных приемов, которые использовали авторы-антиэйджисты, показала механизмы производства и воспроизводства, трансфера и редактирования социально-конструктивистских идей, функционирующих вне академического и вне активистского праксиса. Эти же теоретические заключения позволили поставить критические вопросы к существующему языку описания и анализа детства в гуманитарных исследованиях, показав их альтернативные модусы функционирования в качестве категорий практики, ангажированных концепций, обладающих социальными и политическими эффектами и конкретным историческим контекстом создания. Результаты полевой работы позволили на эмпирическом материале проблематизировать и показать процессы превращения дискурсивных форм в практически применимое знание, в программы воображения и преобразования субъекта и жизни как таковой.

Материалы диссертационного исследования значимы и в методологической перспективе: в них содержатся разработанная программа проведения полевого антропологического исследования в онлайн-сеттинге, ее историография, рефлексия об эпистемологических основаниях и практических приемах ее реализации.

Отдельные положения диссертации могут быть использованы для подготовки лекционных и семинарских занятий по антропологии детства, антропологии знания и критических теорий, цифровой антропологии и цифровым полевым исследованиям.

Степень достоверности и апробация результатов

Результаты диссертационного исследования были представлены в ряде докладов на научных мероприятиях: доклад «Мелодрамы повседневной жизни: нарративные стратегии и социотехнологические режимы в ВК-пабликах “Подслушано”» на Всероссийской научной конференции «Словесность и (новые) медиа» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург. 29–31 октября 2025); доклад «Изобретая антиэйджизм: паблики ВКонтакте и техники самодисциплины» на международной научной конференции Центра молодежных исследований «Агентность и устойчивость молодежи в эпоху глобальных вызовов» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. 31 октября – 1 ноября 2024); доклад «Child at the Center of Children’s Debate: Discrimination against Children and Adolescents and its Definitional Dilemmas» на восьмой ежегодной конференции, посвященной детям и подросткам (The 8th International Conference on Childhood and Adolescence (ICCA), Peniche, the Portuguese Republic. 24–26 января 2024); доклад «“Что бы сделал Малиновский?”»: как цифровая антропология реанимировала классическую полевую

работу» на II Всероссийской научной конференции «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (НИУ ВШЭ, Москва. 11–12 декабря 2023); доклад «“ДЕТИ-ТОЖЕ ЛЮДИ!”: риторика угнетения в антиэйджистских пабликах ВКонтакте» на междисциплинарной конференции «Быть как дети? Инфантилизация и границы взросления сегодня» (Европейский университет в Санкт-Петербурге. 19–20 ноября 2021); доклад «От “тупого быдла” в интернете до нового героя протестов: прозвище “школота” как место воображения подросткового участия в публичной сфере» на конференции «Общее место: риторика, политика, культурная память» (Лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, Москва. 30 сентября – 02 октября 2021).

Материалы диссертации были использованы для подготовки лекций о цифровой антропологии и цифровых полевых исследованиях в рамках магистерской образовательной программы «Цифровые методы в гуманитарных исследованиях» Университета ИТМО в 2023 и 2024 году.

Некоторые фрагменты диссертационного исследования обсуждались на полевых и исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в девяти работах, личный вклад автора составляет 12,3 а.л. Четыре исследовательские статьи опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, личный вклад автора составляет 8,3 а.л.:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

- 1) Прус И. В. Полевая работа в антиэйджистских пабликах «ВКонтакте»: проблемы методологических стратегий // Антропологический форум. 2025. No. 67. С. 181–208. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-181-208.
- 2) Прус И. В. Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн полях // Этнографическое обозрение. 2025. No. 2. С. 226–248. doi: 10.31857/S0869541525020125.
- 3) Прус И. В. Справедливость для детей и подростков: критическая теория и антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте // Антропологический форум. 2024. No. 61. С. 11–52. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-11-52.

- 4) Прус И. В. От «тупого быдла» в интернете до нового героя протестов: дисфемизм школоты и репрезентации подросткового участия в публичной сфере // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. No. 1. С. 163–184. doi: 10.22394/2412-9410-2023-9-1-163-184.
- 5) Прус И. Рец. на кн.: Лоу С. Пространственное Воплощение Культуры: Этнография Пространства и Места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с. // Антропологический форум. 2025. No. 65. С. 244–253. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-244-253.
- 6) Прус И. Рец. на кн.: Rogers Brubaker. Hyperconnectivity and Its Discontents. Hoboken, NJ: Polity, 2023. XI+264 p. // Антропологический форум. 2024. No. 63. С. 223–237. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-223-237.
- 7) Прус И. В. Рец. на кн.: Shai M. Dromi and Samuel D. Stabler. Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science. Chicago: University of Chicago Press, 2023 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2024. Vol. 16. No. 3. С. 165–168. doi: 10.53483/2078-1938-2024-16-3-165-168.
- 8) Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. No. 58. С. 108–115.

Публикации в других научных изданиях:

- 9) Prus I. Reinventing ordinary life: Melodramatic narratives in Russian social network Vkontakte // M. Balina, D. Adachi (eds.) Melodramatic Russia. Toronto: University of Toronto Press (Принята к публикации).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, списка использованной литературы и списка участников исследования. Во Введении обоснована актуальность темы исследования, представлена степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи, описана теоретическая, методологическая и эмпирическая база исследования, перечислены положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте: история создания и режимы публичности» посвящена условиям производства антиэйджизма, а именно технологическому и связанному с ним социально-культурному ландшафту социальной сети ВКонтакте. В этой части диссертации представлена история создания и изменения антиэйджистских групп и пабликов, анализ тех коммуникативных возможностей, которые могли осуществиться в соцсети ВКонтакте, и тех, которые избирали администраторы и модераторы-антиэйджисты. Рассказы информантов и задокументированная в «ленте» история русскоязычного антиэйджизма помещаются в контекст обновлений платформы и государственной политики в отношении интернета и соотносятся с изменениями представлений создателей ВКонтакте о том, как должна работать соцсеть. Выводы этой главы состоят в установлении динамики режимов публичности, в которых происходит производство антиэйджистского дискурса, и в выдвижении тезиса о специфике антиэйджистских ВК-сообществ как пространств низового выражения несогласия.

Вторая глава «Производство антиэйджистского дискурса» строится на анализе дискурсивных стратегий в антиэйджистских ВК-сообществах. В этой главе представлены три варианта производства антиэйджистского дискурсивного проекта в зависимости от техник интерпретации детско-взрослых отношений — как групповой травмы, системы угнетения или источника психологического и эмоционального страдания. Анализ риторических фреймов и соответствующих им жанров публикаций (или дискурсивного порядка) дополняет рассмотрение контекстов их появления в антиэйджистских ВК-сообществах, способов их обоснования и условий, при которых они становились доминирующими в определенные периоды антиэйджистского проекта.

В третьей главе «Исторический и интеллектуальный контекст антиэйджистских теорий» была реконструирована история антиэйджизма как концепции угнетения несовершеннолетних на материалах англоязычных активистских и исследовательских проектов. Эта глава предоставляет сравнительный материал для анализа русскоязычного антиэйджизма ВКонтакте, позволяет подсветить особенности его возникновения и

функционирования, с одной стороны, и поместить его в более широкий интеллектуальный контекст, с другой.

В четвертой главе «Антиэджистский текст: между риторическим приемом и искусством существования» рассматривается, как антиэджистский текст не только артикулируется в пространстве публика, но и воплощается в социальном воображении антиэджистов. В этой части диссертации представлен анализ разговоров с участниками антиэджистских ВК-сообществ, выделено то, как участие в антиэджизме и опыт чтения и производства публикаций проявляется в их рассказах о собственной жизни, о своем прошлом и настоящем, отношениях с другими и окружающим миром. Таким образом, в повествовании исследования совершается переход от угнетения несовершеннолетних как текстуального мотива к техникам, которые антиэджисты используют при воображении и репрезентации себя и других.

В Заключении обобщаются все сделанные этнографические наблюдения. На основании проведенного цифрового полевого исследования и полученных материалов предложены некоторые возможные траектории развития антропологии низовой социальной критики в России и антропологии русскоязычного сегмента интернета.

Глава 1. Антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте: история создания и режимы публичности

В этой главе я реконструирую и анализирую историю возникновения и трансформаций антиэйджистских ВК-сообществ, последовательно останавливаясь на каждом из них.

Для описания и анализа веб-сообществ ВКонтакте как специфических пространств производства антиэйджизма я обращаюсь к методологической перспективе «режимов публичности», разработанной в сборнике «Несовершенная публичная сфера...» Михаилом Велижевым, Татьяной Вайзер и Тимуром Атнашевым [Атнашев, Велижев, Вайзер 2021: 26]. Авторы, опираясь на работы Юргена Хабермаса и их критику, формулируют исследование «режимов публичности» как анализ того, как публичные *тексты* (в широком смысле) обретают вес и значимость, задают конвенции и правила публичных высказываний в различных жанрах, а также рамки возможных реакций. Благодаря этой перспективе я рассматриваю антиэйджистские группы и паблики ВКонтакте как «локальные публичные места», которые поддерживают разные варианты «режимов публичности»¹⁴. Я предполагаю, что анализ конкретных практик коммуникации и форм участия, которые структурируют жизнь того, что мы привыкли видеть как «сообщество» в интернете, помогает преодолеть нерелексивное использование понятий «виртуальное сообщество» или «веб-сообщество» [van den Boomen 2014: 161–162].

При анализе режимов публичности в антиэйджистских веб-сообществах я выделяю а) механизмы доступа и ограничений к публикациям, комментариям и чатам; б) формальную и неформальную иерархию в группах и пабликах; в) механизмы цензуры, сложившиеся конвенции и правила, регулирующие публичные высказывания (и, соответственно, санкции за их нарушение); г) практики, формы, жанры и материальную инфраструктуру публичной коммуникации (то есть те самые пространства, которые образуются внутри веб-сообщества — «лента», коллективные чаты, комментарии к публикациям и др.); д) доминирующие представления о допустимых источниках и способах производства нормативных утверждений; е) социально-экономические, юридические и политические основания доступа к высказыванию и его ограничения.

¹⁴ В терминах Нэнси Фрейзер, антиэйджистские веб-сообщества оказываются «слабыми публиками», так как не имеют юридической и политической силы и не могут принимать политические решения [Атнашев, Велижев, Вайзер 2021: 40]. В этой работе меня интересует не место антиэйджистских групп и пабликов по отношению к другим игрокам публичной сферы, но то, как участники воображают структуру веб-сообществ, их функцию и роль как публичного пространства.

Опираясь на теоретические размышления Дэны Бойд и Элис Марвик о пользовательских представлениях о приватности и публичности цифровых пространств [Marwick et al. 2017; бойд 2020], я ввожу дополнительное измерение к анализу антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте, уточняющее их восприятие именно как интернет-площадок: как, зачем и для кого функционирует и должна функционировать интернет-среда? кто может ее ограничивать? какие задачи решают именно ВК-сообщества, с точки зрения разработчиков платформы, администраторов и участников?

Анализ режимов публичности и представлений о коммуникации и формах участия в ВК-сообществах, предложенный в первой главе, позволяет вывести на свет прагматику антиэйджистского дискурса, понять условия формирования нормативных форм нарративов и контекст социальных эффектов антиэйджизма.

1.1. «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР»: от группы к паблику

1.1.1. Контекст возникновения первого антиэйджистского веб-сообщества

Первой веб-площадкой, на которой прозвучал антиэйджизм как заявление о несправедливости к несовершеннолетним, стал блог на платформе Блоги@Mail.ru, созданный в 2010 году КР, одним из будущих авторов ВК-сообщества БЗР. По воспоминаниям Ани, создательницы и администратора БЗР, КР просматривал публичные страницы пользователей Mail.ru и отправлял приглашение на свой блог тем, кто оставлял публикации и комментарии о защите прав детей. В 2010 году такое приглашение получила и сама Аня (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ). Восстановить информацию о том, как работал блог или что на нем публиковалось — невозможная задача. Блог был удален без сохранения записей в архив, а немногие участники, заставшие антиэйджистскую веб-страницу на Mail.ru и сохранившие интерес к антиэйджизму сегодня, не помнят детали происходящего.

К 2012 году Блоги@Mail.ru начали терять свою аудиторию, и к концу 2013 года разработчики технически ограничили возможность публиковать новые записи, тем самым фиксируя прекращение работы проекта [Mail.ru тихо закрыл 2013]. В 2012 году Аня создает группу БЗР на платформе ВКонтакте, которая к этому времени из закрытой студенческой сети превратилась в один из самых крупных российских интернет-проектов. Именно ВК-группа БЗР стала началом существования антиэйджистского движения в русскоязычном сегменте интернета. Большинство детей и подростков, которые считают себя антиэйджистами, впервые сталкивались именно с группой БЗР и, ретроспективно,

воспринимают ее как школу антиэйджизма: все мои информанты начинали с чтения публикаций БЗР и в первую очередь рассказывали про этот «флагман антиэйджистского движения» (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). Даже несмотря на то, что несогласие со стилем обсуждения «детского вопроса» и с действиями руководителей БЗР привело к расколу на несколько разных ВК-сообществ, участники так или иначе обращаются к антиэйджистскому дискурсу в варианте БЗР — перенимая, реформируя или оспаривая их язык и риторические стратегии.

На выбор ВКонтакте создателями БЗР скорее всего повлияли и популярность социальной сети, ставшей самой посещаемой среди русскоязычных пользователей в 2011 году [ВКонтакте самая 2011; Россияне в сети 2012], и сложившиеся представления о структурной иерархии русскоязычного сегмента интернета. Так, создательница БЗР отмечала, что воспринимала Mail.ru и ВКонтакте как площадки «более молодой и активной аудитории» по сравнению с другими социальными сетями (04.03.2022: Аня)¹⁵. Рассуждения о том, что Facebook* и LiveJournal — «взрослые» и «интеллектуальные» платформы, а ВКонтакте — «студенческая», «подростковая» и «детская» соцсеть, функционировали как здравый смысл на рубеже 2000-х и 2010-х годов [Горный 2009: 116, 124–127]. Подобная вернакулярная социология онлайн-площадок входит в более объемный дискурс о возрастной сегрегации интернета и соседствует, например, с риторикой, в которой «свой» интернет противопоставляется интернету «школоты» среди пользователей LiveJournal и ВКонтакте [Прус 2023: 167–172], или с предложениями о введении специального «детского Интернета», выдвигаемыми как чиновниками, так и обычными пользователями¹⁶.

В начале 2010-х годов создание ВК-сообществ превратилось в популярную и обыденную практику: группы и паблики появлялись как у крупных компаний («Телеканал ТНТ», *vk.com/tnt*; «Nokia Mobile», *vk.com/nokiamobile*) и государственных институтов («Правительство Санкт-Петербурга», *vk.com/spb*), так и у отдельных пользователей¹⁷. В 2010–2013 годах ВКонтакте стал площадкой деятельности локальных активистов и представителей гражданских движений, а исследователи наблюдали резкий рост числа

¹⁵ Типологически похожие сюжеты о том, как воображение аудитории, в том числе через категории возраста, влияют на практики пользователей, исследователи отмечали для соцсетей Facebook* и MySpace [boyd 2011; Miltner, Gerrard 2022].

¹⁶ В качестве примера можно привести публикацию в группе, посвященной обновлениям ВКонтакте: «Давайте обсудим довольно интересную тему. Нужна ли в России детская социальная сеть? #livepoll В России 78% детей в возрасте от 9 до 16 лет имеют личный профиль в социальных сетях – этот показатель примерно на 20% больше, чем в странах Евросоюза. Мы должны понимать, что социальные сети, особенно, вредны для детей, т.к. содержат большое количество информации, от которой их нужно отгораживать» [Давайте обсудим 2011].

¹⁷ Например, к этому моменту уже появились крупнейшие веб-сообщества ВКонтакте — «МДК» (*vk.com/mudakoff*) и «Подслушано – Здесь говорят о тебе» (*vk.com/overhear*), породившие многочисленные эрзац-группы и паблики по содержанию и формам контента.

пабликов, так или иначе посвященных вопросам политики и идеологии [Алюков 2014: 181–183; Никипорец-Такигава, Паин 2016: 35]. В отличие от подчиненных государственному контролю газет, радио и телевидения, интернет и ВКонтакте, в частности, опознавались пользователями как пространства свободного, честного и развернутого публичного самовыражения [Клеман, Мирясова, Демидов 2010: 66–67; Руттен 2022: 319].

В то же время веб-сообщества ВКонтакте становились более заметными и как пространства низового творчества, в том числе связанного с созданием текстов различных жанров. Наталья Самутина отмечает «вторую волну исследований фанфикшн» в российской академии, спровоцированного творчеством писателей-любителей в VK-группах и пабликах [Самутина 2013: 144]. В области media studies VK-сообщества оказываются в фокусе исследований производства новых форм памяти, названных, например, Еленой Моренковой «онлайн ностальгией» («digital nostalgia») [Morenkova 2012: 44].

Стремительно растущая популярность соцсети ВКонтакте и нескончаемые инновации цифровых технологий требовали от разработчиков трансформировать платформу. Помимо громкого и оставшегося в пользовательском фольклоре перехода со «стен» на «микроблоги»¹⁸ центральным фокусом обновлений были VK-сообщества. Одним из первых таких нововведений стала созданная в 2011 году поисковая система, учитывающая не только названия, но и записи групп и пабликов. Благодаря поиску все существующие на тот момент VK-сообщества оказались публичными и легкими для доступа. Вспоминая о создании БЗР, Аня первым делом указывает на поиск сообществ единомышленников посредством этой функции соцсети:

На самом деле, мы искали. В поиск тоже вбивали. Пытались найти единомышленников. Тогда, кстати, очень много школьников создавали группы против школьной формы. Сейчас уже такого нет. Мы приходили туда, пытались кого-то привлечь. Да, тогда такое было. У этого не было какого-то потенциала. Просто появлялись такие группы, показывая, что есть такие люди, которые были против (04.03.2022: Аня).

Администраторы БЗР не нашли единомышленников среди организаторов других групп ВКонтакте, но увидели возможности для привлечения потенциально лояльной к их идеям аудитории. VK-сообщества, посвященные недовольству школьной формой, можно было обнаружить в разделе «Ссылки» на странице группы БЗР [web.archive 2013], но, как следует из слов информантки, они помещались туда не для того, чтобы действительно

¹⁸ «Дуров, верни стену» — фразеологизм, появившийся в 2010 году как реакция пользователей на изменения дизайна ВКонтакте.

связать участников, а чтобы произвести видимость и массовость распространения самой темы сопротивления несовершеннолетних.

1.1.2. Режим доступа к публикациям и неформальная иерархия в группе БЗР

В момент создания БЗР на платформе ВКонтакте существовало два формата организации коллективных страниц: группы и паблики. Группы представляли собой виртуальное пространство, разделенное на две коммуникативные опции: «лента», в которой любой пользователь или любой участник группы мог разместить публикацию, и раздел «Обсуждения», где участники создавали отдельные «треды», ветки сообщений для обсуждения определенной темы. В отличие от групп, в пабликах создание контента регулировали специально назначенные люди. Администраторы паблика могли выступать единственными авторами контента, либо они могли открыть «предложку», чтобы публиковать предлагаемые пользователями записи. Группы, которые изначально основаны на создании контента всеми участниками, такой функции были лишены. Кроме того, все обновления и публикации в пабликах оказывались в новостной ленте подписчика, в то время как участникам групп необходимо было специально заходить на страницы, чтобы увидеть новые сообщения и самим поучаствовать в дискуссии. Таким образом, выбор между группой или пабликом для антиэйджистов был тесно связан с тем, как они видят и хотят видеть антиэйджистский проект: как сформированный или обсуждаемый? как проект с лидерами и структурой или с горизонтальными сетями? как авторский проект или коллективный?

Постоянство участия и роль пионера-первооткрывателя¹⁹ антиэйджизма наделили высказывания Ани наибольшей символической значимостью, а ее представления о том, как

¹⁹ Роль пионера-первооткрывателя антиэйджизма с Аней разделяет КР, создатель блога об антиэйджизме на Mail.ru и автор в БЗР. Аня и КР, например, из всего коллектива авторов и администраторов БЗР останутся в памяти современных антиэйджистов, пытающихся ретроспективно восстановить историю веб-сообществ. О КР, «жандарме» БЗР или «консультанте по правам и законам и специалисте по связям с общественностью» [А кто стер 2012], конкретно ничего не известно. Он удалил свою страницу примерно в 2020 году. В группе КР появляется больше в комментариях, хотя ему принадлежат несколько публикаций, в основном посвященных интерпретации исторических событий через антиэйджистскую тему и правовому статусу ребенка. Анализ комментариев показал, что роль КР во внутренней иерархии напрямую зависит от доминирующих в БЗР представлений о детях и взрослых. Так, сам КР репрезентирует себя как воплощение антиэйджистской идеи несоответствия календарного возраста и личных качеств, что позволяет и ему самому, и сообществу не относить его к категории «взрослых». Особенно это актуально в тот период, когда оформляется репрезентация взрослого как врага, так как помогает КР сохранить символический капитал и не оказаться в ряду остальных дискредитированных «взрослых» и «защитников детей». Когда стратегия репрезентации взрослых как врагов перестанет быть актуальной, для участников КР сможет быть «взрослым», а для него самого эта роль окажется проблемной. Насколько можно восстановить конфликты в группе по комментариям, именно это несовпадение присваиваемой и присвоенной идентичностей станет одной из причин, по которой КР захочет уйти из антиэйджизма.

должен обсуждаться антиэйджизм, отразились и в организации группы БЗР. Так, по воспоминаниям Ани, в самом начале антиэйджистская тема воспринималась как «практически замалчиваемая» и «непопулярная» и для начала ее обсуждения необходимо было создать открытое и доступное всем пространство.

А.: Ну на самом деле все было открыто, очень долго участники группы могли на стене что-то писать. Кто-то прямо на стене писал, кто-то свое мнение, кто-то свою историю. На самом деле, это было лучше. Я очень жалею, что нет этого элемента жизни сейчас с нами, когда участники пишут напрямую на стену группы. Да, ну общались и в комментариях. <...> У нас никогда не было какого-то централизованного, мы считали, что пусть люди высказываются так, как считают нужным.

И.: А бывало, что удаляли записи?

А.: Ну бывало такое, да. Но как правило не потому, что кто-то над этой темой думает недостаточно последовательно или не так, как мы. Мы скорее это оставим и напишем, если человек неправ (04.03.2022: Аня).

Администраторы раннего БЗР сделали ставку на делиберативное пространство, где высказываться по вопросу антиэйджизма и борьбы за права детей мог любой желающий. Оглядываясь назад, Аня связывает «открытость» группы («ленты», раздела «Обсуждения» и комментариев) и отсутствие целенаправленного контроля за публикуемыми текстами с тем, что еще не существует однозначного понимания дискриминации несовершеннолетних и разговор о ней должен проходить коллективно, с помощью дискуссий и споров. Более того, эта организация группы БЗР оказывается созвучна и представлениям Ани об интернет-коммуникации в целом. Рассказывая о своих медиа-практиках во время создания группы БЗР, моя собеседница своими словами пересказывает утопическую идею интернета как форума, который объединяет индивидов с разным опытом и убеждениями в свободной дискуссии равных.

Я много сидела в интернете, для развлечения поначалу, а потом БЗР и такая деятельность. В моем понимании интернет всегда нужен был для такого объединения людей, которые в реальном мире незнакомы. Просто, потому что это банально интереснее, чем общаться с теми, кто под боком. Поэтому и тогда, и что я до сих пор слышу: «А почему ты сидишь не под своим именем?», «а я вот сижу, чтобы общаться с одноклассниками», «а я говорю моему ребенку: никогда не добавляй того, кого не знаешь». А зачем тогда вообще нужен интернет? Мне всегда казалось, что интернет объединяет людей. Так они раскинуты по кучкам по жизни — рабочий коллектив, класс.

А так ты можешь общаться с кем-угодно, имея в виду, что это может быть фейк. Имея все эти условности в виду (04.03.2022: Аня).

Так и группа БЗР функционировала как «открытая» площадка: взгляд Ани на интернет точно соответствовал и популярному представлению о веб-сообществах, и технологическим возможностям организации группы ВКонтакте. Однако в этой цитате есть указание на еще одну важную черту, которая определяет режим публичности, складывающийся в раннем БЗР. Имя, возраст, город проживания, личные фотографии, — все это представлялось «условностью», от которой не зависел успех коммуникативного пространства. И даже наоборот — «фейк», или намеренное сокрытие личности, зачастую повышал статус участников в антиэйджистской группе и репрезентировал их как осведомленных о техниках защиты персональных данных и / или как умеющих обходить контроль родителей.

К 2013 году разработчики ВКонтакте все больше расширяли функционал групп и пабликов, ориентируясь в первую очередь на медиа-менеджеров, для которых страницы ВКонтакте были инструментами конвертации аудитории в экономический капитал. Права руководителей были разделены на три типа — «Модератор», «Редактор» и «Администратор», предоставляя возможность делегирования и контроля за действиями команды ВК-сообщества²⁰. Пока БЗР с 2012 по 2016–2017 года существовал в режиме открытой «ленты», формальные роли администратора, модератора и редактора в веб-сообществе сливались с неформальной иерархией. Доступом к управлению группой обладал небольшой коллектив, обязательно состоящий из трех-четырех подростков, к которым иногда присоединялся кто-то из взрослых, «журналист» или «с опытом ведения паблика» (04.03.2022: Аня). Акцент на самоуправлении несовершеннолетних и их дискурсивном вкладе был отражен и в названии группы — «Детское освободительное движение БЗР» [web.archive 2013].

Символический капитал участников, как управляющих группой, так и рядовых, зависел от того, что эмически определялось как «ощутимая польза сообществу» — создание текстов и демотиваторов, сочинение и исполнение гимна БЗР или поиск и обмен с сообществом полезными материалами по теме (04.03.2022: Аня).

²⁰ В качестве примеров можно еще упомянуть то, что был доработан раздел «Статистика», который отображал все больше показателей взаимодействия пользователей с веб-страницей в виде графика изменений, позволяя изучать интересы аудитории и улучшать стратегии коммуникации. Появилась и возможность отложенной записи, которая облегчала модерацию и составление контент-плана [Управление сообществами 2013; Источники переходов 2013; Лимит на отложенные записи 2013].

Таким образом, режим публичности в первые годы функционирования группы БЗР формировал такое коммуникативное пространство, которое в силу своей специфики требовало от участников веб-сообщества постоянного и активного вклада — в виде публикаций и комментариев. Это выражается и в значительной диспропорции по количеству опубликованных текстов: за 2012–2016 года было опубликовано в 2 раза больше, чем суммарное количество публикаций в период с 2017 года во всех остальных пабликах. С другой стороны, именно свободный доступ к публикации способствовал гетероглоссии и размыванию тематических границ коммуникации — ощущение «потери детской темы» будут фиксировать и участники, и администраторы группы.

1.1.3. Появление правил группы и «закрытие стены»: смена коммуникативной парадигмы

Свободному доступу подписчиков к публикации записей в БЗР соответствовал и определенный режим участия администраторов и модераторов в управлении «лентой». До 2016 года в группе БЗР модераторская работа осуществлялась в основном вручную и касалась исключительно «агрессивных» сообщений, «мусора» и спама:

Как правило это были какие-то агрессивно настроенные личности, что-то писали. Всякие порно-спамеры, их можно в расчет не брать. Из-за них, кстати, стена закрылась: они просто порнуху насовали, побольше-побольше и регулярно. И пришлось просто закрыть, чтобы этого мусора, этого срама не было. Ну бывало такое да. А как правило удаляли именно, если человек агрессивно настроенный и построить с ним диалог не получится (04.03.2022: Аня).

Прежде чем «стена закрылась», появились первые оформленные «правила сообщества», которые были опубликованы в 2016 году и предписывали нормы коммуникации, темы, на которые можно писать, и санкции за их несоблюдение. Тогда же в БЗР появляется практика исключения («бана») несогласных с БЗР-вским вариантом «детского вопроса». Эти процессы приведут администраторов к перестановке смысловых акцентов в интерпретации интернета как пространства коммуникации и изменению оснований для доступа к высказыванию: можно свободно выражать свою позицию, если она согласуется с позицией лидеров группы²¹.

²¹ «Группа - исключительно для единомышленников, делающих общее дело» [Узрите 2016].

Таким образом, среди администраторов-антиэйджистов интернет начинает пониматься как пространство, не объединяющее всех, а позволяющее найти группу единомышленников и избежать встречи с несогласными в изолированных фрагментах коммуникативного пространства. Вслед за установлением правил коммуникации в группе «закрывается стена» и вводится исключительно формат «предложки»: появившаяся строка ввода текста стала обязывать авторов-антиэйджистов отправлять свои публикации не сразу в общедоступное пространство веб-сообщества, а администратору на проверку и редактуру. Согласно терминологии разработчиков ВКонтакте, этот переход означает смену статуса «группы» на «публик». Изменяется парадигма коммуникации в БЗР: вместо открытого пространства, доступного для высказывания любому участнику, появился один канал индивидуальной коммуникации между отдельным пользователем и «Сообществом», а администраторы получили полный контроль над публикуемыми материалами.

Введение «предложки» и правил коммуникации — решения, принятые администраторами БЗР, — спровоцировали появление новых антиэйджистских публиков. И хотя создатели других антиэйджистских ВК-сообществ тоже вводили правила и «предложку», в разговорах со мной они всегда однозначно негативно оценивали этот период в истории БЗР: как проявление «тоталитаризма», как конец свободного обсуждения антиэйджистских тем (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). С точки зрения самих администраторов БЗР, изменение организации группы было вынужденным решением «внутреннего кризиса», который произошел в связи с «испорченным поколением» современных подростков и потерей «детской темы» — появлением в публице записей, никак не связанных с антиэйджизмом.

Однако помимо внутренней социальной динамики в группе администраторов и авторов-антиэйджистов стратегии организации веб-сообщества БЗР отражают и более широкий контекст — контекст постепенного изменения представлений русскоязычных пользователей о нормативном поведении в интернете и техниках его регулирования, формируемых в том числе государственной политикой, разработчиками социальных сетей и журналистами.

С растущей популярностью социальных сетей изменялись и репрезентации интернета в официальном дискурсе власти, и инфраструктура государственной политики в отношении интернета [Soldatov*, Borogan 2015: 75–76, 116–117, 201, 223–226; Колозариди, Шубенкова 2016: 43, 46; Konradova 2020: 57; Kolozaridi, Muravyov 2021]²². В этом контексте

²² Несовершеннолетние и молодые люди оказываются одними из главных персонажей процесса централизации интернета. В июле–октябре 2011 года на разных медиа-платформах начали распространяться материалы, сообщающие об уголовных наказаниях пользователей за публикации. В частности, в ВКонтакте

разработчики соцсети начинают вводить технические средства для осуществления цензуры и контроля, которые были доступны не только руководству самой платформы, но и всем администраторам ВК-сообществ. В 2013 году появляется расширенная настройка блокировки пользователей, позволяющая администраторам ограничивать доступ к просмотру, публикациям и комментированию в своих группах для конкретных пользователей, а в сентябре 2015 года им стал доступен фильтр нецензурных выражений, автоматически удаляющий все записи, содержащие обценную лексику или любые указанные слова и фразы [Фильтр комментариев 2015].

Русскоязычные пользователи, столкнувшись с более заметным присутствием (как на словах, так и на деле) государственного и корпоративного контроля в интернете, который еще недавно воображался как «народный» [Asmolov, Kolozaridi 2017: 4–5, 25], тоже вовлекаются в управление цифровым пространством и в дискуссии об акторах и принципах такого управления. Так, с 2012 года начинает действовать «Лига безопасного интернета», организованная группой бизнесменов, которые видели своей задачей «патрулировать» интернет в поисках сайтов с «запрещенной» информацией, «защищая детей от опасного контента»²³.

Более того, новый режим публичности антиейджистских ВК-сообществ оказывался созвучен представлениям о продуктивности пабликов как площадок производства и распространения информации — такая риторика стала более заметной в дискурсе разработчиков ВКонтакте и все чаще использовалась при обосновании изменений платформы. Так, после объединения в разделе «Мои Новости» обновлений пабликов и друзей, веб-сообщества, а не пользователи, стали восприниматься основным поставщиком публикаций в соцсети, а инфраструктура поддерживала осмысление контента в категориях капитализации: появляется счетчик просмотров для каждой публикации, которые становятся более релевантными показателями, чем лайки, репосты и комментарии; паблики

героями таких материалов часто становились молодежь и школьники: «20-летний студент подозревается в разжигании расовой ненависти ВКонтакте», «В Тобольске старшеклассник обвиняется в пропаганде расизма и национализма через ВКонтакте», «Подросток оскорбил “ВКонтакте” полицейского и оказался под следствием» [20-летний 2011; В Тобольске 2011; Штраф или исправительные 2011]. В 2012 году началось рассмотрение Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который внес поправки в другие акты, например, в закон «Об информации...», регулирующий работу информационных платформ, в том числе соцсетей. И если официальные источники говорили о «защите детей», то веб-разработчики и владельцы интернет-проектов интерпретировали действия государства как «цензуру Рунета» и «антиконституционные» нападки на свободу слова [ВКонтакте поддержал Википедию 2012; Soldatov*, Borogan 2015: 150–152].

²³ Помимо «Лиги безопасного интернета», официально одобренной министром связи и массовых коммуникаций Игорем Олеговичем Щеголевым [Панкратов 2013], стали появляться и другие организации с похожими функциями. В феврале 2013 года в рамках молодежного крыла «Единой России», «Молодой гвардии», был запущен специальный проект «Медиа гвардия», участники которого идентифицировали сайты с опасной для детей информацией и передавали их IP-адреса правоохранным органам [Soldatov*, Borogan 2015: 193].

все больше воспринимаются как пространства торговли, а помимо раздела «Товары» появляется специальный режим для паблика — «Бизнес» [Вскоре администраторам 2015; Мы часто замечаем 2015; С сегодняшнего дня 2017].

Таким образом, частичный отказ от делиберативных механизмов (остаются комментарии) и выбор в пользу трансляции идей, одобренных администраторами пабликов, отражают не только размолвки среди антиэйджистов — эти решения оказываются и тесно вплетены в контекст изменений представлений и практик русскоязычных пользователей, и созвучны динамике государственной и корпоративной политики в отношении ВКонтакте.

1.2. Политизация АЭК: «Центральный Комитет» и прямое действие

Форма коллективного производства антиэйджизма, которую предлагала Аня, была тесно связана с воображением БЗР как «интернационального» объединения участников, не имеющего никакого локального сообщества, а только его виртуальный вариант. Постепенно пространственные границы, в которых воображала себя группа, сужались: вместо глобального измерения администраторы БЗР все больше мыслили свое веб-сообщество исключительно российской историей. Объясняя этот переход, Аня настаивала на том, что «то, что происходит в России, затрагивает [ее] лично и должно затрагивать всех [участников БЗР]» (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ). К этому же периоду относится и появление локальных пабликов БЗР: «БЗР в Туле», «Движение БЗР - Борьба За Равноправие Возрастов» (веб-сообщество, созданное подростками города Закаменск).

Ну, на самом деле, это не централизованное что-то, это инициатива людей. «Мы хотим что-то локальное». Но эта история обычно не получала развития. То есть мы, да, принимали их в свою семью пабликов, если можно так назвать. Но все ограничивалось просто репостами из основных групп. И особой активности люди не проявляли. Но мы и не пресекали это. «Пожалуйста, если хотите — пробуйте» (04.03.2022: Аня).

Появление локальных версий БЗР предстает важным прецедентом для будущей истории антиэйджистских пабликов. Участников подобных антиэйджистских веб-сообществ все меньше интересуют дискуссии незнакомцев с разными точками зрения по поводу детской дискриминации. Паблик «БЗР в Туле», например, создается знающими друг друга школьниками, которые нашли в БЗР источник контента для репостов в свою группу и интересную тему для обсуждения исключительно оффлайн, в компании друзей. Создатели других антиэйджистских пабликов тоже в первую очередь думали о

необходимости новых форматов участия в антиэйджизме — и размышление о *правильном участии* будет одним из основных инструментов репрезентации каждого паблика.

Так, в 2017 году в БЗР появляются новые активные авторы, которые станут создавать свои антиэйджистские паблики с новыми антиэйджистскими темами и стилями их обсуждения.

Первый крупный отколовшийся от БЗР паблик с иным контентом и формами участия — «АЭК: антиэйджистская коалиция». Один из создателей АЭКа характеризовал появление паблика как реакцию на то, что БЗР перестал оправдывать ожидания подписчиков: «посты раз в месяц выпускались» (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ)²⁴. Другим поводом к созданию отдельной антиэйджистской площадки стали разные представления о роли политики в антиэйджистской теме. Администраторы БЗР ввели ограничение на обсуждение политики в целом еще в первых оформленных правилах сообщества и «банили» всех участников, чье высказывание опознавалось как политическое. Администраторы АЭК, наоборот, считали, что вопрос о дискриминации детей должен обсуждаться как политическая проблема и решаться политическими способами²⁵. Так, в 2017 году участники, которым не нравились стратегии репрезентации детского вопроса БЗР, организовали паблик БПД («Борьба за права детей»), а с 2019 года эти же участники создают «АЭК: антиэйджистскую коалицию» (15.08.2021: Глеб; 05.03.2022: Федя, 18 лет, 4 года в АЭ).

По словам Глеба и Феди, решение о создании паблика АЭК они принимали вместе с друзьями, проживая в одном городе, а участников приглашали из разных антиэйджистских пабликов, существующих на тот момент, которые тоже были заинтересованы в обсуждении «детского вопроса» как политической проблемы.

Ф.: Сначала нас было четыре человека и несколько сторонников. Затем, как только мы разрослись до 30 человек, тоже, конечно, капля в море, уже было принято решение создать контролирующий орган — мы назвали его «Центральный комитет». Изначально

²⁴ Примечательно, что группа «ВКонтакте Live», которая следит за всеми обновлениями платформы и старается реагировать на изменения в онлайн-практиках и предпочтениях пользователей, впервые поднимает тему «отписки от сообщества» только в публикации от марта 2017 года [Скатились 2017]. Очевидно, что за десять лет существования ВКонтакте от групп или пабликов отписывались многие участники — но, видимо, «отписка» как массовая и заметная практика стала отдельным предметом рефлексии относительно недавно.

²⁵ «Политизация» подростков — тема, которая стала широко освещаемой в связи с протестными акциями 2017 года. На нее обращают внимание исследователи, концептуализируя новую политическую субъектность несовершеннолетних [Егryлева 2020; Архипова* и др. 2018]. С другой стороны, образ подростка, вовлеченного в политику и из-за этого представляющего опасность как для себя, так и для общества, становится устойчивой риторической фигурой для авторов законодательных инициатив и медиа [Kukul'in 2021: 182–183]. Подобным образом было обосновано внесение в Госдуму проекта закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей» [Законопроект 2017], согласно которому детям до 14 лет запрещалось регистрироваться и пользоваться соцсетями.

в него вошли я, Глеб и еще три товарища, которые были просто с самого начала <...> Мы выходили с товарищами по N-ской ячейке на согласованные акции различных политических акций. И проводили там свою повестку путем одиночных пикетирований, путем выступлений на митингах и соответственно проводили ее под социалистическими... То есть старались ничего не обособить. Антиэйджизм и прочее включить в общесоциалистические, общекommунистические идеи.

И.: А что это за N-ская ячейка?

Ф.: На сегодняшний день, в связи с тем, что я покинул ряды этого объединения, N-ская ячейка распалась. В лучшие наши времена количество участников доходило до 8–9 человек. То есть это преимущественно мои знакомые и люди, которые разделяли мои взгляды. В других городах ничего подобного не было, насколько мне известно (05.03.2022: Федя).

По этому фрагменту интервью видно, что в паблике АЭК изменилось не только отношение к обсуждению политического по сравнению с БЗР, но и структура организации паблика и представления о месте антиэйджизма в публичной сфере. Администраторы изобретают централизованные механизмы управления пабликом: «ЦК», или «Центральный комитет», который упоминает Федя, должен был определять и выбор тем, и способы, которыми освещается детский вопрос, и формы возможной реакции и обратной связи от других участников паблика. Правила и санкции за их нарушения оформлялись в официальный документ — «Устав» паблика (15.08.2021: Глеб). Формы прямого коллективного соучастия, «пикетирования» и «выступления на митингах», которые предлагает АЭК, оказываются не просто имитацией практик политических движений и групп активистов, но еще и встраиваются в одно с ними пространство действия: одиночные пикетирования и выступления проводятся во время согласованных митингов (05.03.2022: Федя).

К тому же «виртуальное сообщество» становится деанонимизированным пространством за счет личных контактов между участниками, которые «оказываются» реальными людьми с именами и адресами, которым можно «помогать» решать проблемы. В изменении режима публичности немалую роль сыграло обновление ВКонтакте. Так, когда в 2019 году администраторы сообществ получили возможность создавать чаты для своих подписчиков прямо в паблике, такой чат появился у АЭК [Общение в сообществах 2019]. Участники чата просили о помощи, по воспоминаниям Глеба, по любому вопросу — эмоциональные трудности, проблемы с родителями и даже «домашка», — и они все вместе обсуждали, придумывали решения и давали советы. Так, восстанавливая историю паблика АЭК, Глеб рассказывал о девочке, сбежавшей из дома, которую поселили на квартире

одной из участниц и «помогали финансово и морально во время побега» (15.08.2021: Глеб); а Федя приводит несколько показательных историй о том, как они с друзьями уезжали в другой город помогать своим единомышленникам поговорить с родителями (05.03.2022: Федя).

Что касается обсуждений — то я не уверен, что что-то помню. Только из нашей повестки: что антиэйджизм — это плохо, надо как-то бороться. А как бороться? И вот это все упиралось. То есть мной было предложено выходить на согласованные акции протеста, вести какую-то борьбу в интернете, печатать листовки. Это оказалось, в основном, верным решением (05.03.2022: Федя).

Структура управления паблика, которую администраторы выстраивали, опираясь на наблюдение за политическими событиями и институтами и на собственный опыт участия в партиях, и централизованная модерация публикаций, с одной стороны, способствовали выходу антиэйджистов в «реальный мир», с другой — привели к упразднению дискуссии и ее значения для антиэйджистов. Так, АЭК функционировал как площадка для публикаций мемов, текстов, перечисляющих права ребенка, манифестов, в которых для всех возрастных ограничений требовалось либо снижение возраста, либо их отмена — а комментарии к этим публикациям сводились к минимуму или касались только выражения недовольства. Все, что упоминают участники, которые не пикетировали и не выезжали на помощь, в интервью о паблике — «теплый и ламповый» чат АЭКа (17.08.2021: Лена, 27 лет, 10 лет в АЭ).

Однако по свидетельствам создателей паблика, период такого режима публичности оказался недолгим.

И спустя пару месяцев к нам начали добавляться либералы, которые не признавали нашу социалистическую направленность. Но мы тогда все равно решили быть коллективом. Сейчас понятно, что это было ошибочное решение. Потому что в основной нашей повестке — они были с нами. Но сейчас это привело к тому, что АЭК сейчас, по сути, просто захвачен (05.03.2022: Федя).

Отсутствие дискуссии по вопросу антиэйджизма как идеологического проекта внутри АЭК и появление участников с другой точкой зрения на антиэйджизм — «либеральной» — привело не к воссозданию делиберативного пространства, а к тому, что участники просто «выходили из чата» (05.03.2022: Федя). «Отказ слушать», как замечает философ Джон Дризек, — «самый эффективный способ заставить замолчать других», характерный для антидемократических коммуникативных стратегий и распространенная

стратегия публичных форм обсуждений политики в русскоязычных медиа [Weiser 2020: 82–83].

1.3. «Подслушано: эйджизм»: между модерацией и цензурой коллектива

Паблик «Подслушано: эйджизм» возник в июле 2019 года. В отличие от администраторов АЭК, в понимании которых эйджизм был политической и юридической проблемой, авторы «Подслушано: эйджизм» обращали особое внимание на социальные и культурные аспекты эйджизма, во многом опираясь в этом вопросе на опыт современных им активистов, отстаивающих права женщин и права людей с инвалидностью (disabled persons). Так, этим идеям во многом и отвечала дискурсивная политика «Подслушано: эйджизм» и репрезентация паблика: авторы определяли себя как обладающих стигматизированным или маргинальным опытом, а свою цель — как изменение «сердец и умов» аудитории. Так формулирует цель своего активизма администратор «Подслушано: эйджизм» [Кейтлин 2017].

Появлению «Подслушано: эйджизм» предшествовало возникновение множества фем-пабликов ВКонтакте, не претендующих на массовый отклик и авторитетную позицию в нише фем-активизма²⁶ [Solovey 2018: 109]. Устраняя политику как способ действия и «академичность» в гендерной повестке, они выстраивали контрпублику²⁷ по отношению как к профессиональным фемблогерам, так и к академической интеллигенции, предлагая своим подписчикам феминизм как эффективный способ интерпретации повседневных и глобальных событий, как источник более приемлемого языка и идентичности. Администраторы «Подслушано: эйджизм», по всей видимости, переживали себя частью этого контрпубличного пространства: они организовали паблик как анонимную ленту с личными историями об эйджизме и текстами-интерпретациями разных фрагментов

²⁶ О примерном характере таких пабликов и одной из их возможных ролей в поле феминистского активизма, например, можно понять из интервью Инны Перхсентупы с Юлией Алимовой, координатором проекта «Ребра Евы»: «В целом, здорово, что в российском интернете и ВКонтакте появляется все больше публичных страниц, посвященных феминизму. Возможно, это единственный способ для молодых женщин сейчас начать определять себя как феминисток — начать читать эти публичные страницы. Я сама стала феминисткой в Интернете. Я начала читать феминистские публичные страницы, созданные моими знакомыми, в возрасте восемнадцати лет. Я начала помогать со страницей ВКонтакте — она все еще существует» [Perheentupa 2018: 124].

²⁷ Я заимствую этот термин у Нэнси Фрейзер [Fraser 1990: 67]. Подобные контрпубличные площадки иногда обсуждались в феминистском движении и чаще всего оценивались негативно как самими создательницами таких пространств, так и активистками, предпочитающими другие форматы. Опираясь на интервью с представительницами феминистского движения, Ваня Соловей объясняет устойчивую репрезентацию и саморепрезентацию дискурсивно-ориентированных онлайн-сообществ как «диванных феминисток» и «пассивисток» тем, что начиная с 2010-х годов в рамках русскоязычного феминизма только прямые действия (протесты, митинги и акции) расценивались как полноценные активистские практики [Solovey 2018: 117–118].

реальности через диспропорцию власти между взрослыми и детьми, иногда прямо сопоставляя дискриминацию детей и подростков с сексизмом и переписывая фем-ориентированные публикации в детско-взрослые сюжеты (см., например: [Сексист 19 века 2019]).

В «Подслушано: эйджизм» никогда не было раздела «Контактов», в котором обычно отображаются администраторы сообществ [web.archive 2019], и единственными каналами коммуникации между участниками были «предложка» и комментарии. Даже администраторы других пабликов только догадывались о том, кто стоит за этим антиэйджистским пабликом:

Нет, «Подслушано: эйджизм» они не раскрывали свой состав администрации <...> там была сборная солянка из всех (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Вероятно, в названии и в политике тотальной анонимизации администраторы «Подслушано: эйджизм» ориентировались на многочисленные ВК-паблики «Подслушано». К тому же одним из распространенных жанров публикаций в этом антиэйджистском паблике становится автобиографическое повествование, составленное в «мелодраматическом модусе» публично выраженного интенсивного эмоционального страдания [Ilouz 2016: 159–160], которое можно обнаружить как в оригинальном паблике «Подслушано – Здесь говорят о тебе», так и в его эрзац-версиях²⁸.

Единый формат автобиографического нарратива, в котором местом действия эйджизма всегда будет детство как универсальный опыт для всех участников, и анонимность публикаций соответствуют и тому, что аудиторию паблика «Подслушано: эйджизм» практически не будет волновать вопрос возраста участников. Если ранний БЗР был лоялен к участию взрослых, но впоследствии сделал ставку на соучастие несовершеннолетних как в организации паблика, так и в том, кто должен продвигать антиэйджизм как идею, то в «Подслушано: эйджизм» этот вопрос оказывается нерелевантным. Значение будет иметь только обладание навыком производства канонического текста в варианте конкретного паблика. Автобиографический жанр

²⁸ Так, через год после создания официального паблика «Подслушано – Здесь говорят о тебе» (vk.com/overhear) администратор говорил о цифре в 12000 клонов, к 2015 году их число увеличилось до 170000 [Подслушано 2013; Светлова 2015]. В качестве примеров пабликов в формате «Подслушано», которые помимо названия заимствовали сам принцип анонимного автобиографического «откровения» или «секрета», можно привести «Подслушано у девушек» (vk.com/girlrumors) или «Подслушано у Семейных» (vk.com/public131852187). Однако отличия в технической организации высказывания и социальных отношениях, устанавливающихся в конкретных пабликах, приводят к появлению разных функций нарративов и, соответственно, значений, которые подписчики разных «Подслушано» вкладывают в опубликованный текст [Prus n.d.].

повествования, ориентация на активизм и контрпубличную сферу и расширение репертуара релевантных культурных образцов для построения антиэйджистской повестки, которые стали отличительными чертами режима публичности паблика «Подслушано: эйджизм», будут способствовать переопределению образов взрослых и эйджизма и в самих публикуемых текстах.

1.4. «Голос неголосующих»: первое антиэйджистское СМИ

Разделение повестки и ее гомогенизация в пределах разных пабликов не были встречены всеми участниками как удачный способ обсуждения антиэйджизма. Так, Катя, администратор веб-сообщества «Голос неголосующих», указывая на то, что каждый паблик ее чем-то не устраивал, приходит к идее создания еще одной площадки для обсуждения антиэйджизма:

И тут мне попалось пособие, может быть, вы сами его читали. Я думаю, вы его читали по долгу учебы. Бочаров «Антропология возраста». Поняли, о чем я говорю? Да. И вот я это прочитала и поняла, что нужно именно с этой точки зрения смотреть. Ну меня тема заинтересовала. Ну и я получается в прошлом году, в 2020 году, летом, тринадцатого июня — я решила делать собственное СМИ, посвященное антиэйджизму (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Режим публичности, который установился в паблике «Голос», оказался своеобразным гибридом предыдущих вариантов антиэйджистских веб-сообществ. С одной стороны, паблик полностью анонимный — имена авторов не разглашаются, а публикации от участников должны проходить фильтр «предложения». С другой стороны, создательница паблика «Голос», изучив все существующие паблики и группы, отметила, что для нее «главным принципом» организации была «гласность», которая включала в себя открытые комментарии и «минимальный набор правил» (21.08.2021: Катя).

В качестве образцов в построении режима публичности паблика «Голос» выступали как независимые медиа-издания, посещение которых Катя называет своими «утренними и вечерними ритуалами», и открытая «лента» раннего БЗР — как «ценная политика столкновения разных точек зрения» (21.08.2021: Катя). Здесь важно подчеркнуть, что к 2020 году «дискриминация детей» перестает вызывать вопросы у самих участников и выкристаллизовывается в статус здравого смысла или истинного знания: публикации перестают «доказывать» существование диспропорции власти в возрастных группах и маргинальное положение несовершеннолетних в обществе. Поэтому споры и конфликты, о

которых упоминает Катя, касаются вопросов интерпретативных рамок и языка говорения о детях.

А вот наша стена — она максимально открыта. Люди, традиционалисты²⁹ даже всякие, могут там высказываться, потому что это их право. И с ними, конечно, там спорят, но в этих спорах люди как раз прокачивают свои навыки, как-то объединяются. И новости, которые я там сообщаю, — я сообщаю их максимально, чтобы они не порождали вокруг себя лишние какие-то конфликты между ветвями БЗР. Или так — не способствовали именно конфликту, а способствовали обсуждению (21.08.2021: Катя).

Еще одна коммуникативная практика, которая впервые появляется под влиянием создательницы «Голоса», — это публичные встречи руководителей антиэйджистских пабликов, организованные как «дебаты». Они проходят в формате голосовых стримов и посвящены дискуссиям между администраторами пабликов о будущем антиэйджизма или, например, сходстве и различии антиэйджизма и феминизма. Таким образом, будучи излишними для производства самого дискурса (все эти вопросы администраторы и участники и так обсуждают в личных и коллективных чатах), «дебаты» выполняют роль производства нового для антиэйджистских пабликов типа публичности — публичности, направленной на внешнюю аудиторию. Другими словами, в отличие от администраторов раннего БЗР, которые планировали прийти к консенсусу в обсуждении «детского вопроса» и выработать единое понимание антиэйджизма, или от пабликов АЭК, «Подслушано: эйджизм» и позднего БЗР, транслирующих один вариант языка говорения о детях, — в ленте «Голоса» возникала форма свободной дискуссии, которая не предполагала соглашение как результат, а скорее производила видимость сложности и общественную значимость самого обсуждения. В этой конфигурации практик акцент смещается с содержательной стороны антиэйджистской темы на разногласия и конфликты в антиэйджистском сообществе³⁰.

В чате «Голоса» этот режим публичности проходил заданную администратором паблика настройку:

²⁹ «Традиционалистами» здесь Катя называет некоторых своих соратников по антиэйджистским ВК-сообществам, которые считают, что «раньше» дети занимали более свободное и независимое положение в обществе. Под «раньше» могут пониматься довольно разные и неопределенные периоды истории, но чаще всего в поле я сталкивалась с объяснением, что «раньше» не было возрастных ограничений на культурную продукцию или что «раньше» можно было вступить в брак в 14–15 лет.

³⁰ Модель публичного обсуждения, которую организывает Катя в паблике «Голос», можно охарактеризовать как «агонистическую», ориентируясь на описание публичной сферы Шанталь Муфф [Муфф 2004].

А вот в чате у нас все менее гласно, потому что у нас конфликты, которые возникают, они потом перерастают все больше и больше. И мы просто все делаем так, чтобы как можно меньше конфликтов возникало. Мы там не обсуждаем политику, не касающуюся вопросов антиэйджизма. То есть мы там не обсуждаем того же Н., или похожие другие вещи. У нас об этом нельзя там говорить. У нас запрещен харассмент, флирт. Если человеку не нравится, когда с ним флиртуют. У нас запрещено оскорблять, запрещено кого-то травить. То есть у нас все сделано, чтобы сделать наиболее такую среду, где можно говорить и не бояться, что тебя за это будут унижать и оскорблять (21.08.2021: Катя).

С одной стороны, чат становится пространством закулисной работы паблика, где происходит согласование значимых для антиэйджистов «Голоса» тем и способов их интерпретации: они обсуждают новости, связанные с эйджизмом, и коллективно формулируют (в постоянном корректировании друг друга) общее понимание антиэйджизма и релевантные модели описания детско-взрослых отношений. С другой стороны, чат оказывается пространством исключительно «для своих», знакомых друг с другом по интернет-взаимодействию участников. Несмотря на то, что в чат может добавиться любой пользователь, участники уже произвели там такой режим общения, в коммуникативные нормы которого нужно «вписаться», а именно попадать в «антиэйджистскую» тему (за непопадание в нее пользователя исключают из чата).

Таким образом, администратор «Голоса», отказываясь от достижения консенсуса как цели, стремится создать площадку для объединения субъектов с противоположными точками зрения и репрезентировать конфликтную ситуацию как нормальную и не разрушающую антиэйджизм как идеологический проект. Образцы таких пространств, в которых альтернативным позициям придают одинаковый вес, администратор «Голоса» и согласные с ней находят, с одной стороны, в академической метакоммуникации, а с другой — в форматах независимых медиа-изданий и агонистических формах публичной сферы.

1.5. Выводы главы 1

1.5.1. Режимы публичности антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте

В этой главе я попыталась показать, как конкретные формы, которые антиэйджизм принимал в разное время, были связаны с представлениями администраторов-антиэйджистов, социо-технологическим ландшафтом социальной сети — аффордансами и смыслами, которые разработчики вкладывали в функционал платформы, — и социально-

политическим контекстом интернета в России и, в частности, ВКонтакте. Мои собеседницы и собеседники, которые были причастны к созданию веб-сообществ и управлению ими, вовлеченно размышляли о возможных способах участия в антиэйджистском проекте, значении и значимости разных практик для преодоления несправедливости к несовершеннолетним — эти размышления приводили их к решению создать свою группу или паблик, организовать новые или изменить существующие нормы коммуникации. Процесс создания и публикации записи, правила коллективных обсуждений, необходимость дополнительных площадок и способов антиэйджистского высказывания или отсутствие такой необходимости, — все эти черты функционирования антиэйджистских ВК-сообществ изменялись под влиянием как убеждений отдельных антиэйджистов и социальной динамики их группы, так и обновлений платформы ВКонтакте, государственной политики в отношении интернета, тенденций в восприятии конкретных интернет-практик профессиональными сообществами и обычными пользователями.

Администраторы первого антиэйджистского ВК-сообщества — группы БЗР — пытались создать пространство для обсуждения «детской темы», допуская любых участников к высказыванию и предполагая, что в процессе свободного, ничем и никем не ограниченного обсуждения можно будет прийти к всестороннему пониманию положения несовершеннолетних в современном мире. Ориентируясь на знакомые им образцы коммуникации — многопользовательские чаты и форумы — и на утопические представления об интернете как о месте продуктивной дискуссии равных незнакомцев с разными взглядами и интересами, руководители БЗР выбрали формат ВК-группы с открытой «лентой», не установили ограничения на публикации и комментарии, не ввели правила участия и условия исключения из обсуждения. В то же время они взяли на себя роль не редакторов и модераторов, но активных собеседников, организуя такое пространство, которое требовало постоянного участия в дискуссиях и спорах, производства новых публикаций и других форм «пользы сообществу» и транслировали это поведение как значимый способ осуществления антиэйджистской деятельности. Как я покажу в следующей главе, этот режим публичности группы БЗР сделал возможным появление группистской категории «травмированных эйджизмом» несовершеннолетних. Свободный доступ к высказыванию и значимость совершения антиэйджистского высказывания в принципе, на которой настаивали администраторы и которая была зашита в саму организацию группы БЗР, спровоцировали появление большого количества текстов, написанных несовершеннолетними авторами и повествующих о вреде, нанесенном им взрослыми. Доказывая существование эйджизма в каждой конкретной ситуации,

публикации группы БЗР, собранные в одной «ленте», произвели видимость повсеместной эйджистской дискриминации детей и подростков.

Изменения в организации веб-сообщества БЗР происходили на фоне сдвига в восприятии интернета сразу на нескольких уровнях. С одной стороны, стало заметнее присутствие государственных и корпоративных акторов в повседневности пользователей. В то время как государственная инфраструктура управления интернетом расширялась на институциональном, юридическом и техническом уровне, в ВКонтакте разрабатывались такие механизмы контроля и управления информацией, которые могли применяться не только владельцами платформы и государственными органами, но и обычными пользователями, администраторами групп и пабликов. Специальная инфраструктура и нормализованное со временем отношение к веб-сообществам как к управляемым информационным медиа (а не как к утопическим свободным форумам) позволили антиэйджистам ввести новый режим публичности в БЗР. Этот режим публичности теперь уже паблика (а не группы) БЗР обеспечили составленные правила публикаций, закрытие «ленты» и введение «предложки», предоставившие администраторам, редакторам и модераторам полный контроль за ходом дискуссии и содержанием опубликованных записей. «Предложка» требовала от участников создания текстов в заданной конфигурации смыслов и жанров, чтобы быть допущенным к публикации. По сравнению с группой БЗР — АЭК, «Подслушано: эйджизм» и паблик БЗР потеряли в количестве активных участников, обсуждающих положения антиэйджистского проекта с помощью публикаций и в комментариях. Модерация и складывающийся канон правильного способа говорения о детях в каждом паблике привели к четким границам между антиэйджистскими веб-сообществами, которые стали отличаться как в структуре, так и в предпочтении определенных тем и интерпретативных фреймов.

Руководители паблика АЭК ориентировались на практики партий и профсоюзов и рассчитывали на участие своих подписчиков-антиэйджистов в прямых действиях и «малых делах». Администраторы АЭК составляли манифесты антиэйджизма, большие выкладки целей и задач движения или публиковали тексты, пересказывающие юридически закреплённые права и ограничения несовершеннолетних, не требуя и не способствуя обсуждению предложенной ими версии антиэйджизма в пространстве паблика. Программа прямых антиэйджистских действий не нашла поддержки за пределами коллектива администраторов — подписчиков АЭК интересовало дружеское общение в чате паблика, мемы и небольшие тексты-рассуждения на темы эйджизма и антиэйджизма.

Опознавая себя частью контрпубличного пространства, руководители паблика «Подслушано: эйджизм» сделали ставку на организацию дискурсивно-ориентированного

сообщества по аналогии с определенной нишей феминистских пабликов, переняв их деполитизированный модус и полную анонимизацию высказывания (последняя черта созвучна и формату оригинального паблика «Подслушано – Здесь говорят о тебе» и его эрзац-версий). «Предложка» способствовала появлению канонического жанра опубликованной записи. Установившаяся драматургия публикаций требовала от участников «Подслушано: эйджизм» создавать автобиографические тексты в определенном риторическом фрейме — мелодраматического высказывания о социальной справедливости, где личные эмоции и аффекты, страдания и психологические переживания становятся поводом к критике существующего социального порядка и детско-взрослых отношений.

Несмотря на то, что администраторы и участники БЗР, АЭК и «Подслушано: эйджизм» по-разному понимали место своего паблика в публичной сфере и нормативные онлайн-практики участников (через представления о тематических веб-сообществах, политических партиях или о неполитических активистских веб-площадках), они пришли к общей риторике социальной справедливости и угнетения. Однако тематическая дифференциация в пабликах позволила участникам пойти дальше противопоставления «детей» и «взрослых» и расширить понимание антиэйджизма и эйджизма в разных сферах, что сопровождалось поиском «культурных союзников» вне антиэйджистского сообщества. Как я покажу в следующей главе, каждый паблик, сосредоточившись на институциональном, правовом, социокультурном или психоэмоциональном измерении детской жизни, будет расширять сюжетное наполнение публикаций и усложнять репрезентации «детей» и «взрослых».

Паблик «Голос неговорящих» создавался как пространство для нейтрализации раскалывающих антиэйджизм конфликтов. Произошел важный сдвиг в понимании значения обсуждения «детского вопроса» — дискуссия стала выстраиваться через представление о гласности как включении разных сторонников антиэйджизма в единое коммуникативное пространство паблика. В ответ на эту прагматику в ленте «Голоса» появился новый жанр — дебаты администраторов антиэйджистских пабликов, которые должны были репрезентировать сложность антиэйджизма как интеллектуального проекта и социально значимой проблемы. С другой стороны, ориентируясь на академические и журналистские этические стандарты коммуникации, создательница паблика стремилась к нивелированию «авторской оценки» и «нейтральному представлению» детских сюжетов, оформляя публикации в новостные репортажи. Такая организация паблика способствовала риторическим стратегиям описания детей, подростков и взрослых как сложных, немонолитных персонажей.

Таким образом, анализ пабликов как коммуникативных пространств с разными режимами публичности тесно связан с пониманием прагматики антиэйджистского дискурса. Изменения в этих условиях в пределах одного паблика (например, на протяжении десяти лет в БЗР) и всего поля русскоязычного антиэйджизма ВКонтакте помогают интерпретировать план содержания антиэйджистского дискурса.

Помимо контекстуализации решений о том, как должен выглядеть и быть организован русскоязычный антиэйджизм, эта перспектива рассмотрения антиэйджистских веб-сообществ высвечивает и еще одну важную деталь. Несмотря на то, что за историю существования русскоязычного антиэйджизма ВКонтакте его участники создавали аккаунты для проекта на других платформах — YouTube, Discord, Twitter, Telegram — и пытались их «раскручивать», все эти аккаунты либо были быстро заброшены, либо выполняли дополнительные функции (например, размещение видео на YouTube и распространение его через ВК-паблик или организация созвонов и встреч в Discord для участников чата паблика). Более того, настолько продолжительное существование веб-сообщества ВКонтакте — некоммерческого, неподдерживаемого какой-либо институцией, работающего только за счет личного интереса самих участников — удивительная и даже исключительная история. Эти замечания провоцируют на более широкий вопрос: какую роль играет соцсеть ВКонтакте в том специфическом модусе выражения несогласия, который сформировался в антиэйджистских веб-сообществах?

1.5.2. Веб-сообщество ВКонтакте как специфическое пространство выражения несогласия

В 2010–2011 годах в странах с разным политическим и экономическим строем, совершенно разными культурными и социальными контекстами прошла волна социальных движений, которые спровоцировали разговор о «новой гражданской культуре». Участники протестных акций, шествий, сидячих забастовок выступали под лозунгами социальной справедливости, отрицали лидерство, встроенность в политические институты и соответствие партийной поляризации, организовывали эгалитарные формы принятия решений и дебаты. Однако одной из ключевых черт этих новых социальных движений стала их гибридная форма, объединяющая физическую оккупацию городского пространства и виртуальное измерение протеста на онлайн-платформах. Согласно Мануэлю Кастельсу, именно социальные сети сделали возможными как массовую мобилизацию людей на местах, так и распространение новой гражданской культуры за очень короткий промежуток времени по разным уголкам мира [Castells 2015: 3–4, 20–21, 220–227, 249–262].

Протестные движения, развернувшиеся в России 2011–2012 годов, часто встраивают в этот типологический ряд, обнаруживая в них то же характерное массовое и несистемное выражение недовольства деполитизированными прежде субъектами, «политику аполитичных» или продолжение тенденции превращения «обывателей в активистов» [Алюков и др. 2014: 8, 11]. В отличие от локальных активистов, которые выходили на улицы в 2000-х годах из-за несправедливости в рамках «приватных» проблем (ставки ЖКХ, реформы социальных льгот, реновация жилищного фонда) [Клеман, Мирясова, Демидов 2010: 66–67, 85–87], новых протестующих интересовали изменения в официальных институтах государственной власти.

Как и в случае социальных движений в других странах, важную роль в организации массовых протестов в России сыграли платформы социальных сетей, распространявшие информацию о датах и местах митингов и шествий и ставшие проводниками той самой конфигурации аффектов, «надежды и возмущения», которая, по мнению Кастельса, заставляла людей выходить на улицы [Castells 2015: 3]. Как замечает Максим Алюков, Facebook*, Twitter, LiveJournal и в меньшей степени ВКонтакте функционировали как мощные инструменты мобилизации именно потому, что как платформы они были лишены идеологической когерентности и действовали как рекуррентные сети частных контактов. Однако эти же черты, которые помогли мобилизовать людей, по мнению автора, стали причинами того, что ни одна из платформ не стала пространством «публичной сферы», где могли бы проходить дискуссии об идентичности протестующих, обоснованиях и программе протеста [Алюков 2014: 182–183].

Несмотря на то, что ВК-сообщества, напрямую связанные с протестным движением, не смогли перестроиться из мобилизационных площадок в коммуникативные, они стали отправной точкой в истории массового появления групп и пабликов, связанных с идеологией и политикой. Как пишут Галина Никипорец-Такигава и Эмиль Паин, в контексте «ликвидации слабых демократических институтов в России и замены их в середине 2000-х механизмами “управляемой” или “суверенной демократии”» участники «идеологически направленных» ВК-сообществ, преимущественно жители регионов, опознавали себя на периферии социального и политического ландшафта: у них не было ни официальных каналов коммуникации с местной или столичной властью или способов воздействия на них, ни возможности или желания выйти на протестные акции, а контролируемая государством публичная сфера исключала обсуждение социальных проблем, «общественной рационализации способов, цены и средств их решения, изложенных в политических программах как прокремлевских, так и оппозиционных партий» [Никипорец-Такигава, Паин 2016: 316]. Подобные паблики «идеологической

направленности» становились площадками создания и обучения дискурсивным приемам критики власти, под влиянием протестов 2011–2012 годов продолжая развивать дискуссии вокруг деятельности государственных институтов и вопросов внутренней и внешней политики, обходя стороной темы прав человека, толерантности и дискриминации различных социальных групп [Никипорец-Такигава, Федюнин 2016: 150–151; Федюнин 2016: 205–207].

В этом контексте история антиэйджистских ВК-сообществ открывает сюжеты, связанные с выражением несогласия, которые не попадали в фокус интереса исследователей рунета, протестной активности или социальных движений. Подобная перспектива позволяет рассматривать антиэйджистские и подобные им дискурсивно-ориентированные паблики ВКонтакте как пространства, в которых оказалось возможно не только выражать несогласие с институтами власти и государственной политикой, но и создавать язык разговора о социальных и политических проблемах определенных групп — о темах, которым не было место в деполитизированной публичной сфере. Несовершеннолетние как социальная группа, а тем более их права и положение, не были предметом интереса ни для протестующих, ни для оппозиционно настроенных граждан, участников различных групп и пабликов, посвященных идеологическим вопросам. И те, и другие в принципе не занимались вопросами групповых идентичностей, предпочитая говорить исключительно в абстрактных формах гражданских объединений («народ», «Мы») [Журавлев 2014: 51–54; Федюнин 2016: 205–207]. Этот фокус на социальной группе требовал от участников антиэйджистских групп и пабликов, как и от феминистских дискурсивно-ориентированных сообществ [Solovey 2018: 113, 117–118], создавать места, в которых не только обсуждались правовые и социальные проблемы, но под вопросом оказывалась сама повседневность, способы восприятия себя и окружающих людей.

Лавируя между разными техническими возможностями соцсети ВКонтакте, антиэйджисты смогли с нуля собрать свою версию «эйджизма» как проблемы, сделать ее сначала видимой (благодаря свободному доступу к публикации любым пользователем), а потом коллективно прорабатывать ее проявления в различных измерениях жизни: за счет тематически дифференцированных сообществ, работы редакторов и модераторов, возможности создать чат для закулисного обсуждения идей, функционирования «предложки» и формирования канонической формы антиэйджистских высказываний, требующей новых и нетривиальных подходов к содержанию.

В каком-то смысле, аффордансы соцсети ВКонтакте позволили антиэйджистскому проекту случиться — платформа предлагала возможность относительно свободного и, в отличие от Twitter, развернутого публичного самовыражения, а формат веб-сообществ

предоставлял выбор между разными формами взаимодействия подписчиков, администраторов и модераторов, предполагавшие несколько конфигураций коллективного авторства (в отличие от Instagram*, YouTube или Telegram). Пример антиэйджистских ВК-сообществ показывает, что в начале 2010-х годов платформа ВКонтакте становилась не только площадкой для мобилизации и для критики власти, но и делала возможным своеобразную форму активизма, участники которого делали ставку не столько на привлечение аудитории и заполучение поддержки своих идей, сколько на процесс их формулирования и обсуждения.

С другой стороны, как мне кажется, чтобы лучше понимать специфику кейса антиэйджистских пабликов ВКонтакте, необходимо обратиться к категории «публичности» и ее роли в феноменах детских и подростковых культур. Исторические исследования детских и подростковых групп и объединений на русскоязычном материале демонстрируют типологически схожие кейсы, которые совпадают с антиэйджистскими веб-сообществами по критериям «коллективности» и «самоорганизованности» участия.

Так, Дмитрий Козлов показывает, как были организованы неофициальные группы советских школьников в период оттепели, пытавшиеся отвоевать для себя альтернативные социальные пространства. Организованные тайно от взрослых, эти объединения попадали в поле зрения контролирующих органов как «потенциально опасные» и «становились поводом для беспокойства педагогов и функционеров даже в тех случаях, когда эти группы оставались идеологически лояльными» [Козлов 2015: 459]. Согласно Козлову, тайные объединения помогали школьникам «стать на равных с миром взрослых и компенсировать отсутствие признания с их стороны — даже для осуществления социально-конформных задач» [Там же: 456]. Советские школьники ориентировались при создании и организации своих групп на такие культурные ресурсы, как кинокартины и литературные произведения, в которых персонажи действовали в подполье («Молодая гвардия» Александра Фадеева и фильм Сергея Герасимова, «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара, «Овод» Этель Лилиан Войнич). С другой стороны, они заимствовали ритуальные элементы государственных институтов и адаптировали их под свою группу (название, устав, членские взносы и билеты, гимны, протоколы собраний). Как замечает исследователь, «в системе ценностей советского подростка послевоенного времени интересы общепознавательного, политического и развлекательного свойства, желание подражать тем или иным тайным структурам или практикам подпольной деятельности могли быть совершенно равноценны» [Там же: 471].

Самодетельные журналы можно представить как другой сюжет, в котором раскрывается детское соучастие в формулировании своей социальной роли. На материалах

рукописных школьных журналов начала XX века Александр Борисович Лярский показывает, как любительская периодика могла функционировать как «машинка по выработке мировоззрения» [Лярский 2020]. Представляя журнал и как феномен, и как практику, Лярский демонстрирует, как школьники вовлекались «в ситуации, связанные с самоорганизацией, противостоянием школьной администрации, и в то же время в ситуацию своеобразной повседневности общественной жизни» [Там же: 37]. Ссылаясь на работу Йохена Хелльбека, Лярский показывает, что самосознательность как структурный элемент школьного журнала согласуется с категорией «сознательности» революционной интеллигенции, которая означала «способность видеть законы истории и понимать свои возможности как субъекта исторического действия». Эта «сознательность» советского субъекта должна была быть достигнута через интенциональную работу с собственными взглядами, через построение мировоззрения как «упорядоченной и ясной» системы ценностей и ориентиров [Там же: 43].

Несовершеннолетние активисты-антиэйджисты, как и неформальные объединения школьников оттепели, и редакторы и авторы дореволюционных школьных журналов, подражают «взрослым» формам — форумам, политическим партиям, дебатам — и организуют пространство для высказываний, сочиняют гимны и уставы, осваивают редакционную политику и навыки самоцензуры. Однако привлекательность тайны, которую часто наблюдают у детских и подростковых объединений, в кейсе антиэйджистских ВК-сообществ нивелируется за счет прагматики и всеобщего обсуждения положения несовершеннолетних, и публичной критики и информирования общественности о несправедливости детско-взрослых отношений как социальной проблемы.

Выработка мировоззрения, идеологический стержень создания школьных журналов, в антиэйджистском активизме прирастает другой характерной чертой — необходимостью публичного выражения своих мировоззренческих позиций. Интернет и ВКонтакте, в частности, спровоцировали участников антиэйджистских групп и пабликов опознавать в себе акторов публичной сферы — глобальной виртуальной деревни, контрпубличной ниши активистских медиа или независимых интернет-изданий — и рефлексировать об условиях и чертах этой публичности.

В этой конфигурации разных форм «публичности» и своеобразного модуса активизма, направленного на процесс формулирования, а не на мобилизацию и политическое действие, — антиэйджисты смогли не только транслировать и видоизменять устоявшиеся жанры и темы критики, но и создавать новые.

Глава 2. Производство антиэйджистского дискурса

Данная глава посвящена конкретным риторическим фреймам, репертуарам жанров и интерпретативных схем, которые использовали авторы-антиэйджисты для артикуляции своей повестки. Для анализа антиэйджистского дискурса я задействую несколько аналитических аппаратов, работающих с проблемой производства и артикуляции знания.

Так как антиэйджистский проект строится вокруг дискурсивного производства групповой категории «ребенок» и «подросток», я обращаюсь к аналитическому языку, разработанному Роджерсом Брубейкером с опорой на работы Эрвина Гоффмана. Критикуя понятие «идентичность», Брубейкер предлагает более строгий категориальный аппарат, для того чтобы избежать «эссенциалистских коннотаций» (то есть беспроblemного определения коллективной идентичности как монолитной и цельной для всех субъектов сообщества) и «конструктивистских модификаций» (предлагающих такие неопределенные и неоперациональные характеристики, как «фрагментарная» и «текучая»). Анализ «категоризации» и «идентификации» корректирует исследовательские вопросы в сторону рассмотрения процессуальности категориальной работы и акторов, которые производят категории и идентифицируют себя через них [Брубейкер 2012: 33–35, 43, 73–74]. В этой перспективе «фреймирование»³¹ становится основной операцией акторов по конституированию события и самих себя как обладающих «этническим», а в случае антиэйджистских дискурсивных проектов — «возрастным» измерением.

Чтобы систематизировать фреймы, использованные антиэйджистами, я обращаюсь к подходу Нормана Фэрклоу и заимствую из него синтетический метод анализа, построенный на соотнесении «жанров», то есть относительно устойчивых типов высказывания (в моем исследовании — жанр публикации), и «дискурса» как конкретного способа придания смысла опыту. Конфигурация дискурсов и жанров, или «дискурсивный порядок», по мнению Фэрклоу, определяет, что и как может быть сказано о том или ином явлении в конкретной ситуации и участниками конкретной группы [Фэрклоу 2015: 509]. Таким образом, реконструкция той системы знания о детях, которой придерживались участники в разное время и в разных веб-сообществах, возможна через поиск *микро-*

³¹ Применяя понятие «фрейм», я во многом опираюсь на опыт Марии Львовны Майофис, отраженный в исследовании литературного общества «Арзамас». Согласно Майофис, для того чтобы литературные произведения были прочитаны определенным образом, их авторы создают тексты в символическом соотнесении со знакомыми для их аудитории рамочными конструктами публичной критики [Майофис 2008: 160–163]. Таким образом они «препарируют ситуацию», манипулируя интерпретацией публики. Исследовательская стратегия в таком случае выглядит как анализ контекстов события, поиск предшественников и прецедентов, к которым обращаются акторы фреймирования.

стабильностей в дискурсе, тех жанров и риторических стратегий, которые повторяются в публикациях.

В трех следующих параграфах я выделяю три дискурсивных порядка в антиэйджистских веб-сообществах в зависимости от конфигурации жанров публикаций и способа фреймирования детско-взрослых отношений — я называю их «дискурс травмы», «дискурс угнетения» и «терапевтический дискурс». Конечно, проведение границ между ними — моя исследовательская уловка, облегчающая анализ основных сюжетов и риторических стратегий. Если рассматривать все публикации и комментарии в группах и пабликах как единый медиа-нарратив — то все порядки дискурса наслаиваются друг на друга. Более того, как я покажу далее, способы говорить о травме, угнетении и эмоциональном или психологическом страдании имеют одни и те же историко-культурные истоки и иногда пересекаются в тех текстах, которые антиэйджисты используют как образцы для построения собственных.

Антиэйджисты обращаются к известным им способам репрезентировать реальность, используя риторические стратегии, интерпретативные схемы и жанры высказываний, распространенные в произведениях литературы, искусства и кино, академических и активистских текстах или официальных документах. Их выбор оказывается обусловлен и режимом публичности пространства, в котором антиэйджистский текст артикулируется, и предшествовавшими нарративами, и историко-культурным и политическим контекстом (временем создания или репоста). Таким образом, понятия «фреймирования», «категоризации» и «идентификации» позволяют поставить вопросы об интертекстуальности и исторических и интеллектуальных контекстах: о том, как при производстве и интерпретации текстов антиэйджисты принимают во внимание другие «тексты» и типы «текстов», которые доступны им в культуре.

2.1. Дискурс травмы: «детский вопрос» в варианте ВК-группы БЗР

2.1.1. Исследовательский контекст: дискурс травмы

Как события частной детской жизни перестали принадлежать приватной сфере семьи или ближайших кругов общения с ровесниками или взрослыми (учителями, детскими психологами) и трансформировались в обобщенный символ детского страдания и морального зла и в тему для обсуждения в кругу незнакомцев? В первые несколько лет в группе БЗР происходит именно этот сдвиг в воображении «детского». Для того чтобы понять, какими риторическими стратегиями авторы-антиэйджисты достигают такого

символического обобщения и перевода темы, грубо говоря, из приватной в публичную, я обращаюсь к функционально схожим нарративным моделям — нарративам травмы.

Как замечают Ник Хаслам и Мелани Дж. Макграт, начиная с 1960-х годов и особенно в 1980-х и 1990-х «травма» становится широко распространенным способом осмысления личного и коллективного опыта как в научном, так и в повседневном лексиконе. Превращению травмы в гибкий интерпретативный инструмент предшествовало несколько семантических сдвигов этого понятия: травма (с лат. «рана») перестала занимать исключительно домен физического тела, расширив свою онтологическую природу до различных соматических состояний³², а события, которые могут наносить травму, стали не только экстраординарным, но и повседневными [Haslam, McGrath 2020: 510, 518–524]. Этот процесс описывают и другие авторы: Джеффри Александер наблюдает популярность языка травмы в публичной риторике для осмысления «больших» событий двадцатого века [Александер 2013: 256–257], Салли Мант отмечает появление нового жанра «жертвы травмы» в массовой культуре [Munt 2017], а Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг фиксируют становление культуры виктимности [Campbell, Manning 2018].

С позиции культурсоциологии за процессом конструирования события как травмы стоит нарушение способов символического соотнесения себя с коллективной идентичностью, из-за которого сообщество утрачивает способность отыгрывать привычный эмоциональный паттерн и соответствовать культурным ожиданиям. Другими словами, под травмой понимаются события и процессы, которые заставляют субъектов задавать онтологические вопросы как к происходящему, так и к себе, окружающим людям и миру в целом. Появляющийся вследствие этого нарратив травмы «представляет социальную боль как основную угрозу их [«травмированных» субъектов] пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [Александер 2013: 275]³³. Чтобы продемонстрировать этот процесс, Александер обращается к большим событиям, повлиявшим на ход политической истории США в XX веке (Холокост, «Уотергейт»), показывая, как поначалу не выделяющиеся из общего течения войны или политической жизни события становятся событиями сверхзначимыми и решающими судьбу сообщества.

³² Травма стала относиться к психологическим или эмоциональным измерениям ближе к концу XIX века под влиянием работ Зигмунда Фрейда о происхождении истерии и Пьера Жане о диссоциации [Haslam, McGrath 2020: 518].

³³ Вслед за Александером необходимо указать, что у «детской травмы» могут быть материальный, физический и событийный уровни, но они могут и отсутствовать — насилие над ребенком может действительно иметь место, как и обида, нанесенная взрослыми, а может быть выдуманной историей. Однако для исследовательских задач нет никакого смысла редуцировать травмирующий опыт к пониманию его как симптома события. В процессе написания и публикации текстов, создания мемов или съемки видео участники групп и пабликов производят конкретные интерпретации и вводят их в социальную жизнь веб-сообщества, предлагая аудитории «клише» или когнитивные схемы для осмысления повседневности.

Как замечает Александер, успех репрезентации травмы, который приводит к производству коллективной идентичности, зависит от конструирования убедительной системы культурной классификации, охватывающей природу боли, природу жертвы, связь жертвы травмы с более широкой аудиторией и распределение ответственности [Там же: 279–283].

Я предлагаю называть период интерпретативной работы участников БЗР в 2012–2015 годах «дискурсом травмы» именно из-за типологического сходства опубликованных антиэйджистских нарративов с конструкцией нарративов травмы Александера. В таком случае «травма» понимается как зонтичный термин, вбирающий в себя довольно широкий спектр событий и процессов, которые заставляют авторов-антиэйджистов размышлять над причинами происходящего, обращаясь к групповым категориям и поиску объяснительных моделей, социальных законов и логики окружающего мира. Я заимствую из подхода Александера четыре составляющие системы культурной классификации в нарративах травмы и использую их в качестве композиционной структуры своего анализа. Согласно истории организации антиэйджистских веб-сообществ, группа БЗР функционировала как «школа» антиэйджистской рефлексии для большинства современных антиэйджистов и была фактическим началом русскоязычной версии антиэйджистского дискурса, от которого отстраивались все последующие способы говорить о детском. Чтобы учесть эту преемственность в анализе, на протяжении всех последующих параграфов я обращаю внимание на то, как изменяется план содержания и роль репрезентаций «события», «врага» и «жертвы» для пабλικов, в которых формировались другие дискурсивные порядки.

В русскоязычном дискурсивном пространстве нарративы травмы как способы осмысления личного и коллективного опыта становятся особенно заметны исследователям в 2000-е годы [Миськова 2022: 223]. Эллен Руттен, работая на материале русскоязычных медиа-текстов и исследуя «травму» как категорию практики, приходит к выводу, что конструкция нарратива травмы стала распространяться в период новой интенсификации дискурса искренности. (Новая) искренность, появление которой Руттен фиксирует в 2000-е и в первой половине 2010-х годов для российского медиа-пространства, оказывается вернакулярным способом преодолевать «травмы» прошлого и за счет «терапевтической» функции глубоко укореняется в публичной риторике [Руттен 2022: 292–349].

Как утверждает Елена Миськова, в российском медиа-пространстве нарративизация травмы оказывается тесно связана с детско-родительскими отношениями [Миськова 2022: 223]. Травма описывается как психологический вред ребенку, причиненный в результате как физического насилия, так и эмоциональной агрессии, а публика нацелена на то, чтобы излечить своего «внутреннего ребенка», «жертву» семейных конфликтов, от травм прошлого. Эта риторика оказывается созвучна и устойчивому образу «детей-жертв» и

«подростков-жертв» (жертв как физического насилия, так и политической пропаганды), которые распространяются в логической связи с официальным дискурсом детской политики в России.

2.1.2. Детская политика России 2000–2010-х годов: опасные и беззащитные несовершеннолетние

В исследованиях, посвященных детской политике России в 2000-х годах, различные авторы формулируют три общие характеристики — они отмечают неоконсервативный поворот, консолидацию «системных» политических сил и общественности и этатистский («устойчиво алармистский» и «временами даже апокалиптический») характер риторики [Журженко 2004; Львовский 2010: 20; Kukulin 2021: 180]. В этой перспективе «ребенок» предстает не просто как объект пристального внимания государства и общества, но и как сакральная фигура, которая напрямую связана с «национальной безопасностью» [Журженко 2008: 128–129].

«Защита беззащитного», как один из главных тропов детской политики и, соответственно, публичной риторики России начала 2000-х годов, предполагает, что ребенок — «предельно беззащитное существо, которое следует всеми силами ограждать от недобросовестных родителей, педофилов, растлевающего влияния Запада, наркотиков и бог знает чего (и кого) еще» [Львовский 2010: 21]. Эта риторическая формула оказывается востребованной в рамках российского политического режима и появляется в качестве обоснования таких решений, как принятие поправок к закону «Об информации...», предложение о возвращении смертной казни за педофилию в уголовный кодекс, введение комендантского часа для подростков [Там же: 25].

Обратной стороной этой риторики стал образ ребенка как «опасного» или «потенциально опасного преступника», подпитывающийся публично оглашаемой статистикой растущей подростковой и детской преступности, которой вторил рынок массовой культуры³⁴. Как кажется, подразумевалось, что дети становятся «преступниками» или начинают вести «девиантный образ жизни» и от недосмотра, и по собственной

³⁴ Так, можно вспомнить псевдодокументальный сериал «Школа», созданный Валерией Гай Германикой в 2010 году, который изображал «настоящую жизнь» российских школьников, или заголовки статей, опубликованных на российских новостных сайтах, на которые ссылается Станислав Львовский: «На Урале подростки зарезали мужчину за похвалу, а потом надругались над трупом из любопытства», «В Иркутске школьники из банды “Магия крови” пытали и убивали людей “ради смеха”: 8 жертв», «В Томске 12-летние школьники стали серийными убийцами после просмотра фильма “Молчание ягнят”» [Львовский 2010: 25, 29]. Об образах политически и социально некомпетентных несовершеннолетних в публичной сфере см., например: [Желнина 2014: 147].

некомпетентности как в социальном, так и в политическом мире. Так, во время оппозиционных митингов 2010-х годов «школота» станет не только неожиданным участником политической сферы, но и краеугольным камнем критики оппозиционного движения, чья риторика как бы и направлена на беззащитных детей, и срабатывает только на них из-за детской глупости и неспособности к самостоятельной политической рефлексии³⁵ [Прус 2023: 173].

2.1.3. Поиск события травмы: от бухгалтерии ошибок к трагическому нарративу

Темами самых первых публикаций в БЗР, первом антиэйджистском ВК-сообществе, становятся неприятные и единичные эпизоды в жизни ребенка, описывавшиеся участниками от первого лица: от жестокого обращения с автором, в том числе, физического насилия, до столкновения автора с оскорблениями, различными запретами и пейоративными стереотипами о детях и детстве. Администраторы БЗР поддерживали этот жанр публикаций³⁶, прося подписчиков присылать личные истории о несправедливости взрослых. Иногда такие эпизоды komponуются в одном тексте и выстраивают автобиографический нарратив одного участника как череду страданий, причиненных взрослыми.

Когда мне было 5 лет, я слёг в больницу с аппендицитом. Я тогда чуть не умер. В то же время мама уехала из Приозерска жить в Петербург. <...> Только потом узнал правду, когда повзрослел: маме не нравился папа, и она решила с ним расстаться. <...> 3 года жил в Приозерске без мамы. И это были не самые лучшие годы. Папа бил меня и орал на меня по всяким пустякам: когда я сломал отвёртку и ломал игрушки, когда порвал плёнку... Навязывался, водил туда, где я не хотел бывать... <...> Школу я тоже не любил. Особенно в 3-5 классах. Вообще, школа - не более, чем заведение для насильственного вбивания абсолютно ненужных и устаревших для нашего времени знаний. Из-за моего непростого характера и неспособности ужиться в коллективе меня перевели на индивидуальное обучение. В данный момент я окончил 9 класс, и я считаю, что пора завязывать со школой [Привет, мир! 2013].

³⁵ Например, типичный образец текста, в котором появляется «школота» на платформе LiveJournal в начале 2010-х годов: «Просто несколько сотен особенно невменяемых граждан всё-таки выходит с ножами, вилками, арматурой и огнестрелом на площадь Европы в надежде помитинговать (аналогичное происходит на Сенной в Питере). По преимуществу это тупая необразованная школота несовершеннолетние граждане. Ещё бы! Ведь у взрослых-то хватило всё-таки ума сообразить, что для серьёзно планируемой акции шума вокруг её подготовки ну чересчур много» [Просто несколько сотен 2010].

³⁶ «Если можешь написать что думаешь о школе или воспитании- пиши, будем рады! У нас темы от несовершеннолетних приветствуются!» [А кто стер 2012].

Такой подход к производству текстов превращает «ленту» ВК-группы в бухгалтерскую сводку, точный учет всевозможных ситуаций, в которых активными героями, наносящими обиду, изображаются конкретные люди (в соответствующей форме: «моя мама», «моя классуха», «психолог в моей школе»). Эти личные истории оказываются глубоко персонализированными и в отношении адресатов сообщения: получателями месседжа становятся как «любимая группа» или «Бзрчики», так и «родители», «старшие». Иногда авторы в одном тексте совмещают возможность прочтения своих публикаций одновременно и родителями, к которым они обращаются для исправления ситуации, и участниками, взрослыми и детьми, к которым авторы обращаются за поддержкой³⁷. На контрасте с последующими публикациями в БЗР или в других антиэйджистских пабликах видно отсутствие специальных риторических приемов обоснования несправедливости: неприятные ситуации *просто* происходят, авторы публикаций *просто* переживают от этих конкретных ситуаций негативные эмоции³⁸.

В группе БЗР существовал и другой жанр публикаций, который поначалу использовали только администраторы. Сюжетной основой таких высказываний стали служить выдуманные истории о детях и взрослых, выдержки из школьных учебников и Википедии, пересказы новостных репортажей, касающихся домашнего насилия, возрастных ограничений или, например, школьной формы³⁹. Повествование в подобных публикациях или комментариях строилось на обобщенных рассуждениях о детско-взрослых отношениях, где взрослые и несовершеннолетние представляли антагонистическими групповыми персонажами, а их любое взаимодействие изображалось подобно «трагическим нарративам» травмы, описанным Александером [Александер 2013:

³⁷ «Обращение к детям: согласны ли вы со статьёй?» [Проект Свободные дети 2 2012].

³⁸ Здесь необходимо уточнить, что авторы не нуждаются в обосновании интерпретации события, но чувствуют сомнение, например, в том, чтобы рассказывать о своих переживаниях в веб-сообществе. Так, например появляются формульные «вступления» в личные истории — публичные выражения сомнений, предваряющие нарратив. «Можно я тут кое-что расскажу. пожалуйста? Надеюсь, что да...» [Можно я тут 2013].

³⁹ В качестве примеров можно привести следующие публикации: «В Курганской области бабушка пыталась внуку кочергой...» [В Курганской 2014]; «Возрастные ограничения на российском ТВ...» [Возрастные ограничения 2012]; «Детей до 13 хотят отгородить от интернета...» [Детей до 13 2013]; «Очень жизненно. Возьмите на заметку...» [Очень жизненно 2013]; «Когда уходит детство? Подростки. Правда о традициях...» [Когда уходит 2013]. Для большей наглядности участники создавали серии «демотиваторов» (картинок с подписями), которые должны были указать на несостоятельность сложившегося образа ребенка или подростка как неспособного к интеллектуальной деятельности, моральным или политическим решениям. Например, один из сохранившихся демотиваторов: «Блез Паскаль. Старая физичка заставляла тебя зубрить его теорему? А она сказала, что он ее открыл в 16 лет?» [Блез Паскаль 2015]. Демотиваторы стали излюбленным приемом одной из администраторок БЗР по оформлению антиэйджистских высказываний и появляются в группе и в 2017 году, когда демотиваторы утрачивают свою популярность. Этот прием связывает БЗР с жанровой спецификой и форумов Mail.ru, и блогов LiveJournal, и таких популярных групп ВКонтакте, как «МДК», однако в антиэйджистской группе они переделываются как тематически, так и визуально (меняя цветовую палитру — с конвенционально черной окантовки на красно-зеленую).

153–174], как столкновение абсолютного добра и абсолютного зла. В подобных нарративах авторы-антиэйджисты обнаружили общую «социальную боль», пространством которой выступают не эпизод или эпизоды собственной биографии или отдельные события более широкого контекста, но само детство, состоящее из череды обид, оскорблений и унижений. В процессе этого обобщения появилась необходимость вопрошать, как взрослые становятся источником несправедливости к несовершеннолетним и как различные дети и подростки могут идентифицировать себя с воображаемой группой «жертв» самого опыта несовершеннолетия.

К концу 2013 года большинство авторов-антиэйджистов отказываются от публикаций личных историй несправедливости и подхватывают предложенный администраторами жанр, а автобиографические свидетельства обид со стороны взрослых, прежде поддерживаемые лайками и комментариями, становятся самыми непопулярными, игнорируемыми читателями публикациями⁴⁰.

2.1.4. Конструирова «взрослых»: стратегии БЗР

Травмирующий «взрослый»: от адресата к «врагу»

В рамках нарративной конструкции «бухгалтерия ошибок» комментаторы и авторы описывали конкретных людей — своих родителей и учителей — как тех, кто причиняет обиду, и обращались к ним же для исправления ошибок или предлагая свой вариант «правильного» поведения с детьми [Проект Свободные дети 3 2012; Очень жизненно 2013]. В то же время авторы БЗР предлагали жаловаться в различные властные институты (органы опеки, администрацию образовательного учреждения, министерство образования, полицию, прокуратуру), тем самым расширяя репертуар возможных для ребенка действий [Если училка 2013]. Ребенок, по мнению авторов-антиэйджистов, должен не просто информировать конкретных людей, а собрать доказательства, организовать коллективное *детское* участие и обращаться напрямую во властные институты, не прибегая по возможности к посреднику в виде родителя или законного представителя, так как это дискредитирует его или ее самостоятельность. Такие советы собирались в отдельное обсуждение, в котором участники БЗР моделировали последовательность действий, делились цитатами из законов, обосновывающих их правоту:

⁴⁰ Например, автор следующего поста пишет канонический для раннего БЗР текст, рассказывающий о сложных отношениях с родителями, но не получает ни одного комментария от участников [Всем привет, моя мать меня ненавидит 2016].

Главное- собрать доказуху: записи его ругани на диктофон, видео противоправных действий данного педагога, и т.д. А кое-какие полезные сайты, где можно узнать соответствующие номера телефонов, в т.ч. по конкретно Вашему региону, и даже отправить электронную жалобу, у нас собраны тут: http://vk.com/topic-37349221_27328141 <...> Вы можете абсолютно официально от нее отказаться. Мы так географичку слили в 6м классе [Сборник “Куда жаловаться на взрослых?” 2012].

Даже когда агентом, создающим несправедливость, становятся не конкретные учителя, не конкретные родители, а все взрослые — многие авторы видят адресатом сообщения все тех же «взрослых» акторов. Как замечает Галина Зеленина, адресация к власти в заявлениях против действий власти — характерное явление для российской публичной сферы в 2000–2010-е годы, как для «старших и более консервативных групп населения», которых волновали «преимущественно экономические трудности в середине 2000-х», так и для «либеральной общественности в 2010-е»⁴¹ [Зеленина 2017: 100]. Массовое использование этого риторического приема, по мнению исследователей публичной сферы, напрямую связано с неразвитыми институтами гражданского общества [Там же: 99].

В «трагическом» повествовании репрезентация «взрослых» оказывается полностью посвящена тому, чтобы подорвать их восприятие как агентов власти, как трансляторов морального порядка и авторов «правильной» интерпретации мира, в том числе представлений о том, кто такие дети и как должны выстраиваться детско-взрослые отношения.

Несмотря на то, что во время периода «бухгалтерии ошибок» авторы в БЗР не ставили вопрос о «взрослых» и не размышляли о мотивах и причинах их поведения, само количество публикаций, в которых подписчики свидетельствовали о «злодеяниях» над собой, выступило доказательством универсальности несправедливости по отношению к несовершеннолетним. В рамках «трагического нарратива» эти же «злодеяния» начинают интерпретироваться на языках закона и морали — как «злые» по своей природе поступки и как «преступления» в правовой реальности.

Но вот крещение в грудном возрасте и вбивание религии вперемешку с молоком матери- нарушение принципа свободы вероисповедания, который есть и в Конвенции о

⁴¹ В качестве примеров Зеленина приводит петиции президенту в защиту Михаила Ходорковского [Зеленина 2017: 100].

правах ребёнка, и в конституциях всех мало-мальски демократических и даже псевдодемократических государств. Поэтому тут мы категорически против [Вот такие взрослые 2013].

Так, авторы публикаций и комментариев начинают интерпретировать отношения со «взрослыми» через различные негативные коннотации: «родительская любовь» предстает как риторическое оправдание неправильно выстроенного института семьи [Дети должны знать 2012], а «уважение к взрослым» — как «тотальная промывка мозгов» [Есть такая страна Казахстан 2014].

Таким образом, детство в публикациях группы БЗР изображается как период постоянных обид и несправедливости, общей для всех несовершеннолетних «травмы», источником которой становятся различные, но однотипные по своей сути взрослые акторы. Эта абстрактная группа «взрослых» состоит из глупых и непонимающих (детей и современный мир) или злых и опасных (для детей и всего мира) акторов, совершающих «незаконные» и «морально неправильные» действия.

«Защитники детей», «Мизулина», «Государство» и «антипедоистерики»: БЗР картографирует детскую политику

«Защитники детей» для участников БЗР оказываются важной конститутивной фигурой в воображении «взрослых». В первых появлениях «защитников детей» в публикациях их представляют как обобщенную группу, продвигающую неправильную, по оценке авторов, детскую политику, которая оказывается результатом «непонимания» взрослыми детей или некомпетентности авторов законодательных предложений, «нелогичности» и «абсурдности» их слов и поступков:

Все вокруг носятся с защитой детей от того, от сего - от всего. И чем больше носятся, тем больше чепухи и путаницы. Нет, что-то тут явно не так. Что именно - вопрос; по моему, дело в том, что взрослые чем дальше, тем меньше понимают детей. Непонимание рождает страх. Думаете, ограничения направлены на то, чтобы защитить детей от жуткого мира? Нет, они нужны, что защитить напуганных взрослых от жутких детей. и чем меньше понимания, тем строже запреты: это не смотри, то не слушай, туда не ходи, то не делай [О защите детей 2013].

Но в качестве мер борьбы с “волной педофилии” власти и “патриоты” почему-то предлагают наоборот, тотальный контроль семьи над личной жизнью детей, ограждение

их от интернет-общения и просмотра тех или иных передач. А также усиление власти семьи над ребёнком и прекращение вмешательства госорганов в жизнь семьи. Ну и где тут логика? Капитан Очевидность, АУ! [Сексуальное насилие 2013].

Защитники детей от вредной информации ЛОХАНУЛИСЬ, опровергнув собственную концепцию [Защитники детей 2014].

К 2013–2014 годам «защитники детей» в риторике участников БЗР заменяются фигурой Елены Мизулиной (и реже — Виталия Милонова), критика которой оказывается идентична массовому и нишевому «символическому сопротивлению “мизулинщине”» [Зеленина 2017]. Через приемы инверсии, сравнения, подмены, выделенные Зелениной на своем материале, авторы-антиэйджисты БЗР встраиваются в более широкую общественную дискуссию, но ограничивают ее для себя «детской» темой. Вместе с устойчивыми формами обсуждения и репрезентации инициатив Мизулиной и ее самой как публичной фигуры в БЗР появляется новый способ интерпретации социального мира — авторы-антиэйджисты начинают искать скрытые мотивы «взрослых».

Так, согласно авторам-антиэйджистам, детская политика России и, в частности, инициативы Мизулиной должны пониматься как *ширма* войны взрослых против детей, а «защитники детей» — как люди, «покрывающие» преступления взрослых. Например, комментарий пользователя Wadd As-Saba2i от 05.08.2013:

Защитники семьи и “традиционных ценностей” громче всех кричат о морали, защите детей от сексуального растления, а реально их позиция - как раз в покрывании всяких подонков и педофилов. Ведь за закрытыми дверями семьи можно творить с детьми что угодно [Защитники семьи 2013].

Подобные интерпретации провоцируют появление тезиса о том, что роли «защитника детей» и «взрослого» несовместимы: только они, «дети и подростки», могут быть защитниками детей, так как обладают знанием о том, кто такие дети и подростки и что им нужно.

Движение БЗР поздравляет всех детей и их защитников с Международным днём защиты детей! 1 июня - наш главный праздник. Мы напоминаем всем детям и подросткам, что никто не выразит и не защитит наши интересы лучше нас самих! [С Днём защиты детей! 2013].

Эти представления останавливают авторов-антиэйджистов от поиска союзников: обращаясь к словам и действиям активистов и публичных фигур, занимающих те же позиции по отношению к детской политике «мизулинщины», что и участники БЗР, авторы публикаций находят и в них примеры «злого», «аморального» и «незаконного» взрослого мира.

А во-вторых, Харламов и группы т.н. “антипедоистериков” трубят об этом уже давно. Но им мы не доверяем, ибо так же давно знаем тех, кто их группами рулит. Такие колоритные персонажи! Один Фрадкин чего стоит! Решил что он гений и может один определять кто дозрел, а кто нет. И слово “ребёнок” считает уничижительным. И систему образования поддерживает [Госдума приняла 2013].

Поиск скрытых мотивов становится популярной интерпретативной операцией для участников БЗР. «Взрослые» оказываются агентами, творчески разрабатывающими разные стратегии, чтобы сохранить существующее распределение ролей в детско-взрослых отношениях и не только: взрослые убеждают всех, что дети беззащитны, придумывают законопроекты, не приносящие пользы ни детям, ни обществу, прикрываются детьми в международных отношениях, не хотят делиться взрослыми знаниями и поэтому устанавливают возрастные ограничения, специально вычитывая для этого «книги Сергея Есенина, Ивана Бунина и Владимира Набокова», чтобы найти в них «эотику, мистику, ужасы и хулиганские стихи» [Снова-здорово 2013].

Под “защитой детей” подразумевается охрана тех свойств детей и подростков, которые делают этих детей и подростков УДОБНЫМИ для взрослых [Под “защитой детей” 2013].

А если дать юным слишком много возможностей доказать, что они могут гораздо больше, чем считается по распространённым современным взглядам, они могут со временем подорвать оправдание законов, закрепляющий их статус поражённого в правах “несовершеннолетнего” <...> Если большое количество взрослых начнёт относиться к детям и подросткам как к равным, то может получиться, что, посредством этих взрослых голос молодёжи станет слышен в обществе, чего многие родители и государственные чиновники не хотят допустить [Что скрывается за законами 2014].

Еще одним сюжетом, в котором отчетливо заметно появление репрезентации всех «взрослых» как врагов, становится обесценивание «взрослости». Если в 2012–2013 годах

«взрослость» оказывается проблемным местом для участников группы (с одной стороны, участники спорят о значении «взрослости», с другой — некоторые авторы присваивают «взрослость» и используют ее как риторическую легитимацию собственных суждений), то к 2014–2015 году авторы БЗР настойчиво отрицают положительные качества «взрослости» как таковой. «Взрослость» критикуется как пустое понятие⁴², которое агенты «взрослого мира» инструментализируют для личных выгод (объяснительными моделями в таком случае становятся утверждения, что, например, «взрослые» прячут под «взрослостью» свои «настоящие эмоции»⁴³ и настороженность к детям⁴⁴, или используют «взрослость» как способ сохранения властной позиции⁴⁵).

Использование стратегии поиска скрытых мотивов, которой антиэйджисты интерпретируют любые действия конкретных и абстрактных взрослых, позволяет сопоставлять антиэйджистский дискурс с глобальными [Masco, Wedeen 2024: 1] и локальными тенденциями распространения конспирологической риторики. Как отмечает Зеленина для российского публичного пространства, подозрение мотивов «во взгляде на действия власти было свойственно и позднесоветскому обществу, привыкшему, что его обманывают, привыкшему за “Лебединым озером” по телевизору подозревать смерть генсека или взрыв на атомной электростанции. Такими же спекуляциями занимается и нынешнее российское общество, уверенное, что резонансные, но абсурдные или, по крайней мере, не приносящие государству прямой выгоды законодательные инициативы призваны отвлечь внимание от иных — непопулярных, угрожающих населению, возможно, противоправных — действий власти» [Зеленина 2017: 103].

Более того, стратегия поиска скрытых мотивов и сами сюжеты, которые используют авторы-антиэйджисты, намекают, что их источником становились не только дискуссии пользователей на морально и политически острые темы, но и сам официальный дискурс детской политики России. Тем самым дискурс травмы в антиэйджизме производится, в том

⁴² Комментарий от сообщества «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР» от 19.10.2015: «Тебе просто пытаются объяснить, что не за чем называть это “взрослением”, т.к. подавляющее большинство взрослых не соответствует названным тобой качествам, а вот многие дети наоборот, соответствуют. Лучше отделить мух от котлет, а взрослость- от ответственности. И не пытаться реабилитировать “звание взрослого”. Слишком оно запозорено» [Запись удалена 2015].

⁴³ Комментарий от 19.10.2015: «взрослостью нельзя называть ничего, кроме тупо прожитых годков <...> И в понятие “взрослость” взрослые люди вкладывают своё любимое “повзрослел-поумнел” и прочую самовлюблённость» [Запись удалена 2015].

⁴⁴ «Социум, состоящий по большей части из избитых жизнью комплексующих людей, ненавидит проявления подлинности и свободы духа в детях. Поэтому с раннего возраста детей стремятся загнать, застрашить, забить, обездвигить, обрезать им крылья, упаковать их в рамки» [Детское программирование 2014].

⁴⁵ Комментарий от сообщества «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР» от 19.10.2015: «Вот мы и предлагаем не поддерживать этот выпендрёж “взрослостью” одних людей перед другими. А рассматривать вопрос в нейтральной плоскости. Так лучше для его понимания. Потому и предлагаем не привязывать самостоятельность к ответственности, а ответственность- к взрослости» [Запись удалена 2015].

числе, за счет использования официального языка политической системы для критики самой системы⁴⁶. Переноса риторiku и сюжеты официального дискурса власти в контекст антиэйджистского веб-сообщества, авторы публикаций совершают инверсию их смысла, переставляя «взрослых» и «детей» местами в координатах социальной и политической компетентности и моральной нравственности.

РоДятлы и зверюшки, КОРявые и школоты: язык вражды в БЗР

Одной из риторических стратегий конструирования «взрослых-врагов» становится создание и распространение дисфемизмов, речевых-этикеток, которые концентрируют в себе культурные и социальные характеристики. Согласно теории Кита Аллана и Кейт Барридж, появление дисфемизмов и эвфемизмов, языковых средств атаки и обороны, указывает на значимое социальное и политическое напряжение в культуре, на формирование представлений об объектах, требующих защиты и/или нападения [Allan, Burrige 1991: 222]. «Язык вражды» позволяет идентифицировать не только обидчика, но и самого говорящего и те сообщества, к которым он или она себя причисляет.

В ранних публикациях БЗР присутствовали обычные оскорбительные слова (как «дураки» и «сволочи»), но вскоре появлялись лексемы, которые либо бытовали в более широком контексте и были «переизобретены» для антиэйджистской темы, либо существование которых не фиксируется ни до появления БЗР, ни за пределами ВК-сообщества. Использование «языка вражды» в коммуникации участников БЗР — сигнал того, что интерпретация всего универсума детско-взрослых отношений (а не конкретных ситуаций взаимодействия детей и взрослых) как источника «травмы» закрепились в дискурсе участников.

Так, в ходе языковых игр производятся дегуманизирующие дисфемизмы «РоДятлы» или «зомбированные “недолюди”», маркирующие взрослых как интеллектуально некомпетентных субъектов [Дети должны знать 2012; Министерство образования 2014]. Однако особо популярной становится форма «КОРявые», которая появляется сначала для указания на участников конкретной группы на платформах ВКонтакте и Mail.ru («Комитет обеспокоенных родителей»), но вскоре начинает описывать обобщенную группу «взрослых»⁴⁷, которые выражают «обеспокоенность за детей» и только на словах

⁴⁶ Исследования типологически похожих приемов см., например: [Zitzewitz 2017: 119–120].

⁴⁷ «Многие родители (не все, таковой тип получил названия “КОРявые”) считают, что детям права даны, чтобы “отыгрываться” на них» [Дети должны знать 2012]. Другим примером выступает хэштег #КОРявые и рефлексия под ним о любых детско-взрослых отношениях [ОБОЖАЮ НАБЛЮДАТЬ 2017].

поддерживают их «защиту» и «обеспечение безопасности». Форма «КОРявые» изобретается в результате сворачивания названия веб-сообщества «Комитет обеспокоенных родителей» в аббревиатуру «КОР» и составления негативно окрашенного эпитета «корявые» с этой аббревиатурой. Появление и массовое использование этого дисфемизма можно отнести к 2013–2015 годам. Например, комментарии, оставленные подписчиками БЗР к репосту публикации из группы «Комитет обеспокоенных родителей»:

Там они себя такими героями и защитничками выставляют, а дома, пока никто не видит - позволяют себе всячески унижать, а иногда и избивать беззащитных детей <...>

Аха КОРявые =).

[Почитайте и посмейтесь 2014].

Эти примеры показывают риторические стратегии, которые легитимируют для антиэйджистов представление о «слепоте» взрослых к собственному нравственному несовершенству и указывают на негативное влияние «взрослого мира» на детей и подростков. Только позже и в рамках нескольких постов происходит привнесение в обсуждения «КОРявых» юридического фрейма, что позволяет участникам БЗР интерпретировать действия, направленные на «защиту детей», как нарушения Конвенции о правах ребенка, например, в описаниях родительского контроля в интернете:

К стати, там кроме следилки есть ещё сигнализатор снятия. Т.е. если ребёнок попытается эту штуку снять - родителям поступит сигнал тревоги. И тут уже прямая аналогия с тем прибором, который одевают на осуждённых к ограничению свободы [А вот вам подборочка 2020].

С другой стороны, участники БЗР активно используют слова «зверюшки», «собственность» или «рабы» для указания на себя и детей в целом, интенсифицируя представления о диспропорции власти в детско-взрослых отношениях. Другим присвоенным коллективным именем с негативной экспрессией становится «школота». Дисфемизм «школота» станет элементом критики «взрослых», которые сами соответствуют негативным коннотациям дисфемизма — «стадности», «некомпетентности», «анти-интеллектуальности» [И это поколение 2014; Так я вижу тех 2014]. В то же время авторы-антиэйджисты нейтрализуют негативные коннотации *школоты*, не только наделяя дисфемизм положительной экспрессией (ср. обращение к подростку-администратору паблика — «вождь восставшей школоты» [Администрация группы 2013]), но и превращая «школоту» в своеобразную модель поведения. Например, в

2013–2014 годы авторы-антиэйджисты предлагают присвоить идентичность «школоты» и устраивать акты «бунта» и «непослушания» локально, в своих семьях и школах, чтобы путем индивидуальных интервенций в социальные сценарии прерывать их автоматизированность⁴⁸.

2.1.5. «Дети» и «подростки»: категориальная политика БЗР

А если хочешь конкретный разговор - давай сперва определимся, кого считать детьми [А ответственность и обязанности 2014].

Такие призывы со стороны как администраторов, так и участников группы БЗР указывают на то, что неопределенность «детского» становится вызовом для самих антиэйджистов. В своих текстах авторы чередуют слова «дети», «подростки», «ребенок» иногда в качестве синонимичных категорий, иногда противопоставляя их друг другу, пробуют себя в терминологической работе и не соглашаются с границами понятий, которые пытаются прочертить как внешние для их веб-сообщества акторы, так и их единомышленники.

Все авторы и участники раннего БЗР в основном были согласны с тем, что дети либо уже агентны в своей приватной жизни, либо могут быть агентными, если не будут ограничены «заботой» и «опекой» взрослых. В «ленте» БЗР представления о разных возможных ролях несовершеннолетних сосуществуют практически бесппроблемно и могут «вызываться» при подходящем коммуникативном моменте любыми участниками, комбинироваться в одной публикации или комментарии. Даже администраторы БЗР оказываются, как кажется, непоследовательны в этом вопросе. С одной стороны, они стремятся к обобщению детей и подростков как жертв «травмы», нанесенной «взрослым миром». С другой — результатом выбранной ими стратегии критики стереотипов о детстве иногда оказывается частичный отказ хоть как-либо пояснять категорию «детства» и «детей и подростков» (заменяя ее на формулу «индивидуальный подход»)⁴⁹, иногда при этом

⁴⁸ Например, комментарии: «Ты видимо, посчитал что мы имеем какое-то отношение к воспитанию детей? Нет. Мы- и есть дети. Несовершеннолетние. “Школота” бунтующая. Так нас и воспринимай» (комментарий от имени сообщества «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР» от 05.01.2015); «...большей частью мы говорим о вполне реальных и законных возможностях давления на взрослых в лице школы и семьи. Подростки этим редко пользуются только потому, что от них скрывают такие возможности. И мы разумеется, будем всячески прорывать эту информационную блокаду» (комментарий пользователя КР от 07.01.2015) [Некоторые дети имеют привычку 2014].

⁴⁹ Другой пример подобной работы с возрастными категориями: «И БЗР никогда не призывал отказаться от понятий “возраст”, “ребёнок”, “подросток”, “взрослый”. Мы лишь за то, чтобы этим понятиям не придавалось вымышленное определение (психологический возраст и т.д.), а чтобы они определяли то, что определяют по

репрезентируя саму категориальную работу и операции обобщения как практики исключительно «взрослых».

Дети как лучшая версия взрослого

Повседневность, травмирующая ребенка, становится отправной точкой для рефлексии участников о несправедливости положения несовершеннолетних. Авторы публикаций и комментариев сравнивают, как устроена повседневность «взрослых» и «детей», вскрывая необоснованные представления о «детской» и «взрослой ответственности» или, например, рассуждая о различных механизмах контроля, присутствующих в каждом аспекте жизни ребенка.

Тут бывает по разному, но в любом случае взрослые под куда меньшим контролем. При этом школьник отвечает за каждый шаг: за плохую оценку, за слово соседу по парте на уроке, за испачканную одежду, за стыренную из вазы конфету, даже за то, почему пришёл из школы грустный. Взрослый же не обязан ни перед кем ни в чём отчитываться за исключением случаев, когда нарушен закон [Вы хотите 2013].

Ребенок «ответствен» во всех сферах и отношениях в своей жизни, так как находится под пристальным вниманием всего общества. Эта вынужденная форма поведения при дискурсивном обесценивании «взрослости» и делегитимации «взрослого» как носителя морального порядка реконцептуализируется как программная модель поведения антиэйджистов и положительная агентная роль «детей и подростков» в приватной сфере семьи. Таким образом, «сохранение мира в семье», «соответствие идеалу воспитанного человека», «забота» и «научение жизни», обычно принадлежащие, по мнению авторов, репертуару «взрослых» обязанностей, должны стать «детскими», чтобы участники могли занять роли «опекунов» своих родителей:

Учим в любом случае думать своей головой. А не слепо идти на поводу у старших. Ведь старшие частенько страдают совкизмом, не приспособлены к современной жизни, очень уязвимы для мошенников, нечестных чиновников и политиков. Поэтому я от имени БЗР, призываю вас, тинейджеры, не бросайте своих родителей и бабушек с дедушками

прямому значению: ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ. Тогда не будет и попыток объявить детьми половозрелых молодых людей. Мы КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТИВ отмены понятия “ребёнок”. Мы лишь за то, чтобы это перестало быть позорным. Наш девиз- “ДЕТИ ТОЖЕ ЛЮДИ”, а не “ДЕТЕЙ НЕТ”» [Запись удалена 2014].

в беде. Если видите, что они по описанию похожи на совков- БЕРИТЕ ИХ ПОД ОПЕКУ. Не орите на них, не бесите. А наоборот, будьте с ними мягче. Но поступайте ПО СВОЕМУ, так, чтобы они не знали о том, что в ваших действиях им может не понравиться. А главное- берегите их от вредных факторов: от телепередач в стиле ток-шоу, а главное- ОТ ВЛАСТИ [БЗР и мораль 2012].

Подобная стратегия интерпретации роли «ребенка» не только изображает несовершеннолетних лучше, чем взрослых, но и представляет их как надежду на светлое будущее человечества. Категория «дети и подростки» прирастает положительными образами из исторического прошлого *детского племени* и современными версиями «настоящих БЗРовский детей» — «задорными, инициативными, равнодушными, прикольными», «необычными» и «неформальными»; умеющими сопротивляться вредным привычкам; лучше знающих современный мир [БЗР и мораль 2012; Насколько я знаю 2013; Проект Свободные дети 2 2012; С Днём защиты детей! 2013]. В связи с этим детский голос оказывается концептуализирован как единственный источник «истинного» знания не только о детском мире, но и о мире в целом.

Однако, дети существуют не для удовлетворения “родительского инстинкта”, а для того, чтобы у людей БЫЛО будущее. А какое будущее построят безынициативные исполнители приказов? Вот это уже будут настоящие зомбированные “недолюди” [Дети должны знать 2012].

«Будущее», воображенное участниками внутри своего сообщества, находит выражение в «манифестах БЗР», которые создаются коллективно, с помощью комментариев в отдельных обсуждениях, и приобретают вид обобщенных программных текстов, утопических предложений по преобразованию мира. Прагматика «антиэйджистского» вопроса дискурсивно переносится из сферы исключительно настоящего, где решаются личные и коллективные проблемы детей и подростков, в воображаемое будущее, требующее преодоления «кризиса» современного общества, ответственность за который, по мнению участников, лежит на плечах «взрослого мира».

Мы, дети, подростки и взрослые разных стран и народов, объединённые общечеловеческими, вечными принципами Свободы, Равенства и Братства, любовью к людям и неприязнью к несправедливости, используя возможности глобальной сети Интернет, выступаем с инициативой создания Международной общественной организации "Борьба за равноправие". <...> В связи с вышесказанным, мы,

руководствуясь принципами Декларации прав ребенка Конвенции о правах ребенка, соответствующих статей в Конституциях и законах демократических государств, принципами гуманности, идеями свободы, равенства и братства, а также здравым смыслом, более не можем оставаться равнодушными к творящейся несправедливости, выступая с настоящим Манифестом. <...> НАШИ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ: 1) Законодательно отменить принцип определения дееспособности по календарному возрасту. Вместо этого мы предлагаем ориентироваться не на условно установленный законом возраст, а на реальный уровень развития каждого конкретного индивидуума. <...> Мы знаем, что путь наш будет труден. Но мы верим в нашу победу, потому что мир должен освободиться от последних пережитков тоталитаризма и патриархальности, т.к. эти явления в 21 веке абсолютно неприемлемы. Дети-наше будущее! Пусть будущее будет свободным! [Первый Манифест 2012].

Ребенок как агент бунта и сопротивления

Версия «детской» роли, в которой дети «отстаивают свои права и свободы», присутствовала в дискурсивном поле антиэйджистов БЗР с самого начала — веб-сообщество позиционировало себя как «борьба за равноправие», и даже в ранних публикациях, в которых «взрослые» изображались единственными агентами, способными повлиять на детско-взрослые отношения и изменить их к лучшему, можно обнаружить призывы «добиться» и «бороться». «Бунт» был вписан и в визуальный код группы БЗР: Кактусена и Ежик, маски БЗР, изображались с характерными для неформальных культур одеждой, аксессуарами, прическами [Кактусёна 2016; Ёжик 2017]. Однако конкретные предложения «борьбы» начинают распространяться в БЗР только спустя некоторое время, с февраля 2013 года, а массово будут бытовать в 2014–2015 годах.

Половозрелых подростков призываем бороться за свои права и не верить тем, кто внушает им, что они «неразумные дети», и оценивать людей не по авторитетности и возрасту, а по уму и способности логически и самостоятельно мыслить. Детей призываем бороться против маразматических попыток отгородить их от мира взрослых и промывания мозгов, как в школе, так и в семье. Не позволять прогибать себя под сумасшедшую Систему [Когда уходит детство? 2013].

Достигнутое обобщение конкретных детско-родительских отношений в детско-взрослые отношения приводит к воображению «ребенка» и как участника политической сферы. Репрезентации в публикациях скрытых скриптов государственной политики (например, в «защищающих детей» законодательных проектах) начинают рифмоваться с

метафорами «детской революции» и «детской борьбы». Этому способствует антиэйджистский язык вражды — «хозяева» и «рабы», — который интенсифицировал интерпретативный потенциал чтения детско-взрослых отношений как отношений господства, а позиции ребенка как угнетенного (так, слова «угнетенный» и «дискриминация» появляются в словаре участников в декабре 2013 — январе 2014, но массовое распространение начинается с середины 2014 года).

Терпеть говоришь? А ты никогда не задумывался, что все проблемы человечества растут ИЗ ДЕТСТВА? Приучая терпеть и подчиняться из людей делают РАБОВ. Причём таких, которые гордятся своими цепями. А дорвавшись до власти хоть над кем-то начинают наслаждаться этой властью и возможностью нарушать правила [Терпеть говоришь? 2013].

Так как «бунт» и «сопротивление» не достигли фактической реализации и, видимо, не имели такой цели, их следует понимать как дискурсивные игры, которые разворачивались в безопасном пространстве веб-сообщества, чтобы примерить и отыграть роли «сопротивляющихся Системе» и «бунтующих» детей и подростков. Проигрывая «бунт» в тексте, участники не столько предлагали конкретные формы действий⁵⁰, сколько, переживая их при создании и чтении публикаций, все больше убеждались в необходимости изменений детско-взрослых отношений. Таким образом, ВК-группа БЗР в этот период выполняла функции, схожие с теми, которые, с одной стороны, Уильям Редди выделял для эмоциональных убежищ, а с другой — Джеффри Александер концептуализировал для катарсиса в драме травмы: создание общих для всех участников сообщества (читателей, свидетелей) эмоциональных сценариев для того, чтобы конкретным образом реагировать на события [Reddy 2001: 128–129, 145–146; Александер 2013: 162–163, 169–174]. Как мне кажется, из этого можно сделать вывод, что в отличие от советов по разговору с родителями и учителями или формата коллективных жалоб, свидетельства о свершении которых участники все же транслировали аудитории БЗР, роль бунтующего и сопротивляющегося ребенка и подростка оказалась исключительно дискурсивной и исчерпывала свой потенциал на этапе написания, чтения и комментирования публикаций.

⁵⁰ Так, предлагаемые формы участия варьируются от символического активизма, направленного на детей и подростков (надеть футболку с ежиком как тайное послание «единомышленникам» [21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ]) или на широкую публику (прикрепить к одежде листочек с фразой: «меня заставляют носить школьную форму» [ФЛЕШМОБ ПРОТИВ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ! 2013] до создания или распространения онлайн-петиций [Против обязательной школьной формы 2014].

Модус виртуальной «игры в бунт» был считан руководителями БЗР как неудача движения, что привело к представлению о «слишком послушном» поколении и формулированию образа идеального «советского школьника-хулигана», которым современные дети никогда не смогут стать (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ). Конфликты между многими участниками группы БЗР и администраторами по этому поводу будут разворачиваться в логической связи с «закрытием ленты» и введением редакторского контроля над публикуемыми текстами. Другие авторы-антиэйджисты предпримут попытки искать новый язык говорения о детском и создадут свои антиэйджистские паблики.

2.1.6. Дискурс травмы в антиэйджизме: общие замечания

В отсутствии прямых исторических предшественников русскоязычной антиэйджистской повестки, на которую можно было бы сослаться, авторы-антиэйджисты решали первоочередную задачу, а именно доказать, что дети и подростки — жертвы травмы и несправедливости. Организация группы БЗР как *бухгалтерии ошибок* взрослых и активный отклик среди участников на публикацию личных историй способствовали опознанию универсальности, массовости и распространенности представлений о несправедливости детско-взрослых отношений. Взрослые стали фреймироваться как абсолютное зло, «враги», действующие «незаконно» и «аморально», в то время как несовершеннолетние предстали «жертвами» детства как травмирующего периода и абсолютным добром, лучшей версией человека и надеждой на справедливое будущее.

Поиск скрытых мотивов учителей, родителей и публичных акторов, говорящих о несовершеннолетних от лица государства, и языковая агрессия авторов БЗР не только оказываются созвучны парадигмам ведения дискуссий в русскоязычной публичной сфере в это же время, но и предстают инверсией публичной риторики «детского вопроса» в первой половине 2010-х годов, в которой дети и подростки конструировались и беззащитными, и опасными существами, без моральной и политической субъектности. Это позволяет говорить о реакционном характере раннего антиэйджистского дискурса и его тесной связи как с официальной риторикой «детского вопроса», так и с распространенными стилями публичных обсуждений. Для антиэйджистов моральная паника вокруг детства, завершенность и единомышленная поддержка общественностью образов «опасного» и «беззащитного» ребенка выступали объектом критики и сопротивления. В то же время такие приемы, как конспирологическая концептуализация скрытого заговора определенной

социальной группы⁵¹, использование гипертрофированных сравнений и моральных категорий и пересборка языка вражды, ставят антиэйджистский дискурс в отношения подражания с моральными паниками в целом и вокруг детства, в частности⁵².

В сопоставлении антиэйджистских нарративов травмы и нарративов травмы, характерных для западноевропейской и российской публичной риторики, высвечивается одно значимое отсутствие. В антиэйджистском дискурсе в варианте БЗР отсутствовала рефлексия, обращенная на эмоциональное состояние ребенка и его или ее способы самосовершенствования. Тем самым терапевтичность как функция языка травмы, отмеченная Эллен Руттен на материале «новой искренности» или Еленой Миськовой на материале публичных обсуждений детско-родительских отношений, оказывается нерелевантной для антиэйджистского дискурса в варианте БЗР. Авторы не ставят (или не видят) перед собой задачи «улучшать» ребенка или «изменять» его или ее. Дети, которых воображают и репрезентируют участники БЗР, используя интерпретативные конструкции аналогичные нарративам травмы, оказываются «более взрослыми, чем взрослые» или «лучшей версией взрослых», а единственной задачей антиэйджистов становится обнаружить «злую» природу взрослого мира и опровергнуть привлекательность «взросления».

2.2. «Ребенок» как «угнетенный»: переопределение по аналогии

2.2.1. Исследовательский контекст: дискурс угнетения

За несколько лет дискурсивной работы авторов-антиэйджистов в БЗР репрезентация ребенка как жертвы «травмы», «несправедливости», «незаконности» и «аморальности» стала самоочевидной, как и то, что родители, учителя и политики выступают источниками этой проблемы. «Травма» перестала требовать доказательства — в виде описания событий детско-взрослых отношений — и стала пониматься как пассивная и подавляемая позиция, переживаемая детьми постоянно и требующая от них более системного противостояния

⁵¹ Я использую здесь понятие «конспирологическое», опираясь на рассуждения Карла Поппера о конспирологическом объяснении, или объяснении общественного заговора, которое предполагает, что осмысление социального феномена заключается в выявлении людей или групп, которые заинтересованы в возникновении этого феномена и которым приписывается могущественность и квазибожественная роль [Popper 2013: 306–307].

⁵² Этот эффект взаимной поддержки дискурсивного разворачивания страхов, конфликтов и подозрений на разных уровнях коммуникации не раз подмечался в антропологических и социологических исследованиях. Так, Стэнли Коэн выводит тезис об организации моральных паник как о процессе взаимообмена стратегиями и образами между институциональными и вернакулярными площадками [Коэн 2022: 51–52].

(«детская революция»). Этот сдвиг в *антиэйджистском* знании потребовал новых жанров публикаций, стратегий построения нарративов и моделей интерпретации детско-взрослых отношений, что позволяет выделить новый порядок дискурса. В основе этого порядка лежит «угнетение» как стратегически развернутый риторический прием.

Становлению угнетения как интерпретативной матрицы, через которую можно описывать и понимать социальные отношения и реальность в целом, способствовали три традиции мысли⁵³: марксизм, ницшеанство и психоанализ [Рикер 2008: 222–223; Капельчук 2016]. Последователи этих направлений предлагали расшифровывать современного им индивида как укорененного в скрытых отношениях угнетения, ставя под вопрос исторически сложившиеся формы организации труда, семьи, религии и других социальных институтов. В контексте послевоенного мира «учения о подозрении» стали фундаментом для переосмысления основных положений гуманитарных наук и их связи с повседневностью. Новые принципы исследовательской работы объединяло внимание к множеству социокультурных факторов, в результате воздействия которых формируется идентичность угнетенного субъекта, критический взгляд на реальность, понимаемую прежде как объективная, концептуализация языка как инструмента производства социального мира, внимание к роли властных отношений и программное требование (этический императив) «дать голос» представителям меньшинств. Этот набор теоретических и методологических пресуппозиций будет ключевым для формулирования постколониальных теорий, авторы которых считали своей академической и одновременно политической миссией деконструкцию колониализма как системы угнетения и демонстрацию перспективы колонизированных народов (субалтернов); гендерных теорий, в которых утверждается эксплуатирующая сила патриархата и капитализма; и квир теорий, проблематизирующих связь властных отношений и процессов категоризации «нормального» и представляющих пол, гендер и сексуальность как репрессивные социальные конструкторы.

Критика, или критическая теория, стала не столько дисциплинарным направлением, сколько более или менее универсальной интерпретативной техникой, «утверждающей существование глубоких, устойчивых асимметрий, которые, принимая разные формы в разных контекстах, постоянно дублируются до такой степени, что колонизируют реальность в целом» [Boltanski 2011: 2]. Такой аналитический подход направлен на

⁵³ Генеалогию риторики угнетения можно проследить и через этимологию понятия «жертва», как это предлагает сделать Ксения Александровна Капельчук. Значение «угнетенный» появляется в понятии «жертвы» только к началу–середине XVIII века, подменяя смысл жертвоприношения в исходном *victima* [Капельчук 2016].

скрытые, недоступные непосредственному наблюдению механизмы осуществления и перераспределения власти, которые включены в тотальную систему угнетения, эксплуатации или господства. В таком виде критика признается сегодня академическим мейнстримом, базовой логикой социального исследователя [Boltanski 2011: 18–19; Anker, Felski 2017: 13] и формирует институциональный ландшафт академии посредством исследовательских центров, дисциплин и учебных программ, в названиях которых присутствуют «critical», «critique» и производные.

Более того, именно вокруг критических техник интерпретации выстраиваются основные каналы трансфера между академическим репертуаром терминов и техник аргументации и активистским праксисом [Hill Collins 2015: 3, 15–17]. Выстраивая свою исследовательскую программу с оглядкой на цели и деятельность оппозиционных социальных движений и отождествляя себя с ними, авторы критической теории включали задачу по производству дискурсивных ресурсов для современных культурных и политических дискуссий. В качестве рефлексивной техники в мире, в котором, как замечает Ив Косовски Седжвик, «не стоит большого усилия найти доказательства системного угнетения» [Sedgwick 2003: 125–126], критическая теория была обнаружена как фундаментальная риторическая матрица для разработки языков «новых социальных движений», независимо от их политического или идеологического содержания [Summers 2019: 3], как нормативная форма современного политического несогласия [Butler 2009: 775, 786], или как дискурсивная оболочка политики идентичности и настольный учебник для обсуждений «проблемных» категорий идентификации [Rajchman 1995: vii–viii; Jameson 1995: 261–264; Brubaker 2016].

Как я покажу дальше, тот вариант риторики угнетения, которой наследуют (или которую имитируют) антиэйджисты как способ говорения о детстве и детях, созвучен стратегиям и интерпретационным моделям критической теории. Однако история критики угнетения в русскоязычном пространстве требует специальных уточнений, без которых невозможно понять причины, почему антиэйджисты во второй половине 2010-х годов оказались восприимчивы именно к этим риторическим стратегиям.

2.2.2. Русскоязычный вариант фемдискурса и детская и молодежная политика

После расцвета интереса к гендерной проблематике в России 1990-х⁵⁴ академические «инновации в 2000-х годах сошли на нет в контексте нового консервативного поворота во внутренней политике» [Rossman 2021: 428]. Их возрождение в 2010-х годах принято связывать с новым этапом сотрудничества между активистским языком и гендерными исследованиями [Channell 2014: 611]. Этот интерес был интенсифицирован «волной принимаемых консервативных законов и мобилизацией консервативных движений в определенных сегментах общества» [Здравомыслова, Темкина 2015: 94]. Движение борцов за «моральную чистоту», готовых совершать репрессии против новых социальных движений [Kukulin 2021: 187], и консервативно настроенная политическая элита спровоцировали дестигматизацию феминизма в общественном мнении. Как показала Галина Зеленина, процесс популяризации и положительной оценки феминистской повестки оказался не столько результатом сдвигов морального порядка и целенаправленного поворота к идеологии социальной справедливости, сколько побочным эффектом массового символического сопротивления государственным решениям, обусловленного жесткими дискурсивными иерархиями и нарушенными каналами обратной коммуникации в обществе [Зеленина 2017: 98]. К этому периоду относится появление популярных блогов по феминистским вопросам, в которых активистки пишут не только о политической борьбе, но и о гендерных исследованиях, организуют группы чтения и образовательные мероприятия. Как замечает Элла Россман, эти ниши феминистской риторики стали более продуктивными образовательными пространствами в условиях неоконсервативного поворота, делегитимирующего все, что оказывается вне категории «семейные» или «традиционные ценности». Они же, например, способствовали формированию нового поколения гендерных исследователей, которые узнают о повестке посредством профеминистских медиа и низового активизма, а не из академических курсов или текстов [Rossman 2021: 426–428].

В предыдущей главе я упоминала, что в середине 2010-х годов ВКонтакте становится площадкой массового возникновения небольших вернакулярных объединений, которые относились к феминистской риторике как к образцу для подражания и источнику

⁵⁴ Появившиеся в 1990-х годах, русскоязычные гендерные исследования принято характеризовать как «эклетиное» и закрытое дискурсивное пространство, в котором авторы использовали термины и риторику западных гендерных исследований без привязки к контексту их возникновения, ограничиваясь «банальной (и односторонней) транслитерацией понятий» [Temkina, Zdravomyslova 2003: 56–57; Ушакин 2002: 12]. Усиление консервативных настроений в российском политическом ландшафте привело к тому, что женщины рассматривались в первую очередь как матери и агенты заботы, — что не совпадало с западной риторикой гендерной проблематики [Rossman 2021: 416; Журженко 2008: 119]. В то же время феминизм казался «неуместным» и «чуждым» из-за постсоветского контекста: советский гендерный проект по освобождению женщин воспринимался как завершенный и не требующий дальнейшей разработки и как часть безуспешных надежд коммунизма [Здравомыслова 2009: 123].

для производства более приемлемого языка повседневной коммуникации. Профессиональный фемактивизм и низовые фемпаблики, по свидетельствам некоторых авторов-антиэйджистов, стали первыми площадками «пробуждения» интереса к теме прав и свобод, в которых узнавалась «своя», «детская и подростковая», а не гендерная история (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

В логической связи с возрождением феминизма и активной борьбой против него на территории России происходят и изменения в государственной детской и молодежной политике. В 2010-х годах, как пишет Илья Владимирович Кукулин, медиа и политические акторы активно использовали образы «детей» и «подростков» как риторические фигуры оправдания репрессивных действий со стороны государства [Kukulin 2021: 181]. Закрепление в публичном дискурсе образа некомпетентного ребенка, которым манипулируют внешние агенты, особенно в вопросах политики, можно зафиксировать и в репрезентациях протестных акций 2017 года, в которых несмотря на статистически определенный возраст протеста 16–25 лет главными героями изображались школьники средних и младших классов [Ibid: 182–183]. Такая подмена оказалась возможна в том числе благодаря успешно организованной моральной панике вокруг детства и нормализованности риторических стратегий репрезентации детей как беззащитных и опасных, некомпетентных и неспособных на моральную и политическую рефлексию.

Для централизованного противодействия «неправильной манипуляции» подростками на государственном уровне принимается ряд решений по преобразованию как школьных внеучебных программ, так и внешкольного досуга подростков [Blum 2006; Nemment 2015: 12–15]. Российская версия политики секьюритизации выражалась и в «жесткой модерации культурной жизни со стороны государственных органов» [Kukulin 2021: 179], подаваемой посредством охранительного дискурса: блокировка сайтов, цензура соцсетей, ограничения на проведения концертов, заведение административных и уголовных дел на журналистов и активистов, — все это проходило под законами и постановлениями с формулировками о «вовлечении несовершеннолетних в несанкционированные акции протеста» или об «оказании влияния или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий...».

Ограничение пространства публичного обсуждения «опасных западных ценностей» через законы о цензуре СМИ и интернета и аналогичные процессы, которые медиа и государственные акторы легитимировали как часть молодежной политики и политики по защите детей от «негативного влияния на их здоровье и нравственность», установили пространство обмена опытом, в котором в фемактивизме и его популярных изводах в

публиках ВКонтакте узнавался язык обсуждения тем, которые антиэйджисты понимали как детские.

2.2.3. Конструирование эйджизма как тотальной системы дискриминации

Под влиянием нового символического языка социальных отношений авторы-антиэйджисты изменяют в своих публикациях репрезентации события и главных героев. На смену событийному модусу детско-взрослых отношений пришел способ говорить о проблеме как о скрытой и всепронизывающей системе практик и представлений. В дискурсе угнетения этой системе было присвоено название «эйджизм». Содержательное наполнение этого термина станет основной темой как для БЗР, так и новых, только появившихся, антиэйджистских пабликов: «АЭК: антиэйджистская коалиция», «Подслушано: эйджизм» и «Голос неголосующих».

Механизмы научения новому языку говорения о «детском» и «подростковом» эксплицитно представлены в тех публикациях, в которых авторы последовательно проводят аналогии между дискриминацией детей и подростков и другими видами угнетения. Повествование из линейного трансформировалось в образное, построенное на объединении и сопоставлении нескольких феноменов, хронологически и содержательно удаленных друг от друга, через приписывание им общего смысла. Так, авторы используют образы сексизма и сексиста как способы легитимировать свои взгляды на детско-взрослые отношения как отношения угнетения: через помещение голосов «Сексиста 19 века» и «Эйджиста 21 века» рядом, как построенных на одних и тех же логических пресуппозициях и с помощью одних и тех же риторических стратегий.

Сексист 19 века: Боже, да нет такой проблемы, как патриархат. Вы просто кучка истеричных женщин. Посмотрите, женщины находятся под защитой мужчин, мужчины все им покупают, женщины не должны работать, и мужья могут их всегда защитить. То есть, быть женщиной гораздо проще, чем быть мужчиной. Но было бы безумием дать им право голоса и позволить самостоятельно принимать важные решения, касающиеся их жизни. Я так говорю из-за того, что женщины неспособны мыслить так же рационально, как мужчины. <...>

Эйджист 21 века: Боже, да не существует никаких привилегий взрослых! Вы просто кучка нытиков. Посмотрите, дети, подростки и молодые люди находятся под защитой взрослых, взрослые все им покупают, они не должны работать, и родители могут их всегда защитить. То есть, быть ребенком или подростком гораздо проще, чем быть взрослым. Но было бы безумием дать детям право голоса и позволить самостоятельно

принимать важные решения, касающиеся их жизни. Я говорю так из-за того, что они неспособны мыслить так же рационально, как взрослые. Плюс, они слишком склонны к аморальному поведению. Им нужно руководство взрослых, которые бы их направляли. Мы контролируем их потому, что они слабые, а мы их любим. Да, иногда взрослые издеваются над детьми, но это не значит, что отношение общества к детям, подросткам и молодым людям является в корне неправильным [Сексист 19 века 2019].

Такой прием прямого сопоставления будет не раз использоваться авторами⁵⁵, чтобы продемонстрировать похожие примеры отрицания проблемы со стороны «угнетателей», которые используют не только аргументы, основанные на повседневном опыте, как в предыдущем примере, но и задействуют разные инструменты производства и легитимации знания. Действуя в рамках этой риторической стратегии, авторы-антиэйджисты придумывают заголовки новостных статей, в которых «странность» упоминания женщин в характерных для детей ситуациях усиливает тезис об угнетении детей:

“В стране Y. 1% мужчин и 0,05% женщин страдают от алкогольной зависимости. Власти шокированы масштабом женского алкоголизма” / “В социальной сети A. несколько женщин пострадали от домогательств. Теперь женщинам запрещено там регистрироваться”. / “У женщин мозг меньше, чем у мужчин, поэтому очевидно, что они не могут принимать верные решения и их необходимо опекать” — заявил известный психиатр / “Женщина в городе R. совершила самоубийство. Выяснилось, что она смотрела аниме” [КАК ВЫГЛЯДЕЛИ БЫ НОВОСТИ 2021].

Вскрывая механизмы конструирования «ребенка» как опасного, подверженного зависимостям, незащитного, некомпетентного и неспособного к самостоятельной рефлексии, антиэйджисты утверждают и искусственность, и инструментальность таких риторических образов, существующих, по их мнению, исключительно для поддержания угнетения. Так, в антиэйджистском дискурсе появляется формула критики науки как

⁵⁵ «Сексист: Зачем феминисткам равноправие? Они что, хотят работать в шахтах? Эйджист: Зачем несовершеннолетним равноправие? Они что, хотят покупать сигареты и алкоголь? Сексист: Место женщины - у кухонной плиты, а работа по дому - её обязанность. Эйджист: Школьникам не место в интернете, пусть лучше идут учить уроки» [Сексист 2019].

«инструмента угнетения»⁵⁶, а специальных для детей пространств — школы или детских площадок — как репрессивных институтов контроля и дегуманизации⁵⁷.

Язык активистов оказывается не столько источником риторических стратегий, сколько материалом, который авторы-антиэйджисты внимательно читают и перестраивают под свои темы. Так, они проводят терминологическую работу, заимствуя понятия, взятые из разных активистских повесток, и предлагая расширить понимание эйджизма через них.

Феминистки часто говорят о “культуре изнасилования” (“Rape Culture”), понимая под этим термином то, что наше общество допускает и даже нормализует сексуальное насилие, тем самым превращая его в распространённую проблему <...> Думаю, активистам за права и освобождение молодежи пора ввести термин “культура насилия над детьми” (“Child Abuse Culture”), обозначив этим термином то, как наше общество допускает и даже нормализует насилие над детьми, тем самым делая эту проблему крайне распространённой [Феминистки часто говорят 2019].

По такому же принципу антиэйджистами вводится термин «возрастной апартеид», обозначающий как сегрегацию детей и взрослых, так и складывающуюся в ее результате культуру детско-взрослых отношений. На примере бытования этого отдельного термина можно увидеть процесс принятия угнетения детей как истинного знания среди участников паббликов. Так, если первые тексты, посвященные возрастному апартеиду, содержали указания на примеры «апартеида» (как исторические и юридически закрепленные, так и бытующие в активистской среде), подробные описания, объясняющие, как и почему необходимо негативно оценивать такие процессы, и призывы к их уничтожению⁵⁸, то к 2020

⁵⁶ «Психология развития слишком часто работает по тому же принципу, по которому в прошлые века “работали” науки изучающие расу, гендер, половые и сексуальные вопросы. То есть, психология развития работает в качестве проекта по укреплению и оправданию существующей социальной и политической субординации дискриминируемого класса, используя для оправдания этой субординации псевдо-биологические аргументы» [Психология развития слишком 2019].

⁵⁷ «Интересно сколько из этих миллиардов людей захотели бы в школу. Право - это предложение, а не обязательство. Просто в самом предложении “право на образование” лицемерие целиком. Мы же не говорим “право на службу в армию”, мы говорим “воинская повинность”. Также сами слова Гутериша звучат так, будто сейчас миллиарды детей таскут по необходимости просыпаться рано и сидеть неподвижно на протяжении семи часов каждый день» [Более одного миллиарда 2020].

⁵⁸ «Когда мы говорим об апартеиде, вне зависимости от того, заходит ли речь об отмененном расовом апартеиде в Южной Африке, о гендерном апартеиде в Саудовской Аравии, о классовом апартеиде средневековой Англии или о прежнем кастовом апартеиде Индии, мы говорим о неравенстве и сегрегации, которые закреплены в обычаях и законодательстве. Хотя между всеми вариациями апартеида есть значительные различия, и они проявляются в различных контекстах, между ними существует немало общего. Если об этом задуматься, между ними очень легко провести очень четкие параллели. Наша школьная система, пожалуй, является самым явным примером возрастной сегрегации, и она способствует тому, чтобы эта сегрегация распространялась повсюду. Эта система не ограничивается только разделением взрослых и подростков или отделением тех, кто достиг возраста совершеннолетия от тех, кто его не достиг. Она зашла так далеко, что отделяет одних молодых людей от других, даже тех, между которыми разница в возрасте всего в один или два года» [Права молодежи 2017].

году «возрастной апартеид» появляется как самодостаточная конструкция, не требующая дополнительных пояснений ни для авторов, ни для аудитории⁵⁹.

Изучая гетерогенное пространство феминистского движения, интерпретации категории «гендер» и программы разных течений, авторы-антиэйджисты формулируют «эйджизм» как тотальную систему угнетения — с их точки зрения, эта система, подобно патриархату у феминистских теоретиков, *экономически сформированная, укорененная в языке, наученная через литературные образцы, институционально закреплённая*⁶⁰ и т.д.

Риторические приемы производства антиэйджистского дискурса через аналогии находят выражение и в утверждении эйджизма как дискриминации, лежащей в основе других видов угнетения. Так, по аналогии с гендером, «возраст» начинает репрезентироваться как «признак», по которому дискриминируют⁶¹. Новое концептуальное наполнение категории «возраст» позволяет авторам по-новому объединять детей в обобщенную маргинальную группу: если до языка угнетения детей и подростков объединяла общая «социальная боль», как сказал бы Джеффри Александер [Александер 2013: 275], основанная на проживании однотипных конфликтов между детьми и взрослыми, то «возрастной признак» был связан с воображением эйджизма как дискриминации, которая затрагивает каждого с момента рождения, предшествует другим видам угнетения и интенсифицирует их влияние⁶².

Довольно разумно, вот только репродуктивное насилие не существовало бы в мире без эйджизма. Во всяком случае, в таком масштабе. Просто потому что в мире, где детей не рассматривали бы как признак статуса или в качестве кого-то, на кого еще до рождения можно переложить обязанности, а рассматривали бы в качестве личностей, такое насилие выглядело бы нелепо [Вот цитата из спора 2019].

⁵⁹ «А ещё я не могу в полной мере понять, почему люди не замечают усиливающегося с каждым годом возрастного апартеида? Потому, что молодёжь, как следствие, не знает, что могло быть по-другому? Это же настоящая информационная блокада» [Сейчас много стали 2020].

⁶⁰ «Эйджизм — это очень сложное явление, и здесь описаны лишь несколько наиболее распространенных способов его проявления. Тем не менее, когда вы станете замечать эти проявления эйджизма в реальной жизни, вы сможете осознать, что эйджизм действительно существует» [Сторонники Прав молодежи 2017].

⁶¹ «На каждом кабинете в детской поликлинике написано: “Прием детей до 15 лет осуществляется только в присутствии родителя (законного представителя)” <...> почему меня дискриминировали по врожденному призраку, как дата рождения?» [На каждом кабинете 2019].

⁶² «Эйджизм как основа других видов дискриминации. Часть 2. Влияние на системы угнетения» [Эйджизм как основа 2017]. Юридически закреплённые возрастные ограничения и правовой статус ребенка в Российской Федерации и в мире выступают дополнительным аргументом в поддержку образа эйджизма как сверхдискриминации, стирающей различия между детьми: «В современном обществе сложнее навредить взрослым чернокожим. Но они легко могут навредить чёрной молодежи, потому что мы живём в системе, в которой молодежь практически бесправна» [В США февраль 2019]; «Но из-за эйджизма меня просто на 18 лет лишили всяких прав, не считали человеком, держали в рабстве - потому что да, “несовершеннолетний” в наше время, по сути означает только “раб, которого нельзя убить или слишком сильно избивать”» [Триггеры 2019].

В отличие от набирающей популярность в русскоязычном фемдискурсе в социальных медиа, особенно ВКонтакте, во второй половине 2010-х годов «чувствительной» и «мягкой» риторики интерсекциональности [Perheentupa 2018: 121], для большинства авторов-антиэйджистов маргинализированная идентичность «ребенок», сведенная угнетающей системой до «объекта» или «признака статуса», оказывалась универсальной и не включала влияние гендера, расы, национальности, социального или экономического положения конкретных несовершеннолетних:

Никакие оправдания насилия мальчика в отношении девочки в стиле “ты ему просто нравишься” не отменяют того факта, что и мальчик, и девочка, и более взрослые версии их обоих НЕ ВЫБИРАЮТ, где им находиться, чем заниматься и кого допускать в своё окружение. Все эти вопросы решаются НАСИЛЬСТВЕННО и к полу не имеют никакого отношения. Любая женщина может по своей воле покинуть травмирующую её обстановку - во всяком случае, В ПРАВЕ. Девочкам (и мальчикам) эти права не писаны. Девочкам (как и мальчикам) недоступны трудовые права. Женщины возмущены запретом на некоторые профессии, девочкам (да и мальчикам) недоступны даже многие основные. Потому что работать за деньги - эксплуатация, работать бесплатно — “трудовое воспитание” [Вот лежу я 2020].

Не существует такого явления как “богатые дети”. Потому что у детей нет свободы, и нет защищенного государством права собственности [В “англоязычном” фейсбуке 2019].

Тем не менее среди некоторых участников антиэйджистских пабликов эта риторическая стратегия стирания границ внутри группистской категории «дети и подростки» вступает в конфликт со знанием о пересечении угнетенных идентичностей — авторы, в особенности администратор паблика «Подслушано: эйджизм», для которой интерсекциональный активизм был источником вдохновения для создания антиэйджистского паблика, прямо сопоставляют дискуссии об отсутствии границ внутри группы «детей» с дискуссиями внутри феминистского движения и активизма, отстаивающего права людей с инвалидностью⁶³. Однако тот факт, что такие комментарии

⁶³ «Мне это напоминает демагогии внутри феминизма, когда полностью игнорируют разные возможности женщин с востока и женщин с запада, и что вот низзя-низзя обсуждать разницу — сексизм же вездесуЧ и упоминание этой разницы это, типа, мизогиния... Но у меня язык не повернется сказать, что мое детство было таким же нИвынАсимым, как у некоторых моих знакомых, у которых в детстве не было ничего из всего этого. И что все их детство, а иногда и зрелость в силу такого неприятного старта — это выживание» [Мне это напоминает демагогии 2019].

не становятся массовыми, а публикации на темы тотального бесправного положения детей в целом продолжают появляться, говорит о том, что в этом вопросе большинство антиэйджистов оказываются невосприимчивыми к отказу от универсалий⁶⁴.

В паблике БЗР риторические стратегии, демистифицирующие угнетение, примут новый поворот: авторы будут, с одной стороны, заявлять о необходимости полного отказа от сопоставления антиэйджизма и других движений за права «угнетенных» и дискредитировать сам язык угнетения⁶⁵; с другой — описывать увлечение движениями социальной справедливости как скрытый угнетающий механизм, который уводит детей от настоящей борьбы (борьбы за «права детей», а не «права на детей») и заставляет опознавать в себе жертв угнетения, пассивных и неспособных бороться.

В общем, ребятки, вас можно поздравить. Вы – частная собственность. Причём по всему миру. В связи с этим реально смешны ваши увлечения политикой, феминизмом/маскулизмом, и т.д. Вся эта борьба – борьба за интересы “угнетённых” взрослых людей. Да по сравнению с вами самая угнетённая в мире, но совершеннолетняя чернокожая женщина-колясочница-аутистка-пролетарка – просто хозяйка жизни. Кто к вам прислушается? Чего вообще стоят ваши идейки, если вы - СОБСТВЕННОСТЬ? Это дань моде? Или вы просто таким образом уходите от реальности, пытаетесь почувствовать себя взрослыми, значимыми? Что-то очень много в последнее время подростков, увлекающихся всем этим. Гораздо больше, чем борцов за СВОИ, подростково-молодёжные интересы. Против частной собственности НА ВАС [Первое сентября - день траура 2017].

В паблике АЭК в качестве частичного отказа как от риторики угнетения, сложившейся в паблике «Подслушано: эйджизм», так и от критики риторики угнетения в варианте БЗР, изобретается другой способ говорить об эйджизме как о всепронизывающей системе угнетения. Авторы публикуют большие и детальные правовые выкладки,

⁶⁴ В качестве исключения будут появляться публикации о «девочках», посвященные международному дню девочек, сексуальной объективации или репродуктивному насилию.

⁶⁵ Продолжая подозревать «защитников детей» в скрытых умыслах, авторы-антиэйджисты БЗР будут препарировать различные высказывания и действия активистов и политических акторов, выступающих за социальную справедливость, чтобы показать в них скрытый эйджизм: «Ну и, наконец, в-четвёртых. Последнее время повестку антиэйджизма пытаются взять себе на вооружение СЖВшки (SJW social justice warrior). И мы решительно говорим им: ПОШЛИ В ЖОПУ! И даже не потому что типа, только мы знаем чего надо детям и подросткам, а потому, что их “защита” - лишь часть, “секция”, и интересует их “постольку-поскольку”. И как только появляется что-то другое, напр. права жирных тёток на лелеяние своих комплексов, проблема “стеклянных потолков” для миллиардерш или угнетение талибов, которым почему-то запрещают резать европейцев на улицах - СЖВшки тут же забывают о подростках и бегут спасать тех, кто им ближе. И это практика, жизнь! Как и то, что защищать права несовершеннолетних они предлагают... усиливая права тех, кто их, собственно, угнетает. Причём именно их права НА ДЕТЕЙ» [Кто-то скажет 2021].

посвященные ограничениям и возможностям детей, которые отображены в Конституции Российской Федерации и федеральных законах. В качестве таких правовых справок предлагаются, например, разборы трудовых прав ребенка⁶⁶, ответственности за совершение побега⁶⁷ или процедуры правовой эмансипации⁶⁸.

Переход от свидетельств личных обид к публикации текстов, в которых авторы антиэйджисты осуждают тотальную систему эйджизма, объясняющую в единой логике различные социальные ситуации и отношения, можно понять, в терминах Люка Болтански, как превращение обычной критики в мета-критическую теорию [Boltanski 2011: 5–6, 12–13]. Этот сдвиг означает, что авторы-антиэйджисты в своем проекте знания отошли от случайных критических вмешательств и достигли такого уровня обобщения, при котором они могли уже не ссылаться на конкретные ситуации, воображая скрытую и тотальную систему эйджизма. Появившиеся в 2015–2016 годах «предложка», централизованная модерация контента и контролирующая роль администратора структурно определяли создание мета-критического антиэйджистского дискурса: новая инфраструктура пабликов препятствовала ре-актуализации известных антиэйджистам жанров (преимущественно автобиографических текстов) и закрепляла канон теоретических конструкций, которые разоблачали угнетение, эксплуатацию или господство, независимо от форм, которые те принимали.

2.2.4. Деконструкция «взрослого» как врага

«Взрослый» как участник диалога, хороший родитель и жертва эйджизма

Как я показала выше, репрезентация «взрослых» как главных антагонистических персонажей обобщалась на протяжении нескольких лет, пока группа БЗР существовала как единственная площадка антиэйджистского высказывания. Конкретные родители и учителя, о которых рассказывали участники, постепенно превращались в обобщенных «взрослых»,

⁶⁶ «На последний момент хочу обратить особое внимание, ведь многие думают, что разрешение родителей на трудоустройство требуется до 18 лет. Это не так. Только до 16. Обратимся к Трудовому кодексу РФ...» [О трудовых правах подростков 2020].

⁶⁷ «То есть с 14 лет ребенок имеет право уехать от родителей? Хрен там. Обязанности по воспитанию ребенка остаются на родителе до достижения ребенком 18 лет, поэтому если подросток неожиданно исчез из дома, это как бы нарушает возможность родителей по исполнению своих обязанностей...» [Свалить от родителей 2020].

⁶⁸ «Меня всегда интересовало, почему в тусовке людей, борющихся за права молодежи, никому не приходило в голову пройти процедуру эмансипации? Это же естественно и логично для тех, кто хочет быстрее стать независимым от родителей. Вот я и начала погружаться в тему, и выяснилось, что есть тут свои интересные нюансы. Очевидно, придется публиковать эту информацию в нескольких постах, но начнем с простого...» [Эмансипация 2020].

«врагов», наносящих детям «травму» из-за глупости или нежелания терять свои привилегированные позиции. Авторы-антиэйджисты оспаривали роль «взрослых» как субъектов морального порядка и агентов знания о детях. В дискурсе угнетения роли «взрослых» начинают уточняться, подстраиваясь под новые способы говорить об эйджизме как системе угнетения. Для того, чтобы сконструировать угнетателя, как можно увидеть в предыдущих примерах, авторы-антиэйджисты выбирают не только номинации «эйджисты», но и такие обозначения как «консерваторы» и «традиционалисты», указывая на преданность обывательскому здравому смыслу и / или традиционным воспитательным практикам [Интересный пост с фейсбука 2020; Родители! 2019].

Однако вместо программы полного исключения «взрослых» из детской повестки и курса на обесценивание «взрослости», в дискурсе угнетения начинает по-другому воображаться и репрезентироваться как образ «взрослых», так и модели желанных отношений с ними. «Взрослые» понимаются как те, кого можно и необходимо включить в диалог. Так, авторка следующей публикации не только говорит о «совершенно нормальной» разнице или даже конфликте между представлениями и практиками «старшего поколения» и «нового поколения», но и о необходимости услышать друг друга и вступить в переговоры о позиции детей, обменяться мнениями на основании общего детского опыта участников коммуникации.

Совершенно нормально критиковать старшее поколение за их “коллективный вклад” в социальные проблемы, которые унаследовало (или унаследует) молодое поколение. Нормально говорить о том, что зачастую старшее поколение не воспринимает молодое поколение всерьез, и не старается его понять. Точно так же для старшего поколения нормально критически относиться к дискурсам, которые распространены среди нового поколения или критиковать современные активистские тактики, считая их менее эффективными, чем те, что были в прошлом. Между поколениями действительно существуют различия. Все мы можем многому научиться у людей другого поколения, хотя иногда между разными поколениями возникает конфликт интересов. Но лично мне всегда казалось, что поколение беби-бума может многому научиться у милениалов, и наоборот [Совершенно нормально 2019].

В этом примере хорошо видно, что трансфер риторики эмансипаторных движений в антиэйджистский дискурс происходит путем отчасти нерелексивного переписывания чужих текстов: поколение «беби-бума», очевидно, здесь выступает как образ любого старшего поколения, а не того самого, который выступал антагонистом для феминисток второй волны или студенческого движения конца 1960-х.

Детальные разборы законов, согласно которым у несовершеннолетних отсутствуют правовые основания для участия в публичной сфере, оказываются созвучны пересмотру репрезентации «взрослых» как носителей легитимного знания. Так, с одной стороны, в паблике «Подслушано: эйджизм» начинают публиковать переводы статей «взрослых» активистов, отстаивающих права молодежи [Кейтлин 2017; Вспоминая Суламифь Фаейрстоун 2018], и, например, твиты, написанные от лица родителей⁶⁹. С другой — сами авторы-антиэйджисты создают тексты, предназначенные для взрослых-активистов и родителей, согласных с антиэйджизмом:

На этот раз мы предлагаем вам три статьи для активистов (советы из которых вы можете использовать в борьбе с эйджизмом), и пять статей для родителей (о справедливом отношении к детям). Но мы советуем вам ознакомиться с обоими списками (особенно со статьей об эйджистской лексике), так как они могут помочь вам осознать влияние эйджизма на ваши жизни [Новые обновления 2017].

В то же время риторическая стратегия обобщения всех «взрослых» как «эйджистов» начинает расцениваться как ненормативное построение высказывания. Так, автор приведенной ниже публикации, например, критикует обобщение «взрослых» и призывы к символическому или физическому насилию над «взрослыми», связывая такое речевое поведение с «неразумными» идеями радикальных движений:

Это объяснимо, но неразумно. Примерно как у некоторых радфем, которые хотят физически уничтожить мужчин или как у чернокожих, оскорбляющих всех белых разом. Объяснимо, их [детей] чувства легко можно понять. Но признать такое поведение правильным и разумным - вряд ли [Совершенно нормально 2019].

Перенос акцентов в понимании природы «эйджизма» с реальных или воображаемых акторов на эффекты отношений, дискурса и институциональной организации приводит к появлению репрезентации «взрослого» как жертвы эйджизма (наравне с детьми). Таким образом, борьба с эйджистской системой угнетения концептуализируется как всеобщее благо, а изменения в детско-родительских и детско-взрослых отношениях, по мнению

⁶⁹ «[Я] доставляю стольким людям дискомфорт, поддерживая право моей маленькой дочери на личное пространство. люди пытаются обнимать ее, и иногда она говорит “нет, спасибо” и взрослый смотрит на меня, чтобы я заставила ее, но я просто говорю “все в порядке, дорогая, ты не обязана обнимать тех, кого не хочешь обнимать”» [Я доставляю 2021].

авторов, улучшат как жизнь этих двух коллективных субъектов, так и отношения между ними.

Мы считаем, что доминирующая лицемерная, циничная и лживая модель отношений между родителями и их детьми бесполезна как для детей, так и для родителей. <...> Я хочу заменить их на более искренние и наполненные любовью отношения между родителями и детьми, учениками и учителями, взрослыми и несовершеннолетними. Как движения за права женщин, цветных людей, пожилых людей и людей с инвалидностью, наше движение развивается, но мы должны работать не только над тем, чтобы изменить законы. Мы должны изменить сердца и умы. Иногда это проще, чем изменить законы, а иногда – сложнее. Но это необходимо, если мы хотим создать общество, в котором дети и взрослые не будут угнетены, и будут свободно строить здоровые отношения. В том числе межпоколенные и детско-родительские отношения. Права молодежи служат как освобождению детей, так и освобождению родителей [КЕЙТЛИН 2016].

В этом примере эксплицитно начинает проявляться программа *антиэйджистов второго поколения*, как назвала их одна из моих собеседниц⁷⁰, — они формулируют участие не только через изменения отношений внутри приватных и полу-публичных сфер (семьи и школы) путем индивидуального сопротивления, как это изначально предполагалось в БЗР, но и через перестройку культуры межпоколенческих отношений в целом (хотя и не предлагая конкретных действий, направленных на достижение этой цели).

Прямой конфликт с уже изобретенным образом «взрослого» как «врага», как кажется, провоцирует антиэйджистов и на создание положительно окрашенных описаний родителей, учителей и публичных личностей.

На протяжении долгого времени я считала одну женщину лучшей матерью из тех, что я видела. Не идеальной, и не то, чтобы по-настоящему очень хорошей (например, она многое запрещала детям и была склонна к гиперопеке), но однозначно лучшей из всех, кого я знала. Однажды она сказала мне примерно следующее, объясняя, почему против любых наказаний для детей: “Что значит «наказывать детей»? Как это вообще? Ребёнок наложил - можно ему объяснить. Если ребёнок наложил, ничего страшного не случится. Если ребёнка можно за оценки или поведение наказывать, то что тогда ребёнок должен делать с родителями, когда они просрочили счета за квартиру за полгода или влезли в долги? А если ругаются между собой и пугают ребёнка, или забывают, что ребёнку что-то пообещали? Если родители лажают, от этого и правда проблемы. Что ребёнок тогда,

⁷⁰ 17.08.2021: Лена, 27 лет, 10 лет в АЭ.

тоже должен родителей наказывать? Так было бы справедливо, если родители его наказывают». Ей за сорок, у неё один сын-старшеклассник и двое детей дошкольного возраста. Так что да, она знала, о чем говорит [На протяжении 2019].

Согласно автору публикации, «хороший родитель» — это тот, который преодолевает «традиционные» модели воспитания, основанные на дисциплине и наказании, и выбирает вместо них — постоянную рефлексия о диспропорциях власти, видит в детях равных себе и полноправных участников диалога. «Зависимость» детей от родителей, которая в дискурсе травмы была ключевым предметом недовольства авторов, нормализуется и постепенно подменяется описанием «частичной дееспособности», по аналогии с позицией «инвалида». Другими словами, ребенок настолько же зависит от «хорошего родителя», насколько «инвалид» в справедливом обществе без эйблизма зависит от других.

Деконструкция «взрослых» как «врагов» запускает процесс деконструкции «детей» как исключительно положительных персонажей. Во-первых, появляется очень редкое высказывание — когда автор-антиэйджист сам идентифицирует в себе «эйджиста», обнаруживая в себе недоверие к детям и представление об их «некомпетентности» в качестве социальных субъектов:

Читаю этот паблик и рефлексирую. Я знаю что я эйджистка, но это очень сложная тема. Отчасти потому, что культура пропитана этим и нет примеров того, как можно думать и видеть мир иначе [В шестнадцать я читала 2019].

В это же время в паблике «Голос неголосующих», позиционирующего себя как «антиэйджистское СМИ» и претендующего на демонстрацию комплексного взгляда на антиэйджизм, появляются новости про детей, которые не соответствуют положительным образам детей-активистов или детей-жертв и которые обычно не попадали в антиэйджистскую повестку [Большой трэш 2020]. Обнаружение «агрессивных» или «неадекватных» детей и решение про них написать в антиэйджистский паблик можно объяснить не только эффектом организации паблика «Голос неголосующих» как «нейтральной профессиональной журналистики» и политики устранения прямой авторской оценки объекта описания, но и научением и культивированием критического взгляда на социальные отношения в обе стороны — и по отношению к взрослым, и по отношению к несовершеннолетним и самим себе.

Изобретение эйджистской лексики

Внимание к языку не только как к символической системе, в которой можно выразить эйджизм и антиэйджизм, но и как к инструменту, способному изменить реальность, приводит антиэйджистов к изобретению «эйджистского языка» — словаря лексем, которые позволяют обнаружить в себе и в других «эйджиста» и маркировать высказывания как дискриминирующие. Разработка словаря эйджистской лексики осуществляется коллективно, через комментарии от участников, в том числе апеллируя к когда-то присвоенному языку вражды, распространенному в публикациях БЗР в 2014–2015 годах:

Если вы используете слова “п*здюк”, “школота”, “личинка”, “сопляк”, “шкет”, “щенок”, когда говорите о детях и подростках - вы эйджист [Если вы используете 2020].

От создателей “Да о чём с бабами говорить, их только шмотки интересуют”, “Что ты как баба”, “Бабы интересы”, “Не бабское это дело” итд, - пакет “Орные школьники” [Не понимаю претензий 2020].

Аналогично языку сексизма, эйджистская лексика понимается как эффективный инструмент закрепления и нормализации дискриминации. Согласно авторам-антиэйджистам, маскируясь под «здравый смысл», эйджистская лексика устанавливает ассоциации и отношения тождества между «детским» и негативно окрашенными чертами поведения — безответственностью, глупостью, некомпетентностью, наивностью и др.:

Хватит использовать слово “инфантильный” как оскорбление. Хватит связывать инфантильность с безответственностью. Это дискриминирует детей и подростков. Не все дети и подростки безответственны [Мне кажется важным сказать 2019].

Помимо лексики, антиэйджисты рассматривают и приемы построения аргументов, которые связываются ими с эйджистскими высказываниями, а именно — «обращение к традиции в качестве обоснования правоты чего либо (*argumentum ad antiquitatem*)» [Обращение к традиции 2019]. Так, с помощью привлечения теории логических операций, антиэйджисты прибегают к новым стратегиям делегитимации своих оппонентов как участников коммуникации — через некомпетентность в «качественной» риторике, а не через их личные характеристики («абсурдности», «глупости», «злости» или «лицемерности»), которые были распространены в предыдущем дискурсивном порядке.

«Эйджистский язык» начинает конструироваться не только как словарь конкретных выражений, но и как лейбл для выражения неодобрения к коммуникативным стратегиям. Процесс присвоения определенным словам и языковым конструкциям дискриминирующей функции, как замечают Брэдли Кэмпбелл и Джейсон Мэннинг, перестал быть привилегией профессиональных групп — юристов и академических авторов — и стал повседневным риторическим приемом, культивируемым в обществе виктимности. Такие пограничные коммуникативные пространства, как феминистские блоги, онлайн-форумы и студенческая среда североамериканских и европейских университетов, интенсифицировали процессы перевода некогда строгих терминов с академического языка на обыденный. Так, «сексизм», «расизм», «фашизм» потеряли четкие концептуальные границы и перешли в речевые этикетки, превратившись в эффективные языковые приемы для выражения неодобрения оппоненту [Campbell, Manning 2018: 95].

Сопоставляя эйджизм и «менсплейнинг» или «националистические, антисемитские, расистские, эйблистские, гомофобные и сексистские выражения» [7 советов по освобождению от эйджистской лексики 2016], участники антиэйджистских пабликов одновременно встраиваются в более широкие риторические процессы в медиа-пространстве, изобретая параллельно с этим новые объекты и инструменты критики. Более того, отсутствие признаваемых за пределами антиэйджистских веб-сообществ маркеров эйджистской лексики возвращается в антиэйджистский дискурс и становится еще одним аргументом, подтверждающим «невидимость» эйджизма как системы дискриминации:

В феминистической среде широкую огласку получило такое понятие, как “менсплейнинг” – снисходительный тон мужчины, разговаривающего с женщиной и пытающегося при этом упростить слова и выражения, чтобы она поняла. По отношению же к детям такое постоянно используется взрослыми женщинами и мужчинами, но у этой манеры речи ещё нет названия, и считается, что дети заслуживают такого унижительного обращения, ведь обществу действительно гораздо проще держать детей в неведении, чтобы поддерживать стереотипы о них, вместо того, чтобы объяснять значения непонятных слов, проглотив высокомерие [В феминистической 2019].

Речевое «высокомерие», по мнению авторов-антиэйджистов, необходимо преодолеть в процессе борьбы с эйджизмом — для этого авторы предлагают программы по «избавлению от эйджистской лексики» [7 советов по освобождению от эйджистской лексики 2016]. В них прямо декларируется роль языка как инструмента производства социальной реальности, а навык обнаружения скрытых в языке дискриминирующих

выражений по отношению к детям репрезентируется как часть борьбы за всеобщее благо, к достижению которого должно стремиться «справедливое общество».

2.2.5. Новое концептуальное наполнение категорий «дети» и «подростки» в дискурсе угнетения

Проведение аналогий с феминистскими и антиэйблистскими движениями и адаптация их повестки под детскую проблематику приводит к включению новых тем и требований преобразования общества не только на уровне реформ в политическом, трудовом и семейном законодательстве, но и на уровне языка и тела. Появляется необходимость и в других способах категоризировать «детское».

В дискурсе травмы авторы производили категорию «дети» через противопоставление и образу «опасного» и «беззащитного» ребенка, и созданной ими же репрезентации «взрослых» как морально и социально некомпетентных субъектов, врагов несовершеннолетних и угрозы обществу. Так, проводя границу между «детским» и «взрослым миром» и присваивая «детям» исключительно положительные характеристики, участники группы БЗР приходили к образу «детей» как «лучшей версии человека».

В дискурсе угнетения эти темы теряют свою актуальность. По аналогии с женским субъектом или инвалидом «ребенок» прочитывается авторами как отличный от «взрослого» и равный «взрослому» субъект социальных взаимодействий, что требует прояснения в текстах других отношений между этими персонажами. Подчеркивая необходимость социального баланса через установление не только равного правового положения, но и равноправной коммуникации, авторы, в первую очередь паблика «Подслушано: эйджизм», разрабатывали две стратегии представления «детского»: эксплицитно — через тексты, в которых «детское» репрезентировалось как непосредственно включенное во «взрослый мир», и имплицитно — когда авторы *зашивали* в текст представление о «ребенке» как о субъекте анализа и критики.

Ключевыми категориями в репрезентации равенства «детского» и «взрослого» выступают «зрелость» и «жизненный опыт», которые деконструируются до цифры возраста и оказываются оторваны от ассоциации с интеллектуальным, эмоциональным, личностным и физическим развитием.

Вы можете быть молодым и умным и всё ещё эмоционально развитым, всё ещё иметь личность, которая не полностью соответствует стереотипам. Ваш возраст не определяет вашу ценность. Зрелость не имеет никакого отношения ни к вашей внешности, ни к

вашему интеллекту, ни к вашим качествам характера, ни к вашей личности. Любой человек любого возраста может иметь любую вариацию этих факторов. Зрелость - показатель, разве что, вашего возраста и жизненного опыта. Вы не можете это изменить. Это просто факт. И это важно понимать [Хватит стыдиться своего возраста 2020].

В дополнение к этому антиэйджисты вводят категорию «наивности», выстраивая повествование через отрицание ее возрастного измерения и предполагая, что и взрослые, и дети могут быть наивными или некомпетентным:

Наивность в экономических и политических вопросах - не “возрастная проблема”. Человек может быть наивным в любом возрасте, и он может безоговорочно верить тому, что пишут в книгах в любом возрасте. Так что наивность и доверчивость некоторых детей не даёт нам право ограничивать политические права молодежи и лишать их права голоса, потому что мы не лишаем права голоса не менее наивных взрослых [СИТУАЦИЯ 2019].

В то же время «детский жизненный опыт» изображается творческим измерением, в котором индивиды неограниченны социальными конвенциями. Так, игра репрезентируется как эффективная форма маскировки детского участия во «взрослом мире», например, в торговле.

Мне бы не разрешили пойти работать до восемнадцати. Но я придумала, как этот запрет обойти. Я стала работать в двенадцать. В том году было очень много грибов и я выпросила у мамы лишние и пошла их продавать. Это же игра в магазин, да? Детям можно. Я работала в тринадцать. Накопила денег весной, закупила товар оптом и летом продавала на даче. Я смогла просчитать все так, что у меня получалось сохранять самые низкие цены в городе <...> Но... Это же не настоящая работа, это игра - и мне, как ребёнку, можно [Мне бы не разрешили 2019].

Присутствие детей рядом и наравне со взрослыми в таких традиционно понимаемых взрослых сферах, как торговля, политика, активизм — будет одной из популярных стратегий репрезентации антиэйджистских представлений о «детском». Авторы отходят от воображения «отдаленного будущего» и начинают думать о себе и других детях в настоящем:

Дети это “вы”. Дети это “мы”. Молодёжь страны - это не “будущее” страны. Они не ждут дома, пока их родители начнут бороться за свои права. Они здесь, с нами, в этом бардаке, сейчас. Они - значительная часть этой страны, не в будущем, а сейчас. На них влияет политика, идеологии, нормализация ненависти и насилия, не в будущем, а сейчас. И они действуют сейчас. Они делают знаки. Они маршируют. Они устраивают прогулки. Они работают в своих сообществах. Они выступают. Они волонтеры. Они организуют. Они начинают движения [Для спикеров на митингах 2020].

Публичная роль, которую может играть любой ребенок, для антиэйджистов становится не просто обнаружением значимости голоса ребенка, но и источником личного и общественного «счастья» и необходимым условием «наслаждения жизнью»⁷¹. Реализация утопии общественного и гражданского соучастия без возрастных ограничений оказывается напрямую связана с «антиэйджистской [культурной] революцией», агентами которой авторы считают себя и других детей и подростков⁷².

Но никакие правовые изменения не заставят [детей] прибегать к правовым методам самозащиты, пока не произойдет антиэйджистская революция в головах. Без соответствующего просвещения населения никакие меры правовой защиты детей не будут успешными [Про насилие в семье 2019].

Помимо «просвещения населения» о правовом и социальном статусе ребенка в программу «революционера-антиэйджиста» входит в первую очередь постоянная рефлексия о том, каким должен стать новый ребенок. В этом этическом императиве отражаются ключевые методологические основы критических теорий, которые для антиэйджистов приобретают характер повседневных жизненных практик — взгляд на

⁷¹ «Я никак не могу понять, почему наличие прав несовместимо со счастливым детством. Я сам очень хочу, чтобы каждый ребенок мог наслаждаться детством. И когда молодой человек добивается прав и независимости, он тем самым пытается добиться лучшей жизни, то есть, лучшего детства и лучшей молодости! Сложно нормально наслаждаться жизнью, когда другие люди могут принимать за тебя большую часть решений (или вообще все решения), вне зависимости от твоих желаний, и от того, что для тебя на самом деле выгодно. Сложно нормально наслаждаться жизнью, когда тебе отказывают в базовом уважении, и общество рассматривает тебя, как сказал бы Джон Холт, как “нечто среднее между рабом, ценной домашней зверушкой и источником затрат”. Сложно, когда общество идеализирует твою зависимость и предполагаемую “наивность”, и наслаждается этим. И поэтому, когда кто-то говорит: “вы должны наслаждаться детством”, я воспринимаю это как: “я хочу наслаждаться тем, что у вас такое детство”» [Джордан Майкл Эдвин 2017].

⁷² «Десятилетняя девочка Таня из подмосковного Волоколамска вошла в инициативную группу по решению проблем мусорного полигона “Ядрово”» [Девочка в розовом 2018]; «Статья написана в духе истинного БЗРовца - автору определенно место в наших рядах - примем с распростертыми объятьями. Одиннадцатиклассник разоблачает эксплуататоров, приводя цитаты из различных законов и приводя примеры их полнейшего нарушения (или просто маразма)» [Читая статьи на всяких сайтах 2017]; «Вот такой вариант предложила 15-летняя ученица по имени Варя, видимо, знакомая с политикой властей в отношении исторической застройки Нижнего. Гениально» [В Нижнем Новгороде 2021].

реальность как на результат интересов разных акторов, культивирование поиска различных (и особенно скрытых) механизмов угнетения, публичное выражение своей позиции, разоблачение несправедливости, перестройка языка, внимание к маргинальным группам, восприятие эмансипации как цели всей человеческой истории.

“Будь тем, кто был нужен тебе, когда ты был_а младше”. Эту картинку я нашла на просторах интернета, и она лучше всего отражает основную, и совершенно эгоистичную причину моего активизма. Я не хочу, чтобы другой ребенок, похожий на меня, оказался на моем месте. Я борюсь с эйджизмом как с одной из самых серьезных систем угнетения за всю историю человечества, и со всем, что с ним пересекается, потому, что хоть я и не могу исправить свое прошлое, я могу частично не допустить повторения истории. В каком-то смысле мой активизм можно свести к фразе: “никогда больше” [Заметка одного из админов 2018].

Культивирование роли критика повседневности, вскрывающего все несоответствия и мифы в организации детского и подросткового мира, выражается и в появлении специального жанра публикаций, в которых эта роль встроена в авторскую позицию и стиль повествования:

Вот я, например, и дня не могу прожить без решения сложной задачи по клонированию овечки. У меня эти клоны уже все квартиру заполнили, и каждое утро я учу их тому, что такое интегралы и дифференциалы (должны же эти интегралы кому-то пригодиться?) После этого за завтраком я пишу сочинения о классической русской литературе - например о том, почему Герасим утопил Муму. И публикую их в своём блоге. <...> После завтрака я обычно встречаюсь с друзьями. Чаще всего мы обсуждаем Великую Отечественную Войну, и, конечно же, в том же школьном стиле, что требовали от нас на уроках. (И не дай Бог кто-то вспомнит о пакте Молотова-Риббентропа- нет-нет, мы, как и в школе, говорим только о героизме советского народа). Ну а затем я расслабляюсь, разбирая устройство модели ядерного реактора. <...> И только решение химических уравнений в дружном семейном кругу помогает мне снизить вызванный ими стресс [Вы представляете 2019].

В практиках детского письма авторы обнаруживают не только инструмент ироничной критики, но и пространство самоисследования, работы над проектами самостроительства и желаемыми моделями поведения. Такими же функциями, по мнению

авторов, могут обладать не только личные дневники⁷³, но и фанфики⁷⁴, которые, как будто бы вторя тезисам исследователей фанфикшн, понимаются как культурные формы сопротивления социальному давлению.

2.2.6. Дискурс угнетения в антиэйджизме: общие замечания

Переопределяя эйджизм по аналогии с другими видами дискриминации, авторы-антиэйджисты расширили репертуар тем публикаций, разработали новый терминологический аппарат и программные требования, выдвигаемые антиэйджизмом как движением и идеологическим проектом. Внутренние конфликты, как личные, так и идеологические, и аффордансы платформы ВКонтакте, «предложка» и модерация контента, способствовали образованию в каждом паблике своего канона антиэйджистского высказывания — набора популярных сюжетов и способов их репрезентации. Несмотря на разные визуальные и риторические приемы — обращение исключительно к политическим сюжетам или предпочтение мемов, эксплицитное сближение антиэйджизма и феминизма или же критика языка социальной повестки (но на языке социальной повестки), — в каждом антиэйджистском паблике не было сомнения в том, что эйджизм как тотальная система угнетения и дискриминации несовершеннолетних существует и что с ней надо бороться.

Вместе с тем усложнялась и этическая система. Границы обобщенных групп взрослых и детей размывались, а «взрослые» и «дети» переставали воображаться монолитными и цельными персонажами — они стали способны как на «неадекватные» поступки, так и на равные отношения с другими и «справедливую борьбу» во имя всеобщего блага. В отличие от дискурсивных стратегий интерсекциональной теории, предполагавшей выделение маргинальных групп по совокупности идентичностей, антиэйджисты, сопротивляясь проведению границ внутри группы «детей и подростков», прибегают то к универсализации через общий детский опыт, то к индивидуальному подходу и частным историям.

⁷³ «Записывайте всё что происходит в вашей жизни. Особенно - с родителями. Факты и ваши чувства. Максимально подробно» [Ведите дневник 2018].

⁷⁴ «Большинству людей - любого возраста - важно ощущение собственной значимости. Большинство людей хотят, чтобы их любили и уважали, чтобы ими восхищались, и именно это желание находит отражение в “мерисьюшных” историях. / Но детей в нашем обществе принято унижать. Их стремления и достижения принято не воспринимать всерьез, их мечты - обесценивать, а их личность считать лишь “приложением” ко взрослому, чем-то, что взрослые могут менять, как хотят. / Дети вынуждены ходить в школу, которую многие из них ненавидят. / Дети вынуждены подчиняться родителям, которые часто лишают их всякой свободы. / Какое уж тут геройство? Какое ощущение собственной значимости? / Единственный способ почувствовать себя сильным, ощутить возможность на что-то повлиять для многих заключается в этих самых фанфиках» [Очень часто молодые 2019].

Репрезентация «ребенка» как субъекта постоянного анализа и критики и размноженные до бесконечности темы, в которых можно прочитать эйджизм, обеспечили более легкий переход к новым формам нарративов, где автор выступает как исследователь собственных проблем, вызванных эйджизмом, начинает искать им название и, что будет совсем новым элементом антиэйджистского языка, *лечение*. На этой стратегии производства знания о детском я подробнее остановлюсь в следующем параграфе, который посвящен интеграции терапевтического нарратива и нового языка разговора о чувствах в антиэйджистский дискурс.

2.3. Терапевтический нарратив и новый язык разговора о чувствах: эмоциональный поворот в антиэйджистском дискурсе

2.3.1. Исследовательский контекст: терапевтический дискурс

Примерно в 2018–2019 годах в публикациях и комментариях антиэйджистов начинает массово распространяться новый язык говорения о детях и подростках. Он отличается вниманием авторов к эмоциональному состоянию, повествованием преимущественно от первого лица, включением диагнозов и медицинских терминов (особенно из психологии) как способов интерпретировать личный опыт. В этих новых риторических стратегиях угадывается более широкий культурный процесс перестройки повседневного языка — Юлия Лернер и Полина Аронсон обозначили его как «новый язык разговора о чувствах» [Лернер 2022; Аронсон 2022].

Распространение насыщенного эмоциями публичного языка говорения о частной жизни обычно интерпретируется в контексте «эмоционализации культуры» [Лернер 2022], «терапевтического поворота» в публичной риторике [Illouz 2008; Лернер, Збенович 2017; Аронсон 2022], «новой искренности» [Руттен 2022], «культуре виктимности» и «травмы» [Campbell, Manning 2018; Миськова 2022]. Каждому из этих больших феноменов сопутствуют указания на такие тенденции, как распространение языка травмы и роли автора-«жертвы», переосмысление личных переживаний в вопрос публичной повестки и превращение описания интенсивных эмоций или их предельного отсутствия в объяснительные модели и себя, и устройства общества.

Обращаясь к истокам формирования языка и теории терапии как когнитивного инструмента воображения и интерпретации себя и социальной реальности, Ева Иллюз выстраивает историю терапевтического дискурса от психоаналитических работ Зигмунда Фрейда. Перевод психоаналитического языка из строго медицинской области в описание и

объяснение повседневности происходил через расширение сети акторов производства психоаналитического знания, последующую институционализацию и трансфер психологических теорий в сферы менеджмента труда и работу социальных служб — и, наконец, через массовое распространение терапевтического языка в публичном дискурсе культурными индустриями (рекламой, кино, массовой литературой) [Rose 1999: 55–213; Illouz 2008: 22–57].

Теории и язык психологии предоставляли когнитивные схемы для перевода эмоций и чувств субъекта в особую форму «терапевтического нарратива», который характеризуется авторской мета-позицией по отношению к собственному внутреннему «я», постоянной рефлексией о своем месте относительно окружающих, исследованием удач и неудач собственной жизни через обращение к прошлому, высказанным и невысказанным проблемам [Illouz 2008: 46–47, 183–185; Лернер 2022: 14]. Иллюз, анализируя механизмы нарративизации, вписанные в терапевтическую культуру, понимает их как процессы мелодраматизации «я». В категориальном аппарате Иллюз «мелодрама» оказывается удачно подобранной метафорой: она указывает на такое отношение «я» к самому «я», при котором субъект высказывания становится одновременно и зрителем, и объектом наблюдения и описания [Illouz 2016: 159–160]. Терапевтическая культура, эксплуатируя эту способность мелодраматизированного Self отстраняться и присваивать новые значения событиям собственной жизни, предлагает субъектам *техники себя*, аналогичные тем, которые описывали Мишель Фуко и Николас Роуз. Другими словами, мелодраматический нарратив становится инструментом субъекта по приведению себя к новым нормам современного общества: самоконтролю, саморазвитию, постоянной рефлексии о своем месте относительно окружающих и непрекращающейся работе по улучшению собственного эмоционального и психологического состояния [Illouz 2016: 161; Lerner, Rivkin-Fish 2021: 3, 7].

Язык психологии структурировал представления о том, как устроено индивидуальное «я» и как это частное «я» должно быть разыграно перед другими. Одной из таких форм презентации собственного «я» выступало публичное саморазоблачение себя в качестве жертвы и дисфункционального субъекта [Illouz 2008: 185]. В самом акте рассказывания другим своей травмы на публике соединялась «символическая репарация» (в признании статуса жертвы) и терапевтическая функция (через обнаружение необходимости лечения, проработку программы лечения или признание успеха лечения) [Ibid.]. Так, в самом начале истории антиэйджизма можно обнаружить признаки частичной интеграции риторики терапевтической культуры. Под влиянием моральных паник вокруг ребенка и языка детско-родительских отношений терапевтический дискурс проникал в

антиэйджистские паблики исключительно через репрезентации ребенка-жертвы и события «травмы», в плане содержания которых, однако, отсутствовало указание на работу с психоэмоциональными состояниями.

Феминистское движение стало одним из ключевых «культурных союзников» терапевтического дискурса. Более того, программа второй волны феминизма оказалась во многом предопределена теориями и языком терапии: эмансипация как этический императив, концептуализация самоисследования как освобождающей практики, осмысление семьи как основного места формирования и деформации субъекта, превращение эмоций и приватной сферы в вопросы публичной дискуссии [Illouz 2008: 120–125]. Выражение интенсивных эмоций превратилось в популярную стратегию критики среди представителей различных либеральных и левых движений, преобразуя повествовательную структуру мелодрамы в «форму критики, которая драматически подвергает сомнению условия несвободы, эксплуатации и неравенства» [Anker 2014: 203]. Генеалогическая связь движений социальной справедливости и терапевтической культуры находит выражение и во взаимосвязи поворота к эмоциональности с риторикой угнетения в антиэйджистском дискурсе.

Как замечает Лернер, терапевтический язык долгое время не становился формирующей силой культурного знания на постсоветском пространстве и начал развиваться скачкообразно с конца 1990-х и в 2010-х годах. Русскоязычный вариант дискурса терапии неоднороден, сформирован на границах разных культурных идеологий и отличается особыми политизированными формами [Лернер 2022: 15–16]. В конце 2010-х годов исследователи стали наблюдать формы терапевтической культуры не только в продуктах культуриндустрий и политической риторике, где она использовалась стратегически, но и в сценариях повседневного речевого поведения у широких слоев населения [Лернер, Збенович 2017; Аронсон 2022]. Пандемия COVID способствовала массовизации этого языка: «группы населения были психически диагностированы, их повседневный опыт был переработан в эмоциональном плане, и каждый эмоциональный опыт был переведен в стрессовый, дискомфортный или травмированный» [Lerner, Rivkin-Fish 2021: 3].

В этом параграфе меня будет интересовать, как новый язык разговора о чувствах и жанр терапевтического нарратива оказались интегрированы в антиэйджистский дискурс.

2.3.2. Терапевтический нарратив и эйджизм: новые формы личных историй

Формы нарративов от первого лица были первыми освоенными антиэйджистами БЗР жанрами публикаций, а авторы демонстрировали разнообразный эмоциональный репертуар: от утверждения «меня удивляет» до описания накала эмоций, постоянного использования обценной лексики, выражения аффективного состояния многочисленными восклицательными и вопросительными знаками.

Меня раздражает, когда мама все мои неудачи и косяки сваливает на то, что мне интересно; с детства меня отдали на каратэ, я ненавижу этот вид спорта, и мама во всех неудачах винила компьютер. В этом году я занялся другим видом единоборств и мне очень нравится, так теперь она говорит “во всем виноваты твои тренировки, тебе плевать на все, кроме них”. Откуда такая логика, я не понимаю [Меня раздражает 2014].

Эмотивы «меня раздражает» и «я ненавижу» пронизывают ранний антиэйджистский дискурс и согласуются с предлагаемыми в БЗР сценариями реагирования на события детско-взрослых отношений. Проходя через «цензуру коллектива» в группе с «открытой лентой» и делиберативным характером обсуждения детской повестки, жанр личных заметок выкристаллизовывался в описания исключительно негативных событий и негативных эмоций. Постоянное использование обценной лексики, которое наблюдается в первые несколько лет существования БЗР и отсутствует как массово разделяемая норма высказывания в остальных веб-сообществах, можно понять в контексте изменения риторических стратегий описания несправедливости по отношению к несовершеннолетним. До того, как роль ребенка-жертвы, страдающего от детско-взрослых отношений, превратилась в непроблемное знание среди авторов-антиэйджистов, обценная лексика служила способом производства и репрезентации «искренности» и функционировала как инструмент убеждения аудитории.

В паблике «Подслушано: эйджизм» появляется совершенно другая конструкция повествования об эмоциях, в которой можно опознать вариант «терапевтического нарратива». На одном очень показательном и подробном тексте, который перепостили из паблика «Подслушано: эйджизм» в БЗР, АЭК и паблик одной из руководительниц АЭКа «Дети и подростки веганки», я покажу, как начал структурироваться личный опыт в антиэйджистском дискурсе.

Основным пафосом таких личных текстов выступает жест публичного отрицания социальных конвенций, которые, по мнению авторов, замалчивают детские психологические проблемы («у детей не бывает депрессии») или фреймируют психологические и телесные темы как стыдные и неприемлемые:

О таком обычно не говорят от первого лица, потому что вроде как стыдно. Мне тоже стыдно, но я считаю, что кто-то должен наконец заговорить об этом. Поэтому говорю: у меня проблемы с гигиеной, с которыми я борюсь. (при чем тут эйджизм, поймете через несколько абзацев). И хоть пока я в этой борьбе не побеждаю, тем не менее, мне уже удалось докопаться до причин этих проблем и откопать некоторые лайфхаки и правила, которые позволяют мне проводить гигиенические процедуры хотя бы иногда [Многабукаф 2021].

Антиэйджистский вариант терапевтического нарратива открывается с опознания в себе жертвы одновременно некоторой социальной дисфункции, медицинского диагноза (в данном случае — проблемы с гигиеной и «диссоциации с телом») и эйджизма. Автор подробно описывает путь исследования обнаруженной им «болезни», находя ее причины в прошлых и актуальных детско-родительских отношениях:

а) Первая причина диссоциации, которую я обнаружила - это то, что моих родителям всегда было пофиг лично на меня, но им всегда было не пофиг на мое физическое здоровье <...>

б) вторая причина в том, что я всегда считала свое тело “не соответствующим” <...>

в) третья причина в моем послушании родителям и другим старшим родственникам. Я ненавидела то, что я не могу сделать по-своему и делаю так, как мне велят, так что проще было сказать себе, что мое тело выполняет приказы, а внутри я не подчиняюсь никому, моя душа и мысли принадлежат мне, пока мое тело слушается <...>

г) четвертая причина (под вопросом) - постоянное нарушение моих личных границ. Например, меня заставляли целоваться и обниматься с родственниками, когда я не хотела, против воли щекотали, брали на руки и поднимали вверх, отчим делал сливку, дёргал за косички и т д и т п. Возможно, моей психике было легче считать, что тело, которое находится во власти других людей, существует отдельно от меня, значит я сама как бы не нахожусь в чужой власти. <...>

Это вообще классическая причина нелюбви к абсолютно любому занятию. Если тебя принуждают, заставляли из-под палки, желание делать пропадает, зато появляется желание сопротивляться и действовать назло. Даже во вред себе, лишь бы только себе доказать, что ты отдельный человек и способен управлять своей жизнью [Многабукаф 2021].

В структуре новой формы личного нарратива авторы будут демонстрировать как свои неудачи в борьбе («я в этой борьбе не побеждаю»), так и успехи, под которыми

понимаются определение психоэмоциональной травмы, обнаружение эйджистских причин и составление индивидуального плана работы по самолечению (списка шагов или «лайфхаков»). Самоисследование и публичная демонстрация эйджистского влияния на собственное психологическое состояние станут популярными повествовательными стратегиями среди антиэйджистов в конце 2010-х годов и эксплицитными программными задачами антиэйджистского проекта⁷⁵: авторы пишут о собственном прозрении посредством самоанализа, в то же время предлагая всем несовершеннолетним «обдумывать слова родителей специально, чтоб понять, правда это или нет (*имеются в виду транслируемые родителями представления о поведении и здоровье — И.П.*)» [Многабукаф 2021].

Автобиографические свидетельства, структурированные таким образом, служили готовыми моделями для производства новых форм субъектности в антиэйджистском дискурсе, построенных на постоянном процессе самоисследования и самостроительства, обнаружении телесных или эмоциональных «проблем» в своей повседневности и выстраивании четкой каузальной связи между ними и «неправильными» представлениями о детях и о детско-взрослых отношениях. В этом новом жанре антиэйджистского высказывания репрезентации эйджизма как системы угнетения, «взрослых» и ролевых моделей детей и подростков будут отличаться новыми смысловыми акцентами.

2.3.3. Усвоение риторики терапии: эйджизм как эмоциональное и психологическое насилие

Среди богатого репертуара механизмов «дискриминации» детей, который разработали к этому моменту авторы-антиэйджисты, в новом дискурсивном порядке появляется еще одно измерение возможного насилия над детьми. Оно формулируется через представление о том, что эйджизм не только влияет на реальные возможности детей в социальной, культурной, политической и экономической сферах, но и несет прямую угрозу эмоциональному благополучию и психическому здоровью ребенка. Эта угроза оказывается встроена в выработанную риторическую стратегию антиэйджистов представления главной опасности через ее «невидимость» — невидимая и никем не замеченная война взрослых против детей и эйджизм как скрытая система угнетения. Так, эмоциональное или психологическое «насилие» репрезентируется в первую очередь через отсутствие внешних

⁷⁵ Мои собеседницы и собеседники часто описывали этот новый жанр как инструмент, «продвигающий повестку» (Катя, 18 лет, администратор публика, 4 года в АЭ).

свидетельств — и за счет этого производится представление о его исключении из правового и социального регулирования.

А с психикой вообще может сделать что угодно - манипулировать, газлайтить, ломать самооценку и т.д. И тут уж 100% никто не вмешается, потому что никаких видимых синяков и шрамов же нету [Представьте себе 2021].

Нерегулируемые механизмы причинения страдания переводятся на язык терапии, обогащая тем самым язык описания детско-взрослых отношений, — «манипулировать», «газлайтить» «ломать психику», «абьюзить», «обесценить» и так далее. Повседневность ребенка или подростка оказывается не только наполнена разными «травмирующими» событиями и системами подавления и исключения ребенка из «взрослого мира» — сам ребенок, а точнее его внутреннее «я», «личность» и «эмоции» начинают опознаваться как объекты, деформированные эйджизмом.

Семья как основной предмет критики — и в терапевтическом дискурсе, и в антиэйджистских веб-сообществах — обогащается дополнительными сюжетными разворотами, в которых авторы будут искать и формулировать в текстах каузальные связи между «родителями» и различными дисфункциями ребенка, обобщать их до готовых моделей объяснения собственной жизни⁷⁶.

Мобилизуя терапевтический фрейм, авторы-антиэйджисты начинают по-новому интерпретировать уже обнаруженные «неправильные» события и практики, разворачивающиеся в пространствах семьи и школы. Например, «ответ у доски» в этом новом дискурсивном порядке теперь понимается не только как желание учителя отыгаться и продемонстрировать власть над школьниками или как еще один механизм дисциплины и репрессии, а как причина «развития социофобии» и «травм психики»:

Я могу вечно говорить о проблемах и недостатках современного российского школьного образования, но в данной статье хочу обратить внимание на обязанность отвечать у доски. На мой взгляд, нет ничего более способствующего развитию социофобии, низкой самооценке и многим другим травмам психики, чем мучительные попытки сосредоточиться и назвать правильный ответ на глазах у десятков детей, когда ты понимаешь, что на тебя ПЯЛЯТСЯ и тебя это бесконечно нервирует. <...> Помню, в школе я очень любила стихотворения. Но вот рассказывать их я ненавидела. Потому

⁷⁶ Например, публикация под заголовком «Как родители делают из тебя прокрастинатора» [Как родители 2020].

что надо “красиво”, потому что надо “с выражением”, потому что все смотрят, смотрят и осуждают [Записки Радужного Дракона 2019].

Другие дети, которые оказываются вовлечены в эту машину по производству психических проблем и сами участвуют в ней, «пялятся и тебя это бесконечно нервирует» или «смотрят и осуждают», рассматриваются авторами в основном как жертвы недобровольного пребывания в школе, которая не предлагает других сценариев поведения. Так, в объяснении «буллинга», физическое или психологическое насилие над сверстниками интерпретируется как следствие «противоестественной системы взаимоотношений». Школа, как и в дискурсе угнетения, напрямую сопоставляется с армией и тюрьмой, которые, по мнению авторов-антиэйджистов, меняют всю структуру социальных отношений в соответствии со своей внутренней логикой жестких иерархических систем и практик подчинения:

Буллинг - это явление с которым, бесспорно, необходимо бороться, однако, попытаться выставить виноватым только альфачей, которые непосредственно занимались буллингом - не вполне верно. Это противоестественная система взаимоотношений, когда выделяются вожаки и омежки, всегда формируются в закрытых недобровольных системах (армия, тюрьма) <...> твой удел - выученная беспомощность и затаенная злоба [Едва-едва система образования 2021].

Аналогично с тем, как детские коллективы, которые, например, в упомянутой выше публикации делятся на «альфачей» и «омежек» как бы не по собственной воле, а по навязанному институтом сценарию эмоционального поведения (агрессии, «выученной беспомощности» и «затаенной злобы»), «опасное поведение» подростков оказывается концептуализированно как следствие «традиционных» моделей воспитания:

Подростков принято упрекать в том, что они склонны к опасным видам поведения. <...> Между тем, совершенно не принимается во внимание тот факт, что у многих подростков подобная модель поведения является ничем иным, как следствием принятых в обществе моделей воспитания. С самого раннего детства родители учат человека пересиливать себя. Разумеется, в тех ситуациях, когда это выгодно родителям. Ты должен доесть кашу, даже если тебя от неё тошнит. Ты не должен бояться темноты. Ты не должен бояться, когда тебе делают прививки. Ты не должен бояться идти в школу и т.п. [Почему подростки склонны 2020].

В этом фрагменте видно, что стратегия поиска скрытых мотивов родителей продолжает бытовать в антиэйджистском дискурсе («когда это выгодно родителям») и легко встраивается в структуру терапевтического нарратива.

В рамках терапевтического фрейма сама роль ребенка была опознана как источник эмоционального неблагополучия, «проблем, комплексов и травмы»⁷⁷. Авторы-антиэйджисты приводят подробные описания, поясняющие любой фрагмент детской повседневности как психологическую угрозу.

Что значит быть школьником.

- 1) Неопределённость будущего. Ты не знаешь, что с тобой будет “потом” <...> Ты зависишь от родителей, а тебе в уши льют сказки про универ и ни слова о том, как тебе стать менее зависимым. Ты будешь что-то делать со своей жизнью, но “потом”.
- 2) Ты боишься “отстать” от сверстников и (возможно, подсознательно) боишься пойти нестандартным путём [Когда я стала взрослой 2019].

В то же время роль ребенка как субъекта, вовлеченного в постоянный процесс анализа и критики, в терапевтическом фрейме становится тотальной рекуррентной позицией, не оставляя выхода аудитории на другие сценарии интерпретации или желательного поведения. В понимании авторов-антиэйджистов, если несовершеннолетний не сталкивается с обесцениванием и абьюзом, то значит она или он недостаточно внимательно проработали свое эмоциональное состояние и недостаточно отрефлексовали отношения с взрослыми.

Под влиянием воображения и репрезентации «ребенка» как окруженного со всех сторон «опасным», «манипулятивным» и «калечащим личность»⁷⁸ миром, сами паблики начинают перестраиваться в соответствии с новыми представлениями об этических стандартах коммуникации. Так, в паблике «Голос» дорабатываются правила общения, которые теперь предписывают «бан» за «переход на личности» и «газлайтинг»⁷⁹. Создательница паблика комментирует этот «минимальный набор правил» как введенный «исключительно для безопасности» (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). Для

⁷⁷ «[К]ак известно, все проблемы, комплексы и травма по большей части идут из детства» [Здесь скорее одно 2019].

⁷⁸ «Задача школы — развить в ребёнке лучшее, а не искалечить его личность, взрастив в нём комплексы, с которыми придётся бороться всю жизнь» [Посмотрите 2019].

⁷⁹ «Мы не собираемся никого банить, если вы, конечно, не будете переходить на личности и заниматься всякими газлайтингами, мы считаем, что основа свободы - это возможность высказаться всем, вне зависимости от их взглядов на мир» [У нас тут возник очень 2020].

«безопасности» в значении отсутствия «эмоциональных триггеров» или «обесценивания» создается и отдельный чат — «Ламповая беседа»:

Если вы любите теплоту, ламповость и дружелюбную атмосферу, то специально для этого у нас появилась Ламповая говорильня. Здесь вы можете поделиться всеми своими переживаниями, не боясь осуждения. Эта беседа - безопасное пространство. Там запрещено спорить о политике и прочих острых вещах, нельзя никого оскорблять (ни отдельных людей, ни социальные группы). Если вы устали от негатива - то эта беседа специально для вас. Иногда всем нужна поддержка, даже самым ярым борцам за свободу и всякого рода равноправие [У нас появилась новая беседа 2021].

Согласно приведенному фрагменту, прокомментированному для меня администратором паблика, главную угрозу эмоциональному состоянию представляют «вопросы политики и сексуальности», чаще всего вызывающие конфликты среди подписчиков в чатах или комментариях (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ). Таким образом, концепт «безопасного пространства» (который был изобретен в движении за права женщин для маркирования пространств свободной дискуссии о политике и гендере [Campbell, Manning 2018: 79]) антиэйджисты переводят на язык собственной детской проблематики, где центральной и единственной фигурой становятся «эмоционально уязвимые» дети и подростки. Для антиэйджистского дискурса детская или подростковая идентичность снова оказывается больше и важнее других способов самоопределения. Любопытна и неудача этого перевода. «Ламповая беседа» как аполитичный и агендерный safe space сбивал с толку аудиторию, для которой он создавался, и был очень быстро заброшен.

В то же время логика терапевтического нарратива и те формы, в которых эйджизм структурировался и обретал свою репрезентацию, не удовлетворяли символических лидеров пабликов БЗР и АЭК:

До какого состояния довели [современную молодежь] с модненькими утверждениями, что бедного дитятку может психотравмировать все подряд? А уж тема секса и все что с ним связано дак это вообще должно держаться за семью замками [Хотите посмотреть на самый 2021].

Несмотря на то, что для пабликов существует общая стратегия представления «детей» в качестве «жертв» — дискурс терапии и «новый язык разговора о чувствах», как и риторика угнетения, были подвергнуты сомнению и оспорены. Овладев стратегией

поиска скрытых мотивов, некоторые авторы-антиэйджисты с легкостью интерпретировали терапевтическую культуру как еще один инструмент мистификации, используемый «взрослыми» для подавления сопротивления несовершеннолетних:

Детей гораздо старательнее защищают от каких-то мифических “опасных для детской психики непристойностей”, чем от объективно вредных вещей. Даже проблема родительского пьянства рассматривается не с точки зрения того, как ребёнок пострадает от этого (напр. пьяные родители его побьют), а с точки зрения: “о боже, ребиначик увидит такие НЕПРИСТОЙНЫЕ вещи!”. Короче, скрепность или нескрепность происходящего с детьми беспокоит всех гораздо больше, чем то, каково при этом ребёнку [Вы наверное видели 2020].

2.3.4. «Взрослый» как травмированный и «взрослый» как друг: пересмотр детско-взрослых отношений на языке терапии и эмоций

В антиэйджистском варианте терапевтического нарратива появляется интерпретативная схема, согласно которой в большинстве случаев взрослый причиняет страдания ребенку не специально, а в силу своей собственной «травмированности»: «отбивает свои травмы», «забивает на ребенка» (*потому что «забил» на себя и/или потому что все «забивают» на него или ее — И.П.*), «добивается через детей каких-то своих целей», «заменяет желания ребенка своими», «относится к детям снисходительно и даже жестоко» (*потому что к нему или к ней относятся «снисходительно и жестоко» — И.П.*). Так, «взрослый» предстает не только потенциальным участником диалога, но и сам обретает сложный «внутренний мир». Авторы-антиэйджисты стали замечать эмоциональные проблемы родителей, их психические заболевания и клинические зависимости, вызванные как физиологическим состоянием, так и социальным контекстом. Такие максимы «непозволительного» обращения с детьми для антиэйджистов, как физическое насилие или прямо продемонстрированная агрессия, встраиваются в объяснительные модели терапевтического дискурса и означаются как «нездоровое поведение», причиняющее вред психологическому состоянию самого агрессора:

Таким образом, если Вы будете кричать на этого человека или бить его, то вы будто будете наказывать самого себя. Ни один адекватный человек не будет этого делать по доброй воле [Мне тут щас вспомнилась 2020].

Приняв в качестве здравого смысла, что дети «никогда ничего не делают “просто так”» [Ребёнок не может 2019], авторы-антиэйджисты предлагают родителям «познакомиться» с собственным ребенком и понять «интенциональность» и «причинность» детского поведения. «Дети» начинают пониматься не только как субъекты, совершающие какие-то поступки в ответ на «взрослый мир», который все делает неправильно, а как самостоятельные субъекты со своими, детскими и подростковыми, целями и интересами.

Таким образом, «межпоколенческий диалог», предложенный ранее авторами-антиэйджистами, теперь подчиняется этике «уязвимости» и «эмпатии»: «не осуждайте», «надо стараться быть мягче». Эти коммуникативные навыки репрезентируются в качестве специальной компетентности, которой можно и нужно учиться и, желательно, у профессионалов. «Постараться стать другом», «дать знак, что вам можно доверять» и «вы могли бы взглянуть на ситуацию с другой стороны», — все это могло появиться в антиэйджистском дискурсе, видимо, только при появлении взгляда на «внутренний мир», чувства и эмоции и ребенка, и взрослого. В дискурсе травмы среди тех предложений по речевому поведению для родителей, которые предлагали авторы, самый близкий образец — это разыгранный в тексте диалог между взрослым и ребенком, где взрослый через «спокойные» и «рациональные» вопросы к ребенку может донести свою мысль [Очень жизненно 2013].

2.3.5. «Дети» и «подростки» в терапевтическом дискурсе: субъекты самоисследования и самопомощи

Благодаря словарю и жанрам терапевтической культуры, авторы-антиэйджисты все больше представляли несовершеннолетних как «продуктивных и предприимчивых неолиберальных “я”» [Lerner, Rivkin-Fish 2021: 8]. Так, в антиэйджистских пабликах появляются публикации со списками сайтов психологической помощи⁸⁰, а авторы-антиэйджисты будут предлагать разные практики самоисследования и фиксации эмоциональных переживаний — например, ведение письменного или видео-дневника:

Записывайте всё что происходит в вашей жизни. Особенно - с родителями. Факты и ваши чувства. Максимально подробно. Сейчас мой дневник - это, по сути, единственное доказательство эмоционального насилия помимо моих слов. Дело в том, что сейчас в моде ложные воспоминания. Вот для этого и нужен дневник. А ещё у меня не было

⁸⁰ «Котятки, вы часто спрашиваете, куда обращаться тем, кому нет 18. Вот тред с сайтами психологической помощи подросткам. Это бесплатно» [Полезности 2020].

видео или аудио регистратора. Носите на шее вместо амулета. Нет ничего лучше, чем видеорегистратор на шее. Потом будет в вашем архиве и когда вы будете готовы уйти от родителей, вы сможете объяснить всяким идиотам, почему вы это сделали. Это ваше право. Нам нужно защищать самих себя [Ведите дневник 2018].

По мнению авторов, фиксация собственных эмоциональных реакций помогает заметить совершенное насилие и в то же время выступает формой самозащиты и сбора доказательной базы в обосновании «невидимых» проявлений эйджизма. Самопомощь, согласно авторам-антиэйджистам, — процесс, в котором ребенок узнает в себе психологические или эмоциональные травмы, атрибутирует их именно к детскому опыту и отношениям с родителями и, самое главное, переводит этот личный опыт на язык универсальной логики социальных отношений:

Именно осознание того, что он был мерзким манипулятивным козлом помогло мне справиться с многими психическими проблемами, или хотя бы понять их истоки <...> Когда я сомневаюсь в реальности собственного восприятия, то думаю о годах газлайтинга, которому он меня подвергал [Вы верите 2019].

Под самопомощью понимается и освоение публичного языка разговора о себе и своих переживаниях. Навык анализа и «говорения о сложных темах» преподносится авторами как путь к достижению «счастья» и «хорошей жизни».

Чувство собственного достоинства — самое полезное, самое необходимое, на мой взгляд, качество для того, чтобы быть счастливым человеком. Если чувство собственного достоинства не развито, человек будет прогибаться, глотать, делать то, что не хочет, и не позволять себе делать то, что хочет. Человек не сможет себя любить, а, значит, и жить хорошо он тоже не сможет [Посмотрите 2019].

2.3.6. Терапевтический дискурс в антиэйджизме: общие замечания

Интеграция риторики и жанров терапевтической культуры не столько привела к переосмыслению несправедливости к детям или позиции несовершеннолетних, сколько привнесла в антиэйджистские паблики еще один стиль критики и обоснования эйджизма как системы угнетения. Авторы новых форм автобиографических свидетельств репрезентировали свои психологические и эмоциональные проблемы как симптомы тотальной дискриминации по отношению к детям и подросткам. Под влиянием словаря и

риторических стратегий терапевтического дискурса, культуры самопомощи и самостроительства авторы-антиэйджисты начинают опознавать себя и других детей и как носителей одновременно дисфункции и эмоционального неудовлетворения, и как единственных агентов, которые могут разрешить эти проблемы. В то же время логика эмпатии и сочувствия поставили под сомнение предыдущие стратегии репрезентации «взрослых» в антиэйджистском дискурсе: и «дети», и «взрослые» предстали как сложные субъекты, чье поведение не может быть описано или понято однозначным образом.

В антиэйджистских пабликах на данный момент терапевтический дискурс оказывается ограничен сюжетами индивидуального психологического состояния, отношений в семье и школе. В личных разговорах со мной некоторые антиэйджисты обнаруживали конфликты между повседневным вариантом терапевтической культуры и желаемой ими агентностью, например, говоря о неспособности постоять за себя, потому что «тревожно» или «не хватает ресурсов». Язык аффективных состояний позволяет описывать моим информантам социальное бездействие как закономерную реакцию психики и в каком-то смысле нормализовать его. Так, если отсутствие плана реализации «детской революции» в дискурсе травмы могло спровоцировать раскол антиэйджистского движения, то терапевтический язык сгладил напряжение между воображением себя как активистского движения и изолированной дискурсивной работой над «детской агентностью», в пабликах и среди единомышленников.

2.4. Выводы главы 2

2.4.1. Механизмы производства русскоязычного антиэйджизма

Как я показала в этой главе, на протяжении десяти лет участники антиэйджистских ВК-сообществ пытались представить «детей» как субъектов, способных участвовать в социальных отношениях и изменять окружающий мир и себя, привлекая разные риторические стратегии, чтобы легитимировать это знание.

Так, «ребенок» как «лучшая версия взрослого» собирается через конструирование травмы детского мира. На фоне консенсуса между общественностью, медиа и политическими силами в том, что несовершеннолетние — социально и политически некомпетентные акторы, первые антиэйджисты организуют сообщество в интернете, которое благодаря свободному доступу к публикации и активному участию администраторов в дискуссиях убедительно показывает массовость и распространенность проблем детско-взрослых отношений. Многочисленные свидетельства конфликтов с

родителями и учителями убеждают антиэйджистов, что переживаемая ими несправедливость есть следствие не частных ситуаций и личных особенностей, а каких-то более масштабных, неиндивидуальных условий. Авторы-антиэйджисты БЗР приходят к выводу, что эти условия можно описать как невидимую войну взрослого мира против детей. Для это они прибегают к гипертрофированным сравнениям, моральным категориями, символической агрессии и поиску скрытых мотивов — риторическим стратегиям, распространенным не только среди обычных пользователей, но и в официальном дискурсе детской политики России. Таким образом, в антиэйджистском дискурсе алармистская и конспирологическая риторика «детского вопроса» становится и предметом критики, и набором убедительных стратегий репрезентации и техник производства высказывания.

Дискурс угнетения появляется в антиэйджистских пабликах, когда союз политических сил и общественного мнения начинает разрушаться, а в публичном пространстве дестигматизируются группы, говорящие от лица «угнетенных». Политика, которая была направлена на «защиту детей» и одновременно оказывала репрессивное воздействие и на детей, и на всех, кто опознавался как связанный с «не-традиционными» ценностями и западными идеологиями, превратили феминизм и различные движения за социальную справедливость в культурных союзников антиэйджистов. Переопределяя эйджизм по аналогии с дискриминирующими системами, а «детей» и «подростков» с группами угнетенных, антиэйджисты производят универсальный способ интерпретации — мета-критическую теорию, согласно которой эйджизм понимается как тотальная и скрытая система угнетения, пронизывающая весь социальный мир. Авторы-антиэйджисты предполагают, что критический взгляд на детскую повседневность должен стать этическим императивом участников ВК-сообществ как агентов «культурной антиэйджистской революции».

Формирующийся в конце 2010-х годов антиэйджистский дискурсивный порядок, опирающийся на «новый язык разговора о чувствах» и терапевтическую культуру, изменяет стиль разговора о детях как о социальных агентах. «Ребенок» как субъект анализа и критики уточняется до субъекта постоянной саморефлексии и самопомощи, для которого аффективное состояние становится легитимным источником знания о себе и о мире. Эмоциональное страдание открывает дополнительные измерения критики эйджизма как тотальной системы угнетения, которая теперь не только дискриминирует детей как социальных акторов, но и деформирует их психологическое состояние и личность. В то же время представление о сложном «внутреннем мире» любого человека, императивы эмпатии и сострадания заставляют авторов-антиэйджистов критически относиться к собственным

интерпретациям и отказываться от одномерных репрезентаций взрослых и несовершеннолетних.

Анализ механизмов производства антиэйджистского дискурса показывает, что антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте становились пространствами, которые провоцировали и рационализировали критику повседневной жизни, социальных норм и категориальных аппаратов, задавая ей, во-первых, конкретную тему — детско-взрослые отношения, во-вторых, определенные стили артикуляции: через травму, нанесенную взрослым миром, систему угнетения и социальные условия интенсивного эмоционального/психологического страдания. То, что проблематизация «нормативной» реальности оказывается центральной задачей авторов-антиэйджистов, позволяет рассматривать антиэйджизм ВК-сообществ как дискурсивный проект, который типологически сопоставим с академическим вариантом критической теории и функционирует как ее вернакулярная форма.

Глава 3. Исторический и интеллектуальный контекст антиэйджистских теорий

В этой главе я реконструирую историю концепции дискриминации несовершеннолетних и рассматриваю, как различные исследователи и активисты, формулируют и мобилизуют представление об угнетении детей и подростков. Моя задача — представить антиэйджистские дискурсивные стратегии в веб-сообществах ВКонтакте как часть более масштабной картины, объединенной общим принципом воображения детей и подростков как угнетенных, и подсветить особенности формирования русскоязычного антиэйджистского дискурса.

Исследователи детства конвенционально выстраивают похожие фрагменты работы, обозначая большие нарративы и их связь с исследуемым феноменом в историко-культурной перспективе. Например, Дарья Димке, с опорой на классическую работу Карин Калверт, показывает, как романтические и революционные концепции детства, разрабатываемые знаковыми фигурами в истории философии, воплощались в воспитательных технологиях пионерского и скаутского движений [Димке 2013]. К этой же стратегии исследовательского анализа можно отнести ссылку на работы Филиппа Арьеса, которая в качестве зачина играет роль указания на процесс смены парадигмы отношения к детям. В этой перспективе «большие нарративы» о детстве играют роль культурного бэкграунда, репертуара представлений об онтологическом и социальном измерении детства, которые предопределяют политические программы, педагогические проекты, повседневные практики и сами академические парадигмы.

В данной главе меня интересуют способы мышления или теоретизирования и репертуары культурных ресурсов, которые исследователи и активисты используют в процессе производства знания об «угнетенных детях и подростках». Рассматривая контексты возникновения идей, каким способами авторы обосновывают представления о детском и подростковом угнетении и как эти концепции работают в тексте, я перевожу взгляд с процесса формирования идей сверху вниз (или от великих авторов прошлого и больших концепций философии детства к исследуемым сюжетам) на сети значений и конкретных практик теоретизирования, которые делают антиэйджистское высказывание возможным. Вопросы, которые я задаю к материалу в данной главе: как, в ответ на что и зачем исследователи и активисты используют риторику дискриминации или угнетения несовершеннолетних?

Чтобы ответить на эти вопросы, я привлекаю методы кембриджской школы истории политической философии, которая постулировала необходимость объединения исследований риторики с историческим подходом. Одним из центральных понятий

кембриджского подхода стал термин «контекст», который соединял в себе социально-политический уровень конкретной исторической ситуации (создания, публикации или переиздания конкретного текста) и интеллектуальный контекст, или уровень нормативных языков, «совокупности идиоматических матриц и конвенций», принятых в конкретной дисциплинарной парадигме и составляющих «фон, по отношению к которому проявляет себя автор» [Атнашев, Велижев 2018: 23–31; Скиннер 2018: 10].

Однако для применения исторического подхода кембриджской школы к разным версиям антиэйджистских теорий необходимо пересобрать перспективу этой реконструкции с учетом современной рефлексии о возможностях публичного высказывания и о потенциальных *говорящих и производящих знание* субъектах, которыми могут становиться и становятся не только «видные теоретики». Опираясь на рефлексии Люка Болтански и Лорана Тевено о способностях к критическим высказываниям [Boltanski 2011: 4–6, 21]⁸¹, я объединяю языки «стихийных социологов», «теоретиков», «экспертов» и «элиты» в один пул материалов, чтобы рассмотреть конкретные контексты и механизмы сборки антиэйджистских теорий. В частности, этот аналитический подход позволяет мне добавить сравнительную перспективу в диссертацию, представив антиэйджизм ВК-сообществ как часть интеллектуальной истории производства знания об угнетенных несовершеннолетних. Ограничивая материал общей конструкцией, а именно *высказыванием об угнетении детей и подростков*, в этой главе я представляю различные антиэйджистские теории как *проекты знания*, которые возникают в академических, активистских и других интерпретативных сообществах⁸².

Я обращаюсь к текстам, в которых концепция угнетения детей и подростков изобреталась и использовалась как самостоятельная социальная и теоретическая проблема. Одним из маркеров таких высказываний выступают специальные термины — в данном случае, понятия *ageism*, *adultism* и *childism*, которые для большинства авторов становятся синонимами, обозначающими дискриминацию или угнетение детей и подростков. Выбор конкретного термина из этого ряда редко становится предметом рефлексии для самих авторов, но и в этих случаях оказывается продиктован не семантикой, а стратегическими целями. Так, Элизабет Янг-Брюль и Джон Волл, основные авторы академического варианта концепции угнетения детей и подростков, отдают предпочтение термину «childism»,

⁸¹ Несмотря на то, что монография «О критике» ознаменовала точку расхождения теоретических рефлексий Тевено и Болтански, суждения, на которые я ссылаюсь, представляют ревизию и более сфокусированный на критике пересказ Болтански их совместной с Тевено работы «Критика и обоснование справедливости» [Хархордин 2019: 14].

⁸² Термин «проекты знания» и подобный подход использовала Патрисия Хилл Коллинз, обращаясь к теории интерсекциональности как к исследовательской парадигме и активистскому высказыванию, не указывая, однако, методологических оснований этого сопоставления [Hill Collins 2019].

одновременно подчеркивая его интеллектуальную новизну по сравнению с другими понятиями и точность в указании на группу детей и подростков [Wall 2019: 7; Young-Bruehl 2012: 8]. Организаторы подростковой активистской сети NYRA (National Youth Rights Association) советуют участникам и организаторам локальных проектов выбирать термин «ageism», потому что он, с одной стороны, помещает дискриминацию детей и подростков в более широкую проблему возрастной дискриминации, а значит связывает подростково-активистов с более узнаваемыми инициативами по защите прав пожилых; с другой — легче расшифровывается несведущей аудиторией, чем «adulthood», который скорее указывает на «взрослых», или «childism», который организаторы NYRA понимают как исключительно исследовательский, оторванный от жизни термин [Koroknay-Palicz 2016]. Для того, чтобы облегчить чтение текста и подчеркнуть взаимосвязь анализируемых здесь концепций с антиэйджистскими веб-сообществами ВКонтакте, далее я буду называть теории *ageism*, *adulthood* и *childism* — антиэйджистскими, при этом сохраняя авторский выбор термина при анализе конкретных материалов.

Прежде чем перейти к анализу материала, необходимо сделать акцент на трех положениях. Во-первых, нет никаких оснований предполагать, что все антиэйджистские проекты, — и те, которые оказались в центре этой главы, и антиэйджистские ВК-сообщества, — связаны отношениями исторической преемственности. Отдельные авторы и коллективы, которые формулировали, что такое угнетение детей и подростков, обладали разным культурным и профессиональным бэкграундом, создавали свои теории для разных аудиторий и в отличающихся жанрах, реагировали на несопоставимые друг с другом события и обращались к разным языкам описания угнетения детей и подростков. Ситуации, когда наверняка известно, что разные антиэйджистские авторы знали друг о друге (например, есть факт упоминания, цитирования или критики), скорее являются исключением, чем правилом, а анализ задействованного в каждом проекте репертуара риторических стратегий и стилей описания говорит о том, что антиэйджистские теории возникали независимо друг от друга, но под влиянием актуализации созвучных дискурсов и в чем-то похожих политических контекстов.

Во-вторых, я рассматриваю сюжетный репертуар антиэйджистских авторов только в той мере, в какой он позволяет мне рассказывать об их стратегиях интерпретации. Такой методологический шаг продиктован несколькими причинами. С одной стороны, темы любого антиэйджистского проекта продиктованы центральным объектом интереса авторов-антиэйджистов, а именно детьми и подростками. Поэтому и у подростков активистов в 1970-х, и у исследовательских коллективов в 2010-х, и у современных российских школьников, пишущих в группах и пабликах ВКонтакте, заинтересованный читатель

обнаружит тексты, посвященные школе, семье, государственной политике в отношении детей или, например, детской медицине (конечно, с пониманием того, насколько текст про дисциплину в российских школах в 2010-х можно отождествить с текстом про дисциплину в американской школе 1970-х годов). С другой стороны, антиэйджистские проекты знания, как коллективные, так и созданные одним автором, объединены общей целью категоризации события или отношений как угнетения детей и подростков. Полный список упоминаемых тем оказался бы масштабным, требующим постоянного обновления — и, на мой взгляд, нерелевантным для задач этой главы. Меня интересует не то, о чем пишут англоязычные антиэйджистские авторы, а каким образом они определяют и обосновывают угнетение детей и подростков.

В-третьих, несмотря на кажущуюся очевидность антиэйджистского интеллектуального хода на фоне дискурса прав человека, феминистской или постколониальной критики, высказывание о дискриминации или угнетении несовершеннолетних — не только редкое явление, но и противоречивое, проблематичное и небанальное для дискуссии о социальной справедливости. Перспектива анализа, которую я избираю, позволяет сближать очень разные в феноменологическом плане явления для того, чтобы показать и впоследствии сопоставить контексты их возникновения и репертуары нормативных языков. Все это помогает увидеть градацию различий и сходств среди кажущихся на первых взгляд одинаковых заявлений об угнетенных детях и подростках. В композиции всей диссертации эта глава, за счет введения дополнительной сравнительной перспективы, позволяет четче увидеть, в каких конкретно условиях и под влиянием каких идей антиэйджизм для участников антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте стал восприниматься как адекватное, имеющее смысл высказывание.

3.1. Появление антиэйджистских теорий: исторический контекст

Концептуализация детей и подростков как угнетенных современна настолько, насколько современна риторика угнетения, предполагающая скрытую и тотальную систему социального доминирования и подчинения. Политические философы обнаруживают ее истоки в теории либерализма, главной заботой которой было изобретение гражданственности и механизмов согласия с авторитетом политической власти. Дети стали играть роль ожидающих граждан, человеческих существ, которые еще не обладают необходимыми атрибутами гражданства, а именно разумом, автономией и способностью властвовать над собой. Согласно этой традиции мысли, представленной такими фигурами, как Иммануил Кант, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, дети понимались как субъекты в процессе

их становления, а категория угнетения могла указывать на насилие, совершающееся над будущими гражданами, а вместе с ними — над будущим обществом [Archard, Macleod 2002: 2–4; Arneil 2002: 71–75]. Таким образом формулировалась повестка, например, в кампаниях защиты детства от трудовой эксплуатации, в благотворительных обществах «спасения детства» [Rose 1999: 129–130] и в педагогических проектах, апеллирующих к образу детства, возникшему в эпоху романтизма (допуская обобщенное сходство между семантикой «угнетения» и представлениями о негативном влиянии «взрослого» мира)⁸³.

Те риторические стратегии, которые представлены в антиэйджистском дискурсе в веб-сообществах ВКонтакте или интеллектуальных проектах, о которых речь пойдет далее, опираются на образ ребенка как самодостаточного субъекта и полноценного участника социальных отношений, который обладает «правом на права»⁸⁴. Утверждение этого способа воображения детей и подростков на глобальной сцене конвенционально связывают с такими событиями интернациональной политики, как Женевская Конвенция 1924 года, Декларация и Конвенция ООН о правах ребенка 1959 и 1989 года. Они трансформировали социальное воображение о детстве, сделав «права детей» доминирующей дискурсивной стратегией в политике и общественном сознании и представив несовершеннолетних как отдельную социальную группу, права и свободы которых необходимо обозначить и придумать механизмы их реализации⁸⁵. Дискуссия об угнетении несовершеннолетних как социальной группы появляется в 1970-х годах, совпадая хронологически и концептуально с популяризацией дискурсов социальной справедливости и прав человека после новых левых и с деятельностью различных эмансипаторных движений.

Герои этого параграфа, активисты и исследователи, для которых именно проблематика угнетения детей и подростков становилась самостоятельной социальной и теоретической темой, формулировали антиэйджистские теории в ответ на североамериканский контекст второй половины XX — начала XXI века. Так, один из значимых контекстов актуализации и распространения дискурса угнетения несовершеннолетних в США — антивоенные кампании 1960–1970-х годов, которые

⁸³ Некоторые из них станут для антиэйджистских авторов культурными ресурсами для обоснования собственных высказывания об угнетении детей и подростков (см. параграф данной главы «Педагогические утопии как антиэйджистские программы»).

⁸⁴ История появления фигуры ребенка как самостоятельного субъекта и полноценного гражданина — подробно разработанная тема в исследованиях детства, известная как дискуссия *being vs becoming*, поэтому я не буду на ней останавливаться. Библиографию по данному вопросу можно найти, например, в следующих работах: для философии и гуманитарных наук [Ryan 2008; Дуденкова 2014], для политической философии и правового поля [Arneil 2002].

⁸⁵ Здесь я ориентируюсь на выступление Дастина Чуфо (Ciufu) «Encountering International Child Protection: A Historical Analysis for Children's Right to Protection through a Post-Development Lens» на конференции «Child Protection and the Rights of the Child: Transnational Perspectives» (McMaster University, Centre for Human Rights and Restorative Justice, 28.01.2023). Также об этом: [Archard, Macleod 2002: 3–4].

поднимают вопрос о несправедливом соотношении возрастных цензов призыва в армию (с 18 лет) и приобретения гражданских прав (с 21 года) [Hasbrouck 2022]. Активисты, называющие себя движением за права и свободы несовершеннолетних, которые объединяются в группы на базе школ и организуют независимые школьные газеты, риторически присваивают антивоенную повестку, превращая Вьетнамскую войну в «угрозу детству» и индикатор масштабной дискриминации детей и подростков в американском обществе⁸⁶. Другими объектами критики для активистских движений, отстаивающих права детей и молодежи в США, станет социальная политика, которая формулируется и активистами, и исследователями как «антидетская». «Антидетская» политика объединяет такие решения, как провозглашение на законодательном уровне охраны семьи и семейных ценностей в качестве основного интереса государства, которые закрепляют невмешательство государственных органов в детско-родительские отношения; отказ правительства США ратифицировать Конвенцию о правах ребенка; мобилизация политическими акторами риторики опасной и бунтующей молодежи; применение к несовершеннолетним в судебных и пенитенциарных системах тех же норм, что и к взрослым, при одновременном распространении возрастных цензов на участие в общественной и политической жизни, свободу перемещений и доступ к произведениям культуры [Gordon 2010: 6–10; Young-Bruehl 2012: 15].

Параллельно движению за детские права разворачивается история института службы защиты детей⁸⁷. «Открытие» жестокого обращения с детьми в 1960-х годах группой педиатров под руководством Карла Генри Кемпе (синдром избитого ребенка, «battered child»), распространение в массовой культуре представлений об аморальности физического насилия над детьми⁸⁸, к которым ближе к 1990-м годам добавились детские эмоциональные и психологические травмы, волны моральных паник и массовых свидетельств насилия, пережитого в детстве, — все это как повлияет на практики социальных служб, так и будет форсировать формулирование концепций угнетения детей и подростков в рамках

⁸⁶ Так, авторы бюллетеня FPS (1968–1979), которые объединились с участниками группы Youth Liberation (1971–1979), не только помещают антивоенные тексты в информационные подборки для школьников, но и публикуют новости о школах во Вьетнаме, предлагают собственные программы прекращения огня и разбирают международную политику США в одном ряду с неэффективностью системы образования, жестоким отношением администрации и персонала школ к ученикам и семейными проблемами. Например, [Text of the Joint Treaty 1971: 4–5; Winter Soldier 1971: 12–14].

⁸⁷ Я благодарна Александре Мартыненко, которая подробно описала историю формирования института социальных служб по защите детей в историографическом фрагменте диссертации.

⁸⁸ В поддержку этого тезиса можно привести: публикации о работе Кемпе в крупных журналах «Time», «Good Housekeeping» и «The Saturday Evening Post»; медицинские телевизионные драмы «Dr. Kildare» (1961–1966) и «Ben Casey» (1961–1966), в которых появлялись сюжеты домашнего насилия над ребенком; многочисленные переиздания бестселлера «Ребенок и уход за ним» доктора Спока и популярность его фигуры как антивоенного активиста и борца за защиту прав человека и прав ребенка [Young-Bruehl 2012: 123].

антиэйджистских инициатив. В антиэйджистской рецепции службы защиты детей станут противоречивым сюжетом: с одной стороны, соцработники вместе с правозащитниками будут поддерживать такие движения, как Youth Liberation, а отчеты органов опеки снабжают активистские и исследовательские работы эмпирическими данными, доказывающими несправедливое отношение к детям [Young-Bruehl 2012: 142–143; Fountain 2018: 203]; с другой — антиэйджисты будут опознавать в социальных службах механизмы репрессивной государственной политики, которые закрепляют неравенство и маргинализируют как всех детей, так и определенные группы несовершеннолетних по расовым и классовым признакам⁸⁹.

В 1990–2000-х годах дети и подростки станут более заметными фигурами в публичном пространстве, в том числе за счет конкуренции со «взрослыми» в экономической сфере [Comaroff, Comaroff 2005: 21, 29] и в связи с детскими и молодежными протестами по всему миру⁹⁰. Именно в этом контексте начинают формироваться группы подростков-активистов и общенациональные сети молодежных движений в США, главным программным пунктом которых становится борьба именно с возрастной дискриминацией.

3.2. «Эйджизм» в активистской практике

Понятия «освобождения» и «социальной справедливости» занимают центральное место в обосновании высказывания об угнетении детей и подростков, особенно в практике антиэйджистских активистов. Оказываясь в дискурсивном родстве с языками культурного и политического несогласия после новых левых, все версии антиэйджизма так или иначе содержат заявления о *свободе* от угнетения и господства, требования *изменить социальный порядок* на законодательном и институциональном уровне и на уровне повседневных практик и критику *системы* институтов, норм и конвенций, эксплицитных и скрытых форм ограничений. Совершая семантическую фокусировку этих абстрактных риторических стратегий на детскую проблематику, авторы (в данном параграфе — англоговорящие

⁸⁹ Например, так будут видеть социальные службы участники группы Youth Power [Gordon 2010: 223].

⁹⁰ Подробную библиографию можно найти в работе Джули Хеммент [Hemment 2015: 8–9]; или в работе Светланы Ерпылевой, посвященной сравнению протестов школьников в России и Европе [Ерпылева 2014b]. В последние годы исследовательский и медийный интерес к политической субъектности детей и подростков связан и с движениями за права детей-мигрантов, например, с сообществом активистов «DREAM», выступающим за повышение видимости проблем, связанных с нелегальным статусом несовершеннолетних в США [Gamber-Thompson, Zimmerman 2016]; с антирасистскими активистскими сетями, как Black Lives Matter, и эко-активистской организацией Fridays For Future. Все они не столько в качестве основных пунктов программ, сколько через активистскую практику поднимают вопросы о социальной и политической роли детей и подростков.

антиэйджистские активисты) прибегают к нескольким фреймам (или «нормативным языкам» в терминологии Квентина Скиннера), которые они опознают как идейно близкие и легитимные культурные ресурсы для производства и утверждения собственных претензий и этики.

В качестве основного источника для реконструкции этих интеллектуальных и языковых союзников я обращаюсь к материалам двадцати выпусков зина, самиздатского журнала «No! Against Adult Supremacy», которые были опубликованы онлайн в 2015–2016 годах проектом Stinney Distro⁹¹ и напечатаны в 2017 году некоммерческим издательством Dog Section Press. Эта зин-серия представляет собой сборник (или коллаж) из фрагментов популярных книг, философских эссе, исследовательских статей, публикаций в блогах и анонимных манифестов, без указания года публикации текстов, стилистического или предметного единства. Поскольку задача этих зинов — способствовать развитию способности *правильно* (то есть по-антиэйджистски) распознавать и согласовывать элементы ситуаций, то можно сказать, что они представляют собой канон нормативных языков обоснования угнетения детей и подростков среди интересующей меня сети активистов⁹². Выделяя конфигурации интеллектуальных и языковых ходов, которые авторы опубликованных текстов опознают как легитимные культурные ресурсы для антиэйджистского высказывания, я сопровождаю их примерами из риторики конкретных сообществ подростков-активистов, а именно Youth Liberation (по материалам, которые они распространяли в бюллетене FPS); Students Rise Up, Youth Power и NYRA (по текстам, сохранившимся в этнографических работах и опубликованным на онлайн-платформах организаций). Чтобы контекстуализировать эти дискурсивные стратегии, в начале этого параграфа я опишу организацию перечисленных выше сообществ подростков-активистов, а именно те практики соучастия, которые они осуществляют или предлагают осуществлять для борьбы с дискриминацией детей и подростков.

3.2.1. Независимые школьные газеты и движение Youth Liberation: переход к критике угнетающей системы образования и программам прямых действий

⁹¹ В качестве дополнительных материалов я привлекала зины: «Build Resistance» (San Jose RAD, 2017), «Childhood & The Psychological Dimension of Revolution» (Ashanti Alston, 1983); «Manipulators, Energy Thieves, and Saviors»; «Negate Politics» (2009); «Teenagers Wake Up!: Resist to Exist» (Zabalaza Books); «We Need To Take Control» (CrimethInc., 2017); «Youth Food Justice» (2015).

⁹² Этот подход к материалу вдохновлен анализом пособий для управленцев на предприятиях и постановкой похожих исследовательских вопросов в работе Лорана Тевено и Люка Болтански [Болтански, Тевено 2013: 45–49].

В 1960-х годах исследователи подросткового активизма в североамериканских школах отмечают масштабный сдвиг в том, как подростки воображают свои возможности по участию в публичной сфере и какие инструменты они для этого привлекают: вместо единичных заявлений или акций протеста, которые реагировали на частные ситуации «несправедливости» в школах⁹³, учащиеся начинают организовывать группы, выстраивать долгоиграющие программы действий и стратегии реформирования школы, в основном преследуя три цели — «изменить учебные программы; прекратить политику отстранения от занятий и исключения из школы; и предоставить учащимся право голоса при принятии решений, связанных со школой» [Ajunwa 2011: 25–26]⁹⁴.

Движение за гражданские права и война во Вьетнаме, развернувшиеся во второй половине 1960-х годов, привели к «радикализации» школьных активистских групп: редакторы и авторы, создающие независимые газеты, начали обращаться к категориям угнетения и дискриминации, репрезентируя локальные школьные проблемы и индивидуальные проблемы школьников частью тотальной системы угнетения несовершеннолетних. В опубликованных текстах появляются предложения не только быть осведомленными и внимательными к несправедливому отношению в школах, но и присоединяться к движениям за гражданские права, изучать судебные и правовые положения, касающиеся несовершеннолетних, участвовать в митингах и поддерживать антивоенные инициативы [Ajunwa 2011: 6–8, 26–29, 40]. В этот период авторы-активисты производят ту самую дискурсивную работу, в которой «несовершеннолетние» предстают маргинальной правовой и социальной категорией.

Как замечает Келечи Аджунва, ключевую роль в трансформации феномена подросткового активизма сыграло появление независимых школьных газет. Такие газеты были противопоставлены официальной школьной периодике, которая идеологически и финансово контролировалась администрацией учебного заведения: самим фактом своего появления независимые газеты свидетельствовали для школьников об утрате школьным персоналом монополии на репрезентацию учащихся и установление норм поведения⁹⁵. В

⁹³ В качестве примера таких изменений Келечи Аджунва называет требование разрешить курение на территории школы и отмену строгих правил дресс-кода [Ajunwa 2011: 5]. Эти темы не уходят со страниц независимых газет и появляются, например в выпусках FPS в 1970 и 1971 году, но занимают более маргинальное положение (и реже становятся предметом интереса авторов), чем вопросы войны и протестов школьников [Ok, Hippie 1970: 3; Well, They Have to 1971: 6].

⁹⁴ Этот сдвиг был также отмечен самими школьными управленцами, которые к концу 1960-х годов поднимают вопрос школьного протеста на национальном уровне и говорят уже не о неадаптированных случайных школьниках, а о бунтующей и опасной молодежи [Ajunwa 2011: 157–160].

⁹⁵ Аджунва приводит следующие цитаты из архивов разных независимых газет: «Активисты школы Беверли-Хиллз считали, что как только первый экземпляр Local Rocks попал на стол директора, это означало, что администрация школы проигрывает битву за контроль учащихся (Local Rocks letter to CHIPS, 1971, стр.2). <...> В одной статье ученик утверждал, что существование газеты The Pack Rat и растущее число школьников,

независимых газетах учащиеся могли обсуждать вопросы и публиковать тексты, которые никогда бы не появились в официальной школьной газете: рецензии на книги, кино и музыку, критику преподавателей и тренеров, разборы судебных процессов, репортажи о движениях за гражданские права и действиях американской армии с информацией с оккупированных территорий, эссе о том, что делают их ровесники по всему миру в борьбе за права и свободу несовершеннолетних [Fountain 2018: 218]. Таким образом, подростки-активисты представляли своих одноклассников культурно и политически ангажированными, подрывая репрезентации, которые транслировались «взрослыми», в том числе рынком массовой культуры⁹⁶.

Помимо издания независимых газет, школьники предлагали организовывать свободные школы⁹⁷, которые бы не подчинялись местным органам власти, а значит были бы исключены из национальной системы учебных планов и регламента школьного обучения, которые подростки-активисты опознавали и как дискриминирующие по расе и гендеру, и как неэффективные и неадаптированные к современному рынку труда и миру в принципе [Ajunwa 2011: 132–152].

Предпринимаемые школьной администрацией попытки ограничить распространение подпольных газет — отстранением школьников от занятий и исключениями — привели к ряду важных судебных процессов⁹⁸. Например, решение Верховного суда по делу «Тинкер против Де-Мойна» (1969), в котором ученики школы города Де-Мойн, штата Айова, подали иск из-за отстранения от занятий за ношение черных повязок в знак протеста против войны во Вьетнаме. Суд признал действия школьной

читающих ее, “заставили многих некогда жестоких администраторов испугаться того, что школьники могут сделать дальше” (Pack Rat, 1969b, стр.14). Далее автор утверждает, что “бюрократы, которые ДУМАЮТ, что они контролируют школу, начинают понимать, что ученики больше не являются беспресловутыми роботами <...> они знают, что мы больше не собираемся терпеть и самое худшее (для них) — это то, что мы вообще больше не признаем их власть над нами” (Pack Rat, 1969b, стр.14)» [Ajunwa 2011: 51].

⁹⁶ Так, в 1940–1950-х годах «молодежная культура» сформировалась как экономическая категория, обозначающая нишу, в первую очередь, музыкальной продукции: появление так называемых бойз и герл бэндов было связано не только со специфической аудиторией и содержанием песен, но и с определенными практиками культурного потребления, противопоставленными «взрослым», но произведенными на основе «взрослых» представлений о «правильной молодежи». Таким образом, этот этап функционирования культуриндустрий, с одной стороны, провоцировал выделение подростков и молодежи в отдельную социальную и экономическую группу [Ajunwa 2011: 155–156], в то же время служил объектом критики и ресурсом для дискурсивного производства себя активистами-школьниками. Этот этап американской сцены связан с именем Tin Pan Alley и стандартами производства музыки, которая она задавала. В ответ на музыкальную индустрию «тинейджеров для тинейджеров», под которую маскировалась родительская культура (parent culture), появится другая, контркультурная ниша, а рокеры и хиппи, журналы Seventeen (1944) и Mad (1952) будут культурными синонимами политических движений за гражданские права, в том числе для активистских групп школьников.

⁹⁷ В FPS можно встретить объявления и расхваливающие статьи о подобных свободных школах [Back to Skool 1970: 5–6] (авторская орфография в названии статьи сохранена).

⁹⁸ Так, Аджунва упоминает пять ключевых юридических кейсов: «Tinker v. Des Moines School District (1969), Sullivan v. Houston Independent School District (1968), Scoville v. Board of Education (1969), Eisner v. Stamford Board of Education (1971)» и «Rowe v. Campbell Union High School District (1968)» [Ajunwa 2011: 112].

администрации правонарушением и, ссылаясь на первую поправку Конституции, признал право несовершеннолетних на свободу слова [Fountain 2018: 203–205]. Дело «Тинкер против Де-Мойна» стало прецедентом общенационального масштаба, который юридически закрепил право подростков на свободу самовыражения в школах, однако школьная администрация продолжала разрабатывать планы сдерживания школьных протестов и применять дисциплинарные меры против школьных активистов, в том числе «аннулирование привилегии на посещение школы» [Fountain 2018: 229; Ajunwa 2011: 194].

В 1969 году появляются организация CHIPS и независимая газета FPS (Чикаго), которые позже объединяются с базирующейся в Анн-Арборе, штат Мичиган, группой Youth Liberation, — вместе они становятся первой национальной организацией школьной подпольной прессы. Будучи участниками сети CHIPS, группы подростков-редакторов отправляли несколько экземпляров своих независимых газет и взамен получали бюллетень FPS и копии газет от других подростков-активистов. Редакторы бюллетеня FPS, и работающая с ними группа Youth Liberation, собирали в печатные подборки письма от учеников, статьи и отчеты, подготовленные школьниками и направленные на информирование молодежных активистов по всей стране о любых событиях, касающихся прав и возможностей молодежи, перепечатывали «лучшие» тексты из газет участников сети CHIPS [A Short History 1971: 7–8]. Джон Шаллер, основатель CHIPS, и Кит Хефнер, организатор Youth Liberation и редактор FPS, организовали переписку между редакторами независимых школьных газет в США и Канаде, координируя и разрабатывая стратегии движения за права несовершеннолетних⁹⁹. Команда FPS курировала публикацию гайда по организации школьных независимых газет и активистских групп¹⁰⁰, учебника по правам несовершеннолетних [Children's Rights Handbook 1979] и специальных тематических выпусков, посвященных гендерному вопросу [March 8 – International 1971; High School Women's 1976]¹⁰¹ и сексуальной ориентации [Growing Up 1976].

⁹⁹ Одним из результатов этой переписки стала Национальная конференция старшеклассников в Чикаго в июне 1970 года. Как сообщают авторы FPS, 50 человек посетило пять дней воркшопов, обсуждений гражданских прав, стратегий движения и возможностей организации профсоюза школьников [National High School 1970: 9–10].

¹⁰⁰ При этом авторы FPS активно включали свою аудиторию в разработку пособий и руководств. Так, в тексте «Руководство по организации учащихся в школе», который состоял из пошаговой инструкции о том, как школьникам провести встречу-собрание, определить цели и «выбрать врага», читателям было предложено прислать отзывы, задать вопросы или написать текст про свой опыт организации активистской ячейки в школе [High School Organizing 1971; How to Start 1978].

¹⁰¹ Несмотря на опознаваемую связь между феминизмом и движением за права и свободы несовершеннолетних, авторы FPS не пытались перенести феминистские аргументы в тезисы об угнетении детей и подростков или прописать пересечения повесток и программ действий, знакомя своих читателей исключительно с положениями феминизма как борьбой за права и свободы женщин.

Как замечает Аджунва, к середине 1970-х годов многие школьные администраторы начали сообщать о сокращении присутствия молодежных активистов в кампусах школ. Аджунва называет среди причин как появление адаптированных к новым практикам протестов и юридическим прецедентам школьных дисциплинарных кодексов, сокращение протестов движения за гражданские права и прекращение войны во Вьетнаме, так и то, что движение за расширение прав и возможностей молодежи стало «жертвой своего собственного успеха» [Ajunwa 2011: 215–216]. Так, в ответ на действия подростков-активистов школьные руководители ослабили правила в отношении одежды и внешнего вида учащихся, а юридические победы, одержанные в 1960-х и 1970-х годах, привели к тому, что школьники смогли осуществлять свои конституционные права, не опасаясь дисциплинарных взысканий. В результате к концу 1970-х годов привлечение нового поколения школьников-активистов стало более сложной задачей [Hefner 1988]. Кит Хефнер, описывая свой опыт участия в работе независимых газет под руководством несовершеннолетних, так рассказывает про прекращение публикаций CHIPS и FPS:

Всегда надеясь на возрождение молодежного активизма в стиле 1960-х, подпольных газет и другой деятельности, направленной против истеблишмента, я восемь лет работал в Youth Liberation, издавая ежемесячный журнал о правах детей и молодежных организациях и серию книг на такие темы, как «Как начать подпольную школу». <...> Youth Liberation умер в 1979 году <...> Как написало агентство Associated Press, я «ушел на пенсию» в возрасте 24 лет, будучи «бывшим радикалом» <...> Это был тернистый путь, на котором многие из моих предположений и самых заветных убеждений были разбиты о твердые головы подростков, которые их не разделяют [Hefner 1988].

Начиная с 1980-х годов некоторые дела¹⁰², связанные со свободой слова учащихся, были пересмотрены в пользу школьной администрации [Fountain 2018: 205], но движение за расширение прав несовершеннолетних уже исчезло с национальной сцены, оставив архивы независимых газет и разочарование от несбывшихся надежд на абсолютное освобождение детей и подростков. Образ «радикальных школьных активистов» будет появляться в саморепрезентации и разработке программ действий нового поколения подростков-активистов в 1990-е и 2000-е годы.

¹⁰² Аарон Фонтэйн приводит в пример дело «*Hazelwood v Kuhlmeier*» (1988), в ходе которого судьи постановили, что школьные чиновники могут регулировать высказывания учащихся на территории школы [Fountain 2018: 205].

3.2.2. Активистские сообщества против эйджизма: локальные группы и национальные сети подростковых организаций

Как замечает Хава Рейчел Гордон, в 1990-х годах все западное побережье США было охвачено небольшими локальными группами подростков-активистов и студентов университетов, которые протестовали против ликвидации двуязычного образования в государственных школах, эскалации расового насилия со стороны полиции, антимигрантских законов и общественных инициатив [Gordon 2010: 21–22].

На волне подобных протестов в середине 1990-х годов в Окленде группа цветных школьников создала антиэйджистское объединение Youth Power. Они организовывали встречи в школе и в местных молодежных клубах, связанных в том числе с культурой хип-хопа. Центральным объектом критики Youth Power выступало насилие на территории школы, которое опознавалось подростками-активистами как симптом расово сегрегированного общества и бесправного положения всех подростков, особенно цветных. Участники Youth Power организовывали образовательные кружки, где помогали друг другу с учебой и домашними заданиями, лектории, посвященные истории детства, правовому положению несовершеннолетних, эмансипаторным движениям и т. д., летние кампусы и коллективные уборки на школьной территории [Ibid: 3–4, 23, 48, 85–87, 103–106, 133–136]. Проводя полевое исследование в 2002–2004 годах, Гордон отмечает, что несмотря на то, что подростки уделяли особое внимание именно образовательным достижениям, которые сами же подростки концептуализировали как способы противостоять негативным репрезентациям цветной молодежи, все их практики были эксплицитно политизированы [Ibid: 136–140]. Так, в игры на знакомства, проводимые на летних выездах, зашивались политические дискуссии, а организованные подростками открытые лекции всегда касались вопросов актуальной политики штата в отношении к расовым группам. После принятия закона «No Child Left Behind» (2002) и начала военных действий в Афганистане и Ираке — подростки стали говорить о реформе финансирования школ и связи образовательной политики и милитаризации¹⁰³ [Ibid: 20, 39–40].

В 2002 году против «беспрецедентного сокращения школьного бюджета и надвигающейся войны в Ираке» «особо политизированные старшеклассники» Портленда организовали группу Students Rise Up [Ibid: 2, 31]. На участников SRU, «белых подростков

¹⁰³ Так, Гордон пишет, что подростки и YP, и SRU разделяли мнение, что реформа образования, которая устанавливала размер школьного бюджета в зависимости от результатов унифицированного итогового тестирования по всей стране, скрывала централизованный сбор данных школьников и их последующую передачу в призывные комиссии и военным вербовщикам.

из среднего класса», по замечанию Гордон, повлияли знакомство с протестами «Битвы за Сиэтл» (1999)¹⁰⁴, либерально настроенные начальные и средние школы и образовательные центры, где подростки узнавали про эко-активизм, феминизм, обсуждали вопросы сексуальной ориентации или могли присоединиться к инициативам по улучшению городского пространства и антикоррупционным акциям [Ibid: 25–28]. Однако несмотря на легкий доступ к социально и политически ориентированным инициативам внутри и вне школ, участники SRU, с одной стороны, были глубоко недовольны темпами социальных изменений — «политические программы [участников SRU] были пронизаны глубоким чувством срочности» [Ibid: 57]; с другой — их не устраивало отсутствие прямых действий у волонтеров и активистских групп, которые занимались феминистскими и экологическими вопросами [Ibid: 4, 55]. Участники и YP, и SRU рассказывали Гордон об «эйджистском» отношении к ним со стороны «взрослых» активистов, про использование подростков в качестве «безопасного щита» на митингах и замалчивание членства несовершеннолетних в медиа [Ibid: 19, 103–106, 120–121, 162]. Выбрав общую концептуальную рамку своих движений как борьбу с возрастной дискриминацией, участники YP и SRU «очень гордились тем, что создали сеть школьников, которая преодолевает разногласия» и оказывается пространством, где подросткам предоставлена абсолютная свобода в продумывании собственных целей и задач, выборе практик участия и обсуждении организационных вопросов [Ibid: 210]. Как самостоятельная подростковая активистская группа SRU принимала участие в антивоенных маршах, издавала независимые газеты, вдохновившись активистскими движениями 1960-х и 1970-х годов, и организовывала площадки политических дискуссий для своих ровесников [Ibid: 31, 81].

Национальная ассоциация по защите прав молодежи, или NYRA, была образована в 1998 году группой несовершеннолетних в Вашингтоне — и считается первой подростковой организацией, которая на общенациональном уровне использовала понятие «эйджизм» по отношению к детям и подросткам. В ее работе в настоящий момент принимают участие как взрослые, так и подростки, а с 2011 года они начали программу представительства (организацию локальных ячеек NYRA) по всей стране [Pant 2020]. Позиционируя свою главную цель как «защиту права быть полноправными участниками представительной демократии», NYRA, в основном, выполняет задачу по информированию о правовом статусе несовершеннолетних. На своем сайте они публикуют разборы «действующих законов на федеральном уровне, уровне штатов и местном уровне» [WHAT WE DO n.d.] и

¹⁰⁴ «Как объяснил мне восемнадцатилетний Курт, когда я впервые встретилась с SRU на мирном митинге осенью 2002 года: “Мы — как [активисты] ВТО, но только от школьных клубов”» [Gordon 2010: 31].

составляют гайды, как реагировать на нарушения прав. Организационный совет NYRA выполняет задачи по стратегическому координированию проектов, которые находятся под руководством несовершеннолетних, предлагая медиа-поддержку и консультации по юридическим вопросам или работе с прессой, бюджетом и менеджментом. Участники NYRA выделяют шесть центральных вопросов, стоящих перед движением за права несовершеннолетних сегодня: снижение возраста голосования, отмена комендантского часа, соблюдение и расширение прав учащихся, пересмотр эйджистских законов, принятие права несовершеннолетних на конфиденциальную медицинскую помощь и снятие ограничения на продажу алкогольной продукции. Подростки NYRA участвуют в массовых акциях и протестах¹⁰⁵, выступают в качестве экспертов и волонтеров в гражданских судебных разбирательствах¹⁰⁶, устраивают открытые мероприятия по вопросам, касающимся прав несовершеннолетних [Delaney 2016], и встречи с представителями бизнеса и предприятий для пересмотра политики трудовой дискриминации по возрасту [WHAT WE DO n.d.].

3.2.3. Обоснования детского и подросткового угнетения: нормативные языки англоязычного антиэйджистского активизма

Анархизм как критика взрослых и онтология детства: Бакунин, Голдман и детский темперамент

Привлечение анархизма в качестве обоснования критики детского угнетения — интуитивно понятный интеллектуальный ход. С одной стороны, анархизм, как замечает Дэвид Грэбер, и создавался, и функционирует сегодня не как фундаментальный политический проект, а как этический дискурс для любых практик сопротивления [Graeber 2009: 211–212]. Активисты, которые противопоставляют себя государственному строю, социальным институтам и «обычной жизни», находят в анархистской идеологии готовый репертуар риторических инструментов и стратегий аргументации. Общая нарративная

¹⁰⁵ «Молодежная группа в Нью-Хейвене начала кампанию New18 по снижению возраста голосования на местных выборах в Нью-Хейвене. <...> Представители New18 поговорили с сотрудниками NYRA о кампании и в настоящее время работают с нами над созданием отделения NYRA в Нью-Хейвене» [Moncure 2011a].

¹⁰⁶ «Адвокаты, сотрудники и партнеры NYRA в течение последних шести месяцев усердно работали над поддержкой усилий техасских законодателей по запрету на телесные наказания в штате Техас. <...> [Б]лагодаря усилиям членов NYRA и других, которые звонили, отправляли по факсу, писали по электронной почте и давали показания перед должностными лицами Техаса, призывая их поддержать HB 359, этот законопроект теперь принят как Палатой представителей, так и Сенатом. Этот исторический законопроект знаменует собой первый случай, когда штат Техас ввел ограничения на применение телесных наказаний» [Moncure 2011a].

конструкция популярной версии североамериканского анархизма, на которую опирается антиэйджистская критика, представляет собой радикальное неприятие любых отчуждающих институтов и мечту о полном освобождении. Распространение этого варианта анархизма Грэбер связывает с работой журнала «Пятая власть» в Детройте («The Fifth Estate», 1978–1985), феминистской рецепцией анархизма в массовой культуре и появлением интернет-пространств, на ранних этапах воплощающих анархистские идеалы самоорганизованности, свободного доступа и некапиталистических интеракций [Ibid: 216–217]. Согласно Грэберу, все эти про-анархистские пространства действуют аналогичным образом, кристаллизуя способы мышления в приемы критического и утопического воображения, антиавторитарные установки и эгалитарные практики [Ibid: 219].

С другой стороны, как показывает Гордон, активистские сообщества, центральным вопросом которых был эйджизм, часто формировались в инфраструктурах анархистского движения. Их антиавторитарные форматы, коллективы и кооперативы, а не организации с вертикальной формой управления, создавали возможности для подрыва возрастных иерархий и авторитета взрослых. Например, в Портленде, где Гордон проводила свое полевое исследование с активистами группы Students Rise Up, с 1990-х годов активно функционировало «довольно молодое и очень белое» анархистское движение прямого действия, участники которого создали сети книжных магазинов, кафе и других общественных мест, обживаемые подростками-активистами. Несмотря на то что активисты Students Rise Up рассматривали себя как образовательную, антикорпоративную и антивоенную сеть учащихся старших классов и не идентифицировали себя как анархистов, они идейно, организационно, пространственно и демографически сливались с анархистскими движениями [Gordon 2010: 26–28, 32].

С третьей стороны, классики анархизма сами обращались к угнетенному положению детей и подростков как к социальной и теоретической проблеме, что способствовало привлечению их текстов в качестве обоснований антиэйджистских претензий. Тексты Михаила Александровича Бакунина, Петра Алексеевича Кропоткина или Эммы Голдман разбирали на цитаты¹⁰⁷ или публиковали целиком наряду с произведениями современных авторов [Goldman 2015]. В отсутствие комментария редактора или составителя можно предположить, что такая стратегия как служит способом репрезентации исторической глубины представлений об эйджизме, так и, не учитывая исторически иного социального и

¹⁰⁷ Например, ссылки на Бакунина в тексте Силверстейна [Silverstein 2015: 23] или на Кропоткина в статье FPS [Youth Liberation — why 1971: 1].

политического контекста, «заставляет» авторов прошлого отвечать на актуальные для антиэйджистов вопросы.

Авторы антиэйджистских текстов опознавали в анархизме концептуальный фундамент, на основе которого можно сформулировать «антиавторитарные теории образования и воспитания детей и начать процесс освобождения детей от репрессивного общества» [Silverstein 2015: 23]. Продолжая эту линию перевода анархистских идей на антиэйджистский язык, Марк Силверстайн подчеркивает, что семья как социальный институт, функционирующий как микрокосмос государства и действующий исключительно на основе юридической опеки до 18 лет, определяет роль ребенка исключительно в координатах отношений собственности-собственность. Согласно Силверстайну, семья должна быть уничтожена посредством «нового образа мышления о детях», который автор находит в лаконичной формулировке Михаила Бакунина: «Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу. Они принадлежат только своей собственной будущей свободе» [Silverstein 2015: 23]. Так, участники группы Youth Liberation, опознавая в модели нукlearной семьи одну из главных форм угнетения, помещают требование ее замены на расширенную семью, не-иерархическое участие в заботе о детях всем сообществом, в качестве одного из пунктов своей программы («кооперация сообщества, а не угнетение собственниками» [Youth Liberation 1971: 2]).

Освобождение детей и подростков, проповедуемое антиэйджистскими авторами, подразумевает не только избавление от любых форм социальных ограничений, но и переосмысление онтологии политического и гражданского участия. Например, некоторые авторы предлагают программу «анархии на игровой площадке», или «анархию игровой площадки» («Playground Anarchy»), в которой «игра» как форма постоянной пересборки правил должна стать режимом подростковой активистской практики в частности, а в будущем — общим модусом всех политических действий [Youth Liberation 1971: 2; Negate Politics 2009; Playground Anarchy 2015].

Среди авторов, которые привлекают анархистскую критику в качестве обоснования антиэйджистских идей, главной опознаваемой проблемой, объектом необходимых изменений, становится система обязательного школьного образования. Школа понимается как инструмент классовой эксплуатации, с помощью которого «угнетатели диктуют угнетенным условия существования» [Gatto 2015: 21]. Именно этому измерению критики системы школьного образования посвящен опубликованный фрагмент из работы Джона Тейлора Гатто, одного из главных теоретиков движения unschooling и последователя Джона Холта. В этом тексте Гатто рассматривает генеалогическую связь американской системы государственного образования с прусской моделью, указывая цели, которые реализуются с

помощью института школы: «чтобы правительство могло действовать беспрепятственно, а корпорации никогда не испытывали дефицит в послушной рабочей силе», «для создания не только безвредного электората и подневольной рабочей силы, но и стада безмозглых потребителей»; чтобы «титаны промышленности» могли «получить [прибыль], выращивая стадо и ухаживая за ним с помощью государственного образования» [Gatto 2015: 21].

Одной из дискурсивных стратегий усиления этого тезиса служит мобилизация сравнительного оборота «школа-тюрьма», который, в отличие от его аналога у русскоязычных антиэйджистов, встраивается в специфическую публичную риторику движения за права заключенных. Еще в 1970-х годах в независимых газетах радикальных школьных активистов авторы часто описывали школу как тюрьму, требуя не только запретить присутствие полиции на территории учебных заведений, но и отменить школьные регламенты, которые лишали учащихся конституционных прав, свободы выражения мнений, свободы прессы и свободы передвижений [Ajunwa 2011: 101–104]. Так, чтобы репрезентировать подростков как жертв государственного и школьного репрессивного аппарата, активисты Youth Liberation публикуют на обложке 16 номера FPS песню Джона Леннона и Йоко Оно «We're all mates in Attica State», которая изображает тюремный бунт в Аттике в 1971 году как аналог американского гражданского общества в целом [We're all 1972]. В 2000–2010-х годах в рамках движения за права заключенных появляется дискуссия о влиянии расовых предубеждений на дисциплинарные практики школьной системы, а именно исключения и отстранения от уроков, приводящие к увеличению числа несовершеннолетних заключенных. Эта концепция получила известность как «теория конвейера школа-тюрьма» и стала одним из популярных способов представлять связь антиэйджизма с расовой дискриминацией [Sojoyner 2015; Hunt, Moodie-Mills 2015].

Антиэйджистские авторы привлекают анархизм не только как критику экономической эксплуатации и политического господства, но и более абстрактно — в значении специфического мировоззрения, этических ориентиров, в которых желание «не быть управляемым» оказывается «естественным» и «научно обоснованным». Так, для активистки и популяризаторки домашнего обучения Идзи Демаре ценности, которые она определяет как анархистские, ретроспективно оправдывают ее личный отказ от школьного образования [Desmarais 2015: 21–22]. В этом же ключе высказывается Брюс Левин, специалист по клинической психологии и автор работ об антиавторитарной философии¹⁰⁸,

¹⁰⁸ Так, одна из последних книг Левина «Resisting Illegitimate Authority: A Thinking Person's Guide to Being an Anti-Authoritarian—Strategies, Tools, and Models» вышла в анархистском издательстве AK Press в 2018 году.

препарируя собственный опыт психологических консультаций с подростками, которым диагностировали биполярное расстройство, шизофрению или синдромом дефицита внимания:

Они приходят в восторг, услышав, что существует реальная политическая идеология, которая охватывает их точку зрения. Они сразу же становятся более целостными <...> они не страдают психическим расстройством, а вместо этого придерживаются определенной социальной философии [Levine 2016: 19].

По мнению Левина, клинические диагнозы оказываются производными от социальной стигмы, а «анархистский темперамент» понимается как *нормальный, естественный, присущий детям и подросткам*, и как данная от природы «надежда» на трансформацию авторитарного общества [Levine 2016: 20]. В целом для антиэйджистских авторов психологическая природа «бунта», понятая исключительно в положительном ключе, становится базовой посылкой к обсуждению освобождения детей и подростков, позволяя им переносить акцент с действий взрослых акторов и помещать интересующих их субъектов в центр повествования.

Программы изменений школьного образования и отношения к детям и подросткам, которые предлагают авторы антиэйджистских активистских высказываний, соответственно репрезентируются через идеологемы «самоорганизационных», «эгалитарных практик», а их цель понимается как создание «освободительных альтернатив» и «контр-институтов» [Silverstein 2015: 26; Bergman 2015: 6; Gatto 2015: 24; Build Collectives 2017]. В этом вопросе анархистский нормативный язык пересекается и поддерживается с рефлексией другого порядка — теориями детско-ориентированной педагогики. Так, Лев Николаевич Толстой, который обычно «не был тесно связан с социальными движениями» [Graeber 2009: 220], оказывается одной из центральных фигур для англоязычных авторов и практиков антиэйджизма.

Педагогические утопии как антиэйджистские программы: Толстой, Иллич, Никитины и движение unschooling

Один из главных антиэйджистских источников идей для критики образовательных институтов и проектов их преобразования — Ясно-Полянская школа Льва Николаевича Толстого, а точнее те радикальные идеи об образовании, которые Толстой излагал в описании устройства школы в журнале «Ясная поляна» [Vinitsky 2015: 301]. «Критериум свободы» как основополагающий принцип школы, акцент на образовании через

практическую работу, концепция непрерывного и горизонтального обучения, школа как образовательная лаборатория, изменяющаяся в ответ на актуальные вопросы и интересы учеников [Толстой 1936: 16, 24–25, 29–71, 301–324], — эти тезисы педагогической утопии Толстого стали ориентирами в философии и менеджменте образования для сторонников разных альтернативных педагогических проектов, в том числе Джона Дьюи, Александра Сазерленда Нилла, Пола Гудмана, Джона Холта [Cohen 1981: 241].

В этом списке последователей Толстого наибольшее значение для антиэджистских авторов будет играть Холт, автор концепции и основатель движения *unschooling*. Теоретический фундамент движения *unschooling* будет во многом отстраиваться от критического комментария Ивана Иллича, приведенного в работе «*Deschooling society*» (1970). Иллич описывает школу, которая стала универсальной моделью государственного обязательного образования по всему миру, как предиктор социального неравенства, который научает субъектов жить в авторитарном обществе [Иллич 2006]. Следуя предложению Иллича деконструировать миф о необходимости и безальтернативности школы, Холт поставил скорее практическую задачу — сделать видимыми и более распространенными альтернативные практики образования. Одним из результатов его работы стала новостная рассылка «*Growing without Schooling*» (1977–2001), которую составляют письма от родителей, новостные заметки и информация от университетов, исследовательских и педагогических коллективов, — тех, кто так или иначе теоретически осмысляет или практикует альтернативные образовательные техники [Growing Without Schooling 2016]. Идеи движения *deschooling* довольно быстро стали популярными: так, на фоне сокращения государственного бюджета США на финансирование школьной системы в 1970-х годах, такие авторы как Иллич, Холт, Гудман стали узнаваемыми персонажами в крупно тиражных изданиях, например, *The New York Times* [Hoffman 1975].

Карла Бергман, арт-кураторка и писательница, ссылается на Толстого, Иллича и Холта как на ключевые ориентиры в разработке ее образовательного проекта *Purple Thistle Center* (Ванкувер). Цель *Purple Thistle Center* — «освободить детей и подростков через предоставление контр-институциональных пространств» [Bergman 2015: 3–10]. Для Бергман ключевым организационным принципом становится категория доверия, которая должна воплощаться в самой повседневной жизни образовательного центра, например, в том, чтобы у каждого участника были ключи от помещений. Лайла Абдельрахим, антрополог-компаративист, описывает идеальную модель детско-взрослых отношений и мира в целом через категорию доверия, которую она заимствует из работ советских педагогов Никитиных [AbdelRahim 2016: 5–8]. Публикация текстов Бергман и Абдельрахим

в антиэйджистских знах представляет эти проекты в качестве возможных программ освобождения несовершеннолетних от угнетения и дискриминации.

Принцип «пусть они сами справляются» [Gatto 2015: 24], принадлежащий Гатто и по-разному показанный в других фрагментах знака, как и предполагали Иллич и Холт, не связан с полным уничтожением системы школьного образования. Так, Кейтлин Николь О'Нилл приводит критику наиболее радикальных участников движения unschooling, указывая, что школы могут становиться пространствами сопротивления семье [O'Neal 2016: 11–16], а Марк Силверстейн предлагает подросткам-активистам осваивать школы как сцены публичной демонстрации для заявлений об освобождении и социальной справедливости и для «саботажа» идеологической обработки и авторитарной системы в целом [Silverstein 2015: 25–26]. В этом же ключе концептуализируют программу действий и авторы бюллетеня FPS. Предлагая устраивать сидячие забастовки и демонстрации в школах с призывом улучшить образовательные программы, они обосновывают свои претензии ссылкой на рефлексию Джона Холта и журналистское расследование Чарльза Элиота Силбермана, представленное им в книге «Crisis in the Classroom: The Remaking of American Education» (1970) [Napoli 1971: 9–10]. Выбранные авторами бюллетеня FPS фрагменты из работ Холта и Силбермана репрезентируют школу как исключительно дисциплинарный институт.

Третьим ресурсом аргументации в антиэйджистской рефлексии становится концепция «taking children seriously», которая разрабатывается внутри исследований образования как методологический принцип включения ребенка в качестве «эксперта», знающего, как и что именно нужно изменить в учебном процессе, образовательных пространствах и материалах. Так, автор (I)An-ok позиционирует метод «taking children seriously» не только как принцип взаимодействия с ребенком и подростком в образовательном или академическом контексте, но и как критику практик воспитания ребенка в семьях анархистов [(I)An-ok 2016: 13–17]. Фактически (I)An-ok приводит более «свежий» способ обоснования той же критики, которую высказала в 1906 году Эмма Голдман в эссе «Дети и их враги» (эссе, которое тоже появляется на страницах антиэйджистского знака [Goldman 2015]). Голдман подчеркивает противоречие между анархистским идеалом свободы и тем, как воспитывают ребенка не только в консервативных семьях, но и в семьях анархистов, утверждая о необходимости переосмысления методов воспитания в целом.

Критика биологического детерминизма: научный расизм/сексизм и теории развития мозга

Третий пул источников нормативного языка для антиэйджистских авторов — такие культурные ресурсы, которые позволяют им критиковать биологический детерминизм или распределение прав и социальных ролей на основании представлений о недоразвитости или какой-либо неполноценности «детского» тела по сравнению с «взрослым». В частности, одним из главных объектов критики антиэйджистских авторов становится связь представлений о строении и работе мозга с негативными репрезентациями подростков, которые производят представители дисциплин нейронауки и психологии и распространяют массмедиа.

Саманта Гудвин, исследовательница категорий равенства и свободы в отношении недееспособных и неправоеспособных субъектов, обосновывает тезис о необходимости наделения детей тем же правовым и юридическим статусом, каким обладают взрослые, интерпретируя «несовершеннолетие» как результат научной дискриминации. Гудвин сравнивает дискриминацию несовершеннолетних с такими феноменами, как научный расизм и сексизм.

Акцент на различиях между взрослыми и детьми игнорирует то, что поставлено на карту с точки зрения социальной справедливости при предоставлении детям равных прав. <...> Точно так же, как биологические различия между мужчинами и женщинами не определяют конкретных социально-экономических (и, исторически, юридических) преимуществ мужчин перед женщинами, биологические различия между взрослыми и детьми не должны определять форму, которую принимает правовой статус детей по отношению к взрослым. <...> Разумные люди справедливо признают, что те, кто якобы (или даже явно) более рационален и сообразителен, не должны пользоваться большими правами, чем те, у кого меньше способностей к рациональности и интеллекту, — мы не рассматриваем кастовые иерархии, упорядоченные по IQ или размеру мозга, как законные или справедливые способы организации общества [Godwin 2015: 7].

Дешифровывая научные практики, подтверждающие «неполноценность» детей и закрепляющие социальную и политическую маргинализацию несовершеннолетних, Гудвин обращается к работам популярного психолога Роберта Эпштейна и к его утверждению о необходимости понимать трансформацию мозга как постоянный процесс, который невозможно описать через категории полного или неполного развития [Godwin 2015: 6–7]. Таким образом, для Гудвин аргумент, что дети из-за менее развитого мозга неспособны к рефлексии и не обладают достаточными когнитивными компетенциями, чтобы самостоятельно распоряжаться правами и свободами, является не только социально

несправедливым, но и научно искаженным из-за доминирующего представления о детях как неполноценных взрослых в среде ученых-нейробиологов и нейрофизиологов.

Работа Эпштейна становится значимым культурным ресурсом в обосновании антиэйджистских теорий участниками активистской подростковой сети NYRA. Так, в июле 2011 года его приглашают на ежегодную встречу участников [Moncure 2011b], а ссылку на его работу организаторы помещают на заглавную страницу платформы, знакомящую с их антиэйджистским проектом [WHAT ARE YOUTH n.d.]. Участник блога NYRA Себастьян Барахас публикует подробный пересказ книги Эпштейна «Teen 2.0: Saving Our Children and Families from the Torment of Adolescence» (2010), делая акцент на его аргументах против представлений о неполноценном развитии мозга подростков и об их психологической нестабильности. Подобные представления Барахас называет ненаучными и искаженными именно эйджистской интерпретацией [Barajas 2016a; Barajas 2016b].

Другим ресурсом для антиэйджистской аргументации становится рефлексия Льва Семеновича Выготского об игре и ее связи с детской психологией. Так, опубликованный в антиэйджистском зине текст Бенджамина Файва, специалиста по клинической психологии и автора блога о психологии детского развития, посвящен тезису о способности ребенка к самоограничению и самоопределению. Файв выстраивает свое эссе через пересказ работ Выготского о взаимодействии детей с воображаемыми предметами, об ограничении во времени и пространстве игровых сценариев и о соблюдении детьми правил игрового мира [Fife 2015: 5–14].

Позднее включение антиэйджистских авторов в широко известную дискуссию *nature vs nurture*, которая, как кажется, могла быть присвоена антиэйджистами благодаря полемике Маргарет Мид с теорией Грэнвилла Стэнли Холла о предрасположенности подростков к агрессивному поведению (теория «*stress and storm*»), популярности Мид в социальных движениях в 1960–1970-е годы и известности Мид, например, для участников *Youth Liberation* [Lenke 1970: 6], можно объяснить несколькими причинами. Триггером для антиэйджистских авторов, по всей видимости, послужила популяризация результатов исследований нейронаук в 2000–2010-х, авторы которых начали уделять особое внимание склонности к риску и импульсивному поведению подростков. Они объясняли подобные «пагубные» склонности особенностями строения мозга подростков и происходящих в нем биохимических реакций. Историки дисциплины связывают ре-актуализацию этого фокуса с развитием технологий (в частности, МРТ), а особую востребованность именно естественнонаучных объяснений в публичной сфере с «эффектом Колумбайна» и моральной паникой о непредсказуемых и опасных подростках [Choudhury 2010: 160; Harman 2013: 455]. Вероятно, внимание антиэйджистов к тому, как дети и подростки

представлены в нейронаучных исследованиях, вызвано и появившейся в 2000-е годы массовой практикой среди адвокатов по привлечению естественнонаучных обоснований для оправдания и смягчения наказания несовершеннолетних подсудимых. Как показывает Франсис Шен, привлечение нейронаучных тезисов в качестве юридического аргумента в судах над несовершеннолетними повлекло масштабные трансформации в сфере ювенальной юстиции по всем штатам, изменив не только процесс слушаний и репертуар возможных привлекаемых экспертов, но и законодательные акты, касающиеся широкого спектра правовой субъектности подростков [Shen 2013: 992–993, 1000–1005].

Таким образом, авторы-антиэйджисты привлекают педагогические утопии и анархистскую критику в качестве легитимных способов обоснования своих представлений о несправедливости детской повседневности, формулируя необходимость деконструкции или замены авторитарных институтов, под которыми они понимают семью, школу и государство. В последнее десятилетие среди исследователей, экспертов и активистов выделяется новая тенденция критики дискриминации несовершеннолетних, которая обращена на риторику и категориальные аппараты, опирающиеся на заключения представителей естественных наук, а именно нейробиологии, физиологии и психологии.

3.3. Академический вариант теории угнетения несовершеннолетних

3.3.1. «Чайлдизм» в психоаналитической перспективе: угнетение детей и подростков как эвристика

Один из самых влиятельных текстов по теме детского угнетения, наиболее цитируемый в англоязычных академических и активистских сообществах, — книга Элизабет Янг-Брюль «Childism: Confronting Prejudice Against Children» (2012). В этой работе, опубликованной посмертно, Янг-Брюль формулирует понятие «childism» (далее — чайлдизм) в значении дискриминации детей, раскрывая его через две аналитические традиции, два ее профессиональных вектора. Первый можно проследить до философского факультета Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, где Янг-Брюль знакомится с Ханной Арендт, а через нее с концептуальным аппаратом Франкфуртской школы. Второй вектор связан с Центром изучения ребенка (Child Study Center) в Нью-Хейвене, где Янг-Брюль становится консультирующим психоаналитиком, специализируясь

на детском психоанализе в версии Анны Фрейд¹⁰⁹. Общая задача исследовательских работ Янг-Брюль — психоаналитически проинтерпретировать различные виды дискриминации и предубеждения и представить их как проблемы социального и политического порядка, опираясь на анализ материалов, полученных в ходе психоаналитических консультаций.

Понятие «чайлдизм» в значении угнетения детей и подростков Янг-Брюль впервые формулирует в статье «Childism — Prejudice against Children», опубликованной в журнале «Contemporary Psychoanalysis» в 2009 году. В монографии «Childism...» Янг-Брюль развивает собственную концепцию, сопровождая ее развернутым аналитическим и историографическим¹¹⁰ комментарием. «Чайлдизм», согласно Янг-Брюль, представляет собой систему предубеждений к детям, которая характерна для всей истории человечества и может быть обнаружена в различных культурных формах, предопределяющих детско-взрослые отношения.

Работая в этой перспективе, Янг-Брюль ставит задачу не столько доказать угнетение детей и подростков, сколько составить типологию «неврозов», или психосоциальных предикторов угнетения детей, и с помощью нее диагностировать политические режимы и практики повседневной жизни. Янг-Брюль переписывает фрейдистскую интерпретацию паранойи для описания чайлдистских предубеждений, вслед за Зигмундом Фрейдом выделяя три типа личности, «обсессивный», «истеричный» и «нарциссический», которым соответствуют три фантазии о ребенке:

Первый образ, встречающийся особенно у обсессивных людей, — это представление о детях как о плохих, по природе злых или порочных, которых нужно избивать, вытеснять, наказывать <...> Так, считалось, что чума, охватившая Афины, была вызвана Эдипом, и, чтобы избавить город от миазмов, его отец, царь Лай, отправил его умирать на склоне холма от переохлаждения (инфантицид). В середине XIX века американские благотворительные организации по защите детей и «спасатели детей» воображали, что дети являются носителями болезни бедности, которая заразит республику в виде плохих граждан. Дети представлялись как расходующие ограниченные ресурсы, действующие подобно изнуряющей болезни, разъедающей семью или общество. Устранение или искоренение ребенка считалось лучшим методом — единственным окончательным способом дезинфекции <...> Различные виды

¹⁰⁹ Янг-Брюль считала Ханну Арендт и Анну Фрейд ключевыми фигурами для своей исследовательской карьеры [Young-Bruehl 2010].

¹¹⁰ Термин «чайлдизм» Янг-Брюль заимствует из психоаналитических работ, в первую очередь статьи 1975 года, в которой Честер М. Пирс и Гейл Б. Аллен предлагают понимать «чайлдизм» как дискриминацию по расовому признаку по отношению к группам детей и подростков. Вторым источником становится текст Роберта Батлера, где он изобретает понятие «эйджизм» как дискриминацию в отношении старшего поколения [Young-Bruehl 2012: 299–300; Butler 1969: 243].

тюремного заключения или гетто, а также физическое насилие могут быть использованы для уменьшения способности ребенка распространять и воспроизводить инфекцию [Young-Bruehl 2009: 259–260].

Вторая фантазия связана с нарциссическим неврозом, страхом перед бунтом младших против старших, с которым Янг-Брюль сопоставляет реакцию правительства США на политическую активность молодежи в 1960–1970-е годы. Третья группа детских образов истеричного типа объединяет страхи перед детской сексуальностью и объясняет как табуированность самой этой темы, так и сексуальное насилие над детьми. Таким образом, все три фантазии позволяют диагностировать любые политические и повседневные практики по отношению к детям, которые, по Янг-Брюль, вызваны «негативными» эмоциями — агрессией, страхом и отвращением. Эту объемную конструкцию, вмещающую в себя западноевропейскую историю в формате «с античности до наших дней», Янг-Брюль собирает из собственных исследований, исследований последователей Фрейда, уточняющих или оспаривающих его интерпретации греческих трагедий, и работ представителей *prejudice studies*, направления, возникшего в американской академии после Второй Мировой Войны и оперирующего психосоциологическим инструментарием [Young-Bruehl 2012: 304–309].

Предлагая понимать случаи жестокого обращения с детьми как эксцессы общего для всего человечества предубеждения к детству, Янг-Брюль отстраивается от традиции, в которой насилие над детьми интерпретировалось как следствие жестокости родителей, как болезнь некоторых отдельных индивидов. Как социальное «заболевание», дискриминация детей обостряется, по Янг-Брюль, при авторитарной политике и «антидетских» законах и решениях — например, при принятых администрацией Ричарда Никсона, Рональда Рейгана, Джорджа Буша-младшего положениях по сокращению школьных бюджетов и бюджетов социальных служб. Насыщая эти интерпретации анализом историй своих пациентов о физическом и сексуальном насилии, пережитом в детстве¹¹¹, Янг-Брюль приходит к заключению о тотальном «неврозе» американского общества.

В том, как Янг-Брюль выстраивает свои теоретические суждения, можно проследить влияние двух интеллектуальных направлений. С одной стороны, возводя угнетение детей в статус внеисторического универсального предубеждения, которое должно быть мобилизовано для критики «цивилизованного» западноевропейского общества, Янг-Брюль

¹¹¹ Материалы, анализируемые Янг-Брюль как фактические свидетельства, хронологически оказываются частью феномена «массовых воспоминаний» физического и сексуального насилия в детстве, которые Иллюз предлагает понимать как эффект распространения психотерапевтической культуры, трансформировавшей автобиографический дискурс в западноевропейской публичной сфере [Illouz 2008: 181–186].

совершает интерпретативный ход, вдохновленный изменениями в фемриторике 1980-х годов. Такие авторы, как Элис Миллер и Флоренс Руш, дестигматизировали психоаналитический язык и стали привлекать темы жестокого обращения с детьми в качестве основной стратегии критики патриархата и института семьи. Как замечает Ева Иллуз, этот пересмотр дискурсивных стратегий позволил феминистскому движению и включить в свои программы «универсальные» категории, и, приближая феминизм к понятным и знакомым «приватным» темам, обратиться к более широким аудиториям [Illouz 2008: 167].

С другой стороны, прием сопоставления психологического состояния отдельной личности с состоянием социального порядка Янг-Брюль заимствует из рефлексии «первого поколения» Франкфуртской школы, в частности из работ Вильгельма Райха, Теодора Адорно, Эриха Фромма и Герберта Маркузе, синтезирующих фрейдистский анализ и марксистскую критику и обосновывающих успешность тоталитарных режимов через концептуализацию особого психологического портрета общества. Теоретические построения этих авторов включали образы детства и детско-взрослых отношений в двойном значении: и указывая на укорененность психологических патологий в детстве (которое понималось как период формирования склонности к насилию и предубеждениям), проявившихся у взрослых сторонников фашизма, и метафорически изображая отношения между государством и гражданами в тоталитарных режимах как отношения отца и детей. Таким образом, монография Янг-Брюль представляет собой спрессованную в один текст «детскую» образность работ франкфуртских теоретиков, которую она раскрывает через американскую семейную и детскую политику второй половины XX века и свидетельства тех, кто попадал под категорию «избитого ребенка» в этот период.

Концепция детского угнетения в тексте Янг-Брюль функционирует как эвристика, само собой разумеющееся знание или допущение, которое необходимо осмыслить, чтобы задавать «правильные» вопросы к материалам. Другими словами, автор пытается сформулировать такую теорию, которая позволяет дешифровать все интеракции между детьми и взрослыми как симптомы общего для всего человечества диагноза (угнетения детей со стороны взрослых), которые принимают наиболее негативные формы в особых психологических состояниях общества.

Моя цель состоит в том, чтобы дать возможность нам, американцам и другим людям, выйти за рамки рассуждений передовиц о том, сколько стоит забота об «антисоциальных» детях, и начать думать об огромном спектре антидетской

социальной политики и индивидуального поведения, ежедневно направленных против всех детей. Понятие, которое я предлагаю, — это «чайлдизм» [Young-Bruehl 2012: 4].

Будучи инструментом перестройки публичного вокабуляра, термин «чайлдизм» дискурсивно воспроизводит детство как социальную проблему и мобилизует интерпретации, произведенные через риторическую стратегию угнетения, как способы критики политического, экономического и социального строя. Этот эксплицитно ангажированный характер, прозрачность и мейнстримность критических построений, а также статус академической работы способствовали широкой рецепции текста Янг-Брюль среди активистов [McGillivray 2022].

Полемизируя с концепцией Янг-Брюль, Джон Волл будет формулировать исследовательскую парадигму «чайлдизм», которая, по его замыслу, преодолевает фокус исключительно на дискриминации и предубеждении и предлагает позитивную модель воображения «агентного ребенка» [Wall 2019: 7].

3.3.2. «Чайлдизм» в исследованиях детства: от категории «детской агентности» к новой парадигме социального воображения

В 1980–1990-х годах в западной академии начала формироваться самостоятельная междисциплинарная область исследований детства, или *childhood studies*. Поворотным моментом в ее становлении стала программа новой социологии детства, разработанная Аланом Праутом и Эллисон Джеймс в 1990 году [Prout, James 2005]. Понятие «детская агентность», сформулированное еще на десять лет позже теми же социологами, практически моментально стало ключевым концептом дисциплины [Esser et al. 2016: 5–6; Oswell 2020: 44–45]. Последователи новой парадигмы социологии детства утверждали взгляд на ребенка как на самостоятельного субъекта со своими детскими интересами, мировоззрением и практиками, противопоставляя себя социологическим теориям социализации, теориям развития в психологии и педагогическим подходам, в которых ребенок понимался как объект интериоризации норм и моделей поведения и как ступень к развитию полноценного человека [Ryan 2008: 553; Дуденкова 2014: 50–51]. Анализ «детской агентности» формулировался как методологическая перспектива рассмотрения ребенка в качестве компетентного, рационального и автономного участника социальных взаимодействий. В то же время эта перспектива предполагала концептуализацию детей как представителей маргинализированной группы с собственной позицией, которым не хватает возможностей для артикуляции своих интересов в обществе, где доминируют взрослые

[Esser et al. 2016: 3]. Новая социология детства, таким образом, позиционировала себя и как инновативная научная дисциплина, исправляющая академическую слепоту и нечувствительность к детскому опыту, и как актор социальной эмансипации детей, стоящий в одном ряду с другими интеллектуальными проектами освобождения — феминизмом и постколониализмом.

Критика ранних версий концептуализации детской агентности последовала как от самих авторов новой парадигмы, так и от других исследователей детства и стала «общим местом» для рефлексии о новой социологии детства даже спустя тридцать лет [Prout 2000: 16; Holloway et al. 2019: 459–462; Козловская, Козлова 2020: 13–16]. «Детская агентность» как вменяемое детям «обладание» агентностью, так называемая субстантивистская концепция, превращала исследовательскую работу в «открытие» и описание детей как независимых и самостоятельных акторов. Радикально противопоставляя детей-агентов «взрослой» *структуре*¹¹², авторы сосредоточили внимание на практиках сопротивления и неподчинения детей, а сюжеты власти, подавления и доминирования стали каноном детских исследований [Alanen 2015: 149–150; Esser et al. 2016: 8]. Именно в таком прочтении «детской агентности», например, появляется одно из первых упоминаний понятия «чайлдизм» в исследованиях детской литературы. Питер Хант с помощью этого термина описывает методологическую позицию, согласно которой исследователи должны опознать ребенка как независимого интерпретатора и реконструировать его или ее опыт чтения, делая акцент на детском сопротивлении угнетающей взрослой монополии по производству смысла (цит. по [Chapleau 2004: 130–131; Wall 2019: 6]).

Пониманию «теоретической неадекватности» субстантивистской концепции «детской агентности», как замечает Флориан Эссер, способствовали неудачные попытки исследователей обнаружить «детскую агентность» вне западноевропейской парадигмы интерпретации «независимого» и «самостоятельного» субъекта [Esser et al. 2016: 8–9]. Таким образом, «детская агентность» оказалась деконтекстуализированной и личностно-ориентированной идеей, в которой агентность понималась как любая человеческая манифестация, а значит «специфика детства» утверждалась инструментально и противоречила самой методологической перспективе [Esser et al. 2016: 6–7; Baader 2016; Esser 2016a: 4]. Другой вектор критики «детской агентности» выстраивается через тему политической ангажированности и проблемы подмены исследовательского вопроса и научного анализа борьбой за эмансипацию детей как маргинальных и ущемленных в правах

¹¹² В исследованиях детства модель агентности–структуры появилась под влиянием социальных теорий Энтони Гидденса и Пьера Бурдьё [Esser 2016b].

субъектов [Lancy 2012: 3–4; Esser et al. 2016: 4; Форум 2019: 65, 98]. Одни теоретики исследований детства предлагали вернуться к фундаментальному социологическому анализу [Qvortrup et al. 2009], другие — уточнить концептуальный аппарат «детской агентности». Последние, как замечает Дэвид Освелл, сформулировали «под-парадигму» новой социологии детства («infra-paradigm»), которая никогда прямо не противопоставлялась «новой парадигме» Праута и Джеймса, а скорее занимала позицию развития тезисов, окружающих ее центральное идейное ядро [Oswell 2016]. Некоторые исследователи этого направления ввели терминологическую пару, «сильная агентность» и «слабая агентность», которая должна была учитывать разные формы реализации детской агентности в по-разному функционирующих структурах, или представление о «тактической агентности», ситуативной способности детей к самостоятельным и независимым действиям [Esser 2016b; Punch 2016]. Другие авторы отошли от диалектики структуры-агентности Гидденса и попытались инкорпорировать постфукольдианскую и акторно-сетевую теории и пост-гуманистические подходы [Oswell 2016]. Для «детской агентности» переориентация на новые теоретические пресуппозиции и методы анализа социальных отношений означала трансформацию и в описании самих детей, и в репертуаре участвующих в жизни героев исследований акторов. Под влиянием теорий «множественных онтологий» Эннмари Мол и «ситуативного знания» Донны Харауэй — «детская агентность» оказалась не багом, при котором социальные конвенции в отношении детей встречались с их сопротивлением и неповиновением, а фичей, детским участием, эффектом ситуаций, в которых материальные объекты, технологии, дискурсы, взрослые и другие дети участвуют в производстве «детской агентности». Таким образом, быть (агентным) ребенком означало действовать как ребенок по-разному в разных контекстах и отношениях, а в (пере)сборке детских ролей стала участвовать целая сеть человеческих и нечеловеческих акторов. Так, канадский историк детства Андрэ Турмел рассматривает «устройства записи» (приборы измерения веса и роста, физиологические таблицы, тесты оценки интеллекта), с помощью которых детей измеряли, оценивали и судили о «нормальности» их развития, или посредством которых, согласно Турмелю, дети, как коллектив, становились видимыми как социальное явление [Turmel 2008]¹¹³. Таким образом, «детская агентность» перестала мыслиться как готовый тезис, который нужно

¹¹³ В качестве примера можно привести работы антрополога Спироса Спироу, который с помощью анализа интервью с детьми и окружающими их взрослыми пытается показать, что детство не «вшито» природой или культурой в индивидов или коллективы, но производится в процессе взаимодействия между детьми и детьми и детьми и взрослыми (то есть в конкретных ситуациях). Спироу называет эту методологическую пресуппозицию, вдохновленную теоретиками постколониального и деколониального подхода, «децентрализацией детства» [Sproun 2018].

только раскрыть, увидев и описав ребенка как рационального, компетентного, рефлексивного и сопротивляющегося субъекта, и предстала как множественно локализованный процесс, «возникающий», «неоднородный» и «незавершенный», для которого нет готового теоретического решения [Raithelhuber 2016]. Согласно Артему Серебрякову, наблюдаемое здесь расхождение в аналитических стратегиях было результатом не только теоретических амбиций исследователей, но и их политических предпочтений. Если сторонники возвращения к структурному анализу детства, делали ставку на умеренные и хорошо обоснованные государственные реформы, то те, кто отдавал предпочтение «детской агентности», поддерживали либеральные или анархистские позиции, подчеркивая «необходимость личной эмансипации детей от неадекватных ограничений, мотивированных ложными представлениями о детских способностях и общественных ролях» [Серебряков 2022: 41].

Вследствие того, что «под-парадигма» была бесп проблемно встроена в социологию детства, обогатив ее новым категориальным аппаратом, но не создав впечатление интеллектуальной новизны или эпистемологического сдвига, в исследованиях появился терминологический беспорядок, где под одним и тем же понятием рассматриваются и акты свободной воли и сопротивления, присущие детям, и способность индивидов действовать независимо, и акторность ребенка в сети отношений.

Из этой матрицы значений «детской агентности» появляется чайлдизм-парадигма, которую с 2006 года разрабатывает Джон Волл, профессор философии Ратгерского университета в Камдене. Волл приходит к работе над чайлдизм-парадигмой благодаря интересу к религиозной этике и исследованиям науки и технологий и, в частности, к вопросам трансформации политического, этического и морального порядков вследствие появления и распространения новых технологий и биомедицины. Волл сыграл значительную роль в изменении институционального ландшафта детских исследований и закреплении в нем термина «чайлдизм», став соавтором первой PhD программы по детским исследованиям (The Department of Childhood Studies, Rutgers) и основателем Центра исследований детей и детства (Center for Children and Childhood Studies), который с 2019 года был преобразован в международный коллектив исследователей под названием «Childism Institute».

Понимая концепты «детской агентности» новой социологии детства как недостаточно критические, но все же отдавая предпочтение анархистской и либеральной интерпретации новой социологии детства, Волл формулирует childism-парадигму как аналог критической феминистской философии Джудит Батлер и Лесли Хейвуд, переводя вопрос о теориях и практиках научной объективности и необходимости их кардинальной

трансформации с учетом инаковости женского опыта в проблематику исследований детства [Wall 2012: 138]¹¹⁴.

Другими словами, чайлдизм-парадигма предполагает масштабную критику как социальных отношений, так и социальных теорий, которые их описывают и воспроизводят, путем включения специфического детского опыта как принципа деконструкции нормативности «взрослых» в детско-взрослых отношениях и реконструкции альтернативных языков описания. Таким образом, Волл позиционирует чайлдизм-парадигму как способ социального воображения (или *зрения*, как назвала бы это Донна Харауэй¹¹⁵), который бы постоянно актуализировал структурное переживание возраста как в исследовательских работах, так и в политических и повседневных практиках. Как ставит этот вопрос сам Волл: «неспособность использовать чайлдизм-парадигму должна распознаваться как искажение научного знания точно так же, как и неспособность использовать, например, феминистскую критику» [Wall 2019: 1].

Работы Волла представляют собой интеллектуальное упражнение в воображении таких отношений и институтов, которые бы отвечали ценностям чайлдизм-парадигмы. Например, он пересматривает институт демократии и принцип всеобщего избирательного права через понимание не *независимого* и *автономного* субъекта, а «взаимообусловленного опыта» («interdependent») сосуществования различных субъектов. Детско-взрослые отношения, по мнению Волла, выступают наиболее актуальным сюжетом для рефлексии о взаимообусловленном опыте сосуществования¹¹⁶. Так, права человека, согласно Воллу, должны быть очищены от индивидуалистских трактовок свободы и правообладания и

¹¹⁴ «Исследования детства “третьей волны” — или то, что я бы назвал собственно “чайлдизм” — аналогичным образом стремились бы не только понять и включить детей в качестве агентов или участников, равных взрослым, но и более радикально преобразовать базовые научные и общественные структуры вокруг иного (distinctive) и разнообразного (diverse) опыта детей. В случае с детьми, однако, эта деконструкция и реконструкция социальных норм не обязательно будут следовать тем же принципам, что и в случае с женщинами, поскольку женщины и дети неодинаковы, они исторически маргинализированы неодинаковым образом. В частности, дети как группа разделяют возрастной опыт, который однозначно подчинен интерпретациям и власти взрослых. Действительно, тот факт, что дети, как правило, обладают меньшим жизненным опытом и научными знаниями, означает, что детство с самого начала ставит [перед обществом и исследователями] новые задачи» [Wall 2012: 138–139].

¹¹⁵ В статье, посвященной дискуссии о теориях и практиках научной объективности как проблематики феминистской философии, Харауэй предлагает понимать научное знание как продукт «частичной объективности», который складывается из *попытки* занять *перспективу видения Другого*, при постоянной актуализации невозможности полного присвоения его/ее/их *зрения* [Харауэй 2022].

¹¹⁶ Для описания «взаимообусловленного опыта» Волл предлагает концепцию *герменевтического эллипса*: «Дети яснее, чем большинство, показывают, что человеческие существа не только участвуют в собственной самоинтерпретации, но и интерпретируются другими. Эта другая интерпретация, в данном случае в основном взрослыми, хорошо выполняется только тогда, когда она открывает себя для собственного разрушения и децентрирования, так что унаследованные моральные предположения могут быть оспорены и превзойдены. Инаковость детей должна расширять моральное воображение взрослых, преодолевая различные устоявшиеся представления» [Wall 2012: 139–140].

пересобраны в соответствии с приоритетом *инаковости* других и способности на эту инаковость реагировать [Wall 2012: 148–151]¹¹⁷.

В качестве примера работы в чайлдизм-парадигме Волл приводит исследование Джанетт Сандхолл, которая анализирует участие детей в публичных городских советах и реакцию на их предложения по городскому планированию со стороны чиновников. Вводя понятие «чайлдизм», она предлагает переосмыслить практики принятия решений и политического соучастия так, чтобы «взрослость» перестала воображаться нормативным и структурирующим элементом, а «детскость» была включена в публичную сферу [Wall 2019: 5; Sundhall 2017]. Термин «чайлдизм» в версии Волла стал особенно популярен в критических исследованиях литературы, авторы которых находят в художественных произведениях, предназначенных для детей, такую функцию социализации, которая нормализует жестокое обращение и насилие и в то же время конструирует свою целевую аудиторию, детей и подростков, как незрелых существ, «созданных для взрослых и принадлежащих им» [Wadsworth 2015; Joosen 2022].

Проект, разрабатываемый Воллом, включает не только программу критических построений, которые раскрывают социальные и политические контексты как такие, в которых детский и подростковый опыт заранее воображается и конструируются, но и критику исследовательского письма и дизайна исследований, которые оказываются следствием нормативности, возникающей на пересечении статуса «взрослых» и «исследователей». Альтернатива, насколько я могу судить, на сегодняшний день представлена только в привлечении детей и подростков как партнеров в исследованиях (research-in-action) и опознании в их аналитических тезисах самодостаточного знания [Chawar et al. 2018; Biswas 2020].

Таким образом, по замыслу Волла, чайлдизм-парадигма должна выйти за дисциплинарные границы детских исследований и стать общей аналитической парадигмой, способом описания и трансформации окружающего мира, социальных теорий и воображения в целом. Перевод языка третьей волны феминизма и пост-гуманистических философских концепций изменил полярность коннотации концепта «чайлдизм»: вместо негативных категорий «угнетения» и «дискриминации» и артикуляции их различных проявлений появилась позитивная программа, в которой «детский опыт» был включен как источник эпистемологического сдвига, как источник знаний о проживании и взаимодействии с различиями, чья видимость, по Воллу, должна преобразовать социальный

¹¹⁷ См. аналогичный подход к теме избирательных прав несовершеннолетних [Wall 2022].

порядок в целом, а не только различные институты и отношения, связанные с детьми и подростками.

3.4. Выводы главы 3

3.4.1. Интеллектуальная история теории угнетения несовершеннолетних

На рубеже 1960–1970-х годов в США появляется объединенная сеть локальных школьных активистских групп. Персонажи этой истории, в основном старшеклассники и недавно выпустившиеся, а зачастую отчисленные из школы, которые ощущали себя частью национального движения за гражданские права, начали осмыслять несовершеннолетие как период тотального и скрытого угнетения. По их мнению, логика дискриминации воплощалась в отношениях конкретных детей и подростков с семьей, в организации образовательных институтов и в форме государства в целом и была связана с войной, угнетенным положением женщин и представителей расовых и этнических меньшинств. Представляя себя акторами публичной сферы, которые должны не только создать видимость актуальной и желанной политической и социальной роли подростков, но и реализовывать программы прямых действий, формулируя их коллективно со своими ровесниками, — антиэйджисты США обращаются к формату независимых школьных газет. Этот медиум создавал коммуникативное пространство обмена опытом между участниками активистских ячеек по всей стране, объединяя их репертуаром общих дискурсивных стратегий. В это же время, осмысленное в терминах «угнетения» и «дискриминации», несовершеннолетие появляется и в академических текстах: так, в середине 1970-х годов психиатры Честер М. Пирс и Гейл Б. Аллен используют термин «эйджизм» для обозначения дискриминации цветных детей и подростков, тем самым вводя дополнительное измерение в понимание расизма. Эти авторы позаимствовали понятие из текста Роберта Батлера, посвященного дискриминации старшего поколения, но не стали дорабатывать его, а само слово «эйджизм» по отношению к несовершеннолетним не вошло в академический узус. Исчезая и из активистских сообществ, и со страниц исследовательских текстов, концепция дискриминации детей и подростков получит новое развитие на рубеже веков, в условиях новых социальных и политических вызовов.

Так, на волне протестов, направленных против эскалации расовых и этнических конфликтов, и антивоенных настроений по поводу политического напряжения на Ближнем Востоке появляются локальные сообщества подростков-активистов и национальная сеть youth-led проектов, которые опознают сокращение школьных бюджетов, увеличение

расходных статей на милитаризацию и укрупнение пенитенциарных систем как «свои» проблемы. Противопоставляя себя взрослым активистским сообществам — фем- и эко-активистам как недостаточно политически осознанным и эффективным и анархистским ячейкам прямого действия как «предателям» подростков и молодежи, — участники таких подростковых объединений, как NYRA, Youth Power, Students Rise Up и др., используют «эйджизм» как главный способ репрезентировать своего противника в публичной сфере и именно как антиэйджистские группы присоединяются к антивоенным маршам и другим политическим акциям, разрабатывают реформы школы и учебных планов, создают образовательные кружки и подключаются к работе над законопроектами.

Представляя прямые действия своей приоритетной практикой участия в публичной сфере, американские подростки-активисты и в 1970-х, и в 2000-х годах будут заимствовать риторические стратегии классиков анархизма, Эммы Голдман, Михаила Бакунина и Петра Кропоткина, или саму категорию «анархизм», чтобы дискурсивно воспроизвести свою борьбу против дискриминации детей и подростков как *движение, осуществляющее борьбу за свободу и социальную справедливость и против социальных иерархий*.

В последние два десятилетия участники проекта NYRA, действующего с 1998 года по сегодняшний день, предлагают уже другой язык сопротивления эйджизму, формулируя дискриминацию детей и подростков как научный предрассудок, распространенный благодаря популяризации психологии и нейробиологии. Участники NYRA ставят перед собой задачу показать, что процесс распределения прав и социальных ролей основан на ложных, до-аналитических представлениях ученых о недоразвитости или какой-либо неполноценности тел и когнитивных способностей детей по сравнению со взрослыми.

Параллельно активистской дискурсивной работе в исследовательских сообществах появляется интерес к формулированию концепции угнетения несовершеннолетних, которая бы представляла детей и подростков социально и эпистемологически маргинализированной группой. Такая интерпретативная работа оказалась востребована среди авторов междисциплинарной области исследований детства, или childhood studies. Новая социология детства эксплицитно позиционировала себя и как научная дисциплина с инновативным теоретическим и методологическим аппаратом, и как актор политической и социальной эмансипации детей, стоящий в одном ряду с такими интеллектуальными проектами освобождения, как феминизм, антирасизм и постколониализм. В 2000–2010-х годах сюжеты власти, давления и сопротивления стали канонем анализа детско-взрослых отношений, а «детская агентность» начала функционировать как «мантра», которая предопределяла исследования как «открытие» и описание детей в качестве агентных

социальных субъектов [Lancy 2012; Tisdall, Punch 2012: 255; Козловская, Козлова 2020: 13–16].

Эксплицитное схождение критических исследований детства с феминистскими теориями произойдет в аналитическом понятии «чайлдизм». Так, Элизабет Янг-Брюль, используя психоаналитические техники интерпретации, фундированные текстами первого поколения франкфуртских теоретиков и популяризаторов феминизма в 1980-е годы, показывает дискриминацию детей и подростков как универсальную психологическую реакцию, усугубляющуюся в периоды «неврозов», социально-психологических кризисов в масштабах общества и государства. Подходя к дискриминации детей с философской и социологической позиции, Джон Волл формулирует чайлдизм-парадигму как критику и социальных отношений, и социальных теорий, которые их описывают и воспроизводят. Волл формулирует чайлдизм-парадигму, буквально переписывая центральные тезисы критической феминистской философии Джудит Батлер и Лесли Хейвуд под категорию «дети». Эта перспектива предполагает осмысление специфического детского опыта как принципа деконструкции нормативности «взрослых» в детско-взрослых отношениях и реконструкции альтернативных языков описания и способов жизни.

Если представить антиэйджизм как концептуальное пространство, на котором можно расположить разные версии антиэйджистских теорий, то эта глава показывает, где относительно других проектов, которые формулировали угнетение детей и подростков, стоят антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте.

Пожалуй единственное, что объединяет теории угнетения русскоязычных антиэйджистов и американских низовых объединений школьников — это «права несовершеннолетних» как центральная категория для критики авторитарных семейных и институциональных отношений. При этом отсутствие концепции «обязанности» в различных теориях дискриминации несовершеннолетних и прямое влияние политики национальных государств на динамику производства антиэйджистского дискурса позволяют говорить о том, что и школьники-активисты в США в 1970-е и в 2000–2010-е годы, и русскоязычные антиэйджисты используют термин «права детей» с опорой на язык прав человека, который формируется в логической связи с контркультурными движениями и движениями за гражданские свободы в 1960–1970-е годы. Именно в это время «права человека» утрачивают свою концептуальную связь с государственной политикой и доктриной естественного права (то, на чем была основана Всеобщая декларация прав человека 1948 года) и, как выразился Сэмюэл Мойн, превращаются в «мораль всего мира» [Moyn 2010: 42–43]. Этот сдвиг перевел юридический язык прав и обязанностей гражданина перед национальным государством в язык морального прогресса, который позволяет

зависимым людям воспринимать себя как носителей морали и легитимировать свои претензии на защиту от угнетения в патриархальных обществах [Ignatieff 2003: 68].

Несмотря на эти общие для всего антиэйджистского дискурса элементы, русскоязычный антиэйджизм отличается от американских активистских низовых объединений против дискриминации несовершеннолетних и по механизмам производства языка говорения о детях, и по воображению себя как публичного актора, и по предлагаемым программам действий. Русскоязычный антиэйджизм не обращается к анархистским авторам, не предполагает создание ячеек в школах и программ прямых действий. Мои информанты и авторы антиэйджистских ВК-сообществ в целом не опознают в популярной психологии и нейробиологии, с которыми они знакомы, специального объекта для критики. И хотя они хотели бы предлагать изменения на законодательном уровне, никто из них не считает это возможным.

В то же время русскоязычный антиэйджистский дискурсивный проект оказывается типологически сопоставим с рефлексией авторов новой социологии детства и их последователей. Оба этих проекта знания использовали стратегию поиска скрытых отношений доминирования, воображали тотальную систему угнетения, мобилизовывали риторику социальной справедливости и обращались к гендерной проблематике как к образцу для построения интерпретаций положения детей и подростков.

На такое распределение, в частности, влияет то, кого антиэйджисты опознают как культурного союзника, эффективного и близкого по задачам игрока в публичной сфере. Если англоязычные активисты в 2000-х годах находят феминизм неэффективной и аполитичной риторикой, то в российском контексте для участников веб-сообществ ВКонтакте именно феминистское движение предстает политическим агентом, носителем языка говорения о несправедливом положении конкретной социальной группы.

3.4.2. Антиэйджизм как вернакулярная критическая теория и вернакулярный конструктивизм

Интересу к практикуемым формам критики вне академии как к исследовательской проблеме способствовали две взаимосвязанные, но разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в то время как критическая теория кристаллизовалась в способы легитимного академического высказывания, встроенный в нее само-рефлексивный механизм создал «критику критики», которая фиксировала утрату у критического инструментария эффективного исследовательского потенциала [Anker, Felski 2017: 15–17]. Критика стала опознаваться не как новаторская методология, а как лишенный инновативного флера

нормативный стиль мышления или этос академических авторов [Felski 2015: 4–7], как параноидальная привычка чтения и автоматической артикуляции [Sedgwick 2003: 124–125], как набор этических реверансов [Graeber 2014: 81, 83–84]. С другой стороны, анализ современных форм критики актуализируется в ответ как на процесс «возвращения» академически разработанных терминов и техник аргументации в риторику движений за социальную справедливость [Hill Collins 2015: 3, 15–17], так и на адаптацию языка леволиберальной критики для легитимации изощренных форм эксплуатации позднего капитализма [Болтански, Кьяпелло 2011: 76–77], правоконсервативных высказываний и конспирологических теорий [Latour 2004].

Таким образом, критика приобрела репутацию своеобразной дискурсивной жвачки, стерильных конструкторов, вмещающих любое содержание, — она утратила потенциал как эффективного аналитического инструмента, так и движущей силы радикальных политических и социальных трансформаций, превратившись в общее место как академии, так и публичной сферы или, как замечает Джордж Маркус, оказалась встроена в сами сцены повседневной жизни [Marcus 2007: 1132]. Анализ производства антиэйджистского дискурса в ВК-сообществах провоцирует рассматривать его как один из сюжетов этой истории «возвращения» критики в обыденную жизнь, который в то же время показывает и иной модус ее функционирования, и иной потенциал современного критического дискурса.

Интеллектуальная близость академических и вернакулярных критических теорий зачастую интерпретируется либо как свидетельство альтернативных истоков возникновения западной критики или существования критики вне-западного контекста¹¹⁸, либо как выученный язык сопротивления субалтернов. Так, антрополог Чарльз Хейл стал свидетелем судебных слушаний о земельных правах Авас Тингни, коренной общины майянья, в ходе которых представители индигенного сообщества успешно использовали стратегии культурной критики, осуждая политику ассимиляции и обращаясь к «современности» как времени признания культурных различий. Согласно Хейлу, подобное ситуативное заимствование «языка мастера» служит, чтобы дискурсивно произвести и легитимировать себя как участников публичной коммуникации и, в том числе, манипулировать решениями тех, для кого этот язык является здравым смыслом «современного» человека [Hale 2006: 105–110].

Подобная интерпретация не работает на кейсе антиэйджистских пабликов ВКонтакте периода мобилизации риторики угнетения детей и подростков: их квази-

¹¹⁸ См., например, проект «деколонизации Просвещения» в версии Дэвида Грэбера [Graeber, Wengrow 2022; Graeber 2023].

публичность, а именно отсутствие делиберативных механизмов внутри веб-сообщества и нежелание вступать в прямой диалог со своими союзниками и оппонентами, заставляет искать иной способ обоснования вовлеченности, с которой антиэйджисты создают критическую версию своего дискурсивного проекта.

Появление в антиэйджизме риторических стратегий угнетения нельзя объяснить и социальной спецификой данной группы или зафиксированным в поле фактом чтения информантами философских, антропологических или социологических текстов — интерпретация, которая работает, например, на материале католических традиционалистов в исследовании Екатерины Хониневой [Хонинева 2021: 135, 158–159]. В разговорах со мной антиэйджисты никогда не упоминали факт чтения подобной литературы и отрицали знакомство с авторами, если я задавала прямые вопросы о них. К тому же мои собеседницы и собеседники, администраторы и активные авторы антиэйджистских пабликов ВКонтакте, цитируемые в этой работе, — школьники старших классов или студенты первых-вторых курсов (не гуманитарных программ), которые не знакомы с критикой как корпоративным инструментом на профессиональном и образовательном опыте.

Как я попыталась показать, тот факт, что участники антиэйджистских пабликов и последователи критических исследований детства оперируют похожими интерпретативными техниками и приходят к одним и тем же способам утверждения агентного ребенка, буквально параллельно разрабатывая эти языки говорения о детстве, — результат того, что оба проекта знания возникли в процессе трансфера риторических приемов феминистской критики. Другими словами, академическая теория угнетения детей и подростков и ее вернакулярная версия в антиэйджистских пабликах ВКонтакте, не имея никакого прямого отношения друг к другу, исторически происходят от одних и тех же техник мышления и разрабатываются на основе одних и тех же риторических матриц и конвенций.

Артикулированные в публичной сфере образы не-агентного ребенка — несамостоятельного и беззащитного, неспособного к рефлексии и актам выбора, непредсказуемого и от этого требующего специальных способов контроля, безответственного и глупого — провоцируют появление критики антиэйджистов, языка, который бы делал видимыми их претензии на изменения такого социального мира, в котором законом и логикой обывательского здравого смысла они ограничены в правах и моделях поведения. То, что с помощью этих же образов неоконсервативный политический режим, в том числе, цензурировал и криминализовал гендерную повестку, привело к тому, что антиэйджисты узнавали в феминизме культурного союзника, а в их риторике — способ обсуждать детские и подростковые проблемы.

Благодаря трансферу феминистской критики патриархата, сексизма и гендерного неравенства, антиэйджисты узнают, что обиды, нанесенные взрослыми, или запреты, с которыми они сталкиваются в семье и школе, можно понять и описать как элементы тотальной системы угнетения. Это систематическое понимание эйджизма расширило репертуар сюжетных мотивов — вместо свидетельств обид, нанесенных конкретными родителями или учителями, появляются обобщенные рассуждения о дискриминирующем языке или об экономических и политических режимах, делающих возможным угнетение несовершеннолетних. Вынося за скобки требования к академическому тексту и нюансы детской политики в евро-американском контексте, с этим же тезисом — тезисом о том, что эйджизм как тотальная система угнетения и дискриминации несовершеннолетних проявляется в совершенно разных (а точнее, в любых) феноменах социального мира, — работают и авторы критических исследований детства.

История антиэйджистского дискурса как вернакулярной критической теории подсвечивает и еще одну сюжетную линию — а именно лежащие в ее основе конструктивистские способы интерпретации мира. Понимание антиэйджизма как вернакулярного конструктивизма позволяет выйти за рамки рассмотрения антиэйджизма в его сравнении с исключительно критической теорией к более масштабному вопросу о роли и месте конструктивистской риторики в русскоязычной публичной сфере в 2000–2010-х годах.

Согласно Элизабет Анне Дэвис, теории заговора, построенные на поиске скрытых мотивов определенной социальной группы, дискурс угнетения и язык терапевтической культуры отличаются друг от друга совсем не на эпистемологическом уровне, а на социальном [Davis 2024: 117–119]. Другими словами, как номинативы они функционируют в качестве способов категоризации социального статуса субъектов высказывания, в то же время скрывая «родовую связь» самих логических операций и интерпретативных схем.

Так, эти три дискурсивных порядка, пережившие особый подъем популярности в середине XX века, уходят корнями в панику по поводу свободной воли субъекта и формулируют ее посредством общего набора модернистских интерпретативных практик [Harding, Stewart 2003: 263–264; Masco, Wedeen 2024: 10–11]. Их аналитический потенциал опирается на остранение очевидности и предполагает специфическое соотношение между недоверием к «поверхностному» знанию (или к знакомой, общепринятой информации и здравому смыслу) и императивным исследованием «глубинной» природы социального мира, демистификацией скрытого и расколдовыванием непостижимого. Конспирология, критика и терапевтическая культура предполагают, что наиболее мощные формы насилия внедряются в повседневную жизнь субъекта — от инфраструктуры производства и

потребления до категорий самоидентификации — и натурализируются, становясь непроблематизируемыми, автоматическими сценариями поведения и реакции. Будучи способами активизации аналитических возможностей, конспирология, критика и терапевтическая культура предлагают своеобразную «форму освобождения через прозрение» [Masco 2024: 83], которое достигается с помощью внимательного описания регулирующей социальной структуры и поиска ее различных проявлений. Придавая странный вид тому, что *само собой разумеется*, эти формы интерпретативной оценки себя и окружающего мира превращают реальность в социальную конструкцию, существующую благодаря власти конкретной группы или системы представлений и практик, — в социальную конструкцию, которая потенциально может быть заменена на другую [Masco, Wedeen 2024: 13].

Как показывает анализ производства антиэйджистского дискурса в ВК-сообществах, авторы-антиэйджисты начали артикулировать свои конструктивистские интуиции в отношении организации социального мира не под влиянием адаптации фемдискурса и риторики угнетения (под влиянием этих дискурсивных стратегий их конструктивистские интуиции обрели более последовательное обоснование) — но тогда, когда они начинают переосмыслять официальный дискурс власти и подражать риторике новостей об инициативах Мизулиной или обращениях государственных деятелей о необходимых мерах по обеспечению защиты детей на территориях вооруженных конфликтов. Подозревая «взрослых» в скрытых, недоброжелательных умыслах, авторы-антиэйджисты понимали и описывали детскую повседневность с асимметричными детско-взрослыми отношениями как «запрограммированную»; предлагаемые сценарии поведения «детей» и «подростков» — как «код», который можно и нужно «переписать» в соответствии с антиэйджизмом; а «детскую политику» и законопроекты о защите детей — как ширму, набор мистификаций и иллюзий¹¹⁹. Изобретая антиэйджизм с помощью и имитации, и критики конспирологической и алармистской риторики детской политики России, авторы-антиэйджисты описывали реальность как недостоверную (где обманывают все — родители, учителя, политики и защитники детей), в то же время культивируя поиск противоречий в собственной картине мира и стремление узнать, что «на самом деле». Это и привело их к формулированию своей версии критической теории, позволяющей искать и замечать несоответствия и искажения в нарративах о детстве и родительстве, в здравом смысле и

¹¹⁹ См., например: «Всё дело в социовозрастной коллективной идентичности...Наличие данной идентичности имеет некое обоснование, вот только программу следует индивидуализировать, удалять из неё лишние фрагменты кода и дописывать необходимое» [Всё дело в социовозрастной коллективной идентичности 2014] и другие публикации [Социальное программирование 2013; Защитники семьи 2013; Запись удалена 2014].

законодательных проектах, ставить под вопрос распространенные способы категоризации и организации отношений с другими и упражняться в воображении социальной справедливости и хорошей жизни.

Таким образом, феномен антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте оказывается шире, чем история подражания и эксплуатации социально-критических дискурсов. Антиэйджисты не используют техники критической теории и конструктивистские интерпретации как профессиональную привычку или политическое притворство — они опознают в них «здравый смысл», вычитанную из повседневного опыта мораль жизни, с помощью которой можно понять и описать несправедливость своего положения и положения всех несовершеннолетних.

Глава 4. Антиэйджизм: между риторическим приемом и искусством существования

В предыдущих главах антиэйджистский проект, который создавался в веб-сообществах ВКонтакте, был представлен в трех измерениях: 1) через историю антиэйджистских групп и пабликов; 2) через историю производства антиэйджистского дискурса; 3) через интеллектуальную историю концепции дискриминации несовершеннолетних. Чтобы увидеть в антиэйджистских ВК-сообществах не только технологический или дискурсивный феномен, но и его человеческое лицо, посмотреть, что происходит с самими участниками и что они, будучи включенными в антиэйджистский проект, думают и делают, — я обращаюсь к материалам разговоров с антиэйджистами, которые были собраны во время полевой работы.

К последующему анализу можно задать вполне резонный вопрос о том, на что я рассчитывала и что могла получить от этих бесед, помимо пересказа публикаций групп и пабликов? Информанты, согласившиеся поговорить об антиэйджизме, возможно, планировали репрезентировать себя теми способами, которые используются в веб-сообществах, и могли бесппроблемно транслировать какие-то базовые идеи антиэйджизма, пытаясь доказать мне существование возрастной дискриминации и свою ущемленную позицию. Действительно, разговаривая со мной по два-три часа, созваниваясь несколько раз по видео, рассуждая на отвлеченные темы в личных переписках, мои собеседники и собеседницы очень насыщенно выстраивали свои нарративы по-антиэйджистски. Конечно, как администраторы, модераторы, авторы и постоянные участники чатов в антиэйджистских веб-сообществах ВКонтакте, мои собеседники и собеседницы говорили от лица антиэйджистского сообщества, на более или менее регулярной основе создавали антиэйджистские тексты и участвовали в обсуждении антиэйджистского проекта. Однако авторы-антиэйджисты не задаются вопросами соответствия своей жизни и антиэйджистского проекта в чатах и в публикациях — опубликованные записи и сообщения содержат истории о личных встречах с эйджизмом, абстрактные рассуждения о причинах и следствиях возрастной дискриминации, о масштабных задачах антиэйджизма по изменению системы образования, избирательного и трудового права или «умов и сердец» человечества. Самый близкий вариант к форме биографического повествования, который можно найти в группах и пабликах, — личные истории, построенные через дискурсивный порядок терапевтической культуры¹²⁰. Однако и он включал в качестве объекта описания

¹²⁰ См., например: [Многабукаф 2021]. Более подробно об этом дискурсивном режиме написано в параграфе 2.3 «Терапевтический нарратив и новый язык разговора о чувствах: эмоциональный поворот в антиэйджистском дискурсе».

только психологические проблемы или эмоциональное страдание, опознанные на языке поп-психологии и атрибутированные к эйджизму. Личная история *становления* антиэйджиста или *достижения* антиэйджистских образов ребенка или подростка не артикулируется в виде публикации и комментариев или сообщений в чате.

Этот вопрос, как и антиэйджизм в большинстве случаев, не обсуждается и со сверстниками или родителями. По разным причинам — «не поймут», «осудят», «страшно», «в этом нет никакого смысла». Разговоры про антиэйджизм с кем-то вне пабликов появляются только в вынужденных или уникальных ситуациях: вопросы от любопытного коллеги, который, случайно обнаружив посты во ВКонтакте, хочет узнать подробнее, что такое антиэйджизм; выступление на конференции с докладом про антиэйджизм; единичная попытка агитации друзей стать антиэйджистами. Другими словами, интервью становилось перформативным пространством, в котором мои собеседники и собеседницы впервые перед кем-то внешним для их круга единомышленников опознавали в себе антиэйджистов.

По аналогии с рефлексией Александры Касаткиной о роли и значении интервью как коммуникативного пространства, я могу предположить, что формат интервью-беседы про антиэйджизм провоцирует моих информантов «мобилизовать устойчивые культурные формы, чтобы заново осмыслить прошлый опыт и актуальную действительность» и, что будет особенно важно для моей работы, произвести — категоризировать и самоидентифицировать — себя [Касаткина 2019: 58]¹²¹. В этой перспективе успешная импровизация моими информантами перевода своих биографических рассказов, переживаний и наблюдений за другими людьми и окружающим миром на язык антиэйджистского проекта свидетельствует о том, что антиэйджизм для них выступал актуальной и работающей интерпретативной техникой на момент проведения полевого исследования (актуальность или необходимость которой, как я покажу далее, переосмыслялась на протяжении моей полевой работы).

4.1. Критиковать и оправдывать: знакомство с антиэйджизмом как стратегия работы с прошлым

¹²¹ На этот эффект высказывания о себе указывает Джудит Батлер, концептуализируя гендерную идентичность как перформативный акт, который разыгрывается в соответствии с принятыми культурными сценариями и может пониматься как действие, способное изменять как социальные нормы и конвенции, так и самого субъекта [Butler 1990: viii–ix].

Я в подписях во всех постах узнал себя, потому что у меня довольно строгие родители были. Особенно бабушка с дедушкой, когда я в России жил. И захотелось узнать побольше, что я мог тогда сделать (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

«Узнавание себя в публикациях» — событие, с которого почти все мои информанты начинали историю о том, как они стали антиэйджистами. Мои собеседницы и собеседники рассказывали, как они случайно прочитали об антиэйджистских ВК-сообществах в каком-нибудь чате, увидели публикацию в рекомендациях в ленте или перешли по цепляющему названию паблика в чьем-нибудь списке подписок. Так, в 2016 году пятнадцатилетний Никита «сидел в чате либертарианцев» и наткнулся там на ссылку на группу БЗР. Внимание Никиты привлекли слова «свобода» и «равноправие» в описании БЗР (те же концепции, которые заинтересовали его в либертарианстве) и, почитав публикации, Никита сразу же «узнал себя»: свое отношение к себе, другим и миру, высказанное на языке тотальной несправедливости к несовершеннолетним.

Оценивая событие узнавания, Никита прибегает к одной из стратегий построения автобиографического нарратива антиэйджиста — к критике себя в прошлом:

К сожалению, слишком поздно уже узнал. И если бы я узнал лет десять назад — то моя жизнь пошла бы по-другому, нежели сейчас <...> Альтернативы еще не видел. А вот сейчас [когда узнал про антиэйджизм — *И.П.*] увидел альтернативу и поменял взгляды (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

Так, Никита приводит в качестве примеров разные события своего детства и юности, о которых он сожалеет, и критикует себя за то, что «ел общепринятую пропаганду» и «даже несмотря на то, что страдал от системы, просто считал, что это необходимое зло». Или, вспоминая историю Алисы Тепляковой, девочки, сдавшей ЕГЭ и поступившей в МГУ в девять лет, которую активно обсуждали антиэйджисты во всех пабликах, сравнивает ее увлечения и свои: «Вот ты наверняка слышала про Алису Теплякову. Вот я в семь лет читал там книги и во дворе играл, а она уже вот!» (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

Для некоторых моих информантов критичное отношение к собственным поступкам оказывается связано прежде всего с тактиками адаптации или обхода того, что они понимают как эйджизм. Маша, которая вступила в антиэйджистский паблик, когда ей было десять лет, а в 2021 году стала администратором БЗР, во время интервью вспоминает, как она хотела участвовать в поэтических конкурсах в детстве, но столкнулась с тем, что всех участников там разделяют по возрастным группам, а не «по уровню письма»:

И получается, что само соревнование — оно никакое. И получается, что там люди, которые пишут «муха села на варенье...», а есть люди, которые пишут что-то интересное, самобытное. И получается, что ты до определенного возраста не можешь заниматься чем-то серьезным — тебя до него не допускают. И ты оказываешься изолированным от всего серьезного, настоящего общества. И в какой-то момент я начала врать про свой возраст в сети и прибавлять себе сначала пять лет, и еще пять лет, и еще-еще, и так по накатанной. И я скрывала свой возраст, чтобы участвовать в подобных мероприятиях. И сейчас мне неприятно об этом вспоминать, потому что я не хочу скрывать свой возраст. Я люблю свой возраст. Я не вижу в нем ничего плохого, из-за чего его можно было бы скрывать. Когда я поняла с чем это связано, я была, конечно, сильно ошеломлена (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

В рассказах моих собеседниц и собеседников описание «ошеломления» открытием «настоящей правды» о своем детстве, которую предлагают антиэйджистские ВК-сообщества (о «несомненном зле», системе возрастной сегрегации, пропаганде или стереотипах), позволяет им прямо во время интервью фреймировать практики адаптации к «взрослому миру» — «смирение с системой», сокрытие возраста — уже не столько как ситуативные тактики или их индивидуальное поведение, сколько как вынужденные стратегии выживания всех несовершеннолетних. Благодаря антиэйджистским пабликам они точно знают, что возрастные ограничения на конкурсах, функция «родительский контроль» на компьютере или запреты выходить из дома поздней ночью, — это все разные проявления эйджизма, которые заставляют их предпринимать усилия и разрабатывать план действий. Например, Степа, перечислив мне внушительный список техник контроля, к которым прибегали его «авторитарные родители», описывает свои практики «адаптации» — скрытное поведение, создание фейк аккаунта, побег из дома — и в то же время критикует их. Согласно Степе, эти практики «адаптации» (о которых и сам Степа, и, пожалуй, любой читатель думает через понятие «подростковый бунт») — негативное влияние эйджизма на жизнь ребенка, о котором он сам узнал только после того, как стал антиэйджистом:

Я делаю, как делать не надо. Я адаптировался, я научился прятать вещи, озираться по сторонам, я завел себе страничку фейк, я постарался абстрагироваться от всех нотаций. Но я вам [подросткам¹²²] так делать не советую (17.09.2021: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

¹²² Этот фрагмент интервью — пересказ выступления Степы на конференции, поэтому он говорит «вам», имитируя обращение к аудитории.

Открытие негативного влияния эйджизма на собственную жизнь для Никиты, например, связано не с «бунтом», а именно с «игрой по правилам», согласием с планами родителей и учителей о том, каким должен быть ребенок и конкретно он. По его мнению, именно эта «игра по правилам» приводит к формированию негативных личных качеств — «затюканности», «необщительности», трудности с творчеством, — которые Никита наблюдает и в настоящее время:

Ну там рассказывали, как отвоевывать свободу, своего рода, выбивать права и прочее. И я считаю, что вырос бы в гораздо меньшей степени затюканным и необщительным. <...> Оно бы помогло не загоняться в какой-то мере. Потому что я до этого верил, что родители и учителя правильно поступали. Хотя по факту я жил между молотом и наковальней. Дома — родители, в школе — учителя, которые были не лучше. Я считаю, что процентов тридцать мне сложно заниматься творческими вещами, потому что они, когда я был ребенком, пресекали инициативу. Главное, чтобы количество баллов было как-то набрано (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

На мой вопрос, помогли ли Никите антиэйджистские паблики с состоянием «затюканности» или с «необщительностью», он ответил: «Ну, я со своей жизнью уже вряд ли что-то могу, отмотать время я точно не смогу и не исправлю. Но, наверное, если у меня будут дети, то я смогу сделать по-другому» (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ). Критика собственных прошлых поступков и решений, на которую провоцирует рассказ о знакомстве с антиэйджизмом, для Никиты и для многих моих собеседниц и собеседников находит выражение и в индивидуальных проектах воспитания себя как будущего родителя:

И в перспективе я считаю, что у меня тоже когда-нибудь будут дети, и я поняла, что... Мой подход к воспитанию был бы абсолютно иным, если бы я не знала про эйджизм. И я думала об этом очень много. И я теперь знаю, какие вещи мне нельзя совершать. И теперь я знаю, как мне быть правильным взрослым и правильным родителем (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

При этом сценарии исполнения родительской роли выстраиваются в прямой связи со знанием об «эйджизме» и теми описанными в пабликах «ошибками» взрослых, которые «совершать нельзя». Так как в антиэйджистском дискурсе «ошибки» взрослых рассматриваются не только на уровне детско-родительских отношений, но и на глобальном уровне — ошибки «взрослого мира», — то и эффект антиэйджистского текста касается не только родительской роли, но и политической. Так, рассуждая о том, чем антиэйджизм

может помочь миру, Артем говорит о своем участии и об участии других антиэйджистов в выборах в качестве избираемых и электората:

И у нас мир как устроен? Старшие умирают и приходят молодые. И если молодые будут носителями этих идей — то действительно через несколько лет ситуация может поменяться (10.10.2021: Артем, 18 лет, 4 года в АЭ).

С другой стороны, в наших разговорах с антиэйджистами была прямо противоположная стратегия построения биографического нарратива — знакомство с антиэйджистскими пабликами оценивалось как событие, легитимирующее взгляды и поступки, которые уже были у моих информантов:

Потому что меня задолго до этого бесили предубеждения относительно несовершеннолетних. Можно сказать, что антиэйджистом я был еще до того, как пошел в школу, так как всегда, сталкиваясь с домашним насилием, думал, что возможности родителей стоит ограничить. То есть у меня и раньше были такие взгляды, но осознания того, что подобного мнения придерживаются другие, не было (27.01.2022: Миша, 18 лет, 2 года в АЭ).

Используя эту стратегию повествования о знакомстве с антиэйджизмом, участники говорят о своем детстве как о периоде одинокого противостояния несправедливому миру, индивидуальной борьбы, а о себе — как об «исключительных» субъектах: «я себя чувствовала очень умной <...> я чувствовала себя человеком, которого эта система нынешняя тащит назад» (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ). Так рассуждает и Аня, одна из главных героинь истории группы и впоследствии паблика БЗР:

В семье это принимало форму, в моем случае, что не надо ни за какую правду бороться. Надо мимикрировать по возможности. Ну я была таким ребенком, который как ни старался, у него не получалось мимикрировать <...> Меня и раньше посещали подобные идеи, но я не находила особой поддержки. Но когда наткнулась на этот форум [антиэйджистский блог на Mail.ru — *И.П.*] и начала активно общаться, я решила, что пора, что можно (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Биографическое повествование Ани оказывается созвучно тем риторическим стратегиям и сюжетам, которые она предлагала в ВК-группе и паблике БЗР: детство репрезентируется как период «травли» и «непонимания» только уже не конкретно Ани, а всех детей, а ее «желание бороться» как бы переосмысливается в публикациях в единственно

приемлемую модель поведения всех несовершеннолетних — в призывы, обращенные к участникам БЗР, к символическому сопротивлению и «революции детей» или в предложения «не слушаться» [Зачем вы слушаетесь? 2021].

Ксюша, вступившая в паблики около четырех лет назад на момент нашего разговора, тоже описывает знакомство с антиэйджизмом как обретение возможности оправдать саму себя и опознать нормативность своего поведения.

Антиэйджизм тоже позволил мне простить меня за то поведение, которое было вынужденным, по отношению к родителям, принять, что я много чего не могла исправить. И, наверное, если бы не антиэйджизм, я бы дольше находилась в состоянии... Как его сейчас назвать... От отрицания до принятия. Если бы не антиэйджизм, то, возможно, я бы там осталась. Я не отрицала уже, но пред... И мне кажется, что если бы я не поддерживала все время, если бы не было этого информационного фона... То я больше бы забила и стала бы рассуждать, как многие, считая себя во всем виноватой. Вообще все отпустила бы, что касается родителей и учителей. И было бы тяжелее... Мне было бы [тяжелее] принять некоторые конфликты, связанные с эйджизмом (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

Описывая знакомство с антиэйджизмом, Ксюша, в отличие от Ани, выбирает риторические стратегии, созвучные терапевтическому дискурсивному порядку в пабликах. Она узнает в антиэйджистском проекте способ преодолеть эмоциональное страдание, выраженное на языке поп-психологии и, как предполагает антиэйджизм, вызванное эйджистской организацией отношений с родителями и учителями. В то же время само знание о конфликте между разными представлениями о детском поведении — собственными и ее родителей, антиэйджистскими и эйджистскими — понимается Ксюшей как средство лечения («простить себя», «отпустить», «принять»).

Если искать типологически схожие нарративы, в которых некоторое событие меняет взгляд на мир или легитимирует определенную интуицию об организации мира и дает ей название, то можно обратиться к нарративам «обращения в веру». Опираясь на работы Беннетты Жюль-Розетт и Сюзан Хардинг, Мэттью Энгельке формулирует определение обращения как перехода от одного способа мышления к другому, «сопровождающегося состоянием шока» [Engelke 2004: 104–105] (ср. с высказываниями антиэйджистов — «жизнь пошла бы по-другому», «увидел альтернативу», «я была, конечно, сильно ошеломлена», «я решила, что пора, что можно»). Так, с одной стороны, мои собеседницы и собеседники делят свою жизнь на периоды до и после веб-сообществ, описывая процесс знакомства с антиэйджизмом как разрыв с прежней идентичностью: они либо полностью

порывают со старыми представлениями или практиками, либо перестают видеть в себе «исключительных». С другой стороны, во время интервью они чувствуют необходимость выстроить непрерывную последовательность процесса обращения, рационализировать его и обосновать. Они описывают свое прошлое как череду условий, которые подвели их к пониманию антиэйджизма; воображают альтернативные версии себя в настоящем, которые бы случились, если бы не эйджизм; и одновременно представляют, как станут по-антиэйджистски правильными родителями или гражданами. Одна из моих информанток сформулировала, что знакомство с антиэйджизмом дало ей возможность чувствовать себя «цельной личностью»:

Я чувствую себя целостной личностью, а не дробленной. Что вот когда я была ребенком, я была другой, — этого нет. И чувствовать себя целостной личностью как-то проще-непроще — это кажется правильнее, что ли (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Таким образом, для моих информантов только очень специфически проинтерпретированный детский опыт — тот, который может быть понят через антиэйджизм, — оказывается не отделен от того, кем они мыслят себя сейчас и кем они мыслят себя в будущем. Антиэйджистские ВК-сообщества дают моим собеседницам и собеседникам и повод, чтобы говорить о новом этапе своей жизни, и риторические инструменты, чтобы описывать свое прошлое, настоящее и будущее.

Как замечает Хардинг, свидетельство об обращении — это не столько монолог или рассказ, сколько сам инструмент обращения, дискурсивное производство нового языка и идентичности для аудитории нарратива о том, как говорить и как интерпретировать мир [Harding 1987: 168–169]. Анализируя свидетельства баптистского преподобного, Хардинг рассматривает, как организуется расширенный личный нарратив через местоимение «мы», через аффекты, которые риторически производят пространство совместного переживания, тем самым организуя трансмиссию эмоционального паттерна и, соответственно, его конкретной интерпретации и нарративной модели описания. В отличие от нарративов обращения, которые создают коллективное «мы» во время рассказывания, обращение в антиэйджизм не становится сюжетом публикаций, комментариев или сообщений в чатах. Подобный нарратив существует только в качестве инструмента дискурсивной работы над самим собой, техники по пересобираанию своей жизни в уединении — рассказать который спровоцировала ситуация интервью. Таким образом, об антиэйджизме можно говорить не только как об отдельно взятом проекте, наборе текстов различного формата — для моих

информантов антиэйджизм становится дискурсивным пространством, из которого они вычитывают техники интерпретации и изменения себя.

Концептуализация субъекта, трансформирующего себя посредством дискурсивных практик, производства и потребления текстов, лежит в основе фукольдианской школы анализа дискурса. Если на раннем этапе научной биографии Мишеля Фуко интересовали скорее дисциплинарные формы, которые конструируют субъекта, то при анализе «техник самости» его фокус направлен на те практики, с помощью которых «индивиды, сами или благодаря другим людям, воздействуют на собственные тела, души, мысли, поведение и способ существования с целью преобразования себя и достижения состояния совершенства [или] счастья» [Фуко 2008: 100]. Фуко концептуализирует их как «эстетики существования», которые требуют воздействия субъекта на самого себя посредством известного количества «правил поведения, или принципов, являющихся одновременно истинами и предписаниями», которые могут «предлагаться, внушаться и навязываться [субъекту] его культурой, его обществом и его социальной группой» [Фуко 2006а: 247, 256]. Этот набор процедур организует отношение субъекта к собственной жизни как к производству искусства [Фуко 2006b: 299]. Другими словами, субъект посредством практик самости складывается активно, устанавливает с самим собой *определенный* тип отношений чтобы прийти к *определенному* способу существования. «Технологии самости» стали отправной точкой для исследования целого ряда исповедальных практик и практик производства себя, в том числе современных форм конструирования идентичности посредством социальных сетей [Friesen 2017; Schüll 2019].

То, как мои собеседницы и собеседники переосмысливают свое прошлое и будущее в соответствии с антиэйджистским дискурсивным проектом, подталкивает рассматривать антиэйджизм через вопрос о том, как культурные тексты воплощаются в словах и действиях субъектов, или о том, как семантика и прагматика связаны друг с другом. Как замечает Роджерс Брубейкер, «техники себя», «производство себя» и «работа над собой» начиная с 1980–1990-х годов оказываются одной из центральных исследовательских проблем в контексте «больших нарративов» трансформации социальных порядков и в то же время превращаются в «культурное обязательство», «повседневную привычку многих», словно вторя текстам Мишеля Фуко и Николаса Роуза, но исключая интенциональность субъекта в качестве обязательной характеристики [Brubaker 2023: 30–40]. Как мне кажется, случай российского антиэйджизма позволяет снова посмотреть на генеалогическую связь критической теории с эмансипаторными культурами и целенаправленным переводом аналитических тезисов в практически применимое знание — в репертуар реакций на

конкретные виды опеки и формы подчинения, в программы воображения и преобразования субъекта и жизни как таковой [Rajchman 2007: 25].

4.2. Антиэйджизм как искусство существования

4.2.1. Антиэйджист как субъект анализа и критики

Первая техника себя, которую я опишу, — единственная, которая эксплицитно представлена в антиэйджистском дискурсе через публикации и комментарии. Авторы в антиэйджистских пабликах на протяжении десяти лет производили тексты, в которых события, отношения или пережитый опыт были представлены как эйджистские, то есть помещающие ребенка в позицию «травмированного», «угнетенного» и/или «дисфункционального» (в зависимости от дискурсивного порядка). Так образуются сценарии поведения ребенка как постоянно вовлеченного в интерпретацию повседневности субъекта, настроенного на то, чтобы обнаруживать «несправедливости» по отношению к нему, к ней или к детям в целом и понимать их не как исключительные и единичные события, а как эффекты системы детско-взрослых отношений. Эта техника появилась еще на заре создания антиэйджистских ВК-сообществ и транслировалась через такие риторические ходы, как поиск скрытых мотивов или, при появлении нового дискурсивного порядка, воображение по аналогии (например, сопоставление отфреймированных феминистским дискурсом сюжетов сексистского поведения и эйджистского).

Мои информанты, отвечая на очень разные вопросы — от конкретного «с какими проявлениями эйджизма вы сталкивались на личном опыте?» до «а какие книги вы любите читать?», — прямо во время беседы анализировали, как эйджизм проявляется в их жизни.

Например, Никита приводит в пример демотиватор о школьных субботниках в антиэйджистском ВК-сообществе и тут же вспоминает и интерпретирует свой опыт через сравнение с ним, ищет скрытые мотивы директора и дискредитирует его поведение:

Один демотиватор был, в котором обсуждалось, что школьников привлекают на субботники. Кстати, в мое время тоже такое было. Когда я учился в 9-м классе, там возле школы валялась куча разлагающихся трупов собак и кошек. Ну там с осени еще, когда умерли. И поскольку там директор... Не буду констатировать... Но что-то распилил. То эту работу попытались спихнуть на наш класс (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

В своих рассказах мои собеседники часто упоминали такие короткие истории, связанные с семьей или с учителями, описывая их через категории «токсичности», «странности» или «несправедливости». Самым распространенным элементом, раскрывающим суть практики постоянной антиэйджистской интерпретации, было внимание к встрече с институциональными порядками. Так, Катя, создательница одного из пабликов и активный автор, вспоминая школьные годы, описывает свое вовлечение в антиэйджизм как прямой ответ на участие в конференциях, организованных взрослыми:

И меня всегда удивляло такое пренебрежение по отношению к нам и ко всем. И вот это все витало в воздухе, честно говоря. Всегда все это удивляло. Взять хотя бы какие-то мероприятия, конференции, допустим, взрослым платят, а нам спасибо (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Когда мы говорили с Катей про ее опыт конференции, оказалось, что эта настроенная отлавливать скрытые смыслы оптика оказывается актуальна и не только для эйджизма — она позволяет обнаруживать системы контроля, принуждения и пропаганды в абсолютно разных событиях, не ставя акцент на детях и подростках. Так Катя, выиграв поездку в летний лагерь, описывает свои впечатления:

И там я узнала на своей шкуре, что такое идеология, репрессивно навязываемая, что такое тоталитаризм, когда за тобой наблюдают круглосуточно и ты обязан любить что-то, даже если ты это не любишь. Нам просто целыми днями говорили... Это просто был удивительный опыт, с точки зрения социума. Вот когда людям целыми днями говорят: «Тут в “Океане” [название детского центра — *И. П.*] хорошо, тут в “Океане” хорошо, тут в “Океане” хорошо». И всем действительно становится хорошо. На это так страшно смотреть, знаете (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Фраза «это был удивительный опыт, с точки зрения социума», вскользь брошенная Катей, иллюстрирует аналитический императив антиэйджистского проекта: искать механизмы подавления и угнетения (в этом случае — практики «навязывания идеологии») и понимать их как часть регулирующей социальной структуры. Так, Лена, антиэйджистка с десятилетним стажем, описывает новые цифровые технологии через антиэйджистские представления об общей динамике трансформации родительства в сторону усиления контроля:

Взять хотя бы как пример банальную технологию «умные часы». Изначально постулировалось, что вот это поможет найти ребенка, если вдруг он случайно загулял, исчез, скрылся в неизвестном направлении, а в итоге это тотальный инструмент контроля в группе родителей. Когда ребенок пошел прогуляться в парк по дороге из школы, а это становится основанием для психологического давления от родителей. Хотели защиту — получили инструмент морального давления (17.08.2021: Лена, 27 лет, 10 лет в АЭ).

Интерпретативные техники антиэйджизма находят применение в любом удобном формате и на любые темы — как в публикациях, так и в устной коммуникации участников. Например, после того, как Катя рассказала мне о собственном литературном паблике и опубликованном там романе, я спросила ее, какие произведения ей нравится читать и что было ее творческим ориентиром. Вместо прямого ответа на мои вопросы Катя артикулирует социальные функции искусства и производит анализ знакомых ей литературных произведений про детей, дешифруя их антиэйджистские и эйджистские послания:

[рассказывает про литературный паблик и опубликованный там роман]

И.: У тебя были какие-то ориентиры, книжки, которые тебя вдохновили, что-то такое?

К.: Кино, театр, картины, музыка, — это все очень важно, это все очень... Искусство неразрывно связано с нашей жизнью, оно меняет нашу жизнь. К сожалению, на данный момент очень мало фильмов, книг с антиэйджистским посылом. Но в каждой книге, где так или иначе повествование ведется вокруг подростков или детей, то так или иначе затрагиваются темы эйджизма, так и темы противостояния. То есть надо с другой стороны на все посмотреть. <...> Например, тот же Остер <...> Хотя его нельзя назвать антиэйджистом, у него своя точка зрения, у родителя пяти детей, который пишет детские книги, но я считаю, что он многое хорошо подметил. И во многих книгах антиэйджистские идеи промелькивают. В некоторых даже светятся всеми своими лучами. Но иногда их оспаривают и опровергают. Иногда они подаются в трагичном ключе, что вот ничего не поменяется и ничего нельзя поменять. Взять те же допустим биографии различных людей. Берем Горького, который писал «Детство», «В людях». И, короче, он тоже поднимал вопросы насилия над детьми, положения детей, что они не могут ничего делать против положения взрослых, социальное неравенство глазами детей и как сказывается это неравенство на положении детей. <...> «Один дома» — очень хороший фильм, с точки зрения эйджизма и антиэйджизма одновременно. Смотрите, ребенок остается один дома и живет круче, чем многие взрослые: понимает, на что потратить деньги, спасается от грабителей, которых даже не все полицейские могут поймать. Но там красной нитью идет такое — что он должен слушаться

родителей, он должен слушаться отца, родители за него переживают, а он себя так ведет. <...> Ну вот все эти работы про травлю, типа «Чучела» или «Повелителя мух» — они тоже хороши в этих вопросах. Но у них у всех есть такой момент, эйджистский, что дети априори жестоки. И что дети, если их много и если им позволить без взрослых что-то решать, если им позволить, то это будет ужас. «Повелитель мух» в этом отношении очень хороший пример. Это же гуманистическое произведение, оно направлено на критику самых жестоких сторон человеческой души, но там человеческая душа... Она как бы... Это мальчики, оказавшиеся без родителей. И ключевой момент — что они сами решали за свою жизнь и сами построили вот такое общество, не самое лучшее. И главная мораль — нельзя им это доверять. Что человеческая природа такова, что до определенного возраста не нужно им давать так друг с другом поступать (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Этот фрагмент интервью, который я позволила себе процитировать в таком развернутом варианте, дает возможность поставить вопросы к следующему фрагменту параграфа. Он показывает отношения, в которых находится функция автора текста в антиэйджистском веб-сообществе ВКонтакте и опыт чтения других произведений и их интерпретации. Внимательный поиск антиэйджистских и эйджистских репрезентаций детей и подростков в культуре созвучно тому, как участник, решающий написать публикацию, сам оказывается в отрефлексированной роли автора, формирующего определенный образ ребенка. Эта функция автора структурирует подход к участию в антиэйджистских веб-сообществах и воображение собственной роли в публичном пространстве по отношению к другим несовершеннолетним.

4.2.2. «Я веду жизнь активного БЗР-овца»: функция автора и практика производства текста

Производство и публикация текстов — то, за счет чего существуют антиэйджистские веб-сообщества. Если комментарии и чаты опциональны, появляются и исчезают на разных отрезках жизни антиэйджизма, то публикации выступают единственным критерием, определяющим, существует ли сейчас паблик или нет. Но зачем участникам писать и публиковать тексты? Почему для этих детей, подростков и молодых людей оказывается невозможным обсудить значимые для них события «несправедливости» с родителями или с друзьями? Я уверена, что можно легко найти ответы, которые окажутся верными, но отчасти. Можно предположить объяснение, опираясь на психологические трактовки компенсации — тем более антиэйджисты часто сами проговаривают, что друзей у них не

особо много, что они «не компанейские» или «интроверты», что у них «депрессия» или «выгорание». Можно вспомнить принципы производства онлайн-дискурса: в отсутствии географических или телесных маркеров онлайн-сообщества в значительной степени зависят от продолжающегося дискурсивного воплощения общих ожиданий, которые наблюдаются и реализуются участниками и составляют их медиа-рутину [Buccitelli 2012: 81]. Таким образом, сама структурная организация веб-сообщества может провоцировать участников на постоянное производство нарративов.

Я попытаюсь показать, как реализация антиэйджистского высказывания оказывается вписана в представление моих информантов о собственной агентности и агентности несовершеннолетних как социальной группы. Мои информанты опознают роль автора в формировании определенной репрезентации детей и подростков и в оказании влияния на мировоззрение других участников веб-сообществ. Концептуальное наполнение агентности в роли автора кажется наиболее ярко представленным в тех сюжетах, проговариваемых в интервью, когда антиэйджисты описывают собственные неудачи.

Так, в рассказе Ксюши, авторская позиция предписывает антиэйджисту обладать конфигурацией таких личных качеств, как «уверенность», «смелость» и «готовность отстаивать свою точку зрения», и определенного — антиэйджистского — знания:

Мне трудновато обсуждать антиэйджизм, потому что я всегда чувствую себя неуверенно. Потому что мне кажется все время, что я недостаточно имею знаний, материала, опыта для обсуждения любых тем, кроме бытовых. Хотя я стала посмелее, потому что прошло немного времени, и я смогла... Я могу уже не только голосовать в каких-то опросах, но и объяснять свою точку зрения. Да, я расслабилась, могу с этими людьми общаться на тему антиэйджизма, но с другими пока нет. Очень страшно (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

Незнание *матчасти* антиэйджизма — которая, по всей видимости, складывается из умения использовать риторические стратегии, принятые в веб-сообществах, и выстраивать убедительные каузальные связи между сюжетом высказывания и эйджизмом, — сопряжено с понятными социальными рисками, со страхом потерять лицо. С другой стороны, в этом же фрагменте Ксюша указывает на другой тип страха, связанный с антиэйджистским высказыванием, — на страх перед людьми вне сообщества антиэйджистов. Некоторые мои информанты по этой же причине отказывались называть свое настоящее имя или избегали упоминания фактов из своей биографии, которые, наверное, могли бы помочь опознать их в реальной жизни. Катя, например, в следующем фрагменте рассказывает о том, как отказалась от исполнения роли автора из-за страха за собственную безопасность, ссылаясь

при этом на давление на учеников и их родителей со стороны сотрудников школы и на представления об уголовных и административных наказаниях за высказывания в интернете:

И эта вся ситуация — она во многом повлияла на меня, что я не хотела публично высказываться на тему политических прав несовершеннолетних. Потому что мне казалось, что именно тогда этого было делать не нужно из соображений безопасности, хотя из соображений популяризации этого всего дела — это нужно было сделать (21.08.2021: Катя, 18 лет, 4 года в АЭ).

При ретроспективной оценке отказа от высказывания Катя выходит на значимость публичного обсуждения антиэйджизма. При этом «популяризация», кажется, не становится исключительно логикой продвижения антиэйджизма как медиа-продукта — за ней стоят идеологически заряженные интерпретации. Приведу два фрагмента интервью с разными участницами:

И опять-таки человек, который растет с пониманием проблемы эйджизма, он учится с этой проблемой бороться. Когда мы знаем, что что-то не так, тогда у нас возгорается чувство несправедливости. И эту несправедливость хочется исправить (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

Дети о них узнали, подумали «а нет ли у меня таких проблем?» — в 95 процентах случаев они есть. И, возможно, как-то стали двигаться в этом направлении. Рассказывали бы об этом своим одноклассникам, младшим братьям, сестрам и получали хотя бы психологическую поддержку (17.08.2021: Лена, 27 лет, 10 лет в АЭ).

Обе информантки уверены, что знание об эйджизме, которое распространяют антиэйджистские группы и паблики с помощью публикаций, непосредственно воздействуют на участников — провоцируют на «исправление несправедливости», самоисследование или помощь другим детям. При этом авторами антиэйджистского высказывания мои собеседники и собеседницы становятся не только в соответствующих пабликах. Так, Маша рассказала мне про эпизод, произошедший с ней в школе. Она покрасила волосы в синий цвет, а школьные учителя хотели замотать ей голову в платок, чтобы «никто не увидел, что [у нее] с волосами». Маша решила рассказать эту историю как сюжет про возрастные ограничения и разместить видео на своем YouTube канале:

Судя по комментариям, многие ребята были моими ровесниками. И я очень рада, что многие писали, что они не задумывались раньше, что к ним применяется

дискриминация на постоянной основе. Во-вторых, у многих появились силы на то, чтобы тоже с этим бороться, чтобы отвечать людям, не давая себя дискриминировать (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

Исполнение авторской роли для Маши связано с позитивным ощущением, что она воодушевляет других («у многих появились силы...»). Интервью с Глебом показывает еще один контекст понимания необходимости быть автором и информировать других об эйджизме. Глеб признается мне, что чувствует бессмысленность действий по изменению своего положения, — у него не получается доказать родителям свои убеждения и изменить их отношение к себе. Из-за этого он «смиряется» с ролью пассивного ребенка, но, несмотря на это, продолжает писать в паблики:

Детям надо дать понять, что так обращаться с ними нельзя. Притеснение довольно жесткое. И сами эти дети, проинформированные, могут понять, что это дно. И придумать. Не знаю, что... Не владею телекинезом. Но что-то да могут придумать (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ).

Таким образом, даже если автор потерпел неудачу в индивидуальной реализации антиэйджистского проекта — а именно смирился с пассивной ролью, которую ему или ей навязывает «взрослый мир», — автор-антиэйджист все еще ответственен перед другими детьми и подростками, чтобы публично и убедительно описать механизмы подавления и спровоцировать читателей на изобретение способов с ними справляться.

Таким образом, для моих собеседниц и собеседников письмо ставит авторов-антиэйджистов в позицию «силы» и «знания». Авторы провоцируют своих читателей на то, чтобы критически (то есть с точки зрения антиэйджизма) посмотреть на свое положение, увидеть в отношениях с окружающими диспозиции власти и начать преодолевать подчиненность с помощью изменения собственных жизненных практик. По мнению антиэйджистов, дети, которые будут свободны, могут сделать мир лучше, «счастливее» (27.01.2022: Миша, 18 лет, 2 года в АЭ).

Представления, которые вписаны в функцию автора, говорят о том, что антиэйджистские веб-сообщества оказываются не просто пространством, в котором дети и подростки производят тексты о самих себе, — антиэйджисты опознают в них своеобразную «школу» социального воображения и трансформации повседневности. Именно из-за отсутствия плана повседневных интеракций в физическом мире мои информанты понимают, что антиэйджистское знание может передаваться только посредством текстов, а

единственным доступным им способом антиэйджистской социализации становится создание этих текстов и публикация их в веб-сообществах.

4.2.3. Воображение практик соучастия в антиэйджистском проекте: взгляд руководителей веб-сообществ

Ориентация на «всеобщее благо» принимает очень разные формы в разных антиэйджистских ВК-сообществах, в том числе формируя и оказываясь под влиянием конкретного режима публичности. Как я уже упоминала, группа БЗР была организована как сообщество незнакомцев в интернете, которые, руководствуясь общим интересом — изменить отношение к детям, — дискутируют о том, кто такие дети и на что они способны. Администраторы АЭК, убежденные в том, что детский вопрос надо решать с помощью политических механизмов, имитируют в пабlike политическую партию: создают централизованные «комитеты» управления контентом и онлайн-практиками участников, пишут «Уставы», вводят санкции и организуют локальную ячейку для походов на согласованные пикеты, митинги и акции. Паблик «Подслушано: эйджизм», ориентируясь на формат фем-пабликов и активистских блогов, предлагает подписчикам анонимную «ленту», чтобы делиться текстами и изменять повседневный язык и здравый смысл аудитории. «Голос неголосующих» воображается своей создательницей и другими участниками как серьезное «антиэйджистское СМИ», которое должно показывать разные взгляды на антиэйджизм. Если у пабликов «Подслушано: эйджизм» и «Голос неголосующих» есть четкое понимание форм участия как дискурсивной работы, работы с текстами, то для БЗР и АЭК, в которых появляются намеки на «программы действий», к публикациям добавляются и другие формы соучастия.

Описание коллективных действий в антиэйджизме редко оказывается четко выражено: даже если авторы предлагают аудитории некоторые сценарии поведения, репрезентируя их как формы самопомощи или как борьбу за счастье, — они не эксплицируют, как это может изменить мир, как из точки, где антиэйджисты соглашаются исполнить этот сценарий, прийти к антиэйджистской утопии, миру, где детей не дискриминируют и где дети обладают всеми возможностями для того, чтобы быть субъектами социальных отношений.

Задавая вопросы про связь предлагаемых моделей коллективного поведения и «мира без эйджизма», я, вероятно, оказывалась в глазах моих информантов в роли «трикстера», который собирается подловить их на непонимании или незнании. Одна из моих информанток, например, начала спрашивать меня в ответ — считаю ли я себя

антиэджисткой и поддерживаю ли их идеи. Антиэджистский проект коллективного «искусства существования» оказывался не до конца отрефлексированным и не имел готовых культурных форм для того, чтобы их воспроизвести. Так, именно в этих фрагментах интервью по сравнению с ответами на все другие вопросы были разрывы, гезитации и многочисленные переборы слов.

Пожалуй, только администраторы веб-сообществ, то есть участники, занимающие значимые позиции как в формальной, так и в неформальной иерархии пабликов, могли более или менее артикулировать сценарии действий антиэджистов и цели антиэджистского проекта. Так, администратор БЗР проводит границу между формами участия, предлагаемыми ее веб-сообществом и «Подслушано: эджизм»:

Ну бунт, я бы сказала, что это что-то более решительное, более жесткое. Почему ты не можешь просто не послушаться, когда тебе что-то предъявляют? Какие-то требования. И такие ответы приходят из разряда — боюсь физической расправы, боюсь, что меня положат в психушку и физически залечат. И такие случаи действительно были. То есть такая карательная психиатрия. А что предлагает повесточка? Что предполагает социальная повесточка? Это я даже не знаю... Попытки наладить диалог с как можно большим количеством людей, количеством организаций. И я даже не знаю... Может быть, в этом есть больший смысл, чем в том, чтобы просто не подчиняться. А бунт — это как раз про то, чтобы просто не подчиняться. Чтобы просто отстаивать свои интересы. Ну по идее, вообще да, предполагалось, что если бунтовать будут все больше людей, то станет возможно добиться изменений. Но это все-таки по большей части индивидуальная история, чтобы просто постоять за себя. И мы, кстати, пытаемся в синтез. Вот этого бунта и повестки. Пока не очень получается, но как раз есть кое-что... Что в плане... Как сказать... Инструкции просто создавать для того, чтобы не просто отстоять нашу идею, а для того, чтобы просто постоять за себя. То есть бунт — это и про то, чтобы постоять за идею и, конечно, за себя. А повесточка... Как я ее называю — повесточка... Она больше индивидуальная (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Если попробовать наложить те режимы публичности, которые я реконструировала для антиэджистских ВК-сообществ, и представления Ани о формах коллективного участия, то картина становится чуть прозрачнее. Когда БЗР организовано как пространство незнакомцев, разбросанных географически и не знающих даже настоящих имен друг друга, то единственным сценарием, который администратор ВК-группы воображает как реальный для исполнения, становится тот, в котором все эти незнакомцы устраивают акты «бунта» и «непослушания» локально, нарушая привычную организацию детско-взрослых отношений в своих семьях и в своих школах. Эта воображаемая модель поведения антиэджистов,

однако, не получила последовательной артикуляции в публикациях БЗР и не стала эффективным обоснованием для действий участников. Многие авторы раннего БЗР публиковали истории о том, как могли бы выглядеть подобные локальные акты непослушания, и такое дискурсивное проигрывание «бунта» выкристаллизовалось в специфический жанр антиэйджистского высказывания.

Для администраторов паблика АЭК борьба за «всеобщее благо» связана с ощущением, что они сами либо переросли проблемы эйджизма, либо чувствуют свою неспособность решить их прямо сейчас:

В какой-то степени да, иначе бы я не пришел к этим идеям. И отложил бы их в долгий ящик. У меня эта тема с эйджизмом закончилась в 14 лет, и после я хотел помочь другим, нежели себе (05.03.2022: Федя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Я просто сам бессилен. Плюс они [родители] привили ко мне страх, что я дико боюсь — это уже ко мне на паттерном уровне внедрено. Страх к ним самим, потому что типа их мнение важнее всего. Попробуй им что-то сказать, то получишь, тебе плохо будет. Короче так. И вот эта история, что... Я не знаю... Что родители все за меня давно решили. Что мне придется идти в одиннадцатый класс, мне придется идти в университет и так до аспирантуры. А мои мозги не вытянут этого. Но я безусловно хотел бы заниматься помощью другим. Помогать надо (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ).

Администраторы АЭК концептуализировали действия, направленные на достижения антиэйджистской утопии, через помощь другим. Так, восстанавливая историю паблика АЭК, Глеб рассказывал о помощи девочке, сбежавшей из дома (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ); а Федя привел следующую историю:

Был случай мальчика из Лобни, из Московской области, где у него были очень тяжелые отношения с матерью и, честно говоря, мы ему пытались помочь: туда выезжал и я, как член Центрального Комитета, и товарищ Х, как член Центрального Комитета. Мы пытались выйти на контакт с родителями, пытались выявить для родителя те моменты, которые были для него скрыты. Это была именно помощь (05.03.2022: Федя, 18 лет, 4 года в АЭ).

Это определение «всеобщего блага» в виде помощи другим несовершеннолетним через прямые действия, как ни старались администраторы АЭК, не привлекло внимание других участников паблика и ни разу не упоминалось другими информантами в наших разговорах. Несколько моих собеседниц и собеседников упоминали возможное будущее

антиэйджизма в виде неких активистских организаций или комитетов помощи детям, хотя эти планы носили очень абстрактный и слабо продуманный характер. Информирование о проблеме эйджизма и научение замечать дискриминацию и угнетение несовершеннолетних через публикации текстов все же осмысливается как главная задача антиэйджизма моими собеседницами и собеседниками.

4.2.4. Дискурсивные настройки жизненных решений

Чего хотят антиэйджисты? Какие изменения в них самих или в мире могли бы стать свидетельством успеха антиэйджистского проекта? На эти вопросы мои информанты часто отвечали через описание «мира без эйджизма»:

Решения не принимаются без учета интереса ребенка, когда ребенок может об этом сказать. <...> Детям [предоставлено] право работать на посильной основе, независимо от того, что об этом думают родители. Несмотря на согласие родителей. Чтобы было согласие ребенка. <...> Получить некоторую долю независимости, чтобы потом искать образование, искать соответствующую работу, получить эту элементарную независимость — она у человека должна быть. Поэтому мир без эйджизма не означает, что дети дружными стройными рядами пойдут работать. Кто-то будет учиться, кто-то будет развиваться еще как-то. Это просто некоторое окно возможностей (17.08.2021: Лена, 27 лет, 10 лет в АЭ).

[Ребенок] бы жил, я бы описал это так, хотя бы на базовых правах человека. А не на правах собаки, пардон, нормально бы ходил бы на какую-нибудь работу. Нормально бы ходил. Все было бы — нормально бы зарабатывал, мог бы жить. Было бы у него более-менее (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ).

Человеку юному никогда не будут не верить только на основании его возраста. Не будет истории, связанной с тем, что кто-то кого-то насилует и мама не верит, потому что «дети врут постоянно». Это мир, в котором взрослые не позволяют себе рукоприкладства, насилия и психологического давления над беспомощными детьми, которые в этом идеальном мире совсем не беспомощные (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

Чтобы человека определяли его индивидуальные личные качества, а не его возраст в паспорте (04.03.2022: Аня, 24 года, 12 лет в АЭ).

Каждое описание «мира без эйджизма» так или иначе воспроизводит концептуальное наполнение категорий «дети» и «подростки» в антиэйджистском дискурсе: дети могут быть субъектами анализа и критики, принимать самостоятельные решения относительно собственной жизни, участвовать наравне со взрослыми в экономических, социальных, политических и культурных сферах, а детский жизненный опыт должен быть понят как ценный источник знания о мире.

Далее я представляю несколько небольших сюжетов, в которых участники антиэйджистских пабликов, рассказывая про себя, свои планы на жизнь и отношения с родителями или друзьями, соотносили собственные поступки и решения с воображаемым ими «миром без эйджизма» и антиэйджистской критикой. Здесь меня интересуют не реальные истории, которые стоят за этими рассказами, но возможность такой дискурсивной настройки и необходимость ее осуществления для моих информантов.

Никита довольно подробно описывал мне, как антиэйджизм стал для него «альтернативным» способом понимать «систему» и «несправедливость» детско-взрослых отношений, переопределить их из «необходимого зла» в решаемую проблему. Проговаривая, что результатом успеха антиэйджизма станет то, что «за детьми призна[ют] самопринадлежность и в них увид[ят] независимых субъектов, а не придатков родителей», Никита рассказывает собственную историю про смену фамилии из-за поддразниваний в школе, демонстрируя этим осуществимость антиэйджистских целей.

Но мне удалось уболтать родителей. То есть там заявления я сам подавал, но нужно было разрешение, одобрить родители должны по закону (13.10.2021: Никита, 20 лет, 5 лет в АЭ).

Никита подчеркивает для меня, что он самостоятельно принимал решение и сам занимался необходимыми документами, прибегая к помощи взрослых только по требованию закона. При этом смена фамилии репрезентируется им как абсолютно рациональный шаг по решению проблемы с насмешками в школе, хотя он комментирует, что даже среди антиэйджистов редко кто решается на подобные бюрократические процедуры. Таким образом, Никита разыгрывает себя передо мной, с одной стороны, как исключительного антиэйджиста, «решившегося» на то, чтобы сменить фамилию, несмотря на формальные сложности, связанные с этим процессом; с другой — как абсолютно автономного субъекта, который ставит цель, узнает план достижения цели и осуществляет его, сводя к минимуму помощь со стороны взрослых.

Федя на момент нашего разговора уже не был вовлечен в жизнь антиэйджистских пабликов, но в 2019 году он был одним из создателей паблика АЭК. Рассказывая мне свою долгую и насыщенную деятельность в антиэйджизме, Федя, подводя итог, говорит о влиянии антиэйджистского опыта на свой профессиональный выбор. Ему хотелось работать с детьми, но опыт администратора и автора в паблике провоцирует его на то, чтобы разобраться, нужны ли изменения, предлагаемые антиэйджизмом. Поэтому, когда перед Федей встал вопрос, на каком направлении он хочет учиться, его выбор пал на детскую психологию, потому что она объясняет, «как это исправить и нужно ли это исправить прежде всего» (05.03.2022: Федя, 18 лет, 4 года в АЭ). Таким образом, антиэйджистский вариант критики, которым должен был овладеть Федя, чтобы несколько лет писать в пабликах, может становиться условием критики самого антиэйджизма и провоцирует на поиск новых парадигм обоснования, например, в образовательных и профессиональных траекториях.

По-другому на многолетний опыт авторства в антиэйджистских пабликах смотрит Маша, которая узнала об антиэйджизме в десять лет, случайно наткнувшись на веб-сообщество БЗР. «Я полистала посты и поняла, что проблемы эйджизма — это то, с чем я сталкиваюсь постоянно. Для начала я естественно начала писать посты на своей странице со своим мнением. Ну помимо того, что я репостила и видела в антиэйджистских пабликах, я еще и свои какие-то комментарии к этой идее оставляла». Меня впечатлила продолжительная вовлеченность Маши в жизнь пабликов, и я прямо спросила, что она получает от участия в антиэйджизме, как она оценивает наличие антиэйджизма и пабликов в своей жизни. В ее ответе «антиэйджизм» был сформулирован уже не как участие в качестве автора или как идея о том, что дети и подростки угнетены и нуждаются в справедливости, — антиэйджизм предстает как стиль жизни, в соответствии с которым принимаются решения, строятся планы на будущее или находятся дополнительные смыслы в, казалось бы, не связанных с антиэйджизмом поступках.

Если бы я не познакомилась с антиэйджистским движением, то я не занималась бы сейчас волонтерской и какой-то общественной деятельностью. Так как я планирую в ближайший год переезжать в Чехию, то я хочу там распространять это движение, привлекать людей там. И в какой-то момент попробовать разрастись, скооперироваться международно. И все, что обычно делают крупные движения. Что усиливает их мощь на мировой арене. Я планирую заниматься этим постоянно и после того, как мне исполнится 18 лет, и после того, как эйджизм будет мало меня касаться. Это теперь со мной навсегда (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

Многие мои информанты указывали, что благодаря антиэйджизму они изменили способы разговаривать с родителями и учителями, — как сам факт диалога со взрослыми становится для них свидетельством достижения антиэйджистской цели¹²³, так и изменение коммуникативных стратегий ведения разговора.

Это сложный достаточно разговор. Иногда я беру некоторые цитаты из антиэйджистских пабликов, но проблема в том, что аргументы чаще всего разбиваются об их эти... Типа-аргументы. Что-то по типу — «будешь дворником работать». Я пытался что-то дальше сказать, но на меня просто орали чаще всего и очень часто просто уходили. То есть они вообще не воспринимают [антиэйджистские] аргументы (15.08.2021: Глеб, 15 лет, 5 лет в АЭ).

Ключевой момент — это моя учеба. Отстаивая свои права перед родителями, перед школой, я в итоге добилась согласия на то, чтобы меня сначала перевели на домашнее обучение, потом в интернат-школу. Опять же разговорами, спорами, доказательствами я все-таки смогла добиться того формата обучения, которое я хотела получить. И другая очень важная часть моей жизни. У меня есть молодой человек. Мой молодой человек живет в городе за 4000 км от меня на данный момент. <...> И, если бы не мое понимание эйджизма, если бы я не знала, что им сказать, что мне ответить другим людям — «ты еще маленькая, чтобы летать», «ты еще маленькая, чтобы ехать в другой город» — и еще тысячи вещей, которые связаны с отношениями, я бы сейчас была абсолютно другим человеком и моя жизнь бы складывалась по-другому. И я благодарна тому, как она складывается на этот момент. Ну то есть на моих родителей повлияли именно аргументы против эйджизма — почему ограничения по возрасту вообще не логичны. И я получила разрешение на все, что мне было нужно (22.10.2021: Маша, 16 лет, 6 лет в АЭ).

Оба фрагмента показывают, что антиэйджистские веб-сообщества оказываются источником культурных образцов, к которым прибегают подростки в диалогах с взрослыми. Они используют антиэйджизм как ресурс для цитирования, как уже сложившийся и коллективно отточенный канон логики построения аргумента.

Другим полем изменения коммуникативных стратегий становится организация отношений с детьми и подростками, которые младше моих информантов. Так, в нескольких интервью герои моего исследования делали акцент на том, что внимательно относятся к

¹²³ «Теперь я не пытаюсь подстраиваться под взрослых (да и окружающих в целом) и всегда высказываю мнение по ситуации» (30.01.2022: Матвей, 13 лет, 1 год в АЭ).

употреблению слов «инфантильный» и «ребенок» в уничижительном значении — тема, которая не раз появлялась в публикациях в антиэйджистских пабликах. «Пытаюсь переучить свой мозг не на “ребёнок”, а на “нытик” или что-то в таком духе. По ситуации» (30.01.2022: Матвей, 13 лет, 1 год в АЭ).

Когда мы встретились со Степой для интервью, и я обратилась к нему на «вы», он протянул мне руку и заявил:

Это... Естественно, я редко встречаю взрослых, которые, когда мне было пятнадцать, они называли бы меня на вы. Тогда мне их хотелось просто расцеловать во все возможные места (17.09.2021: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

Уважение к собеседнику младшего возраста для Степы выступает не только критерием оценки «нормальности» другого взрослого, но и императивом в его собственных практиках коммуникации.

Потому что мне не важен возраст человека. Если я общаюсь с семилетними, то я общаюсь с ними так же, как с сорокалетними, разве что я общаюсь с ними простыми фразами, чтобы он понял, потому что он мало что знает, но это не значит, что я должен проявлять к нему меньше уважения (17.09.2021: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

Ксюша, активно участвующая в обсуждениях чата, но, как она сама признается, «недостаточно смелая» и погруженная в тонкости антиэйджистской матчасти, чтобы публиковать тексты, рассказывает о том, как антиэйджизм позволяет ей не только выстраивать уважительные и дружеские отношения с детьми помладше посредством исполнения роли «слушающего» и «принимающего советы», но и осуществлять рефлекссию о собственном опыте и соотносить свое поведение и образ мыслей с антиэйджистским проектом:

Я сейчас дружу с девочкой тринадцати лет, и когда она дает мне советы, я сама не то что вникая в них, не то что мне нужен совет, у меня в голове звучит голос, иногда такой, эйджистский: «Что эта малолетка может посоветовать?» И я сразу его прогоняю, потому что это очень плохой голос. Да, конечно, я стала больше понимать и относиться к проявлениям эйджизма в себе. Я стала к младшему брату своему лучше относиться в связи с тем, что тема эйджизма стала чаще крутиться в голове. Ему восемь. Я его редко вижу. Ну я как будто бы стала больше уважать его мнение. И я, честно говоря, не могу сказать, что он прямо мой любимый брат. Но я просто уважительнее к нему отношусь,

потому что антиэйджистские настроения проникли в меня. И, конечно же, к себе стала лучше относиться, стала чуть-чуть менее критично, ну то есть критично, но по другим вопросам (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

«Внутренний эйджистский голос» для Ксюши оказывается не просто инструментом, с помощью которого она настраивает свои отношения с другими. Приобретение контроля над ним для нее свидетельствует об осуществлении ребенком или подростком (а имплицитно — всеми людьми) антиэйджистского утопического проекта «мира без эйджизма»:

Самое обидное — это среди сверстников, которые не заглушают, как я, этот внутренний эйджистский голос, а позволяют ему управлять собой, позволяют едкие высказывания в сторону тринадцатилетних, которые всего лишь младше их на три, ну может на четыре, но все-таки. Я думаю, мир без эйджизма, тот, в котором мы такой душевный порыв... Зарубить на корню. Потому что нам кажется, что человек меньше возраста глупее нас, мы не пытаемся понять, насколько мы правы, насколько мы компетентны в другом вопросе, чтобы судить о компетентности человека (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

Практика внутреннего диалога, размышления с самим или самой собой, становится одним из инструментов постоянной корректировки жизни, образа мыслей и отношений с другими. Такая практика для Ксюши в том числе позволяет отслеживать неудачи, когда она не достигает желанной позиции в разговоре или отношениях и возвращается к той модели поведения, которую она понимает как требующую изменений:

Вот когда я сама с собой так рассуждаю, я чувствую, а вот когда я где-то среди людей нахожусь... Я недавно стояла в очереди с мамой и разговаривала про прививку. И там находилась какая-то знакомая ее, и она стала меня отчитывать. Она мне говорит: «Ты что? Хочешь в гробу валяться?». И какие-то такие похожие всякие метафоры на это приводила. И я стояла, опустив глаза в пол, а когда пришла домой подумала: «А что? Кто она тебе? Что она тебе сделает? Ну хорошо, боишься ты и считаешь, что невежливо отвечать: Какое ваше дело? В глаза посмотреть не смогла». Ну вот просто я себя ощутила ребенком, который не имеет права сказать взрослому, потому что взрослые, блин, всегда же знают, как лучше. И такие ситуации все равно происходят, даже когда я внутри себя переросла это, но по факту я себя веду как очень сильно забитый, зашуганный зверек, ребенок такой маленький. <...> Мне просто очень страшно со взрослыми, потому что я младше. Еще было неловко просить, всегда было неловко

просить, ну какой-то порыв, просить психолога называть меня на вы. Ну не могу я к нему обращаться на ты, я с ним малознакома, а они могут ко мне. Какого-то хрена! И я все равно смогла это сделать, но было прямо сложно себя пересилить (28.01.2022: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ).

Таким образом, мои собеседники и собеседницы конструируют на основе опыта участия в антиэйджистских пабликах очень разные практики взаимодействий с другими, которые тем не менее объединены и общей целью, а именно преобразованием своей жизни в соответствии с антиэйджизмом, и общими концептуальными основаниями: представлением о детях и подростках как о независимых, самостоятельных, способных на социальную и политическую рефлексию субъектах; эксплицитным восприятием языка как инструмента изменения себя и окружающего мира; и стремлением преодолеть такие формы отношений, которые опознаются как исключительно односторонние, построенные на авторитете старшего над младшим. Мои собеседницы и собеседники — иногда заставляя себя, иногда ловя себя на неудаче, — выстраивают такие отношения, в которых они могут занимать как позицию «более знающего», так и позицию «слушающего» и «принимающего советы» по отношению к детям младше и ко взрослым.

4.3. Изобретение и деконструкция антиэйджиста в биографическом нарративе

Что мы знаем о тех людях, которые причастны к антиэйджистским ВК-сообществам? Благодаря веб-архиву известно, что в группе БЗР через год после ее создания, в апреле 2013 года, состояло 180 человек [web.archive 2013], в январе 2018 эта цифра достигла 4 396 [web.archive 2018], а на начало октября 2023 года общее число подписчиков составляло 5 667.

Известно, что 1 014 из этих аккаунтов были удалены пользователями или заблокированы платформой ВКонтакте. Можно предположить, что некоторое число из этих удаленных аккаунтов принадлежали первой волне подписчиков БЗР, — так почти все отметки авторов постов и комментариев за 2012 год помечены платформой как «deleted». Благодаря поиску по платформе, известно, что пользователи 2 080 активных аккаунтов в графе «пол» отметили «женский», 2 566 — «мужской», а семь пользователей скрыли в настройках отображение гендерной идентификации. Известно, что на начало октября 2023 года среди подписчиков паблика БЗР 138 аккаунтов принадлежат пользователям младше 18 лет, а 1 483 аккаунта — тем, кто уже отметил свое тридцатилетие. Известно, что 611 подписчиков указали своим городом Москву, 267 — Санкт-Петербург, 27 — Омск, 24 —

Волгоград, 23 — Саратов и т.д. Известно, что за все время в паблике было опубликовано 9 565 постов, из которых 1 324 текста были написаны 258 авторами, не входившими в число модераторов или администраторов сообщества.

Подобные количественные показатели и подсчеты совсем не отражают того, что происходило и происходит в паблике БЗР или других антиэйджистских веб-сообществах ВКонтакте. О том, как с помощью страниц в социальных сетях пользователи создают альтернативные личности, по совершенно разным целям и убеждениям, подобно конструктору собирая свой гендер, возраст и место рождения, написано довольно большое количество исследовательских работ (см., например: [Boellstorff 2008: 138–147; Paik, Shi 2013]). Здесь можно только оговориться о технических ограничениях такого конструирования себя, которые задает платформа ВКонтакте.

В отличие от Facebook*¹²⁴ ВКонтакте заставляет пользователей отмечать «мужской» или «женский пол» при регистрации, не предоставляя возможности отказаться от выбора или выбрать что-либо другое. С 2017 года при регистрации на платформе невозможно указать свой год рождения, который бы показывал, что пользователю меньше 14 лет. Это обновление платформы было вызвано нарастающей дискуссией в связи с обсуждением законопроектов о регистрации в социальных сетях только по паспорту [Законопроект 2017]. Хотя законопроект так и не вступил в силу, а регистрация ВКонтакте продолжает быть доступна любому пользователю, изменение процесса регистрации сбивает любую статистику по возрасту, делая возможным в том числе такие курьезы, как ВК-страницы с отметкой «119 лет»¹²⁵.

Общее количество подписчиков тоже достаточно мало имеет отношения к тем людям, которые участвуют в антиэйджизме, обсуждая антиэйджистский проект в чатах и комментариях, публикуя, отбирая и / или редактируя тексты, появляющиеся в ленте. Так, мои собеседники и собеседницы, представляющие активную часть антиэйджистского веб-сообщества — администраторы, авторы и регулярные участники чатов — часто сами не подписаны на паблики. Они и так активно посещают ВК-сообщества, просто находя их в строке поиска или среди ранее просмотренных страниц, или узнают о недавних постах из антиэйджистского чата. Иногда они хотят скрыть «странную» и «вызывающую вопросы» ВК-группу от родителей, которые проверяют их страницы в социальных сетях, — все мои информанты либо рассказывали про такие отношения с родителями, либо утверждали, что

¹²⁴ С 2014 года платформа Facebook* предлагает выбрать гендерную идентификацию из 50 различных опций или сформулировать ее самостоятельно [When you 2014].

¹²⁵ Я имею в виду практику, о которой мне рассказывали мои информанты, когда пользователи, например, вместо 2001 указывают 1901 год рождения. Однако это только одна из возможных логик, стоящих за подобным поведением в соцсетях.

знакомы с такими подростками по антиэйджистским пабликам. Настоящее количество авторов или постов от участников скрывает «предложка», которая действует на сегодняшний день во всех пабликах, а в паблике БЗР с 2016 года, где после введения этой функции посты с именами авторов практически исчезли.

Конечно, вопрос об активном составе участников антиэйджистских веб-сообществ не раз поднимался мной во время разговоров с антиэйджистами. Называя примерное число авторов и вовлеченных подписчиков, мои собеседницы и собеседники в то же время настойчиво отказывались отвечать на более конкретные вопросы о других антиэйджистах, указывая мне на важность «безопасности» и отмечая, что они несут «ответственность» за ее сохранение. Даже когда наши разговоры становились более доверительными, они говорили, что ничего конкретно не знают про других участников или что им необходимо сначала спросить разрешение, чтобы рассказывать о ком-то конкретном, а потом они вернутся с ответом на мой вопрос (с подобным «разрешением» никто так и не вернулся за время моей полевой работы).

При этом категория безопасности и парная к ней категория страха работают не только в сторону исследователя как незнакомца или чужака, но и распространяются на все знакомства вне антиэйджистских пабликов — превращаясь в этос полной или частичной анонимности антиэйджистов. О том, что жизнь вне пабликов (в самом общем смысле) и антиэйджизм не пересекаются или пересекаются редко, свидетельствует уже упомянутый факт, что, как правило, антиэйджизм не обсуждается со сверстниками или родителями. И невозможность, и нежелание рассказывать об антиэйджизме вне пабликов находят отражение, в том числе, в местах, в которых оказывались некоторые мои информанты, чтобы созвониться со мной для интервью: в парке, во время прогулки с собакой или отпросившись выйти в магазин. Одна из моих собеседниц специально шла в библиотеку, чтобы ее, разговаривающую про антиэйджизм, случайно не встретили знакомые или родители, а другой антиэйджист разговаривал со мной по телефону, пока ехал на велосипеде, чтобы никто на улице не смог его расслышать.

«Безопасность» и «страх» были лейтмотивами наших первых разговоров и сохранялись к третьим, а иногда и к восьмым встречам. Сами информанты опознавали их и артикулировали в двух конкретных контекстах. С одной стороны, о «страхе» и «безопасности» заявляли в моменты, когда разговор заходил о политике, как в вопросе предположений о том, что мог бы сделать антиэйджизм вне пабликов, так и в описании личного опыта участия в публичной сфере. Активное использование категорий

безопасности и страха можно понять как отражение распространенного в публичной сфере, в особенности последних лет, представления об опасности политических высказываний¹²⁶.

С другой стороны, безопасность и страх в наших разговорах работали как категории, позволявшие информантам контролировать разглашение какой-либо личной информации, — личная информация опознавалась и как опасная из-за идейных преследований, и как ненужная для понимания антиэйджизма. Так, даже те участники, которые приветствовали упоминание своего имени в тексте исследования, в самих разговорах уходили от рассказа о собственной жизни, не конкретизировали место проживания, называли диапазон вместо конкретной цифры возраста и отказывались отвечать на вопросы, связанные с их повседневностью, оставаясь в формате абстрактного обсуждения антиэйджистских идей, детства и детских ролей. Все это зачастую согласуется и с оформлением их персональных страниц ВКонтакте: отсутствие фотографий и информации о себе, года рождения или личных записей.

Пьер Бурдые предложил интерпретацию механизмов создания биографических повествований, в которой можно найти опору для того, чтобы предположить дополнительное прочтение анонимизации себя антиэйджистами. Бурдые утверждает, что повествование о жизни как жанр всегда находится в прямой зависимости от институциональных способов категоризации гражданина — регистрация имени, места и года рождения, сведения об образовании и т.д., — которым субъект научается в течение жизни в процессе постоянного столкновения с запросами, как сейчас бы сказали, персональных данных [Бурдые 2002: 79–80]. В такой перспективе становится четче видно, что антиэйджизм, который предлагает дискурсивные стратегии критики дисциплинарных институтов и контроля в целом, в том числе, подрывает легитимность любых внешних, семейных или государственных, способов детерминации индивида. Так, мои информанты постоянно указывали на существование строгой дихотомии «личности» и «строки в паспорте». Эту интерпретацию можно расширить для первого поколения антиэйджистов, которые появляются в сети в пик массовизации интернета в России: в начале 2010-х годов пользователи российского сегмента интернета, в том числе ВКонтакте, разделяли общее представление о «свободном» и «народном» веб-пространстве — другими словами, считали, что интернет неподконтролен государству и должен таковым оставаться [Asmolov, Kolozaridi 2017: 17–22]¹²⁷. Можно предположить, что и антиэйджистское негативное

¹²⁶ Любопытно, что в зависимости от предпочтения конкретного антиэйджистского паблика меняется и рассказ, кто угрожал или потенциально угрожает антиэйджизму: для одних это ВК-группа «Комитет осознанных родителей» и Тимур Булатов, для других — Центр «Э» и «Товарищ Майор».

¹²⁷ О связи между практиками анонимизации и антиавторитарными настроениями см., например: [Postill 2018: 14].

отношение к любой информации о себе, которая может быть записана по графам «персональных данных», и представления о «своем» интернете, в котором возможно и необходимо репрезентировать себя способами, альтернативными государственным или бюрократическим, повлияли на отсутствие нарратива о месте рождения, школе или профессиях родителей в интервью с антиэйджистами.

Осенью 2022 и весной-осенью 2023 года, когда я совершала повторные вылазки в поле, некоторые мои информанты перестали выходить на связь, другие — стали подробно рассказывать о личной жизни.

4.3.1. Контексты появления развернутого биографического нарратива

Конечно, появление развернутого биографического описания в нарративах антиэйджистов можно связать с изменением моей позиции в поле. Мои собеседники и собеседницы начали говорить о событиях своей жизни, не связанных напрямую с антиэйджизмом, спустя полтора – два года после моего вторжения в их сообщество, моих сообщений «в личке», наших продолжительных «созвонов» и периодических обсуждений в их общих чатах меня и моего исследования.

По моим предположениям, однако, переломный момент наступил не столько в связи с узнаванием меня как исследователя, сколько с появлением у антиэйджистов текста магистерской диссертации. Так, летом 2022 года одна из моих информанток попросила прислать текст или что-то, что получилось по результатам наших встреч. К этому времени администратор «Голоса неголосующих» закрыла общий чат по просьбе участников, а некоторые мои информанты удалили странички ВКонтакте. Поэтому текст я отправила с пометкой, что файл можно и нужно пересылать всем знакомым антиэйджистам. Не ожидая многого, но надеясь, что текст может потенциально спровоцировать новых или уже знакомых информантов на то, чтобы они вышли со мной на связь, я добавила в сообщение, что буду рада узнать, если кто-нибудь найдет ошибки и недочеты в истории антиэйджизма, захочет поделиться впечатлениями или критикой. Мы продолжали поддерживать какое-то общение в чатах и мне рассказывали о том, что происходит с антиэйджизмом, или отправляли новости, интерпретируя их для меня и переводя на язык антиэйджизма. Однако после прочтения моего исследования стали появляться сообщения нового формата и содержания. Это были отчеты, которые некоторые из них называли «включенным наблюдением» и «этнографией», о поведении детей и учителей в школах. Когда мы созванивались с помощью Telegram, мои информанты начали периодически ссылаться на текст диссертации, задавали уточняющие вопросы о «детской агентности», антропологии

детства и актуальности похожих тем «в науке», надеялись, что подобные тексты будут появляться в открытом доступе, «в научных журналах, а лучше на медиа-площадках», проговаривались, что обсуждали текст в общем чате¹²⁸ и придумывали на его основе свои проекты, как можно по-другому описывать детей и подростков или создавать антиэйджистские группы поддержки. Более того, текст диссертации не только обрел самостоятельную жизнь в поле, но и послужил для информантов гарантом того, что я, говоря их словами, «нормальная» и на мои вопросы, в том числе об их школе или их родителях, можно было ответить.

Однако для того, чтобы понять появление развернутого биографического описания в нарративах антиэйджистов, мне кажется, важно рассказать и то, что происходило с пабликами и их участниками во время и после окончания моего первого поля.

В 2022 году антиэйджистские паблики и чаты начали закрываться, или «уходить в архив»¹²⁹. В «Подслушано: эйджизм» больше не выходили новые публикации¹³⁰. Администраторы АЭК выкладывали новые мемы про школу раз в полгода. В августе Катя опубликовала запись о завершении работы «Голоса неголосующих».

Мы исчезли на эти полгода. Не мы одни. Многое вокруг нас тоже исчезло, что-то закрылось, что-то разрушилось, что-то умерло, что-то изменилось до неузнаваемости. Кто-то против, кто-то за, кому-то все равно. Кто-то тут, кто-то - уже там. Многое нельзя. Это нельзя, то нельзя, вон то ещё тоже нельзя. Что-то можно, но осторожно. Все чего-то опасаются. <...> Родители все так же обладают абсолютной властью над своими детьми, а дети не имеют большинства прав и свобод. Мир взрослых меняется, но положение несовершеннолетних неизменно [Дорогие друзья 2022].

Единственным продолжившим «существовать» антиэйджистским веб-сообществом оказался паблик БЗР: «сейчас, как обычно, все собрались там... откуда все пришло — туда все и вернулось» (17.09.23: Степа, 20 лет, 4 года в АЭ). Роль администратора и единственного автора в БЗР заняла Лена, участница, которая подписалась на БЗР еще в 2012 году в возрасте 17 лет и которая занимает «противоречивую»¹³¹, по мнению большинства

¹²⁸ Недоступном для меня, потому что он «безопасный», что в этой ситуации значило «для своих».

¹²⁹ Фраза «уходит в архив» по отношению к пабликам ВКонтакте означает, что страница все еще существует, но в ней больше не будет новых публикаций.

¹³⁰ Последняя запись в «Подслушано: эйджизм» содержала типичное для антиэйджизма в целом рассуждение о том, как по-разному воспринимаются безответственные действия взрослых и детей [Я склонен считать 2022].

¹³¹ Так, мои информанты не соглашались с утверждениями Лены о православии как антиэйджистской или про-антиэйджистской религии, с интерпретацией прошлого как времени настоящего антиэйджизма, когда девочки

моих информантов, антиэйджистскую позицию. В БЗР Лена продолжила, или скорее возобновила, старый антиэйджистский фрейм ненависти к школе, который затерялся на фоне публикаций, посвященных угнетению и социальной справедливости в 2017–2021 годах, — и ограничилась им. Для некоторых моих собеседников и собеседниц это стало поводом больше не рассматривать сам паблик БЗР как актуальную антиэйджистскую площадку.

Мои информанты в целом отмечали «общий упадок», «уныние», «кризис», которые одни связывали с разочарованием в том, как антиэйджистский дискурс откатился к старой и уже не работающей риторике, другие — с наступлением «взрослой жизни»¹³², третьи — с «пересмотром правильности антиэйджизма».

Этот «упадок» и «кризис» — второй контекст, который, как мне кажется, способствовал появлению развернутого повествования о личной жизни. Администраторы, авторы и активные участники чатов антиэйджистских пабликов столкнулись с внешними и внутренними вызовами и конфликтами, которые заставили многих из них пересмотреть место антиэйджизма в публичной сфере, свою роль в антиэйджистском проекте и желание им заниматься. Одни удалили страницы или перестали разговаривать с внешними для антиэйджизма людьми, в том числе, со мной. Для других же стало возможным говорить о себе не только в рамках того нарратива о прошлом и настоящем, который подчинялся логике антиэйджистского высказывания. По мере того, как исчезала необходимость контроля над тем, чтобы в разговорах со мной категоризировать и произвести себя как участника антиэйджистского движения и представителя сообщества единомышленников, — мои информанты стали рассказывать то, что не совсем уживалось с антиэйджизмом или могло скомпрометировать их антиэйджистскую репутацию.

4.3.2. Биография как материал и метод антропологии и микроистории: вопросы и задачи параграфа

могли выходить замуж в 15 лет. Один из вопросов, которому были посвящены несколько продолжительных споров в чате «Голоса» — тезис Лены о возможности физического наказания детей, «когда они по договору». В 2020–2021 годах уже существовавшие конфликты обострились тем, что Лена открыто заняла роль анти-прививочника в антиэйджистских чатах.

¹³² Я не буду использовать взросление в качестве объяснительной модели для анализа антиэйджизма. У исследователей нет концептуальных инструментов, позволяющих отделить изменения, вызванные взрослением, от изменений, связанных с политической обстановкой или чем-то еще. Поэтому я показываю, как менялась жизнь моих героев (поступление в университет, переезд в другой город, возникновение нового интереса), и именно через появление новых контекстов интерпретирую трансформации в отношении моих информантов к антиэйджизму. В таком случае «взросление» остается только в качестве категории, которую использовали мои собеседники и собеседницы для описания собственной жизни.

Несмотря на то, что биография (одного информанта) как самостоятельный материал и жанр антропологического текста¹³³ появляется практически со становлением антропологии как отдельной научной дисциплины в американской академии¹³⁴, она оказывается на периферии антропологического метода исследования. Как кажется, то, что антропологи узнают о жизни информантов, конвенционально помещается в тезисном виде в комментарии или дисклеймере, стоящем перед цитатой из интервью или пересказом сюжета полевого дневника; разбирается на отдельные высказывания или описания действий, которые в удобном месте служат аргументами, подтверждающими интерпретацию автора; еще чаще, эти разобранные фрагменты сравниваются с фрагментами из интервью с другими информантами, чтобы проиллюстрировать тенденции, «общие места», характерные для исследуемого сообщества. Наверное, чтобы подтвердить подобные наблюдения можно обратиться к самому характеру постановки исследовательского вопроса в антропологии, который удерживает «конкретное» только применительно к сообществу, группе или феномену, — и любое изучение отдельных людей в результате подчиняется более обобщенным уровням анализа.

Биография как самостоятельный текст — неудобный материал, который, очевидно, недостаточен, чтобы анализировать нормы, представления или практики некого коллектива людей и выдвигать полноценные тезисы (как и недостаточен, чтобы постфактум проиллюстрировать их); или настолько субъективный, что не оставляет места для авторского высказывания; или провоцирует авторские высказывания принимать форму здравого смысла, житейской мудрости или наивной психологии. Антрополог Виктор Барноу, обращаясь к исследованиям школы «Культура и личность», писал: «В лучшем случае, истории жизни представляют собой захватывающие документы. Главная сложность в понимании, что с ними делать» (цит. по. [Watson, Watson-Franke 1985: 10]).

¹³³ В этом параграфе я не буду обсуждать традиции устной истории, так как мне в меньшей степени интересна проблематика памяти, и социологического анализа биографии, так как в мои задачи не входит построить репрезентативный портрет участника антиэйджистских веб-сообществ. Исследования памяти не пересекаются с теми вопросами, которые я задаю материалу, хотя и работают с типологически похожим аналитическим подходом: там, где некоторых авторов интересует то, как память участвует в построении нарративов, меня волнует, как антиэйджизм как предмет рефлексии, интеллектуальный проект, деятельность и коллектив отражается в разговорах с антиэйджистами на уровне содержания и формы их высказываний.

¹³⁴ Например, «Автобиография виннебаго» Пола Радина (Radin P. *The Autobiography of a Winnebago Indian*. Whitefish: Kessinger Publishing, 1920; Radin P. *Crashing Thunder: The Autobiography of an American Indian*. New York: Appleton, 1926) или опубликованные записи разговоров с Доном Ч. Талайесва (Simmons L. (ed.) *Sun Chief: The Autobiography of a Hopi Indian*. New Haven: Yale University Press. 1942.). Если мы посмотрим на фигуру Радина с перспективы Доминика Бойера, который обращается к теме изменения значения «рефлексии» в антропологии, то анализ биографии информанта (как самостоятельного текста) окажется напрямую связан с тем, как антропологи участвовали в расшатывании дихотомии интеллектуалы и не-интеллектуалы в отношениях антрополог–информант и пытались сформулировать методы исследования эпистемологических условий производства знания вне академии в целом и вне антропологической дисциплины в частности [Boyer 2015: 93–96].

Попытки критической концептуализации биографии в качестве антропологического материала стали распространяться в 1970–1980-х годах и, если судить по выдвинутым авторами замечаниям и предложениям, проходили под флагами рефлексивного поворота в антропологии — как один из результатов тенденции к пересмотру антропологических методов, как попытка демистификации исследователя как субъекта и автора текста и как проявление этической потребности «дать голос» информантам и участвующим в исследовании переводчикам, помощникам и проводникам. Неудивительно, что концептуализацией биографии вплотную занимались представители феминистской антропологии, для которых эти же вопросы были дополнительно фреймированы гендерной повесткой и проблематикой субалтернов, а биография опознавалась как очевидный способ заставить быть услышанной женского субъекта и сделать видимыми ее угнетенную позицию и страдания¹³⁵. Пожалуй, самым радикальным случаем подобного рода метода создания исследовательского текста можно считать работу Рут Беар «Переведенная женщина», которая представляет собой расшифровку бесед исследовательницы с информанткой с небольшим комментарием в конце книги о гендерной и классовой иерархии в сельских районах Мексики [Behar 1993].

Несмотря на то, что предложенные в ходе этой дискуссии программы работы с биографическим материалом полностью совпадают с общими положениями критического проекта рефлексивной антропологии, кажется важным их упомянуть, хотя бы в виде короткого обоснования теоретических позиций, стоящих за моим последующим анализом.

Самым обсуждаемым в антропологии вопросом при подходе к анализу биографии стало внимание к самому моменту этнографической встречи информанта с исследователем, что сейчас считается конвенцией академической техники работы с любой полевой находкой. Это внимание предполагает анализ контекста высказывания о личной жизни, конкретных отношений, которые установились между исследователем и информантом и трансформировались в процессе полевой работы, и влияния участвующих в этнографической встрече третьих лиц на ход и характер повествования (присутствие аудитории или переводчика при записи биографии или участие других информантов в организации встречи). Лоуренс Ватсон и Мария-Барбара Ватсон-Франке, пытавшиеся концептуализировать антропологический подход к биографии через герменевтику, предлагают понимать анализ истории жизни как метод, при котором смысл «раскрывается не путем навязывания массивных внешних конструкций, а с помощью создания пространства слушания для приспособления к незнакомому фрейму ситуации, которая

¹³⁵ Библиографию по данному вопросу см., например: [Geiger 1986: 336–342].

привела к ее [истории жизни] возникновению» [Watson, Watson-Franke 1985: 58]. Другими словами, они критикуют использование биографии как иллюстрации или набора эмпирических данных для обоснования теории и предлагают идти от содержания биографии и контекста, который сделал повествование возможным, чтобы понимать индивидуальные основания социального существования¹³⁶.

К стратегии эксплицитного представления контекста интервью можно добавить сюжет, раскрывающий то, как информант расценивает возможное влияние исследования и исследователя на свою социальную роль в сообществе и вне его. Джанет Элисон Хоскинс, например, показывает, как Мару Дуку инструментализирует участие в ее исследовании в качестве информанта и гейткипера, чтобы повысить собственный престиж в кругах местной политической элиты, обосновать статус эксперта локальной «традиционной культуры» и добиться узнаваемости на глобальной сцене [Hoskins 1985: 156–157, 166–167]. Присутствие антрополога, в том числе, провоцирует его намеренно нарушать правила местной поэтической традиции и рассказывать об истории своей жизни в формате поэтического повествования.

Герменевтическая традиция надстраивает к анализу биографии понимание рассказа о жизни как субъективного текста и произведения встречи двух горизонтов смысла, или двух перспектив интерпретации, автора и информанта. Такой подход предполагает особое внимание к идиомам, метафорам и когнитивным схемам, с помощью которых информант выстраивает рефлексию о себе. Подобные задачи решает Винсент Крапанцано в работе о биографии Тухами, информанта, которого автор встретил во время полевой работы в Марокко. Крапанцано интересуется то, как Тухами с помощью упоминания «святых» и «демонов» повествует о своем опыте жизни и как он сам пытается использовать эти идиомы, чтобы выстроить пространство переговоров и понять мир Тухами. В этих идиомах Крапанцано видит не навязанный Тухами извне (сообществом или культурой) способ повествования, но репертуар риторических инструментов, с помощью которого Тухами управляет самоопределением и приходит к согласию с собственным пониманием реальности [Crapanzano 1980].

¹³⁶ Один из любопытных результатов подобного хода можно найти у Рождера Киссинга, который заходит в поле с убеждением, что женщины не смогут рассказать о своих взглядах на социальную жизнь и традиции, так как их заставляет молчать («mute») и лишает языка описания и рефлексии локальный вариант гендерной иерархии, но обнаруживает, что это всего лишь вопрос правильной ситуации вопрошания и наблюдения: «И, наконец, должен ли этот поток слов [женщин кваио, или койо] свидетельствовать о том, что в обществах, где женщины молчали о своей жизни и культуре, иногда они делали это, потому что мы не создали контекстов, в которых они могли бы и захотели бы открыть свои личные миры для нашего обозрения?» [Keesing 1985: 31]. Другими словами, микро- и макро-контексты высказывания отдельного человека могут становиться точкой входа в понимание того, как устроена локальная социальность. Как оказалось, для моих информантов тоже была необходима очень специфическая ситуация вопрошания.

Так или иначе я опираюсь на все эти замечания при анализе биографических повествований моих информантов, рассматривая в каждом случае контекст ситуации, отношения между мной, исследованием и каждым информантом, и их техники контроля за повествованием во время интервью.

Другая традиция анализа историй жизни, о которой здесь необходимо упомянуть, — микроисторический подход, предполагающий принципиальное изменение масштаба в подходе к изучению документов. Хотя это изменение касалось интереса микроисториков к повседневности, частной жизни, случаям и отдельным личностям, занимавшим незначительное место в иерархиях власти, сами авторы выдвигали на первый план принципиально иную степень интенсивности рассмотрения объектов анализа, которая служила способом находить и демонстрировать сложность, заключенную в казалось бы несложных и банальных траекториях жизни, процессах и ситуациях, сохраняя при этом их уникальность и человеческое измерение. Для этого микроистория понимала документы как субъективные («пристрастные») тексты, которые создаются и сохраняются кем-то в определенных целях и в разных условиях. Сам историк как исследователь и автор становился главным инструментом микроисторического подхода, так как именно его или ее стратегия вопрошания, или «допроса», документов приводит в движение процесс анализа [Леви 1985: 131–132]¹³⁷.

Джованни Леви, рассуждая о потенциале биографии как материала для исторического исследования, уже предсказуемо отмечает роль контекста ее создания, участников, включенных в эту ситуацию, и социальные и материальные техники производства и сохранения текста. Однако особое внимание он уделяет «когнитивным процедурам», которые историки применяют в своем исследовании. По мнению Леви, изучение биографии — это способ вернуться к тем темам, которые ложно считаются освоенными¹³⁸, а именно к вопросам неравенства, классового сознания или отношений господства и власти. Истории жизни вносят в эти устоявшиеся аналитические каноны сюжеты разрывов и несоответствий, так как в траектории жизни каждого человека существует «значимое пространство свободы», внутри которого формируются и

¹³⁷ Проект антропологического анализа биографии, который появился в рамках рефлексивного поворота в антропологии, и микроисторический подход, с его вниманием к истории жизни отдельного индивида, как замечает Дорис Бахманн-Медик, связаны с одними и теми же кризисами производства знания гуманитарных наук, участники которых предпринимали похожие друг на друга шаги по реорганизации собственных дисциплин [Бахманн-Медик 2017: 92–102].

¹³⁸ Леви в этой цитате, с одной стороны, подтверждает, что данные темы вошли в мейнстрим социальных исследований и в результате выкристаллизовались в автоматические техники интерпретации (или «поиска подтверждений» неравенства, классового сознания, господства и власти); с другой стороны, он утверждает актуальность этих тем и необходимость иных методов для их анализа. Эти тезисы важны и для исследовательского контекста моей работы.

функционируют различные формы отношений к группе или классу [Levi, Christin 1989: 1334].

Другой разворот этого тезиса можно найти в работах Натали Земон Дэвис. Если в работе Леви биография пьемонтского экзорциста оказывается лишь прелюдией к исследованию того, как устроена жизнь обитателей деревни Сантены в XVII веке, то Земон Дэвис более интенсивно сохраняет в фокусе внимания своих исследований самих субъектов биографии [Земон Дэвис 2021; Земон Дэвис 2023]. Земон Дэвис ставит вопрос, который я последовательно перечитываю к материалам моей полевой работы: как специфическая конфигурация контекстов воплощается в том, как конкретный человек понимает и описывает собственную жизнь и ее возможности?

Таким образом, в задачи этого параграфа входит, с одной стороны, ответить на вопрос «кто эти люди?» практически единственным доступным для моего поля способом — через портретное описание нескольких участников антиэйджистского движения; с другой — обозначить конфигурации отношений, в которых антиэйджизм, как сообщество единомышленников и как интеллектуальный проект, оказался возможным выбором для моих информантов и способом выстраивать свою жизнь; с третьей стороны — рассмотреть, как изменяется роль антиэйджизма в интервью с течением времени. В последнем случае меня интересует антиэйджизм и как предмет повествования моих информантов, и как дискурс, который задает специфический режим (не)говорения о собственной жизни.

Прежде чем перейти к анализу биографических повествований трех моих информантов необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, рассмотренные далее биографии ни в коем случае нельзя расценивать как среднестатистические или репрезентативные кейсы. Несмотря на то, что биографические траектории трех информантов в некоторых местах похожи между собой и содержат сюжеты, о которых проговаривались мне другие собеседники и собеседницы, — каждый из них по-разному воспринимает одни и те же события, и реакция на них, при близком чтении, оказывается наполнена деталями и контекстами, рассматривать которые как типологически однотипные было бы ошибкой. Другими словами, при анализе я отношусь к биографическим материалам как к трем уникальным случаям, которые могут частично пролить свет на конфигурации контекстов — событий или отношений — в биографических траекториях антиэйджистов, но не становятся основанием для формулирования «типичного». Этот ход поддерживает и сам характер объединения участников антиэйджистских пабликов, результаты наблюдения за которым сопротивляются какой-либо попытке обобщить их в единственный портрет антиэйджистского сообщества.

Во-вторых, в исследованиях биографии, независимо от их дисциплинарной принадлежности, всегда появляется вопрос о зазоре между жизнью *реального* субъекта и рассказом об этой жизни, о самом или самой себе. Это напряжение, или точнее неудачные попытки его обозначить, Пьер Бурдьё подчеркивает, когда говорит о том, что личные истории «незаконным путем проникли в научный мир». Предлагая подход к критическому анализу биографии, Бурдьё обращает внимание и на разрывы и противоречия в рассказах информантов, и на те нарративные и когнитивные механизмы, которые используют наши собеседники, чтобы преодолевать эти непоследовательности [Бурдьё 2002: 75–76]. Николай Борисович Вахтин предлагает несколько интерпретаций подобных разрывов. Он обращается к «соотношению дискурсивного плана “разговоров о жизни” и самой этой жизни», опираясь на таких классиков, как Михаил Михайлович Бахтин, Дэвид Грэбер, Лоран Тевено и Люк Болтански, и приходит к выводу, что «нормальный» информант всегда отвечает на вопросы исследователя противоречиво и нелинейно, и суть антропологического подхода — «сформулировать убедительные и интересные интерпретации» — от этого не меняется [Вахтин 2020: 399, 414]. Учитывая упомянутую исследовательскую рефлексия, я намеренно говорю именно о биографическом повествовании, его содержании и механизмах, и предлагаю интерпретации того поведения или того описания себя и своей жизни, которые мои информанты посчитали необходимым рассказать по ведомым и неведомым мне причинам.

4.3.3. Биографическое повествование: Катя

В июле 2021 года Катя первая вышла на связь со мной: «Я антиэйджистка. Хочу с вами поговорить» (чат ВКонтакте 21.07.2021). Она узнала обо мне из чата, в который об исследовательнице, изучающей антиэйджизм, написал кто-то из двух моих информантов, с которыми я успела поговорить на тот момент. Катя была одним из тех немногочисленных антиэйджистов, которых легко было найти через паблики ВКонтакте, — ее аккаунт был указан на странице «Голоса неголосующих» как контакт «создательницы». «Голос неголосующих» появился в 2020 году, позже, чем все остальные паблики, — в нем было меньше всего постов (382), немного участников (во время моей полевой работы — около 160±10 подписчиков), но частота публикации текстов и объявления о новых проектах паблика были многообещающими. С тех пор мы встречались для интервью, продолжительного разговора по аудио или видео связи, еще восемь раз, и регулярно поддерживали общение в чатах ВКонтакте и Telegram.

«В российских антиэйджистских кругах я как бы довольно известный человек»: экспертность и авторитет

Катя, как и многие другие мои собеседники и собеседницы-антиэйджисты, восприняла приглашение к разговору как требующую незамедлительного исполнения задачу, и через час мы уже созванивались ВКонтакте. После ритуальных проверок звука и видео, она сразу оговорила «Я вышла... иду по парку», — предупреждая, что иногда может прерываться связь, и когда она действительно дала сбой, мы решили говорить без видео.

На вопрос, который, как мне казалось, удачно открывает интервью, «Как вы познакомились с антиэйджизмом?», Катя ответила, что начать надо с *другого*, а именно, что ей 18 лет и что она абитуриентка Омского Государственного Аграрного Института, ветеринарного факультета. После этого короткого представления Катя вернулась к вопросу, рассказав, что впервые про повестку прав детей и подростков ее заставили задуматься феминистские паблики, которые она нашла у своих одноклассниц. Катя рассказала мне неконвенциональный в антиэйджистской среде способ «найти» антиэйджистские паблики, которому предшествовали не только личные встречи с тем, что позже для нее обрело название «эйджизм», но и целенаправленный поиск способов объяснения неравенства несовершеннолетних:

Я поехала в экспедицию в пятнадцать лет, получается, с астрономическим кружком. Я еще увлекалась астрономией одно время. В Казахстан, в Жаманшин, в метеоритный кратер. И я была одной из самых младших, кто там был. И посмотрите на меня — у меня бейби фейс [смеется]. И меня считали младше своих лет. И относились ко мне соответствующее. Хотя были люди, которые старше меня на год, на два — и к ним относились нормально. А ко мне относились — такое себе. И тогда меня торкнуло по поводу эйджизма. И я стала эту тему... Она стала меня волновать. А потом что было? Я долго искала и не могла найти ничего касательно этого, в интернете у нас, в России. И я нашла через некоторое время БЗР. Вы, может быть, слышали про БЗР. Нашла «Подслушано: эйджизм» и нашла АЭК. И вот все эти три фронта, мне в каждом из них что-то не нравилось. Потому что я чувствовала, что идея совсем не зрелая и она нуждается в доработках. И тут мне попалось пособие, может быть, вы сами его читали. Я думаю, вы его читали по долгу учебы. Бочаров «Антропология возраста». Поняли, о чем я говорю? Да. И вот я это прочитала и поняла, что нужно именно с этой точки зрения смотреть. Ну меня тема заинтересовала. Ну и я получается в прошлом году, в 2020 году, летом, тринадцатого июня — я решила делать собственное СМИ, посвященное

антиэйджизму. И я, сейчас в российских антиэйджистских кругах, я как бы довольно известный человек. Вот. И прошел год, и все спрашивают у меня: «Ты че предлагаешь?» И я, вот, уже авторитет заимела своеобразный (21.07.21: Катя, 18 лет, администратор паблика, 4 года в АЭ).

Авторитетная позиция, о которой говорит Катя, и то, как она описывает для меня в этом фрагменте и на протяжении всего разговора любые свои практики работы с «повесткой», «антиэйджизмом», «новостями» через глаголы «исследовать», «изучать», «погружаться в тему» — довольно четко отражают ее роль в интервью со мной¹³⁹. Как эксперт, который обладает преимуществом в знании антиэйджизма, Катя продолжила свой рассказ о том, как она «просмотрела все вообще, с чего они [антиэйджисты] начинали и как они закончили», подробно объясняя, кто основал БЗР, как появился АЭК и «Подслушано: эйджизм», в чем состояли разногласия всех трех пабликов. Эти 20 минут монолога Катя завершила рассказом о том, в чем именно состоит ее критика БЗР и как из этой критики она решила создать свой антиэйджистский паблик:

«Голос неголосующих» — это не отдельная история, она призвана скорее объединить. То есть люди совершенно разные. Есть и из БЗР, и из АЭКа, и из остальных тусовочек. Всем как-то нравится это. Но за исключением основателей БЗР, они во многом со мной не согласны. И у меня будет, надеюсь, в скором времени, у меня будет онлайн дискуссия с [администратором БЗР], битва титанов, касательно моментов, как все это нужно развивать. Потому что такое ощущение, что [администратор БЗР] не верит, что можно что-то изменить. Но я считаю, что что-то можно делать хотя бы. Что-то делать, а не говорить. Мне кажется это важным. Или хотя бы много говорить. <...> Стоит это сказать, конечно, что в БЗР «Голос неголосующих» уважают. И в АЭКе тоже уважают. И в «Подслушано: эйджизм» тоже уважают. И мы пока держимся хорошо в этом отношении (21.07.21: Катя).

Как кажется, позиция «авторитетного» антиэйджиста, с которым некоторые несогласны, но которого уважают все, предписывала для Кати необходимость противоречивых, на первый взгляд, действий: так, она разрешила мне вступить в их чат, но запретила в него писать и использовать то, что я там прочитаю в исследовательских целях; отказалась отвечать на вопросы о других антиэйджистах и способствовать знакомству с

¹³⁹ Я поддерживала эту расстановку сил и ее авторитетную позицию и, например, спрашивала Катю о лекции про антиэйджизм, которую она читала в одной из городских библиотек и объявление о которой я увидела незадолго до нашей встречи.

ними, потому что это небезопасно и противоречит анонимности, но при этом поручилась за меня в общем чате (о чем мне впоследствии рассказали другие информанты и сама Катя). Я могу только предполагать, какая логика стояла за этими действиями и была ли она, но мне кажется, что возможность «запретить», «отказать» или «указать на неправильность вопроса» (из примера выше) были инструментализированы Катей, чтобы еще раз продемонстрировать и утвердить как ее высокое положение в антиэйджистском сообществе, так и позицию эксперта по вопросам антиэйджизма¹⁴⁰. «Поручение» за исследователя играло на руку Катиной программе (или сильному желанию) — вывести антиэйджизм за пределы антиэйджистских пабликов ВКонтакте, например, в академические дискуссии.

Читая расшифровку интервью, я видела, как Катя не только описывает, как выстраивались отношения между антиэйджистами на протяжении многих лет, но и детально пересказывает идейную основу антиэйджистского проекта, сопровождая его многочисленными примерами несправедливости к детям. Мои вопросы про ее семью или школу были поняты как приглашение рассказать, как антиэйджизм относится к воспитанию и дисциплине, что антиэйджисты могут и должны делать для «развития всего этого дела» или как можно было бы расположить антиэйджизм «Голоса неголосующих» где-то рядом с «леволиберальными взглядами», далеко от «анархо-капиталистов» и «либертарианцев» и в полной противоположности с «традиционалистскими взглядами на семью и государство» (21.07.21: Катя).

Для того, чтобы понять, почему Катя на протяжении двух часов виртуозно поворачивает любые вопросы о своей биографии в жанр экспертного интервью об антиэйджизме, можно не только вспомнить про техники анонимизации, но и обратиться к ее авторским стратегиям в пабликах. «Голос неголосующих» за тот год, который предшествовал нашему интервью, делал ставку на новостные посты — описания событий, которые иногда не были связаны с детьми и подростками, но всегда были представлены в прямой зависимости от эйджистской системы общества. Новости не были новым форматом публикаций для антиэйджистских пабликов. Новым было то, какую часть от общего количества постов они занимали, и расширенный авторский комментарий, сопровождавший подобные публикации.

¹⁴⁰ Замечу, что это две разные роли, которые нелинейно распределены среди антиэйджистов. Так, один из моих информантов, администратор паблика АЭК, не претендовал на полноценное знание, что такое антиэйджизм, с трудом формулировал некоторые ответы об антиэйджизме и часто ссылался на высказывания своих товарищей по паблику. В то же время есть несколько авторов и участников чатов, которые стремились в интервью показать себя антиэйджистами-профессионалами, обладающими экспертным знанием об эйджизме и антиэйджизме. Однако они не расценивали свое место в пабликах как влиятельное, достойное уважения или незаменимое.

Пока мы выбираем, какой пирожок дешевле - с луком и яйцом или с капустой, наше государство выделило целых 7 миллиардов (!) рублей на "духовно-нравственный" контент для молодёжи.

Но мы с вами понимаем, что лучше бы они на эти деньги для всех школ туалетную бумагу закупили. В России 41349 школы по данным Росстата, а средний рулон бумаги стоит 12 Р. Таким образом, на одну школу придётся 14107 рулонов, а длина всего этого богатства достигнет 747 671 метров!

К сожалению, в школах туалетная бумага до сих пор появляется редко, хотя она куда полезнее, чем видео и посты в соцсетях на гражданско-патриотическую тему [Пока мы выбираем 2021].

Формат, который впервые в антиэйджистских ВК-сообществах появился именно в «Голосе», — интервью. Они были личным проектом Кати, которая собирала и публиковала их вплоть до ухода «Голоса неголосующих» в архив. Интервью Катя проводила с подростком-активисткой, которая ведет страницу в Instagram*, посвященную своему опыту побега из дома и знакомства с «карательной психиатрией» [Сейчас нажму на сонную артерию 2020]; подростком с «травматичным» опытом психиатрического лечения [Мне было 15 лет 2021]; были собраны, но так и не опубликованы несколько интервью про участие подростков в РДШ и Юнармии, про несовершеннолетних радикальных феминисток и про литературный стенд-ап клуб для подростков во Владивостоке. Рассказывая про еще одно запланированное интервью с девушкой, которая хотела рассказать про права детей в Казахстане, Катя поведала мне о том, как она организует интервью: составляет и присылает интервьюируемому список вопросов, а потом записывает аудио, расшифровывает, редактирует, оставляя «читаемый» текст. «Читаемый» текст — тот, который, если судить по состоявшимся публикациям, касается именно ответов подростков про несправедливую к несовершеннолетним систему.

Таким образом, ощущаемая Катей «экспертность» и «авторитет», представление о том, какая информация релевантна для формата интервью, и натренированная способность заставлять любые детали говорить в пользу антиэйджизма как критики системы дискриминации несовершеннолетних — находили отражение и в стратегиях повествования Кати о самой себе. В интервью она представала исключительно как знающая и опытная антиэйджистка; а сама встреча с исследователем служила способом продемонстрировать свою позицию, и для чужака-антрополога, и для других участников паббликов, и вывести темы дискриминации детей и подростков в публичное пространство, иное по отношению к паббликам ВКонтакте. И эта роль, и это отношение к исследованию постепенно меняются на

протяжении моей полевой работы и переопределяют цели и содержание высказываний Кати.

«Мое первое исследование антропологическое»: из антиэйджиста-эксперта в исследователя подростков

В конце апреля 2022 года, когда полевая часть работы для магистерской диссертации подходила к концу, мы с Катей созвонились, чтобы поговорить о закрывшемся чате паблика «Голос неголосующих». Из разговора было достаточно понятно, что Катю беспокоят возможные последствия участия в антиэйджистских пабликах из-за сложившихся там способов обсуждения детского вопроса и политики:

Потому что если взять наш чат, распечатать и передать там — боже мой, там же, если помните, там был просто каждодневный... Может быть еще раньше, чем вы там появились... Там были каждодневные обсуждения... Если бы туда кто-нибудь внедрился — он в восторге бы умер там! Не успел бы донести, настолько был бы в восторге! До генерала! Всю эту переписку! Там, конечно, переписка была опасная (24.04.22: Катя, 19 лет, администратор паблика, 5 лет в АЭ).

В предыдущем разговоре Катя настаивала, что антиэйджизм — это единственный активизм, в котором она *именно участвует*, в то время как с феминизмом она была только согласна. Однако позднее стали все более уверенно звучать темы сопротивления, нонконформизма и общественной деятельности, которые ввели в разговор иные способы репрезентации активистских практик. Так, Катя уже была не только антиэйджисткой, но и активной зоозащитницей, которая спасала котов с улицы от местных «хулиганов-живодеров» и раскидывала листовки в цирке о насилии над животными, экоактивисткой, которая несколько раз участвовала в акциях «За чистый город» (15.09.22: Катя, 19 лет, 5 лет в АЭ). В этих темах Катя использовала собственную социальную категоризацию, разделяя всех персонажей своей истории на «правильных» и «общественных». «Общественные» — студенческий актив, которые, например, организовали в общежитии Кати флешмоб. Не желая участвовать в подобной «добровольно-принудительной» деятельности, Катя раздумывает о способах, как этого избежать и ищет поддержку, в том числе, среди подписчиков Telegram-канала Александры Архиповой*. «Конечно, вы это знаете. Саши Архиповой. Все антропологи должны держаться вместе, большой семьей. И я там

обсуждаю, и все начинают меня чморить <...> Все еще такие были на волне» (15.09.22: Катя, 19 лет, администратор паблика, 5 лет в АЭ).

К антропологии и исследованиям, в частности к моему тексту, Катя вернулась уже на следующей встрече, когда я спросила про текущую ситуацию в антиэйджистских пабликах:

Хочется, чтобы все нормальные вернулись. И мы «Голос неголосующих» возродили бы. Но это потом. Спустя некоторое время. Когда началась осень, когда все вздрогнули, мне хотелось вернуться. Почему бы не вернуться? Тема важная. Особенно для выпускников школ, особенно для тех, кто сдает ЕГЭ, кто в колледже учится. Эти темы нельзя обходить стороной. Но, к сожалению, там как-то не срослось. Но есть там один нюанс. У нас в городе... Мы с моей подругой, которая все еще в школе учится, мы с ней вместе хотим организовать группы поддержки, что-то среднее между антиэйджистским движением и группой поддержки. В реале. Назначать место, где и когда встречаемся, и приходить туда обсуждать. И в формате группы поддержки, как «Подростки и Котики». Ориентироваться на их опыт. Нам просто понравилось все это... И особенно почитав включенное наблюдение (27.11.22: Катя, 19 лет, 5 лет в АЭ).

Подписавшись на каналы разных антропологов, Катя стала активно участвовать в обсуждениях, например, присылая короткие истории в Telegram-канал Дмитрия Верховцева про утрату родного языка в семье или об этнической идентичности своих прабабушек и прадедушек.

К.: Вот кстати по поводу детской агентности, мне кажется, что это не совсем корректно. Ведь многие антиэйджисты уже совершеннолетние. Мы опираемся на опыт воспитания в своем детстве. Вот те же «Подростки и котики» основаны не подростками. Вот на заре — когда вы писали про зарю — вот там да, были подростки. Это вот скорее как ранние феминистские идеи высказывали мужчины: «Почему бы не дать женщинам равные с нами, венцами творения, права».

И.: Да, но я же очень старалась писать, про детскую агентность как про сюжет, как про то, что вы про нее пишете.

К.: А, ну как нарратив, нарратив в нашем дискурсе такой. Мне кажется действительно, мы создали хрень прославляющую детскую агентность, при этом строящуюся не на основе детской агентности. Я все-таки являюсь адептом, что это дело не только подростков. Что это дело и тех, и других (27.11.22: Катя, 19 лет, 5 лет в АЭ).

Спустя несколько дней после нашей встречи Катя написала мне, что пошла на курсы подготовки к ЕГЭ по обществознанию и истории и планирует поступать на антропологию.

С этого момента Катя перестает репрезентировать себя в наших разговорах как эксперта по антиэйджизму и становится «этнографом». Например, в апреле 2023 года, в день сдачи досрочных ЕГЭ по обществознанию, Катя прислала мне три аудиосообщения, в совокупности на 14 минут, с наблюдениями, как проходят экзамены и чем они отличаются от тех, которые она проходила в конце 11 класса (чат ВКонтакте 07.04.23).

Но главный «этнографический» и «антропологический» проект Кати начался чуть раньше — в феврале 2023 года, когда моральная паника о массовых беспорядках с участием подростков, которые носили одежду и использовали символику из аниме «Hunter x Hunter» и назывались ЧВК Редан, развернулась в российских медиа (см., например: [Громов 2023]).

К.: Антропологам, изучающим подростков, интересна ситуация с «ЧВК Редан» и некими «спортсменами» (офниками) и, вероятно, скинхедами? Там такая волна задержаний полицией, при этом что в России, что в Украине
Сейчас такие интересные процессы можно наблюдать, можно исследование провести

И.: конечно, многим интересно
а ты сама что про них думаешь?

К.: Я таблицу хочу составить по пабликам в вк, могу доступ дать к гуглтаблице
Короче, будет моё первое исследование антропологическое

И ещё хочу попробовать с несколькими людьми из Редана и движения против него поговорить

Кстати, а как до людей докапываться, чтоб не послали? Есть ли какие-то лайфхаки? (чат ВКонтакте 27,28.02.23)

Формулируя для себя цель «написать исследование», Катя подписывается на паблики ВКонтакте и Telegram-каналы, посвященные ЧВК Редан, которые предположительно создают их сторонники и противники, и ведет подробный учет того, кто и как высказывается о самом объединении, политике и насилии. В то же время Катя отправляется в «поле», на сходку местной группы ЧВК Редан в торговом центре. Перед этим она впервые сама просит созвониться: «Обсудим редан и всё, что с ним связано?»

А вдруг меня забанят там везде, так как это выглядит подозрительно?
Ты сама с этим сталкивалась
Время такое, что любой, задающий подобные вопросы вызывает тревогу
Потому что "че это ему надо, он че, мент что ли?"
А я ещё даже не поступила никуда
Пруфов, что я типа антрополог - нет

Опрос ещё ладно

А вот интервью?

Я, конечно, пойду 11 марта вживую уже с прицелом поговорить с людьми

(там, наверное, ещё запись вести придётся, вот тоже как это людям объяснить? Не всё же можно запомнить)

(чат Telegram 06.03.23)

Параллельно с этим Катя присылает в наш чат статьи, которые писали о ЧВК Редан, с комментариями, например, что авторы не отметили на карте ее город, хотя редановцы здесь есть (Катя же их исследует), или неправильно описали, что редановцы делают в чатах (так как Катя следит за ними в режиме реального времени и пытается там общаться); пробует ставить исследовательские вопросы и комментирует свои наблюдения: «но у меня создаётся впечатление, что мы видим образование сообществ приятелей в чатах, посвящённых редану. Люди играют в мафию, обсуждают вещи, не связанные с этим»; или замечает сдвиг в собственных представлениях о социальных процессах: «но мне просто интересно, что такая конспирология распространяется и среди подростков, а мне раньше казалось, что такое больше цепляет родителей» (чат Telegram 1–7, 9–14.03.23).

Разочаровавшись, что в Омске закрыли кафедру антропологии, а для поступления в Томск ей недостаточно баллов, Катя в итоге подает заявление на образовательную программу музеологии. Описывая мне свое решение, Катя говорит:

Это истфак тот же, но с упором на материальную историю, на музей. Ну то есть это похоже на антропологию, и академическая разница там особенно не большая. Я подумала, что я могу поступить туда, а потом перевестись на антропологию. Или в магистратуру уже (28.08.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ).

Опознавая в себе «антрополога» или «исследователя» и именно подростков и подростковой культуры, Катя приходит к выводу, что заниматься антиэйджизмом в пабликах ВКонтакте ей «надоело», с одной стороны, а с другой — что этим нужно заниматься, но иначе, а именно с «экспертами», «умными людьми», «интеллигентами, которые прочитали миллиард книг».

И.: Но люди все равно в чате.

К.: Ну да в принципе. Мало чем отличается от состояния три года назад. Как обычно. Но при этом, как-то у меня, мне с этим все меньше и меньше хочется что-то делать. Мне сейчас по-другому... То, что раньше я делала, не получится делать. Хочется чего-то другого.

И.: Про что ты сейчас?

К.: Да, я вообще говорю про все это, про паблик. Мне вот эти всякие штуки, связанные с этим всем. Мне кажется, мне нужно сейчас знания нарабатывать с этим всем. То есть как-то хочется скорее изучать это явление. Потому что, чтобы с ним бороться, его нужно изучать сначала. Мне кажется, это правильный подход. То есть мне кажется, можно продолжать говорить «все в дерьме», «все плохо». Но что конкретно является [эйджизмом]? И, что немаловажно, что ты предлагаешь взамен? Многие на этот вопрос... Ну отвечают... Но противоречат сами себе и друг другу. И грустно все это (28.08.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ).

Таким образом, Катя в наших разговорах деконструирует роль «эксперта-антиэйджиста» — в ответ на обострение страха за безопасность, которое она опознает у себя в связи с эскалацией насилия и которое участие в антиэйджизме больше не может купировать связями внутри сообщества или оправдывать идейно важной деятельностью. Вместо антиэйджизма Катя выбирает антропологию как желанную профессию и призвание. Если интерпретировать этот сюжет в контексте понимания антиэйджизма как вернакулярной критической теории, то можно сказать, что по крайней мере для одного из участников академия и гуманитарные науки опознаются как способ ре-легитимировать язык системного неравенства несовершеннолетних. Так, антропология все еще отвечает антиэйджизму как интеллектуальному проекту — по мнению Кати, она помогает рассказывать о реальной повседневности подростков и влиянии на них социальной и политической сферы — и потенциально, но не обязательно, работает на дело антиэйджизма как активистского объединения в пабликах ВКонтакте. Именно в такой диспозиции ролей для Кати стало возможно говорить о своей биографии не только в качестве предлога для антиэйджистского высказывания.

Во время нашей последней встречи, когда изменение того, как Катя воспринимает разговоры со мной, стало очевидным, — я пошла на эксперимент и стала задавать вопросы, на которые и Катя, и другие мои собеседницы и собеседники последовательно отказывались отвечать. Далее я расскажу о трех сюжетах — местах проживания, семье и школе, — которые проливают свет на жизнь Кати до, во время и после антиэйджистских пабликов ВКонтакте.

«Я росла в селе — фактор, который повлиял на мою жизнь»: дихотомия село-город и пространственные контексты активизма

Катя родилась и жила примерно до 14 лет в селе на юго-западе Сибири. «Село не очень большое, то есть это поселок городского типа, то есть оно на болотах, лесостепь», численностью 3600 человек (на 2020 год) (19.09.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ).

Повествование Кати о сельской жизни практически не отличается от нарративов сельской молодежи, которые появлялись в работах Надежды Андреевны Нартовой и Яны Николаевны Крупец или Елены Владимировны Лярской и Ксении Андреевны Гавриловой: он также подчинен метанарративам противостояния села и города и содержит одновременно обе части дихотомии «сельской идиллии» и «сельской скуки» [Нартова, Крупец 2019: 356–357; Лярская, Гаврилова 2020: 336–337]. Катя проводит границу между селом как природной, красивой и приключенческой территорией и селом как «неблагополучным» местом с «нулевой культурой» и «неприятными людьми». Так, ландшафт села для Кати становится пространством разворачивания ею же выдуманного паракосма, страны-мечты:

Село было наподобие места, которое я придумала. Вот оно было. Село — оно было уменьшенной копией всего. Все эти мосты, дорожки, тропинки, все это переносилось в воображении и становилось магистралями, горами, ущельями, лесами. Все это было. Все эти места, они были в голове на карте. У нас был большой участок, было много мест, в которые я ходила (19.09.23: Катя).

Как и большинство подобных кейсов [Лойтер 1998; Малая 2017], такая выдуманная реальность представляет собой фикшн-этнографию с подробным описанием выдуманных языков и народов, их истории и политических отношений: «...у меня был свой живой мир, в котором я жила, воображаемый, в котором была своя культура, свои науки, свои страны, которые друг с другом враждовали, заключали союзы, у них были свои политические дразги» (19.09.23: Катя). Одним из центральных слоев в этом вымышленном мире стала экосистема насекомых и зоопланктонов, чей мир был гуманизирован и помещался в нарративное пространство села-мечты, а позже выделился в отдельный текст («сборник повестей» под названием «Зоопланктон», единственный сохранившийся из этой вселенной «наивной» литературы). Для игры в страну-мечту и повествования о ней характерны квазиэтнографический [Малая 2017: 135] и, в данном случае, квазиисторический и квазиестественнонаучный дискурс, заимствованные из детских энциклопедий, посвященных мифам античной Греции, средневековью и биологии (которые Катя тоже упоминает в своем рассказе).

«Сельская скука» в повествовании Кати дополнительно расширяется за счет негативного восприятия односельчан. «Не совсем идентичность», но обобщенный социальный портрет окружающих, который противопоставляется членам расширенной семьи информантки (за исключением «деда, он того, кричать любил, типичный представитель N. Он прожил в [селе] всегда, он коренной N») и других «городских» жителей:

К.: Я не особенно любила то место, потому что оно было отвратительным. Несмотря на то, что там природа довольно красивая, люди там нехорошие. Ну или не то, что нехорошие, просто у нас не получалось с ними никакого общения. <...>

И.: А ты говоришь, что не могла найти общий язык — это про детей и подростков или про взрослых тоже?

К.: Вообще про всех. Ну то есть понятно, что это все одно, что это сообщающиеся сосуды. Вообще N похоже на такую дыру, которая оставляет отпечаток на каждом человеке. В принципе, что характеризует это село? Естественно, сплетни. Уровень культуры нулевой практически. Была библиотека только — детская и взрослая, и школьная еще была библиотека. Для детей было пространство, где проходили утренники. И церковь. Но в церковь я не ходила вообще. У меня бабушка ходила, а родители не ходили. И там люди в этом селе такие: если ты выделялся как-то из общей массы — у тебя были другие интересы, ты как-то по-другому себя вел — это порицалось. И в принципе там люди плели интриги против друг друга, они все время друг друга критиковали, не было никакого принятия, пытались обмануть, наколоть. Много людей пили, валялись на дороге. Все. И поп, и так далее. Там были учителя. Не скажу, что мне там доводилось встречать хороших учителей. Одна была женщина-педагог — она вот мне нравилась. Но я потом туда тоже перестала ходить. Несмотря на то, что она была хорошим мирным человеком, ничего не могла сделать с теми детьми, которые ходили к ней на кружки, как-то повлиять на них. Она просто нежная была. А у них были нравы, все не хотели друг к другу гуманно относиться. И все как-то стремились подчиняться или подчинять как будто (19.09.23: Катя).

Свою не-принадлежность к селу Катя подчеркивает рассказом о родителях, которые жили в Омске до ее рождения и вместе с Катей и ее двоюродной сестрой оказались «изгоями» в селе. Социальные связи родителей и самой Кати были локализованы в Омске («И вообще все в Омске были, с которыми они общались, — и друзья, и знакомые»), как и все «счастливые» практики потребления — кафе, театры, кино, музеи и галереи, — которые, по воспоминаниям моей собеседницы, входили в родительские стратегии воспитания «образованного и творческого» ребенка. Постоянные, но не частые, перемещения между N

и Омском становятся важной историей, в которой Катя конструирует «себя» через «свое» место и сообщество:

И.: А от Омска далеко до вашего села?

К.: 300 километров. По меркам Сибири — это не близко и не совсем далеко. Там чтобы на выходные ездить — нет, а так чтобы ездить раз в три-четыре месяца. Ну и мы небогатые были люди, и вообще. Мы ездили редко, и для меня это было всегда событие. Рано разбудят. Я всегда очень этого ждала. Для меня всегда это было что-то невероятно. Я очень хотела жить в городе. Потому что в городе все было <...> Чувствовала там себя счастливым человеком. И я очень хотела переехать в Омск, и мы переехали в Омск, и я была очень рада. И в [селе], вообще там, я считала себя... У меня не было N-ской идентичности. «Я N-ка» — я не хотела так говорить. Потому что мне не хотелось там быть, и я чувствовала, что я чужая там. Я даже, когда у нас в школе проходил опрос, я написала, что я прописана в Омске, хотя я не была прописана в Омске. Но как-то так все было. Ну не то, чтобы эта была идентичность, что они гордились там этим и все такое. Во-первых, это было отношение такое, что мы провинция и периферия, и что мы едем в город, накраситься. Они относились к городу — они чувствовали себя там более чужими, чем мы. То есть город для них был другой. Который нужно изучать и очень много походить. То есть это было как-то... Для меня он был привычный. Потому что мы ездили чаще, это было приятно, вообще все было хорошо, особенно летом. Вот в речи это хорошо проявлялось. Люди говорили: «Поехали в город». А я говорила: «Поедем в Омск». Для них город — это было что-то совсем другое. Вот человек поехал в город — это все, это значит он умный и красивый. Мне так не казалось, но мне хотелось переехать в город. Вообще я тоже во многом, наверное, была... Чувствовала, что я больше причастна к таким местам, считала, что я знаю про городскую жизнь больше, чем они, потому что как-то так выходило. К тому же у меня родители долго жили в городе. У меня родители туда ездили зарабатывать (19.09.23: Катя).

В «своем» месте Катя начинает знакомиться с активизмом, в том числе, направленном на улучшение городского пространства. Как было упомянуто выше, Катя, будучи школьницей, участвует в экологических акциях «За чистый город», волонтерит в зоозащитных организациях. Катя воспринимает Омск как место с «плохим гражданским обществом» (28.08.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ), но с множеством возможностей для его развития, в том числе в рамках антиэйджистского проекта. И в следующем примере, и в интервью, в котором Катя рассказывала о планах организовать антиэйджистскую группу поддержки (27.11.22: Катя, 19 лет, 5 лет в АЭ), именно городская сцена создает возможности для подобных инициатив:

И начинаем в Омске проводить какие-то мероприятия в оффлайне, какие-то встречи — у нас благо город позволяет. У нас есть для этого возможности: у нас есть коворкинги, разные площадки, на которых можно проводить мероприятия. Если этих площадок нет, то у нас на худой конец можно прийти в сквер, в центре, там часто подростки общаются между собой, и провести что-то маленькое тихое, не слишком орущее (14.08.21: Катя, 18 лет, администратор паблика, 4 года в АЭ).

Два режима, где проходит «настоящая» жизнь Кати, — «село-мечта» и «город» — выстраивают фон для саморепрезентации себя и своей семьи как «творческой», «андеграундной», «интеллигентной», которая стратегически исключает сама себя из участия в сельском социальном мире, а именно отказывается от сплетен и отношений «подчиняться или подчинять».

Любопытно, как стратегия описания «знакомства с антиэйджизмом» как перехода от пассивного, подчиняющегося ребенка в субъекта, понимающего несправедливость существующей системы отношений и желающего с ней бороться, оказывается созвучна нарративу Кати о собственной жизни. Рассказывая о своей биографии, она повествует о трансформации себя из социального изгоя в субъекта, претворяющую улучшенную версию мира не столько для себя, сколько для других, — и сопровождает каждый сюжет этой истории собственным анализом социальных отношений. Несмотря на начавшееся разочарование в антиэйджизме, Катя все же думает о том, как «сельское» и «городское» подразумевают разные конфигурации возможностей для его организации — наличие или отсутствие площадок для реализации потенциальных проектов и аудитории, которая вдохновляет на эти проекты, испытывает в них необходимость и может их оценить.

«Они люди, скажем, такие творческие, не какой-нибудь там рабочий класс, ничего такого из этой оперы нет»: новое родительство и контексты личного творчества

В наших первых разговорах Катя упоминала родителей несколько раз, превращая собственный опыт в антиэйджистское высказывание — в высказывание, нацеленное подчеркнуть несправедливость положения детей и подростков в целом.

У меня все это было: и травля в школе была, и были конфликты с родителями, и был у меня отказ в медицинской помощи. Вот болезненный такой момент, все это было довольно унижительно. Когда тебе семнадцать лет, а ты вынужден с родителями договариваться о каких-то личных передвижениях <...> Родители у меня, не скажу,

чтобы жесткие консерваторы в этом отношении, но при этом они не все понимают и не все принимают. И часто они говорят: «Что ты выделяешь людей по возрастному принципу? На самом деле, не все же с этим связано, на самом деле, общество у нас так устроено. Что вот люди, власть имущие, — они вот такие вот гады». А я говорю: «Люди, власть имущие, — они гады, но у нас люди, власть имущие, они кто? Правильно, они взрослые» (21.07.21: Катя, 18 лет, администратор паблика, 4 года в АЭ).

По реконструкции Кати социального и экономического портрета ее родителей можно узнать, что они «творческие» люди, «выходцы из какого-то андеграунда». Родители получили высшее образование, психолога и философа, но не работали по специальности (мать относительно недавно устроилась на должность психолога в реабилитационном центре, а отец не держит постоянную работу, но, например, некоторое время работал методистом в общественно-патриотической организации Омска). До рождения Кати они владели картинной галереей в Омске, но после кражи картины закрыли галерею, переехали в село, где жили родители отца, и стали зарабатывать «тем, что делали игрушки и продавали их на улице» (и это был их основной источник заработка). Творческий труд и круг постоянного общения родителей, состоящий их «художников» и «поэтов», для Кати становится точкой отсчета ее восприятия себя как автора и, в том числе, объяснением, почему ей так легко было стать антиэйджисткой и писать про угнетение детей и подростков:

Ну я в творческой семье росла — так что все нормально. В таком окружении. Друзей моих родителей, художников, поэтов, которые всегда вот это, всегда все песни писали, я до сих пор их пишу. Все время была в окружении какого-то творчества. Всегда, наверное. Родители лепили игрушки из глины и их продавали. Я всегда жила в этом всем. Все время это все. Наблюдала, делала себя. Физически я была все время неразвита. Понятное дело, что все это творчество, воображаемый мир он был постоянно со мной и сейчас со мной. Я стала писать — это закономерно, вот это все придумывая. <...> Идей у меня всегда было много, а писать тексты я стала лет в восемь-семь. Когда в школе учат писать детей. Первые мои рассказы были про всяких ученых, изобретателей. Потом стала писать стихи. Потом стала писать книгу про вот этот мир, по типу Толкиена, рассказами, она получалась большая. У меня были наблюдения... Что, например, фанфикшн, для девочек, где было все это сообщество, фидбук, где все делились своим творчеством, нередко эротического содержания — у меня такого не было. <...> У меня тема любви в произведениях практически всегда отсутствует. Потому что у меня... Бывает как-то в эпизодах, но не полноценными линиями. Потому что мне было это неинтересно. У меня было много всякого другого. У меня практически во всех произведениях идет тема про дисциплинарные институты, как ты говоришь, это

больницы, школы, детские дома, тюрьмы, государства закрытые, инквизиция. <...> И у меня не всегда, но часто такие сюжеты, связанные с государством, с тоталитарными элементами. Ни разу в жизни так чтобы сесть писать про демократическое государство — я ни разу этого не делала. Потому что мне не с чего этого делать, а просто писать о том, чего я не представляю... (19.09.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ).

При этом Катя репрезентирует родителей, чьи политические взгляды оказались важны для ее версии себя, но чья общественная жизнь, жизнь в окружении других, должна быть раскритикована. Так, в нарративе Кати одной из актуальных и проходящих через все повествование о расширенной версии семьи темой оказывается противостояние авторитарным режимам:

Мои родители — люди довольно прогрессивные, но все равно некоторые вещи... Которые, скажем так, так было принято и иначе было нельзя. Все дети своего времени, своей эпохи. Мои родители намного более аполитичные, чем я, но с этим... Ко всему этому... Там Сталина не любили. Вот моя прабабушка, которую даже не знаю, но она была очень крутая. <...> Когда к ней пришли чекисты во время раскулачивания, у них было большое добротное хозяйство, потому что она много чего умела делать. Она вообще все умела делать. Своими руками. Начиная от пива и заканчивая кружевами. И у них было большое хозяйство. И когда к ним пришли — им сказали, что они заберут поросенка. И она на их глазах прирезала поросенка и сказала, что нет никакого поросенка. Еще она у себя в огороде закопала швейную машинку Зингер, чтобы потом, когда чекисты ушли, можно было ее достать. Предки мои репрессированные, их отправили сначала на болота, но там они выжили, и их отправили в Магадан. Потом они бежали оттуда на теплоходе. И у них даже корова была, в трюме. Они доили и пили ее молоко. И они доплыли до острова на севере, Новой земли, остров белых медведей, но они не смогли дотуда доехать и были вынуждены вернуться. И все родственники оседали по пути обратно. И вернулись к нам. У меня там как раз были предки — и их там расстреляли, когда они решили вернуться (19.09.23: Катя).

Однако именно «аполитичность», или отказ участвовать в гражданском обществе и работать на благо всех, для Кати становится местом противопоставления себя от «наследования» взглядов и истории членов семьи. «Я по натуре активист» и «я просто человек такой», которые Катя не раз использовала на протяжении всего нашего знакомства, в контексте ее биографического нарратива становятся актуальным способом создания контраста между собой и остальными родственниками и фрагментом самоопределения,

предваряющим, а впоследствии поддерживающим и вытесняющим ее антиэйджистскую деятельность (см. параграф «“Мое первое исследование антропологическое”...»).

Реконструируя модус родительства, внутри которого выросла Катя (со всеми оговорками об ограничениях такого хода), я могу предположить, что практики воспитания и отношения к ребенку родителей Кати были созвучны тенденциям кооперационного и неимперативного родительства, которые Мария Львовна Майофис и Илья Владимирович Кукулин опознают в российском обществе 2000-х годов. Очерчивая контекст появления «нового родительства», авторы выделяют игнорирование политической элитой «семейных ценностей» в 1990-х и начале 2000-х и появление публичных площадок обсуждения практик воспитания, онлайн-форумов и публицистических изданий, напрямую не связанных с государственной семейной идеологией. Но более близким к Катиному изображению семьи становится тезис о наследовании или имитировании ролевых установок интеллигентных семей, которые воспринимались как элемент общего «не-советского» поведения, «так как предполагали эмансипацию от поощряемого государством социального порядка» [Майофис, Кукулин 2010: 8–9]. Суть новых родительских практик заключалась в «спецификаторской установке», в рамках которой интересы ребенка и оказывались в центре родительских микрополитик поведения, и понимались как специфические, соответствующие разным фазам детского развития.

Вообще было довольно странно в этом плане — я скажу честно. Они старались, чтобы я не нервничала. Мне хотелось больше свободы всегда, мне хотелось быть более автономной всегда и принимать больше решений. И все такое. Хотелось самой больше вещей делать. Но не сказать, чтобы я была бунтаркой. Это позже началось, когда я в школу пошла. В кружки меня никогда никуда не записывали [наильно] — я сама выбирала. И я в музыкальную школу ходила, и в художественную школу ходила, и ходила в класс, где мы биологические всякие исследования проводили. А с мамой мы много читали, там была большая стопка, и мы из нее выбирали и читали, и мама читала, и я читала. С папой мы играли — я лепила из пластилина жуков, деревья, в которых они жили.

[Двоюродная сестра] играла на пианино, она танцевала на пуантах, она училась в художке, она училась в музыкалке. Ее постоянно запикивали в разные конкурсы. Она любила участвовать. У нее вся комната была увешена грамотами. Она росла в такой нездоровой обстановке, когда перед ней преклонялись. Из нее делали культ. А я исходила из такой семьи, где из меня никакого культа не делали. И я была более социальной. И я всегда любила науку и вот это все. Я с первого класса участвовала в научных конференциях школьников и во всех таких вещах. Мне нравилось проводить

опыты, мне нравилось наблюдать за птицами, за животными. Мы с родителями делали камеру-обскура своими руками (19.09.23: Катя).

Таким образом, через рассказ о семейной истории Катя восстанавливает генеалогию своего участия в антиэйджизме. С одной стороны, антиэйджизм, никогда не обращавшийся к темам советских репрессий или раскулачивания, оказывается созвучен антиавторитарным убеждениям ее прабабушек и прадедушек (против советской власти); с другой — именно творческая семья и ее окружение подготовили Катю к роли автора в антиэйджистских пабliках. При этом Катя довольно большое место отводит сюжетам о родителях, которые проявляют внимание к ее интересам, — сюжеты, которые не появлялись и не появляются в разговорах с последовательными антиэйджистами (например, с Катей в 2021 году или со Степой, биография которого будет представлена далее) и которые опровергают предположения, что все антиэйджисты — это подростки, обиженные своими родителями¹⁴¹. Более правдоподобным кажется то, что участие в антиэйджизме просто исключает эти и подобные сюжеты из рассказов участников как непоследовательности, которые требуют усилий, чтобы и представить их, и не потерять антиэйджистское лицо.

«Школа... Я добра от нее не ждала»: смена форм обучения и военно-патриотическое воспитание

На протяжении школьных лет Катя сменила три школы, одну в селе и две в городе, и три года провела на семейном обучении. Рассказывая об этом, Катя представляет себя главным актором решений: «я поняла, что так дело не пойдет», перед тем, как пойти на семейную форму обучения; или вернулась в общеобразовательную школу, потому что это «правильное решение», чтобы вырваться из ситуации когда ей «все равно было плохо, потому что [она] чувствовала себя несвободным человеком, вся жизнь [которого] замыкалась в маленьких вещах» (19.09.23: Катя). Очевидно, что «ее решения», с одной стороны, включали и решения ее родителей, с другой — происходили внутри системы образования, которая диктовала конкретные возможности и ограничения.

Согласно Майофис и Кукулину, отличительная практика нового родительства — «сознательный выбор новых институций, которые родители допускают к воспитанию своих детей» [Майофис, Кукулин 2010: 9]. Помимо частных детских садов и различных кружков, курсов и центров дополнительного образования в этот перечень новых институций можно

¹⁴¹ Такое предположение я слышала как со стороны самих антиэйджистов, так и со стороны некоторых моих коллег. «[В] антиэйджизм от хорошей жизни в семье не идут» (16.09.21: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

помесить и новые формы среднего образования, которые стали возможны, в том числе, как альтернатива очной школе в первые годы существования Российской Федерации [Закон 1992]. Несмотря на то, что на уровне государственной риторики именно родителям, а не школе и государству, были делегированы полномочия контролировать образование детей — среднее школьное образование фактически остается общеобязательным, а выбор семейной формы обучения еще недавно опознавался как «ультрасовременная» практика [Поливанова и др. 2023: 4]. Неопределенность образовательных и отчетных механизмов для семейной формы обучения, в том числе на уровне законов об образовании, превращают исход выбора образовательной траектории для школьников в лотерею, когда в одном месте школа идет на встречу и поддерживает учеников и родителей, а в другом — школьная администрация и учителя создают препятствия при сдаче промежуточных тестов, выступающих единственным основанием продолжения семейной формы [Lyubitskaya, Polivanova 2022]. По данным исследования, проведенного Институтом образования НИУ ВШЭ, семейную форму обучения статистически чаще выбирают родители, у которых есть высшее педагогическое или психологическое образование, профессии которых «творческие, связанные с высокой степенью самостоятельности», бизнесом или собственными проектами, без занятости на полный рабочий день [Поливанова и др. 2023: 7]. В этой перспективе случай Кати оказывается статически «типичным» и соответствует усредненному «профессиональному» портрету родителей, выбирающих альтернативные формы обучения (хотя, я предполагаю, что в то же время их положение может значительно отличаться по уровню доходов от положения информантов из указанных выше исследований).

Но при этом моя сестра воспитывалась бабушкой, а бабушка — учительница русского и литературы. И у нее школа... И у нее школа как институт. Она ей была более близка, чем мне. Она хотела и любила туда ходить. Ей нравились все вот эти вот — к доске выходить, парты, атмосфера, сама идея. А мне совсем нет. Мне не хотелось ходить в школу. Вообще. Мне хотелось, чтобы меня все это обошло, потому что... Эти противоречия изначально были видны. Что все вокруг говорили, что школа — это хорошо, а там дети сидят и двинуться не могут, и им постоянно что-то пытаются втохтать, ну явно что-то нехорошее. Я добра от нее не ждала (19.09.23: Катя).

Критика школы, центральный троп антиэйджистского проекта, выдержала и кардинальные изменения риторических стратегий, и трансформации представлений о по-антиэйджистски правильных детях о подростках, и испытания внутренними противоречиями и конфликтами между администраторами пабликов, когда версии

антиэйджизма должны были принципиально отличаться друг от друга. Разговаривая про то, какова цель антиэйджизма, мои собеседницы и собеседники выходили на один и тот же образ «мира без эйджизма», который конструировался через общепринятые в антиэйджистской среде идеи — свобода детей и подростков в принятии решений, отмена возрастных ограничений, в особенности по отношению к информации, участие детей в трудовых отношениях и политической сфере. Реформирование школьной системы в «мире без эйджизма» предсказуемо занимает значительную часть рассказа Кати:

Что еще может быть в этой утопии? Школа. Во-первых, дети имеют свободу, право свободного выбора в плане формы обучения. Семейное, экстернат, очное, очно-заочное, очное со свободным посещением — мне кажется, должна такая появиться, — дистанционное. Разные формы. И они могут выбирать, каким образом им получать знания. Когда они пройдут базовые курсы, потому что такие знания, которые нужны для выживания человеку, тогда — после этого или во время этого — они могут выбирать дополнительные уроки, а потом уже они пойдут в старшую или среднюю школу, они могут полностью выбирать, чему учиться. Потому что, во-первых, как-то станет меньше насилия в их адрес. Если эйджизма станет меньше, потому что зачастую насилие над детьми — это часто, особенно если это домашнее насилие, про него сейчас говорим, про школьную травму, оно менее... На него меньше обращают внимание. А если обращают внимание, то часто обвиняют жертв. Просто общество так относится. Также станет меньше принуждения по отношению к детям, к несколько неприятным для них вещам. Мир безопаснее, когда ты можешь в любой момент, если ты находишься в школе, а к тебе там плохо относятся, тебя там держат в этом классе, то ты в любой момент можешь оттуда уйти. То есть если ты с кем-то поссорился, то тебе необязательно как-то... То есть если ты с кем-то поссорился, то ты можешь рассчитывать на нормальную помощь со стороны учителей, со стороны начальства, а не рассчитывать исключительно на себя и на свои кулаки (21.07.21: Катя, 18 лет, администратор паблика, 4 года в АЭ).

Во время интервью меня все время настигало обывательское любопытство, говорят ли мои собеседницы и собеседники и про себя тоже или только пересказывают типичные для пабликов тексты и утверждения? С аналитической точки зрения, такая постановка вопроса нерелевантна, так как граница между одним и другим модусом рассказа аморфна и никогда не сможет быть подтверждена. К тому же выбор между биографическим и обобщенным нарративом может диктоваться и канонем антиэйджистских высказываний, принятом в конкретном паблике (что точно известно для публикаций и предположительно могло распространяться на устные рассказы авторов), и самим фактом участия в пабликах (см. размышления об анонимизации как общепринятой стратегии активных

антиэджистов). Тем не менее, в случае Кати появление биографического нарратива позволяет увидеть аналогичные истории, которые с разницей в два года появляются как антиэджистский проект «мира без эджизма» и как реконструкция собственного опыта школьного обучения. На полях можно подчеркнуть, что все проблемы школьной системы, которые Катя упоминала на наших первых встречах, обрели своих двойников в виде развернутых описаний событий из жизни. То, что очевидно не было намерением моей собеседницы, может более или менее служить подспорьем для предположения, что, артикулируя антиэджистский проект в начале нашего знакомства, Катя ориентировалась именно на собственный опыт как на сюжетный каркас, импровизируя вокруг него обобщенную критику неравенства детей и подростков. Например, Катя рассказывает о выборе семейной формы обучения, говоря и о травле и способе решить ее кулаками, и о желании перейти в другой класс, и о потребности в участии учителей и школьной администрации в разрешении конфликтов:

Одна девочка... Она раздражала меня на физкультуре на первом занятии. И она меня начала обзывать. И я ей решила... Решила врезать. Но врезала не ей, потому что у меня была плохая память на лица. И вообще я там много плакала. Все меня обижали. Классная руководительница ничего с этим не делала, говорила, чтобы я не обращала внимания. <...> И потом мне настолько стало невыносимо это место. Я помню, что я пошла к директору школы и сказала: «Сделайте что-нибудь, пожалуйста, я не хочу, меня все обижают, все ненавидят меня». И мне сказали: «Тебе надо просто с ними подружиться». И я прогуливала в школьной библиотеке. Я отпрашивалась с урока, шла в библиотеку и сидела и читала книгу. У меня начались панические атаки, и я стала прогуливать школу, сидя дома. Мне становилось очень плохо. Я поняла, что так дело не пойдет (19.09.23: Катя, 20 лет, 6 лет в АЭ).

Наиболее часто, реконструируя школьный опыт, Катя описывает практики принуждения со стороны учителей — к написанию текстов для школьных стенгазет, к сдаче психологических тестов или к внешнему виду, рассказывая даже такие случаи, когда учительница заставила школьника сидеть с голым торсом на уроке из-за «неправильной» рубашки. Однако главным предметом критики для Кати становится военно-патриотическое образование, в рамках которого со школой происходит больше всего столкновений.

Когда у нас был смотр строя и песни, я сказала, что я не буду участвовать в смотре строя и песни. И меня вывели перед строем одноклассников, которые уже были наряженные, осталось только пагоны прикрепить к плечам. Она вывела меня перед ними и сказала, что я предатель, что я бегу с поля боя и все такое. <...> И вообще вся эта школа была

пропитана духом какого-то насилия. Местами в какой-то шуточной форме, местами не в шуточной. Как-то все время витало в облаках желание побить учеников, какой-то там, либо в шутку, либо всерьез. Я помню, у нас было в классе два человека, которые хорошо писали тексты, — это была я и еще одна одноклассница. Я помню, меня и еще одну одноклассницу вызвали с урока и сказали, что нужно написать текст про героев России, про патриотизм что-то такое. Что-то про то, что «родину нужно любить — родине нужно служить». Какая-то такая формулировка, которая мне не понравилась. И я ей сказала. Я по тем временам была человеком, который, конечно, на баррикады лезть (19.09.23: Катя).

Военно-патриотическое воспитание несовершеннолетних¹⁴² в Омске, как замечает Анн Лэ Уэру, которая проводила полевое исследование в 2007–2009 годах, активно осуществлялось именно снизу, средствами местных учителей, краеведов, работников музеев и через достаточно большую сеть локальных организаций и коллективов. Эта военно-патриотическая инфраструктура опознавалась как сверху, так и снизу как слаженно отработанная и обязательная к выполнению «рутина» [Le Huérou 2015: 29–30, 32, 37, 42–43]. «Равнение на победу», зарницы, конкурсы военно-патриотических песен и поэзии, строевые смотры и мероприятия «Юнармии» стали обязательной повседневностью Кати и ее одноклассников, а для Кати — еще и поводом для поиска антиэйджизма и участия в нем, и материалом для будущих публикаций.

Спустя год после того, как Катя нашла антиэйджистские паблики, в 2018 году — проходят выборы президента России и выборы президента школы, которые для Кати воспринимаются как два взаимосвязанных и протекающих по одной и той же логике события.

И у меня, конечно же, было желание выдвинуть свою кандидатуру. И идея была такая — создать книгу жалоб и предложений, чтобы ученики могли писать, что им нравится, что не нравится, что бы они хотели изменить. Свободы, одним словом. <...> У нас была стена, на которую все эти плакаты [с программами кандидатов] нужно было приделывать. И там были другие кандидаты, но они, говоря языком политики, были кандидатами, которые полностью были... Как сказать... Поддерживали курс этой школы и хотели, чтобы там все также... У них были неинтересные тезисы и так далее. Начался день тишины перед выборами. И я обнаружила, что мой плакат сорван и выкинут в туалете.

¹⁴² Подробнее об истории военно-патриотического воспитания в РФ, его инфраструктуре и репрезентациях см., например: [Blum 2006: 100; Sieca-Kozłowski 2010: 74–75, 79; Hemment 2015: 13–15, 29–30; Tsyrlina-Spady, Lovorn 2015: 42–43, 47–48, 53–54; Bækken 2019: 3, 22–28; Alava 2021: 257–258, 267–268, 271–272].

Когда я обнаружила плакат сорванным, там стояли мальчики и похихикивали. И я спросила: «Это вы это сделали?» Они сказали, что их попросили это сделать. Начался день выборов. И все мы должны были проголосовать. Я говорю: «Я не буду голосовать. Я хотела быть кандидатом — а теперь я не буду голосовать». Мне дали бумажку с фамилиями детей, где надо было отметить. Я ее испортила. Потом классуха стала проверять все бюллетени. Конечно, никакой тайны голосования не было. Мне все высказала — что я вообще, что я берегов совсем не вижу, что я капец какая поехавшая, что я проблемы на пустом месте создаю. А я, конечно, хотела проблемы на пустом месте создать... Ну то есть грех не поучаствовать в политическом скандале! Я перестала ходить в эту школу (19.09.23: Катя).

Таким образом, именно школа оказывается ареной, на которой Катя впервые опознает и неравенство несовершеннолетних в целом, и их угнетенное положение в образовательных институтах. При этом ситуации этого опознавания связаны не только с «некомпетентными» или «грубыми» учителями и школьной администрацией, но и с мероприятиями, которые Катя понимает как элементы совершенно другого уровня — государственной политики. Регулярные столкновения в школе с военно-патриотическими программами или проведение аналогии между выборами президента школы и президента России, кажется, довольно сильно резонируют с тем пониманием дискриминации прав детей и подростков, который формулирует Катя в антиэйджистском сообществе и в собственном паблике, — как вопрос системного неравенства, решение которого зависит от реформ как на общественном уровне, так и на государственном.

4.3.4. Биографическое повествование: Степа

На момент нашей первой встречи Степе исполнилось 18 лет, и он только что поступил в Московский Городской Педагогический Университет. Он не был постоянным автором БЗР и «Голоса неголосующих» — за все время своего участия в антиэйджизме Степа написал пару постов об авторитарных родителях и записал два видео для своего канала на YouTube с рассказом о социальных проектах и фондах помощи детям, пострадавшим от насилия в семье, и о неэффективности возрастных ограничений. Больше времени Степа проводил в групповых чатах, в которых он делился новостями, связанными с детьми и подростками в России, и активно участвовал в обсуждениях различных вопросов антиэйджизма. Мне удалось поговорить со Степой только два раза, в сентябре 2021 года и осенью 2023.

«Я считаю, что я принадлежу к какому-то общему делу. В надежде, что оно когда-нибудь заработает...»: контексты неизменности антиэйджизма и антиэйджиста

Со Степой я познакомилась в сентябре 2021 года, когда начала писать участникам чата «Голос неголосующих». В это время он проживал в Москве, и я воспользовалась случаем поговорить хотя бы с одним антиэйджистом лично. Мы встретились в пространстве «Пушкинский.Youth», бесплатном коворкинге, который Пушкинский музей создал специально для школьников и частично отдал им на самоуправление. Степа там оказался впервые и был очень рад узнать, что в Москве есть места, «соответствующие антиэйджистским настроениям» (16.09.21: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

Путь Степы к антиэйджистским пабликам ВКонтакте — самый распространенный среди моих информантов. В 2018 или 2019 году он, как и многие ребята, нашел антиэйджизм случайно: «Понял, что вот оно, — мое!» (16.09.21: Степа). Как признался мне Степа, у него были планы создать такое же веб-сообщество, и он даже написал пару постов, которые уже позже смог опознать как антиэйджистские, но узнал о БЗР и влился в активную часть антиэйджистов: стал иногда писать тексты для пабликов и сразу принялся участвовать в обсуждениях в групповых чатах, сначала БЗР, а потом «Голоса неголосующих».

На нашей первой встрече Степа, не вдаваясь в подробности, рассказал, что к антиэйджизму его подтолкнула обстановка в семье, с которой он более или менее научился справляться сам. Однако понимая, что его друзья по школе и по антиэйджистским пабликам сталкиваются с теми же проблемами, он приходит к выводу, что антиэйджизм нужен и нужен для того, чтобы помогать другим:

С.: Ну понимаете, у меня семья очень авторитарная. Наверное, я бы начал приспособливаться, прятать вещи, которые они не должны видеть. И, собственно, я так и делаю, но не суть. Но я решил пойти дальше и попробовать обезопасить других, и я понял, что эта одна из целей в жизни. И тем более у меня есть знакомые, у которых примерно такая же ситуация, а порой еще хуже.

И.: А почему вам конкретно понадобилась еще группа и чат?

С.: Потому что я хотел в первую очередь обезопасить остальных. Потому что о людях тоже надо думать.

И.: То есть вы туда пришли только помогать другим?

С.: Да, чисто из любви. Потому что я не хочу, чтобы то же, что, допустим, испытал я, испытали мои друзья и другие в полной мере.

И.: Как вы думаете, а лично для вас это как-то работает? Может вы получаете какой-то эмоциональный отклик?

С.: Я считаю, что я принадлежу к какому-то общему делу. В надежде, что оно когда-нибудь заработает (16.09.21: Степа).

Отвечая на мои вопросы о целях антиэйджистских пабликов, Степа рассказывает об антиэйджизме исключительно как о критике «авторитарной семьи» и детско-родительских отношений. Так, в описании Степы антиэйджизм предстает исключительно как «антиавторитарная практика, против авторитарной семьи и авторитарных стилей воспитания» (16.09.21: Степа), спасающая детей от жестоких родителей или помогающая им избегать контроля в семье:

С.: И как бы даже написали проект какого-то фонда... Да, фонда. И тому подобное. И иногда проскакивают чуть ли не даже противозаконные идеи о том, чтобы... Вплоть до коммуны... И если на ребенка сильно дома давят, то мы с ним связываемся, то есть выявляем, связываемся и говорим: «Братишка, мы знаем, как решить твою проблему, но придется пройти через некоторые трудности». Я понимаю, что это звучит, как тоталитарная секта, но...

И.: Да, вроде бы, не совсем.

С.: Ну это смотря, как смотреть. Потому что, в понимании его родителей, это будет звучать как тоталитарная секта. Потому что обычно так это и происходит: «Иди к нам, вокруг тебя все страшно». И так далее. Отличие в том, что вокруг ребенка и правда все страшно (16.09.21: Степа).

Воображение стороннего взгляда на антиэйджизм как на «секту» в рассказе Степы появляется неслучайно. С одной стороны, подобным образом антиэйджистов обвиняли представители группы ВКонтакте «Комитет осознанных родителей», большинство конфликтов с которыми происходило в 2014 и 2015 году. Несмотря на то, что Степа еще не был знаком с антиэйджизмом в это время, рассказ о столкновениях с «Комитетом...», или «КОРявыми», был важной частью стратегии саморепрезентации паблика БЗР. Администраторы и авторы БЗР противопоставляли свой проект независимого ребенка чрезмерной заботе и опеке «осознанных родителей». А участники «Комитета...», в свою очередь, разоблачали антиэйджизм как опасную компанию, подозревали антиэйджистов в педофилии, обвиняли в подстрекательстве к побегам, употреблению алкоголя и наркотиков и неуважению к взрослым. Нарратив о «КОРявых» не раз появлялся в интервью с теми участниками, которые предпочитали БЗР другим антиэйджистским пабликам ВКонтакте. С другой стороны, Степа сам сталкивается с обвинениями в сектантстве, уже будучи

участником группового чата БЗР, в который однажды внедрилась мама одной из бывших участниц:

Вот помню, была девчонка из Волгограда. Она у некоторых вызвала подозрения, но поскольку я человек доверчивый — я проникся, так сказать. Она описала очень ужасную историю: «Кошмар, я только что свалила из дома, люди, поддержите меня, пожалуйста, морально». Слава богу, про финансы она пока не говорила. Это был бы новый вид мошенничества. И некоторые даже начали подозревать ее. В итоге подозрения оправдались. Она написала в нашу беседу: «Итак, пришло время раскрыть карты, я мать вашей бывшей участницы, я поняла, что у вас какая-то секта, вас надо уничтожить, посадить в тюрьму, в психушку». И тому подобное. Мы малость посмеялись — это было банально смешно читать. И на многих из нас, если мы бы вышли в люди, то на нас бы это полилось в миллионы раз больше. Так сказать это была закуска, образец. В итоге мы стали более осторожно относиться (16.09.21: Степа).

Подозрительность к чужакам, устраивающих диверсии, распространяющих клевету и затевающих перебранки, распространялась и на меня. Пока Катя не поручилась за меня в чате, Степа не отвечал на мои сообщения, а уже на встрече подвел итог: «Я в вас тоже поначалу сомневался, а оказалось, что нормальная» (16.09.21: Степа).

Подозрительность к чужакам перекликается и с тем, что для Степы антиэйджистские паблики — это именно сообщество единомышленников, которое объединено общей целью и «идеологией». Так, споры и конфликты между участниками, по мнению Степы, проходят «в рамках единой системы мышления», а различия между пабликами оказываются несущественными: «Что то, что это». Подобное описание Степа высказывал и на первой, и на второй встрече (16.09.21: Степа; 17.09.23: Степа, 20 лет, 4 года в АЭ).

В антиэйджизме, а точнее в групповых чатах, Степа находит общение по интересам, которое оказывается важнее, чем публичность и массовое освещение детского вопроса. Степа признается, что он «особо не компанейский, не коллективный», активизм¹⁴³ и участие

¹⁴³ «Максимум активизма было, как я упоминал, когда я в четырнадцать лет упомянул Конвенцию о правах ребенка в ссоре с батей. Он сказал: “Что? А ну пошел вон из дома”. Ну и я походил, он думал, что я поплачусь и вернусь, а я просто походил — и через некоторое время он сам пришел и вернул меня. Это был максимум, это был максимальнейший максимум. Все, то есть больше не было. Наверное, потому что я не был тогда заинтересован в этой движухе. Зачатки, конечно, были — в виде уроков обществознания о правах ребенка. Но больше и не было. <...> Экологией я не интересуюсь, как бы ужасно это ни звучало, особенно для хиппаря. Но тем не менее, вся моя экологичность заключается в том, чтобы не мусорить на природе и уносить свой мусор, если я его как-то там использую и превращаю его в мусор. Я стараюсь как бы не навредить. Чистить — это, конечно, замечательно, но как-то меня не привлекает хождение в перчатках и собирание мусора в лесу. Дело благое, но не хотю. А так я вообще не участвую, в каких-то правовых движениях. Если школьный спектакль не считается, но, по-моему, он не считается в данном вопросе» (16.09.21: Степа).

в других движениях его не интересуют, а в пабликах легко и «без стеснения» можно общаться с товарищами по убеждениям (16.09.21: Степа). Подозрительность к чужакам и страх перед непониманием антиэйджизма со стороны незнакомцев служат оправданием, или дополнительным объяснением, почему антиэйджизм не становится публичным и не выходит за границы пабликов и чатов ВКонтакте. В отличие от Кати и Ксюши (следующей героини этого параграфа), Степу полностью устраивал и устраивает такой формат антиэйджистского проекта.

На второй встрече я спросила, изменилось ли отношение Степы к антиэйджизму с момента нашей последней беседы: «Да, естественно, я до сих пор и полностью поддерживаю... Большую часть того, что они говорят. Антиэйджизм он на то и антиэйджизм, что в нем не сильную роль играют годы» (17.09.23: Степа, 20 лет, 4 года в АЭ). Когда я упомянула про «упадок» в антиэйджизме, о котором мне говорили Катя и Ксюша, паблики, которые ушли в архив, и отсутствие новых по звучанию публикаций в БЗР, Степа меня совсем не понял.

Потерю духа?! Ну слушайте, не знаю... Хотя я бы и сказал, что с возрастом она, конечно же, приходит к нам так или иначе. Даже не знаю, возможно, тут дело не в возрасте, а в какой-то рутине, возможно ребята просто познали цивилизованную жизнь. <...> Сейчас дети, если и не будут как-то больше закрепощаться, то они будут в том же закрепощенном состоянии. Потому что... Ну, потому что им все это в голову будут вливать. Их будут использовать для пропаганды в сторону родителей. Вспомним те же жуткие плакаты, где ребенок говорит: «Папа, ты нужен там». Я смотрю на это и просто с офигевающими глазами... Не понимаю, кто это придумал и как это. Такая практика тоже имеется. По факту нас за наши убеждения и раньше могли загрести, и сейчас тоже могут загрести. Вот сейчас почему-то начинаю приходить к выводу, что несильно наше положение поменялось. <...> Повторюсь, эйджизм он с нами до конца, как неотъемлемый какой-то орган организма. Как бы плохо это ни было. В антиэйджизме сейчас происходит то, что зачастую происходило и раньше, только с оглядкой на нынешние события. Опять детей используют как инструменты, не спрашивая мнения этих самых детей. Опять к детям относятся как к пустом месту. Опять, опять и опять. Да, жизнь в нашей стране и во всем мире изменилась. За эти пару-тройку лет. Но по факту в своей сути все осталось то же самое. По факту у нас те же цели, те же средства достижения, — и все то же. Не то чтобы у нас что-то поменялось. Поменялась оберточка, а конфетка осталась та же (17.09.23: Степа).

В отличие от двух других героев этого параграфа, Степа остался неизменным в том, как артикулировать цели и формат антиэйджизма, как участвовать в антиэйджистских

пабликах или как быть антиэйджистом. Антиэйджизм, который и два года назад для него ограничивался общением с единомышленниками, продолжил выполнять эту функцию и сегодня, а отсутствие вовлеченности в дела администраторов и потребности размышлять об антиэйджизме вне личной проблемы отношений с родителями создали условия, в которых для критики антиэйджизма и как дискурсивного проекта, и как программы действий у Степы не было необходимости. Отчасти это же придавало нашим интервью такой специфичный, и даже парадоксальный, характер. С одной стороны, Степа не пытался претендовать на авторитетную роль и эксклюзивное знание про то, что происходит в ВК-сообществах, — и в первую, и во вторую встречу он рассказывал об антиэйджизме как о приватном месте, которое отвечает конкретно его запросам на общение и на язык описания детско-родительских отношений. С другой, для описания антиэйджизма и себя в нем он использовал распространенную среди участников риторику — антиэйджизм представал «политической идеологией», «фондом», «активистским проектом», представители которого ставят задачи «дать детям права» и «воспитать новое поколение родителей», а еще мыслят большими группистскими категориями (все) «подростки» и (все) «взрослые».

«Если кто-то не понимает, что такое авторитарная семья, — это можно описать очень просто. Вы ничто — родители все»: родительский контроль и гендерное воспитание

Во время нашей первой встречи родители Степы и обобщенные «родители» были главными персонажами его повествования и, как было упомянуто выше, практически единственным сюжетом, через который Степа понимал и описывал антиэйджизм. Степа подозрительно относился к уточняющим вопросам о родителях («интервью то берут у меня»), но тем не менее подробно перечислял, что происходило с ним в семье, как родители контролировали его внешний вид, перемещения, читали переписки в соцсетях, заботились о «правильных» друзьях и интересах. Для этого он преимущественно обращался к понятию «авторитарные»¹⁴⁴, в том числе сравнивая стили родительства с политическими режимами: «Если у них на уровне Ким Чен Ира, то у меня на уровне Франсиско Франко» (16.09.21: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ).

¹⁴⁴ Понятие «авторитарная семья» могло прийти в устный укус Степы из разных источников: такая категория встречается и в учебниках, и в тестах ОГЭ и ЕГЭ по обществознанию и на сайтах, посвященных популярной психологии и советам по воспитанию детей.

Ну короче в 12 лет, когда начались все эти взросления, когда хочется посамостоятельнее, побезродительнее. И они... Вот мне кажется, что нормальные родители сделали бы все иначе. Попробовали ребенка вводить в какую-никакую самостоятельность, учить его чему-то из жизни. Но у меня просто решили закрутить гайки. В итоге мать с пятого-шестого класса знала мой пароль от страницы во ВКонтакте. Попробовал бы я только поменять. Закручивали, крутили, вертели. В итоге доходило до того, что я во ВКонтакте познакомился с какой-то там, попереписывался. И мне мама говорит: «Степка, мне она не нравится, она матерится, я не хочу, чтобы ты с ней общался» (16.09.21: Степа).

И сам список сюжетов, и подобные стратегии их репрезентации распространены в антиэйджистских пабликах ВКонтакте и в личных нарративах их участников. Они связаны с представлениями о равенстве и сотрудничестве в семье, которые противопоставляются подчинению родителям-«начальникам». Во время нашей второй встречи Степа немного рассказал о профессиональных ролях своих родителей:

Отец у меня работал и работает что-то среднее между сварщиком, водопроводчиком, слесарем и кем только не, и в какой-то мере. Он был поклонником физического труда. Потому что, когда я собирался идти в педагогический, он очень сильно спорил с матерью, что это не работа для пацана и все такое. Опять таки, вот эта классическая штука, что мужчина создан для какого-то физического труда, а не умственного. А мать, она учительница русского и литературы, и благодаря тому, что я выбрал в свое время учиться на такую же профессию по отношению к ней, да и потому что я с ней жил, я как-то больше познал все прелести и анти-прелести работы учителя. Ну анти-прелестей в десять раз больше. Но тем не менее. И в принципе у нас с ней было намного больше [общего]. И она была поинтеллигентнее что ли. В общении и всем таком мы были с ней гораздо ближе (17.09.23: Степа, 20 лет, 4 года в АЭ).

Подобное разделение гендерных ролей и его место в воспитании ребенка получили официальную поддержку и поощрение в позднесоветский период в 1970-х и 1980-х годах, когда «педагоги и особенно демографы занялись активной популяризацией взглядов о ценности традиционных ролей и идентичностей в деле борьбы с падением рождаемости и различными симптомами социальной нестабильности» [Кей 2004: 152]. Они же и оказались в ряду приоритетных забот в неоконсервативной государственной политике в 2000-х [Журженко 2004: 268]. Как пишет Ребекка Кей, либерализация дискурса семейных ценностей в 1990-х создала условия, когда «традиционный» взгляд на гендерное воспитание и его эгалитарная версия, утверждавшая гендерное равенство, успешно

сосуществовали как в официальных заявлениях и политической риторике, так и в утверждениях и мнениях конкретных людей [Кей 2004: 168–169]. В рассказе Степы о родителях можно зафиксировать это успешное сосуществование: оно происходит в рамках одной семьи и утверждается через гендерное разделение родительских практик, где отец отвечает за «традиционное» мужское воспитание, а именно физический труд, спорт и дисциплину, а мать частично сопротивляется этому, иногда поддерживает интересы ребенка и берет на себя ответственность за образование и культурное воспитание сына:

Но вообще у меня в основном были проблемы в семье с отцом, мать то защищала, то вторила ему в зависимости от ситуации. И уже тогда начались звоночки, когда он мог и по заднице ремнем надавать. Ну классика. Изначально он был суровым человеком и таким остался, на самом деле. Но вот помню, что в классе четвертом, он был фанат того, что: [намеренно делает голос низким] «Мужик должен заниматься спортом, мужик должен быть сильным, мужик должен быть здоровым и физически сложенным, и чтобы все девчонки смотрели на него и говорили “вау”, а по-другому этого девчонки говорить не будут, Степка». Вот. Ну в общем классическая, возможно, я сейчас буду звучать как высокомерная надменная рожа, но вот типичная в какой-то мере, скотская риторика о том, что развитие мужчины — это только физическое развитие. Потому что умственные моменты в развитии он не сильно поощрял, мать поощряла, а отец... Ему было в основном на это пофигу. Он говорил, что вот спортом лучше. А потом, в четвертом классе он меня записал в кобудо, это борьба японских крестьян, и я, собственно, туда ходил. Потом начался пятый-шестой класс, он меня на еще какую-то борьбу записывал. Тайский бокс, что-то такое. А потом начался подростковый период, начался процесс, и, видимо, в их головах, которые были также воспалены, как и моя, они подумали, что самой лучшей тактикой будет не как-то налаживать отношения, а просто протестные моменты пытаться пресечь (17.09.23: Степа).

В рассказе Степы отец всегда на чеку по поводу любых отклонений от мужской роли, к которой он активно — а где нужно и насильно — подталкивает своего сына. Конфликты, которые Степа описывает как проявление эйджизма, связаны именно с этими несоответствиями: они происходят, когда Степа ведет себя как «домашний» ребенок, не желает участвовать в спортивных секциях, но проявляет интерес к изучению лингвистики; когда Степа выбирает женскую, по мнению отца, профессию учителя; когда Степа начинает отращивать длинные волосы; или предпочитает хобби и увлечения, не соответствующие этосу полезности и эффективности, которые и не приносят доход, и не развивают «мужские» физические навыки и телосложение. В каком-то смысле то, как Степа реконструирует свое воспитание, оказывается последовательной иллюстрацией

«традиционного» гендерного воспитания в постсоветской России [Трубина 2002: 85–95; Кей 2004: 155–159, 163–165] и «традиционной» маскулинной идентичности рабочего класса [Мещеркина 2002: 282–286].

***«Я сбежал из дома, не буду говорить подробности, но поймали меня на южном Урале»:
субкультуры и практики мобильности***

Степа родился и вырос в Москве, которая под влиянием его родителей замыкалась в маршрутах между домом, школой и спортивными секциями. «Переломный момент» наступил в 16 лет, когда он впервые решил убежать из дома и автостопом добрался до Оренбурга (16.09.21: Степа, 18 лет, 2 года в АЭ). Позже он раскритикует свой поступок как непродуманный, но тем не менее будет оценивать его положительно — как проявление независимости и стремления к свободе и как «настоящее антиэйджистское решение семейных проблем» (16.09.21: Степа). Подобное отношение поддерживает и история побега основательницы БЗР, Ани, впервые опубликованная в 2016 году [6 февраля 2016] и несколько раз продублированная уже в виде подробного гайда о том, как собраться в побег, или списка преимуществ побега для обретения самостоятельности [Я СБЕЖАЛА 2020]. Однако рядовые участники-антиэйджисты не пишут о своих побегах из дома — но «побег из дома» обобщается и становится особым и даже нормативным сюжетом, через который разные авторы и комментаторы рассуждают о детях и детско-взрослых отношениях в целом [Десятки тысяч детей 2020; Тред: что делать 2020].

Степа считает себя не только антиэйджистом, но еще и «хиппарем» и панком. Их объединения как альтернативные сцены новой российской культуры молодежи появляются, или скорее «реанимируются», в конце 1990-х с массовым открытием клубов и музыкальных помещений, а к 2010-м частично одомащиваются в пространствах коммун [Омельченко 2020: 39; Литвина 2019: 339]. Уже будучи совершеннолетним, Степа предпринимает второй побег, а знакомые и незнакомцы из субкультурных тусовок становятся главными помощниками в перемещениях между городами и поиске мест проживания.

Ну как сказать, я примерно в декабре прошлого года сильно с родителями поссорился. Ну мне уже было лет 19, наверное, нет, мне было 18 скорее где-то, вот и я сильно с ними поссорился. И в какой-то момент, в июне уже... Я до этого начал ходить на панковские гигосы, влился в хиппи-тематику, и на одном из гигосов встретил одного панка-автостопщика, и он меня подбил на то, чтобы свалить. Нафиг. И оборвать все связи. И я в итоге заблокировал большую часть родственников. И уехал в Петербург. Живу тут

уже получается с конца июля. <...> Но само решение о переезде далось не особенно тяжело. Я и до этого, лет в 16 из дома сваливал. И этот побег тоже должен был быть подобным, но гораздо более цивилизованным. С применением мозга, а не просто спонтанным решением каким-нибудь. Собственно, накопил, взял и свалил. И приехал в Питер. Я тут совсем никого не знал. И просто в первый же день познакомился с какой-то неформальной компанией. И меня один из чуваков в центре поселил на Невском у себя в подчёрдачке, я пожил в подчёрдачке, потом у какого-то мужика. Потом судьба занесла меня в Архангельск. Страшный город, я свалил оттуда в страхе. Потом попал в коммуны. Там в основном панки жили и антифашисты. Прожил с ними достаточно долгое время. Потом коммуна разъехалась. Был не особо удачный эпизод с попыткой обжиться в Сочах. А потом вернулся в Питер, и сейчас живу на коммуне. Помотало, но сейчас куда-то примотало (17.09.23: Степа).

Ролевики, косплееры, хиппи и панки — те сцены молодежной культуры, которые для Степы встают в один ряд с антиэйджистскими пабликами и участники которых разделяют представления об антиавторитаризме и несущественности возраста. Так, еще раз для Степы антиэйджистская повестка предстает как норма «адекватных» или «нормальных» людей, а антиэйджистские паблики понимаются только как те объединения, которые занимаются, или скорее должны заниматься, конкретно помощью другим детям и подросткам.

При этом в тусовках Степу привлекают не столько музыкальные направления или художественные произведения, сколько обретение через субкультурные пространства — ролевки, гигосы и коммуны — «второго дома», обитатели которого противопоставляют себя как своим родителям, так и родительской культуре, и легитимируют неконформистские образы жизни и, в том числе, гендерные и возрастные роли [Омельченко 2020: 39–40].

Потому что что среди панков, что среди хиппи есть люди, которым плевать на возраст и люди, которым не плевать на возраст. За хиппи скажу что. У нас тусуются на равных правах и взрослые, и подростки. Но подростков среди хиппи, конечно, мало, они в основном среди панков. Но молодая поросль все равно присутствует. И в принципе на это всем пофиг, потому что общаются все на равных. Как правило большинству все равно. До момента, когда приходится проявлять свободную любовь. Но, как правило, [панкам] все равно. Среди панков, правда, всегда кто-то говорит: «Ребята, вы еще мелкие, не идите к нам в компанию». А кому-то опять таки пофигу. И условно на какой-нибудь сходке, скобочка открывается, сеанс алкоголизма, скобочка закрывается, есть ребята и по тринадцать лет, и по двадцать пять лет, и чего только нет. И всем пофигу. И я говорю: «Антиэйджистская повестка». И все такие: «Окей!» Как правило всем было пофигу. И такой вопрос, он просто не сильно стоит в субкультуре. <...> Как правило эти

ребята уже на антиэйджизме, мама не горюй. Потому что это панки. И у большинства панков у них с родителями не самые лучшие отношения. Они антиэйджистят как могут. <...> Но у панков немного другие проблемы, потому что и полицейские за панковскую одежду могут сильно прессануть, и скинхеды, они же нацскины — да, они в Питере, и да, они до сих пор остались. Их в Питере просто дофига. И как бы у панков немного другие проблемы. Да, они с антиэйджизмом зачастую перекликаются, но зачастую им немного не до этого (17.09.23: Степа).

В рассказе о втором побеге Степа репрезентирует себя как «плохого антиэйджиста» в значении «плохого подростка», с образом которого спорят и антиэйджисты в пабликах с момента их появления в ВКонтакте, и все мои собеседники и собеседницы во время интервью. Так, он признается, что часто употреблял и употребляет алкоголь (нормативная позиция в антиэйджизме либо зожник, либо умеренное и редкое потребление спиртного); и что к побегу из дома его привела ссора с родителями по поводу взятых без спроса Степой денег из домашнего бюджета.

Участие в субкультурных группах, таким образом, размывает для Степы понятие «антиэйджизма»: то, что в первую встречу Степа описывал как антиэйджистские практики (побег из дома, сопротивление родителям), в контексте биографического нарратива приобретает новые символические измерения — они становятся типичным поведением панков или разворачиваются в пространствах панковских вечеринок, хиппарских коммун или встреч ролевигов. В то же время появляется саморепрезентация, которая, по мнению Степы, легитимна для его субкультурных тусовок (пьянки и взятые без спроса деньги), но вызывает разрыв с антиэйджистским нарративом и требует дополнительных согласований: «Я как не самый хороший подросток... то ли по дурости, то ли еще чего» (17.09.23: Степа). Как и антиэйджизм, эти субкультурные объединения — и идеологически, и как пространства коммуникации — для Степы поиск других, отличных от родительских, языков описания и понимания мира и форм отношений, солидарности и общения.

«Школа была моими лучшими годами жизни»: обучение в инновативной московской школе

В нашу первую встречу на уточняющие вопросы о личном опыте столкновения с эйджизмом в семье или школе, Степа долго рассказывал про родителей, но кратко заметил: «Школа — это вообще отдельная тема, о ней можно говорить бесконечно, почти бесконечно» (16.09.21: Степа). Как показала вторая беседа, Степа говорил не о своей школьной жизни, но обобщал тот корпус сюжетов про школьную дисциплину, форму,

поведение учителей и администрации, который подробно представлен в антиэйджистских публиках ВКонтакте, особенно в БЗР. Для Степы же школа — это «лучшие годы жизни, до великого исхода в Петербург» (17.09.23: Степа).

Степа учился в общеобразовательной школе № 548, под ведомством которой находятся 9 различных корпусов в Москве и Подмосковье. Однако, со словами «наша школа», Степа рассказывал именно об «Инженерном корпусе» в подмосковном совхозе имени Ленина. «Инженерный корпус» школы № 548 — высокотехнологичное образовательное пространство, открытое в 2017 году (то есть в этот корпус Степа мог попасть только в 8 классе, а что было до этого, Степа умолчал). «Инженерный корпус» знаменит инновативной архитектурой, воплощающей принципы горизонтального образования и обучения-через-взаимодействие, где «традиционные» классы и ряды парт заменяются пуфами и открытыми зонами¹⁴⁵. Как красиво подчеркнул Степа: «А так наша [школа] обычная была, не считая того, что она входила в двадцатку лучших школ Москвы» (17.09.23: Степа).

Из рассказа Степы можно узнать, что одна из лучших школ Москвы оказывается пространством, в котором нет следов военно-патриотических мероприятий, предусмотренных программами патриотического воспитания, и отсутствуют отделения РДШ или Юнармии и совместные акции с ними. Более того, в такой школе учителя не обращают внимание на «нетрадиционные» интересы среди школьников, а жилетка с логотипом, единственный элемент школьной формы, не становится частью обязательного дресс-кода, и за ее отсутствие не предусмотрены дисциплинарные взыскания.

Знаете, у нас в школе этого не было. Вот я читаю про пропаганду там, про пропаганду сям, а у нас в школе этого не было. То есть нам со школой очень повезло. Потому что наша школа попыталась от этого абстрагироваться. И я горжусь нашей школой даже, что она как-то держалась. У нас в школе праздновался День Победы, но без какого-то ужасного патриотического патриотизма. У нас это был праздник со слезами на глазах¹⁴⁶. <...> На самом то деле у нас школа была лояльна, не сильно, но лояльна.

¹⁴⁵ Прикладное направление *learning space studies*, основной пик которого можно датировать первой половиной 2010-х, сфокусировано на том, чтобы разрабатывать дизайн и архитектуру горизонтального и инновативного обучения и улучшать их через анализ наблюдения за школьниками и студентами в таких пространствах (см., например: [Boddington, Boys 2011]). В России подобными исследованиями занимается лаборатория образовательных структур МГПУ (<https://www.mgpu.ru/obrazovanie/institutes/isp/labs/laboratoriya-obrazovatelnyh-infrastruktur/>), которая, в том числе, участвовала в проектировании «Инженерного корпуса».

¹⁴⁶ Замечание Степы: «У нас в школе праздновался День Победы, но без какого-то ужасного патриотического патриотизма. У нас это был праздник со слезами на глазах» — согласуется с исследованием Анн Лэ Уэру, которая на своих материалах тоже обнаруживала, что среди нарративов школьников Омска в 2007–2009 годы День Победы стоял в отдельном ряду от высказываний о военно-патриотических мероприятиях. Школьники

Зачастую в каких-то школах форма присутствует, синтетический пиджак. Ну я говорю за парней. За девчонок не скажу, потому что я парень. Но вот этот синтетический пиджак, в котором парень что зимой в помещении, что летом на улице ощущает себя как в бане. У нас в школе с формой было свободно. Как правило, у нас была жилетка, безрукавка. Со школьным логотипом. Она была непонятно из чего, но теплая. Поэтому у нее были даже некоторые плюсы. А в плане школьной дисциплины — ну было, но либо я это просто не замечал, либо на меня просто забили, либо у нас просто администрация на многие вещи смотрела сквозь пальцы. <...> У нас педагогам было чем заняться. Это я даже сейчас не иронизирую. Как правило у нас ограничивалось все разговором. И то, если это было на территории школы. А то, чем вы занимаетесь во внеучебное время, — это никого не волновало. В этом же плане было со школьной дисциплиной <...> Наверное, у нас только очень резко реагировали на оскорбления учеников в сторону учителей. Потому что, если в какой-то обычной школе... Знаете все эти видео, где ученик где-то там орет на учительницу и все такое. У нас в школе руководство всегда, что в конфликтах с учениками, что с родителями, вставало на сторону учителей. Даже если учитель был неправ. А так смотрели сквозь пальцы на моменты, на которые в обычной школе сквозь пальцы не посмотрели бы¹⁴⁷ (17.09.23: Степа).

Таким образом, школьная повседневность Степы абсолютно не соответствовала тем описаниям жесткой дисциплины и грубых учителей, из которых отчасти и выросли антиэйджистские паблики. Степа, может быть, и был бы готов артикулировать этот корпус очевидно знакомых сюжетов, но не сделал этого ни во время интервью, ни во время выбора, о чем писать публикации или снимать видео. Однако Степа признается, что была «пара учителей [, которых он] терпеть не мог, конечно, как правило, этих учителей никто терпеть не мог, кроме руководства» (17.09.23: Степа) и что присутствие мамы-учительницы его «немного ограничивало в творении разного рода фигни», но «все равно было очень даже неплохо» (17.09.23: Степа). Как кажется, оценочный эпитет «неплохая», который Степа преимущественно использует для описания своей школы, сигнализирует о трудностях с повествованием: Степа как будто все еще пытается соответствовать риторике

описывали День Победы почти всегда формулой «праздник со слезами на глазах» и понимали его через категории уважения и искреннего патриотизма, резко противопоставляя его всем другим мероприятиям военно-патриотического воспитания [Le Huérou 2015: 36–37].

¹⁴⁷ Последний сюжет в этом фрагменте интервью со Степой согласуется с тем, как Ефим Лазаревич Рачевский, директор школы № 548, публично артикулирует стратегии организации образовательного процесса. Рачевский говорит и об учителе как о самом важном элементе системы школьного образования, и о необходимости для любого директора поставить учителей в приоритет своей работы (см., например: [Рачевский 2019; Рачевский 2023]).

антиэйджизма, но в то же время — ни согласиться с антиэйджистской критикой школы, ни добавить к ней он не может.

4.3.5. Биографическое повествование: Ксюша

Первый разговор с Ксюшей изменил мой взгляд на антиэйджистский проект и поставил ряд важных вопросов, которые потом нашли ответы не только в наших интервью, но и во всем полевом материале. Ксюша совсем не участвовала в публикации постов и довольно редко появлялась в чате «Голоса неголосующих», но повествуя об антиэйджизме, она эксплицитно репрезентировала участие в пабликах как проект изменения себя. Это отношение к антиэйджизму сохранилось и в нашем последующем общении, что ставило вопросы о биографии в специфическую позицию: Ксюша была готова подробно и эмоционально рассказывать о том, как она справлялась с эйджизмом или несправедливостью, намеренно изменяя свое поведение или отношение к другим и себе, но практически не распространялась или совсем умалчивала о тех людях и ситуациях, которые провоцировали ее обращаться к антиэйджизму как к источнику моральных ответов и ориентиров. Несмотря на то, что во время третьей встречи Ксюша рассказывала и о родителях, и о месте проживания, она сообщала о них лишь фрагменты и продолжала проговаривать чувство страха, связанное с политической ситуацией и возможными последствиями деанонимизации.

«Есть еще что-то, другое. Это то читаемое, то нечитаемое. А вот для антиэйджистских групп — я всегда слежу за обновлениями»: прилежная антиэйджистка без матчасти

Я написала Ксюше как участнице чата «Голоса неголосующих» в конце января 2022 года. Увидев мое сообщение, она первым делом сверилась с Катей в групповом чате паблика, в котором я уже состояла, о некогда упоминаемом там антропологе. После этого Ксюша ответила мне, что будет рада помочь, но специально попросила об анонимности.

За четыре года до нашего разговора Ксюша нашла антиэйджистские паблики ВКонтакте. Ее история знакомства с антиэйджизмом — второй нетипичный сюжет в моем поле. Ксюша смотрела блогеров и, услышав у одного из них понятие «лукизм», стала искать, что это и какие еще бывают виды дискриминации. Узнав об «эйджизме», она нашла БЗР и «Подслушано: эйджизм»:

Меня ничего не заинтересовало [из различных «-изм»-понятий — *И.П.*], просто было интересно, что у нас так много видов дискриминации. И хотелось побольше узнать, что из себя каждое представляет. А эйджизм был ближе всего ко мне (28.01.22: Ксюша, 16 лет, 4 года в АЭ).

Несколько лет Ксюша читала публикации, не вмешиваясь в обсуждения в комментариях и не чувствуя необходимости самой быть автором. Когда Катя создала групповой чат паблика, в который можно было зайти любому пользователю прямо со страницы «Голоса неголосующих» в ВКонтakte — Ксюша присоединилась. Уже к осени 2021 она более или менее активно участвовала в дискуссиях чата, например, о юридических правах несовершеннолетних в России, дистанционном обучении во время пандемии и о подготовке и сдаче ЕГЭ.

На мой вопрос о том, почему она не хочет писать в паблики, Ксюша призналась, что чувствует себя неуверенно и недостаточно хорошо разбирается в антиэйджистском знании:

Постепенно выученная беспомощность проходила. И я писала и замечала, что меня тапками не бьют, и начинала все по большему количеству тем высказываться. Ну вот как-то... И, мне кажется, что как-то у меня мало информации, мало аргументов. Я мало чего знаю. Может стоит лучше запомнить, поучить, чтобы увереннее себя чувствовать, не то, чтобы в дебатах, а просто, когда пытаешься как-то объяснить человеку (28.01.22: Ксюша).

В самом разговоре Ксюша не раз начинала рассказывать про антиэйджизм с замечания, что так говорят «ее более опытные коллеги», «другие антиэйджисты» или «знакомые по чату» (28.01.22: Ксюша; 12.09.22: Ксюша, 17 лет, 4 года в АЭ). При этом, по ее оценке, антиэйджизм — это что-то не совсем серьезное; им занимаются «непрофессиональные журналисты» и просто «любители» (28.01.22: Ксюша). Сама Ксюша хотела бы видеть там «сотрудников», то есть специалистов, которые бы размещали рекламу и организовывали мероприятия. Референсом для нее выступала группа психологической поддержки несовершеннолетних «Подростки и котики», за которой Ксюша следила в ВКонтakte и которую она упоминала для критики организации антиэйджизма и в 2022, и в 2023 году. Да и темы, связанные с психологией и индивидуальной работой с эмоциональными травмами, нравились Ксюше: так, помимо антиэйджистских пабликов,

она рассказывала о «феминистских» и «психологических» ВК-сообществах¹⁴⁸, которые тоже читает, но уже не так регулярно.

И на самом деле, мне кажется, что это не для всех сообщество, потому что даже при наступлении восемнадцатилетия интерес может угаснуть. Но я его поддерживаю, потому что люди регулярно это обсуждают. Да и не все люди любят формат бесед. Я их тоже, если честно, не люблю. Это вот в виде исключения. И я сейчас, наверное, некоторую кризисность испытываю, потому что не очень понятно, что я готова ради этого делать, ради антиэйджизма. Кажется, что ничего, и меня это огорчает. Но я все-таки не уйду, пока что. И меня это успокоило, конечно же. Но это люди были, которые понимали меня, мои проблемы с семьей. И эти проблемы были связаны с эйджизмом. Да, [участие в пабликах] повлияло положительно. Только положительно (28.01.22: Ксюша).

Таким образом, Ксюша в интервью эксплицитно репрезентирует себя как антиэйджистку без матчасти, без специального знания или авторитетной позиции, которые есть у ее коллег и знакомых по чату. Однако ее главный интерес — как стать антиэйджистской в жизни — паблики удовлетворяют не полностью. Тексты и обсуждения, с которыми сталкивается Ксюша, могут подсказать какие-то очевидные, с точки зрения антиэйджизма, ориентиры — например, уважение к младшим, чувствительный к возрастной дискриминации язык и самостоятельность в принятии решений. Но Ксюше не хватает видимых и эффективных активистских действий, таких как антиэйджистские мероприятия или «профессиональная» (постоянная) работа с пабликами как с медиа площадками или группами поддержки. Это ощущение непрофессионализма примет новый разворот в нашей беседе в следующем году.

«Не уверена, правы были мы или все-таки...»: переосмысление антиэйджизма и своей роли в пабликах

В марте 2022 года Ксюша была первой, кто забил тревогу по поводу новых и подозрительных участников чата, и попросила Катю ограничить доступ к сообщениям. После того, как Катя удалила чат совсем, а потом перевела «Голос неголосующих» в архив,

¹⁴⁸ Ксюша не называла примеры конкретных пабликов, но я могу предположить, что под «феминистскими» и «психологическими» подразумевалась ниша веб-сообществ ВКонтакте, построенных вокруг публикаций пользователями рассказов о личных травмах, просьб о помощи или анонимных исповедальных записей. Например, «ТЫЖЕДЕВОЧКА» (vk.com/tigede), «сестра сестре! взаимопомощь» (vk.com/take_my_hand_girl), «Подслушано у Девушек» (vk.com/girlrumors).

Ксюша ненадолго отходит от антиэйджистских веб-сообществ. Она не состояла в продолжавшем существовать чате БЗР и на тот момент она туда и не хотела.

Ксюша не участвовала и не участвует в каких-либо других активистских или политических объединениях и мероприятиях, потому что не видит «психологической и эмоциональной возможности» для себя решиться на подобные действия (31.08.23: Ксюша, 18 лет, 5 лет в АЭ). Так, Ксюша стала внимательно изучать антиэйджизм. Она была той информанткой, которая попросила у меня магистерскую диссертацию и распространила ее среди других участников. И хотя Ксюша не стала задавать вопросы или комментировать текст, признавшись, что он «сложный и [она] не все поняла», она прочитала его, как мне кажется, в желании понять, что антропологи могут добавить к антиэйджизму или как паблики можно критиковать с некой профессиональной позиции (31.08.23: Ксюша).

В отсутствии «Голоса неголосующих» Ксюша начала внимательно смотреть на публикации БЗР и осталась недовольна, что и как делают администраторы и авторы. Так, она отправляет знакомому юристу пост из паблика, в котором обсуждается то, как новые поправки в семейный кодекс лишают детей субъектности, и получает ответ, что это «пустословный» текст и совсем не правильное чтение законов.

Я хочу сравнить законопроекты, чтобы проверить, все ли, указанное девушкой [автором публикации в БЗР — *И.П.*], так, дабы не быть пустословом. У меня был опыт написания писем депутатам, но на другие темы, более популярные, где мне предоставляли разные организации готовый шаблон, а антиэйджизм — это другое. Я не стала писать в группу, ибо не знаю, расценивать это как политику или все-таки нет. Я недовольна деятельностью этой и других групп, но та, что была менее озлобленной и более объективной, хотя и несколько политизированной, в архиве по ряду причин. Остались только такие, которые не перепроверяют информацию, а репостят непонятно кого (31.08.23: Ксюша).

Для Ксюши становится важно, что в БЗР есть «грубости», а все участники только «горюют» и ничего не делают: «У меня появилось ощущение, что мы существуем за счет обиженных подростков, пусть и обиженных... Не знаю, как сказать... Справедливо, но не более того» (31.08.23: Ксюша).

В поисках разрешения личного конфликта с неэффективным антиэйджизмом Ксюша переключает внимание на свои образовательные и профессиональные траектории. Она начинает волонтерить в медицинском павильоне, чтобы получить «какой-никакой опыт работы» (31.08.23: Ксюша). В это же время она проходит обучение на онлайн-курсах по юриспруденции и психологии, пытаюсь понять, какая сфера деятельности ей все-таки

ближе, но проговаривая для меня, что хочет помогать всем, и детям, и взрослым. На мой комментарий, что это похоже на переход с темы прав детей на права человека, Ксюша возбужденно согласилась, как будто я нашла идеальные слова для ее мыслей.

Не уверена, насколько мне это нужно. Так как все-таки... И не уверена, правы были мы или все-таки... В том, что ребенку действительно нужна такая степень субъектности, как мы считали, с раннего возраста. Возможно, не с такого раннего. Я думаю, в принципе, если бы просто к жалобам детей относились достаточно понимающе и с полной серьезностью... Но тут же не только в детях вопрос — и взрослые, когда пожалуются на домашнее насилие в семье... Насколько я знаю этот закон еще не принят (31.08.23: Ксюша).

Таким образом, несмотря на появление неуверенности в самом антиэйджистском дискурсе, Ксюшу тем не менее продолжают волновать вопросы угнетения, дискриминации и несправедливости, только дети перестают быть группой жертв, которые заслуживают эксклюзивной артикуляции.

Поступив в колледж на медицинский, Ксюша попыталась узнать про отношение однокурсников к детям и подросткам, не упоминая антиэйджизм. Этот опыт привел ее к полному разочарованию, и она призналась мне, что после этого стала сомневаться в потенциале антиэйджизма и в желании продолжать участвовать в пабликах.

К.: Я вижу, наоборот, полное отвращение к людям, которые хоть как-то младше тебя. Я вижу это, и это очень огорчает. Даже человеку еще нет восемнадцати, а он уже может позволить себе высокомерно думать о людях тринадцати, пятнадцати, двенадцати лет.

И.: И это среди твоих сверстников?

К.: Да, и я не верю, что мы сможем когда-нибудь из локального сообщества перерасти в большое (31.08.23: Ксюша).

Только в конце нашей последней встречи Ксюша рассказала, что летом попросила Катю добавить ее в чат БЗР, потому что ей стало не хватать антиэйджизма. Когда я задала вопрос про ее впечатления от этого чата, она лаконично заключила: «Все еще горюют» (31.08.23: Ксюша).

Таким образом, «кризис» антиэйджизма для Ксюши был связан с несоответствием риторики БЗР 2022 и 2023 года актуальной и, что может быть еще важнее, профессиональной версии антиэйджизма, которую Ксюша частично находила в «Голосе неголосующих» и в ВК-паблике «Подростки и котики». От этого изменялась и ее роль в

интервью: из неуверенной антиэйджистки без матчасти, которая рассказывает об эйджизме только со ссылками на своих товарищей по чату, она превратилась в критика, опирающегося на знание специалистов и навыки работы с информацией. Это переключение ролей не повлияло на расширение биографического нарратива, так как и в первой, и во второй роли анонимность и безопасность для Ксюши были первостепенно важны (о чем она дополнительно сообщала мне в начале каждого разговора). Я предполагаю, что к трудности с повествованием о личной жизни могло привести и отсутствие самого опыта такого рассказа. В отличие от Степы, для которого говорить продолжительными монологами о себе было привычно по опыту передвижений автостопом; и в отличие от Кати, которая любит говорить много, а с друзьями часто обсуждает свою семью и свое прошлое, — как мне кажется, для Ксюши подобный жанр был малознакомым и неестественным.

«У меня стало появляться больше самостоятельности, по крупницам, конечно, но это все-таки чувствуется»: появление биографических фрагментов

Сюжеты, в которых Ксюша смогла намекнуть на некоторые аспекты, связанные с ее родителями или местом учебы и проживания, можно объединить под общей темой взросления или обретения самостоятельности. В этой перспективе для Ксюши оказалось важно рассказывать не столько об обобщенных практиках родительского контроля или школьной дисциплины (как во время первой беседы), сколько о конкретных ситуациях, в диахроническом сравнении которых она обнаруживает, что стала более самостоятельной и независимой. Сама Ксюша дополнительно обрамляет эти сюжеты обоснованиями частичной утраты интереса к антиэйджизму пабликов ВКонтакте. Я называю утрату частичной, и потому что процесс обретения самостоятельности в рассказах Ксюши предстает либо незавершенным, либо не совсем успешным, и потому что, как было упомянуто выше, к антиэйджистским чатам она все-таки вернулась.

Ксюша родилась и жила до поступления в колледж в селе в Ростовской области, в котором «ничего не происходит» (31.08.23: Ксюша). Из ее рассказа можно предположить, что в селе есть школа, в которую Ксюшу записали в начальные классы из-за близости к дому; но больница и школа, видимо, более адекватная для посещения средних и старших классов, находятся за пределами села, в 30–40 минутах на автобусе. В отличие от села, где жила Катя, село Ксюши оказывается еще меньше и по территории, и по инфраструктуре. Так, по рассказу Ксюши, у нее не было возможности посещать ни музыкальную, ни художественную школу.

В 2022 году Ксюша поступает в медицинский колледж в Ростове-на-Дону, но из-за того, что колледж не обеспечивает студентов общежитием, а ее семья не может позволить снимать квартиру только для Ксюши — вся семья переезжает в город. Ксюша, несмотря на сожаления о том, что не получилось переехать одной, видит в своей новой роли, совершеннолетней горожанки, возможности личной свободы.

Родительский контроль

Когда я попросила у Ксюши описать ее родителей, она лаконично ответила: «Мама у меня работает в местной поликлинике, она техслужащий, а отец — разнорабочий, строитель» (31.08.23: Ксюша). По всей видимости, контекст, который необходимо понимать, чтобы описывать и анализировать возможности и ограничения Ксюши, связанные как с антиэйдизмом, так и с траекторией жизни в целом, — контекст «новых бедных», семей неквалифицированных наемных рабочих, для которых характерны доходы, ниже или приближающиеся к порогу минимальной оплаты труда, низкий уровень мобильности в профессиональном поле, имущественная необеспеченность и тенденция принимать прагматичные решения, направленные на поиск и достижение стабильности и средств к выживанию¹⁴⁹.

Повествуя об обретении самостоятельности при переезде в город и достижении совершеннолетия, Ксюша подчеркивает практики родительства, которые относятся к контролю за тремя сферами: передвижением, медиа и потреблением. Так, Ксюша в первую очередь обращает внимание на постоянное наблюдение за ее перемещениями в селе и невозможностью такой слежки в городе. Мама Ксюши сопровождала ее в школу и из школы, а любой выход из дома в селе должен был быть обоснован Ксюшей с подробной информацией, куда и с кем она идет.

Мне раньше было можно гулять только в зоне видимости родителей. А, кстати, моя ситуация была осложнена тем, что я находилась в селе. И за мной было просто легче следить, чем если бы я жила с родителями в городе, где они не могли бы меня так легко ограничить, насколько это возможно было сделать дома. Теперь я могу куда-то уйти. Я все равно говорю куда, иначе начнется скандал. Но я могу и не говорить и потихоньку начинаю не говорить куда иду. Нельзя просто взять и увидеть, с кем я гуляю, потому

¹⁴⁹ Дискуссии в политологии и социологии о появлении «новых бедных» в связи с демонтажом советского экономического режима и экономическими кризисами в Российской Федерации; и о характерных чертах новой деклассированной прослойки населения и социальных и экономических мотивациях новых бедных см., например: [Лыткина 2005; Ярошенко 2010; Тарасова, Юрченко, Донцова 2022].

что я могу находиться где-то далеко от дома. И я поставила пароль на телефон. И когда отец хотел меня заставить сказать пароль на телефон, я не стала говорить. Потому что было ощущение, что я могу не говорить (31.08.23: Ксюша).

В конце приведенного фрагмента можно зафиксировать еще один сюжет обретения личной свободы, связанный с возможностью вести частную жизнь в медиа. Перед этим фрагментом Ксюша подробно рассказывала о том, как отец знал ее пароли, мониторил ее поведение в интернете и ограничивал время на использование социальных сетей. «Мне всегда было неловко объяснять своим друзьям, почему мне можно писать только в определенные часы, почему меня надо спрашивать, можно ли обсудить то-то и то-то. И люди этого не понимали. И мне было неловко. Мне было стыдно объяснять. Как будто я была виновата, что мои родители по отношению ко мне... Такое недоверие» (31.08.23: Ксюша). В следующем фрагменте интервью Ксюша замечает, как изменились ее покупательские практики в связи с совершеннолетием и появлением работы и собственных денег:

Я могу сама себе выбирать одежду. Потому что в рамках тех финансовых возможностей, которые у нас были, мой отец не позволял мне покупать ничего яркого, потому что он считал, что это дорого, считал, что это глупости. <...> И я сменила несколько рабочих мест и искала несколько рабочих мест за это время. Не очень успешно, но просто факт того, что я могу это сделать, — он, не то чтобы греет душу, но раньше нельзя было, а сейчас можно. Потому что много где, на самом деле, не принимают до 18, особенно в моей сфере до 18 нельзя работать нигде. Ну да, конечно, появление собственных денег, делает тебя самостоятельным в разы (31.08.23: Ксюша).

Можно сделать небольшое отступление, что в отличие от подобных сюжетов в интервью с другими антиэйджистами, Ксюша не связывает эти изменения с антиэйджизмом — для нее это исключительно вопрос нового опыта взрослости.

Школа, колледж и профессиональные траектории

Другой контекст, в котором Ксюша чувствует, что больше не сталкивается с эйджистскими проблемами — это переход из школы в колледж.

И.: А как тебе преподаватели и университет [моя ошибка в интервью, должен быть «колледж» — И. П.]?

К.: Эйджизм в учебном материале встречается. В отношениях с преподавателями — меньше, они с нами уже как со взрослыми. В школе это сильнее проявляется, намного сильнее.

И.: То есть к вам, восемнадцать плюс, относятся уже не как к детям?

К.: Ага. Это активно проявляется. Просто в школе был у нас активный контакт с преподавателем. Он знает всех по именам. Может в какой-то большой школе это уже не так. И в университете вы реже общаетесь. В школе нам часто свои недовольства высказывали, больше замечаний, много своего мнения. Здесь вы успеваете обсудить только насущные проблемы, грядущие события. В школе же очень часто мне говорили, что ты никто, звать тебя никак. Чем больше ты пытаешься с этим спорить, тем чаще тебе это говорят. То есть в школе не такой тяжелый учебный материал и, мне кажется, у преподавателей больше времени в жизни. Не в смысле больше времени. Они тоже уставшие. Но на уроках не такая высокая ответственность. Может уже только ближе к экзаменам она подрастает. Но по большей части преподаватели со школьниками разговаривают на темы, не касающиеся уроков.

И.: Клевое наблюдение!

К.: Еще, мне кажется, в крупной школе, такой подход меньше приводит к эйджизму, потому что учитель один и тот же не наблюдает ученика и у него меньше к нему такого отношения. Ну про учебный материал. Когда описывается подросток, когда доходит до нервной системы, он описывается очень часто в негативном ключе. Как человек, который не может совладать с собой. Бывает такое (31.08.23: Ксюша).

Еще один, не касающийся напрямую антиэйджизма или эйджизма сюжет, который поднимает Ксюша в интервью, — выбор образовательной программы и будущей профессии. Она разворачивает эту историю тоже исключительно через повествование об обретении самостоятельности. Так, Ксюша ищет программы, которые позволили бы ей уехать из области, в которой живут ее родители, и перебраться, например, в Воронеж или Псков; пишет письма на факультеты с вопросом о возможности получить направление на работу сразу после выпуска; или заранее загадывает, что уже в магистратуре пойдет на то, что сама хочет, не обращая внимания на желания членов семьи.

В этом фрагменте рассказа Ксюша как будто случайно теряет контроль над нарративом о семье, пытаясь сформулировать понятное для меня высказывание: «семья», которая раньше в ее рассказе представляла как изолированная от всех и ограниченная только родителями, младшим братом и самой Ксюшей группа, теперь обрastaет участвующими в профессиональном выборе Ксюши тетей, двоюродным братом и дедом. Последние, будучи действующими или вышедшими на пенсию сотрудниками полиции, готовят ее к вступительным экзаменам, консультируют по поводу процедуры сдачи психологических

тестов, сопровождают на встречи с приемной комиссией и обещают несложную «бумажно-офисную» работу.

На вопрос про несвершившийся выбор полиции и поступление в медицинский колледж, Ксюша призналась, что «хорошего ответа [она] пока не придумала» (31.08.23: Ксюша). Обсуждая в антиэйджистском чате возможное будущее в качестве сотрудника полиции, она выразила беспокойство по поводу морально «неправильной» профессии — что немедленно нашло поддержку со стороны других антиэйджистов, — но в то же время заметила, что если и будет работать в полиции, то только в офисе. По другим ее репликам в интервью можно предположить, что Ксюша дополнительно обосновывает для себя решение не идти учиться на сотрудника полиции страхом перед психологически и эмоционально сложными условиями работы. Для задач исследования в этой истории важно то, что несмотря на фундаментальную критику государства и институтов контроля и дисциплины в антиэйджизме, которую артикулировала и Ксюша, и все мои информанты, Ксюша продолжает рассматривать полицию как возможную профессиональную траекторию, потому что так она потенциально может добиться финансовой стабильности и, самое главное, сепарироваться от семьи и обрести самостоятельность. Этот момент согласуется с тем, что именно для Ксюши антиэйджизм — это проект в значительной степени персональный и ограничен ситуациями приватной сферы. Для нее антиэйджизм работает как здравый смысл или моральный ориентир в стремлении опознать себя как самостоятельного субъекта в бытовых ситуациях: во взаимодействии с другом, продавцом, родителями или приемной комиссией.

4.4. Выводы главы 4

4.4.1. Антиэйджистские техники изменения себя

Интервью с участниками антиэйджистских пабликов ВКонтакте показали, что антиэйджизм манифестируется не только в виде публикаций, но и как своеобразный способ самоидентификации и целенаправленной работы с собственной биографией, повседневностью и отношениями с другими. Изобретая антиэйджистские практики, не артикулированные в веб-сообществах, на основе разнообразной палитры концептуальных наполнений категорий «дети» и «подростки» и репрезентаций детско-взрослых отношений, мои собеседники и собеседницы обращались к антиэйджистскому дискурсу как к пространству по вычитыванию техник самости — практик по изменению себя, чтобы стать ближе к желанному образу агентного субъекта. Так, они самообучаются антиэйджизму как

искусству существования и опознают этот процесс как акт выбора: перечитывают свое прошлое, совершают внутреннюю работу по изменению собственного восприятия других детей, выстраивают для себя новые стратегии коммуникации с взрослыми и сверстниками, упражняются в антиэйджистской критике и таком способе воображения и интерпретации социального мира, в котором все проблемы укоренены в детско-взрослых отношениях, построенных на эйджистских принципах.

Описание и анализ биографических нарративов трех участников антиэйджистских пабликов помогает демистифицировать антиэйджизм как интеллектуальный проект: за привычными всем пользователям ВК-сообществами, за плотным и по меркам медиа-формата огромным антиэйджистским публикационным репертуаром, за похожими друг на друга историями об обращении в антиэйджистов, дискриминации детей и подростков и антиэйджистских практиках, — теперь можно разглядеть конкретных людей и их конкретные вопросы и проблемы, на которые антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте могли предлагать обоснованные ответы и решения.

Каждая история моей информантки или информанта возвращает меня к метафоре зрения, своеобразных очков, которые позволяли увидеть вызывающий вопросы и недоумение социальный мир как объяснимый и последовательный. Однако ощущение неопределенности, бессмысленности и даже дефектности жизни настигает моих собеседниц и собеседников в разных ситуациях и контекстах, так же как по-разному они инструментализируют этот новый взгляд, предлагаемый антиэйджизмом, в личных целях и стремлениях.

Так, для Кати антиэйджизм становится объяснительной моделью творческого подростка-интеллекта, которого не устраивал окружающий локальный мир в целом и в частности его конкретное воплощение в детско-взрослых отношениях. Выстраивая свой биографический нарратив, Катя последовательно описывает различные нормативные для всех участников ее историй отношения и ситуации, в которых находит неразрешимые дефекты — физическое или эмоциональное насилие, принуждение, аномию и апатию. Неблагополучное село, грубые или безразличные учителя, необщественные и аполитичные родители и родственники, атмосфера принуждения и насилия, — Катина версия антиэйджизма предлагает искать обоснование существования всех этих несправедливостей жизни в тотальной системе дискриминации несовершеннолетних, которая пронизывает уровни повседневного и политического. Для Кати антиэйджизм помогает сформулировать проблемы нравственной ответственности в авторитарных режимах и придумать сценарии «достойного» поведения в подобных условиях. При этом антиэйджизм встраивается и в ее творческую траекторию и потребность выражать критику к дисциплинарным отношениям

и институтам в форме текста; и в активистскую траекторию и стремление организовывать площадки информирования и сопротивления; и в интеллектуальную траекторию и желание понимать причины, контексты и механизмы социальных процессов. В случае Кати эту последнюю функцию антиэйджизма перенимает антропология, продолжающая расколдовывать именно повседневность подростков и влияние на них политических и социальных режимов.

История Степы показывает совершенно другие контексты, в которые встраивается антиэйджизм. Так, антиэйджистские паблики опознаются как конкретное решение семейных конфликтов, понятых Степой в макро-масштабах (как проблемы всех детей и подростков) и в абстрактных концепциях — угнетения, прав или освобождения детей. С другой стороны, опыт участия в субкультурных сценах влияет на классификацию антиэйджизма в категориях сообщества единомышленников или тусовки. Поэтому для Степы уже не так же важно, добиваются ли в итоге антиэйджистские паблики ВКонтакте узнаваемости и массовости, формулируют ли их авторы или администраторы убедительные и последовательные антиэйджистские высказывания. Для него тусовка — принципиально приватное пространство коммуникации с товарищами по интересам и убеждениям. Сюжеты субкультурной жизни рассекречивают и «слабые места» в исполнении роли последовательного антиэйджиста: Степа рассказывает про алкогольное потребление и про себя как плохого подростка, то есть то, что он опознает как нормативные элементы биографии панков, несмотря на нелегитимность этих нарративов в антиэйджизме.

Как и все мои информанты, Ксюша артикулирует антиэйджизм как активистский проект, но который, по ее мнению, имеет непрофессиональный, любительский вид (ср. Степа, описывая антиэйджистские паблики, говорит про фонд помощи детям, а Ксюша — про журналистов-«любителей»). При этом «антиэйджистка» — лишь одна из ролей Ксюши, которую она исполняет, когда оказывается в таких регистрах общения, которые заставляют ее чувствовать себя подчиненной и приниженной. Таким образом, именно для Ксюши антиэйджистский дискурс становится исключительно источником моральных ориентиров и оправданий, чтобы вести более самостоятельную и независимую жизнь и чувствовать себя «хорошим» человеком (например, в общении с детьми младше). Рядом с этой ролью, практически не пересекаясь, существует персона, пытающаяся сепарироваться от семьи, — она рассматривает профессию сотрудника правоохранительных органов и принимает решения, исходя из их практичности, а не из антиэйджистских ценностей. История Ксюши позволяет видеть именно эти параллельные артикуляции — абстрактного антиэйджизма как идеологии, который исчезает при принятии определенных жизненных решений, и абстрактного антиэйджизма как морального проекта, который обосновывает необходимость

техник изменения себя и намекает на способы, как отстаивать свои интересы, добиваться уважительного обращения и показывать, что ты, будучи подростком или просто младше своих оппонентов, тоже обладаешь знанием и навыками, с которыми можно считаться.

Взятые вместе, эти три биографические истории четко показывают, что у антиэйджистов нет и скорее всего не было похожих жизненных траекторий, — и именно антиэйджизм как успешная интерпретативная техника переводит все эти биографические фактуры, несопоставимые между собой, на язык общего возмущения несправедливостью по отношению к детям и подросткам. Возможно, поэтому и сегодня «кризис», о котором они все так или иначе говорят, заставляет их пересматривать именно паблики ВКонтакте, но не сам антиэйджизм и его необходимость. Мои информанты продолжают сверяться с антиэйджизмом, выстраивая отношения с другими или думая о собственном будущем, но каждый, конечно, по-своему.

4.4.2. Антиэйджизм как утопическое сообщество: методологический комментарий к анализу «детской агентности»

То, как функционировали антиэйджистские веб-сообщества — как паблики, дискурс и социальная группа, — можно описать с помощью метафоры «островков свободы», предложенной Ильей Владимировичем Кукулиным, Марией Львовной Майофис и Петром Александровичем Сафроновым: в них устанавливались иные условия и практиковался иной язык по сравнению с окружающим «большим» обществом, что неумолимо изменяло мировоззрение и жизнь тех участников, которые оказались на сколько-нибудь продолжительное время внутри этого пространства [Кукулин и др. 2015: 6]. Другими словами, антиэйджистские группы и паблики ВКонтакте предлагали изолированные и безопасные сцены, на которых несовершеннолетние открыто и развернуто подвергали критике условия жизни, не боясь встретиться с предубеждением к своим мыслям, пренебрежением или высмеиванием их или, даже, наказанием за свое интеллектуальное непослушание. Подобно «островкам свободы», описанным упомянутыми авторами, антиэйджистские веб-сообщества были обусловлены ощущением безвыходности ситуации и в то же время стремлением создать какое-то пространство для самостоятельного социального действия и для утопического мышления, воображения альтернативных версий настоящего и будущего, своих возможностей и желаний.

Несмотря на то, что антиэйджистский дискурс не был консистентным, его главная задача состояла в том, чтобы обосновать и рационализировать иной взгляд на знакомые ситуации: так функционировали и свидетельства личных обид, нанесенных конкретными

родителями и учителями, и автобиографическое изложение эйджистских причин психологического страдания, и весь богатый репертуар рассуждений о различных проявлениях эйджизма как системы угнетения несовершеннолетних. Подобное ostranenie тех вариантов «здравого смысла», которые предлагали антиэйджистам разные представители «большого» общества, происходило в логической связи с натурализацией знания о дискриминации несовершеннолетних — с превращением этого знания в антиэйджистский «здоровый смысл», преодолевающий пропасть между абстрактными концепциями и невыразимой интуицией об устройстве социального мира. Более того, участие в антиэйджистских веб-сообществах требовало, чтобы эта базовая логика находилась в постоянном применении: критика стала императивом для авторов публикаций и повседневным упражнением для некоторых участников ВК-сообществ.

Непротиворечивое описание эйджистской действительности, однако, не обладало последовательно артикулированным темпорально-проективным смыслом, — который можно было бы заподозрить на основании общих механизмов дискурсивного производства будущего в идеологических проектах с суффиксом «-изм» [Козеллек 2014: 29]. Авторы-антиэйджисты обещали «лучший», «счастливый» мир, не обремененный угнетением и дискриминацией, и в то же время либо не верили в его достижение, либо не могли или не решались предлагать коллективные или индивидуальные планы на достижение подобного мира своим единомышленникам. Тем не менее, категория «мир без эйджизма» оказалась важной конститутивной фигурой для антиэйджистов. С одной стороны, антиэйджистские техники интерпретации мира опознавались как самостоятельная форма борьбы с эйджизмом («зрение <...> становилось эквивалентно действию» [Димке 2018: 134]). С другой — вокруг желания «мира без эйджизма» и вопреки ощущению безнадежности появлялись индивидуальные проекты по изменению себя и отношений с окружающими. Этот момент позволяет сопоставить антиэйджистские ВК-сообщества не только с низовыми утопиями, которые можно «воплощать любыми способами и средствами», но и с утопическими сообществами, существующими на идее житнетворчества и самосовершенствования [Димке 2018: 133].

Анализ дискурсивных стратегий в антиэйджистских публикациях и в личных нарративах участников пабликов показывает, как субъекты воспринимают приемы критической теории и социально-конструктивистской парадигмы и с помощью них пытаются разобраться, кто они, несовершеннолетние, на что они способны и каких ролей заслуживают в этом мире. Этот сюжет еще раз иллюстрирует, как критическая теория и социальный конструктивизм оказываются шире, чем методология и теоретические установки исследователей: цитируя Натали Эник, они — «идеологический флаг, лозунг,

направленный в первую очередь на объединение сторонников в борьбе» [Heinich 2010: 3], только вместо «интеллектуального мира», под которым Эник подразумевает академическое сообщество, местом разворачивания дискурсивного противостояния становится повседневный мир, где в разных углах интеллектуального ринга оказываются «мнимые сообщества» сторонников и противников антиэйджистского проекта воображения «ребенка» и «подростка».

Анализ механизмов дискурсивного производства антиэйджизма и его социальных эффектов провоцирует на рассуждение об эпистемологических основаниях новой социологии детства и ее самого богатого и в то же время самого дискуссионного понятия — детской агентности. Во-первых, в антиэйджистском дискурсе «детская агентность» производится как культурная форма: она формулируется, оспаривается, уточняется как тема, у которой есть границы и специальные приемы артикуляции, иногда аналогичные академической традиции. Во-вторых, антиэйджистски понятая детская агентность функционирует как практика — она реализуется участниками антиэйджистских пабликов в виде переосмысления собственного прошлого и настоящего или исполнения конкретной роли в конкретном пространстве. Таким образом, анализ стратегий производства детской агентности в антиэйджистских ВК-сообществах позволяет уточнить исследовательские вопросы о процессуальности детской субъектности [Форум 2019: 60] и ее конкретных практиках [Corsaro 2009: 301–302]. Исследование детской агентности может строиться через рассмотрение отношений между производством дискурсивной формы детской агентности и процессом интерпелляции. Другими словами, можно осмыслять детскую агентность не как статус субъекта, присваиваемый или достигаемый, а как эффект ситуаций, в которых ребенок или подросток производит себя «агентным» в соответствии с знанием, что эта агентность значит и каковы процедуры достижения агентности. Эта позиция позволяет, с одной стороны, еще раз поставить под сомнение и бесспорно занимательные интеллектуальные размышления о том, является ли ребенок агентным или нет, и поиск специфической детскости в ее вневременном измерении с подбором более релевантных альтернатив к «компетентности» и «рациональности», предложенный новой социологией детства. С другой стороны — вопросы, на которые провоцируют антиэйджистские веб-сообщества, уточняют методологическую перспективу, объединяя внимание и к эмным определениям «агентности», и к контексту и механизмам производства концептуального наполнения «агентности», и к практикам несовершеннолетних и по отношению к ним. Другими словами, вопрос ставится так: на основании каких дискурсивных элементов субъекты опознают какие-то роли как агентные? с помощью

каких культурных образцов они производят концептуальное наполнение и процедуры достижения агентных ролей?

Как мне кажется, учитывая все большее «схождение» в повседневную коммуникацию языка субъектности, — которое фиксируют разные исследователи в распространении и терапевтического дискурса, и гибрида активистского и академического языка, — такие отношения между детской агентной ролью как дискурсивной формой и набором процедур, которыми она претворяется в жизнь несовершеннолетними, будут выходить за рамки сообществ, представляющих себя культурными новаторами и более десяти лет занимающихся рефлексией о собственной самостоятельности и уникальности как агентов социального мира.

Заключение

Моя кандидатская диссертация посвящена антиэйджистским веб-сообществам ВКонтакте и тому специфическому дискурсивному проекту, который представляет несовершеннолетних как дискриминируемую социальную группу. Меня интересовало не только категориальное значение «детей и подростков», придуманное антиэйджистами, но и механизмы производства языка говорения о несовершеннолетних и эффекты использования этого языка участниками пабликов. Моя работа состоит из четырех глав, в которых я попыталась посмотреть на производство и манифестацию антиэйджизма под разными углами — а именно на антиэйджистские ВК-сообщества как социально и технологически структурированные пространства высказывания; дискурсивные механизмы производства антиэйджистских публикаций; интеллектуальную историю концепции дискриминации несовершеннолетних; индивидуальные и групповые стратегии воплощения антиэйджистского проекта. Я старалась представить каждую главу как самостоятельный сюжет — с определенным контекстом, теоретическими предпосылками и терминологическим репертуаром, который при этом создает уточняющую оптику для чтения других фрагментов работы.

Рассказывая историю создания и изменения антиэйджистских групп и пабликов ВКонтакте, я проанализировала социально-политический контекст соцсети ВКонтакте и стратегии администраторов и модераторов-антиэйджистов по организации веб-сообществ. Так, первое антиэйджистское ВК-сообщество «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР» предлагало своим участникам делиберативное пространство, для которого был характерен свободный доступ к высказыванию и отсутствие модерации контента. Изменение режима публичности БЗР происходит в контексте усиления присутствия государственных и корпоративных акторов в интернет-пространстве: государственная политика в отношении интернета расширяла репертуар институциональных, юридических и технических средств контроля и модерации, а разработчики платформы ВКонтакте создавали встроенные в соцсеть механизмы управления информацией, которые могли быть применены, в том числе, обычными пользователями, администраторами групп и пабликов. Специальная инфраструктура и нормализованное отношение к веб-сообществам как к управляемым информационным медиа (а не к утопическим свободным форумам) позволили антиэйджистам ввести новый режим публичности, предполагавший централизованную модерацию контента администраторами пабликов.

По-разному понимая место своего веб-сообщества в публичной сфере (через представления о тематических веб-сообществах, оппозиционных политических партиях,

неполитических активистских веб-площадках или независимых медиа-изданиях), администраторы БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм» и «Голоса неголосующих» стремились установить специфические для каждого паблика нормативные онлайн-практики подписчиков, закрепить определенный набор тем и способов их артикуляции. Таким образом, в антиэйджистских пабликах были сформированы свои каноны *правильного* антиэйджистского высказывания, которые поддерживались с помощью функции «предложки» и редакторской работы администраторов и модераторов.

Хотя мной была соблюдена логика хронологического повествования об истории антиэйджистских веб-сообществ, меня интересовали не каузальные связи, но отношения и эффекты пересечений между социо-технологическими чертами веб-сообществ ВКонтакте и дискурсивными стратегиями авторов-антиэйджистов. Этот фрагмент работы демонстрирует контекст изменения процедур антиэйджистского высказывания для участников и условия, в которых появлялись и становились нормативными разные риторические стратегии и жанры.

В отсутствии прямых исторических предшественников русскоязычной антиэйджистской повестки авторы БЗР решали первоочередную задачу, а именно доказать, что дети и подростки — жертвы травмы и несправедливости. Дети, которых воображают и репрезентируют участники БЗР в языке травмы, оказываются «более взрослыми, чем взрослые» или «лучшей версией взрослых», а единственной целью антиэйджистов становится обнаружить *злую и преступную* природу «взрослого мира» и опровергнуть привлекательность «взросления». Организация антиэйджистской ВК-группы как бухгалтерии ошибок «взрослых» и активный отклик среди участников на публикацию личных историй способствовали опознанию универсальности детской травмы, массовости и распространенности представлений о несправедливости детско-взрослых отношений. Конспирологическая концептуализация скрытого заговора определенной социальной группы, использование гипертрофированных сравнений и моральных категорий и пересборка языка вражды, — эти механизмы производства антиэйджистского дискурса раннего БЗР как ставят его в отношения подражания с официальным дискурсом детской политики России, так и оказываются созвучны парадигмам ведения дискуссий в русскоязычной публичной сфере в это же время.

Появление новых авторов-антиэйджистов и позиционирование антиэйджистской повестки как элемента оппозиционной и контрпубличной сферы совпало с эпистемологическим сдвигом в антиэйджистском дискурсе — разделяемым всеми авторами пониманием эйджизма как системной проблемы, а не характеристики некоторых событий детско-взрослых отношений. В БЗР и в только появившихся антиэйджистских

пабликах была принята общая мета-критическая теория, позволяющая говорить о *тотальной системе угнетения* несовершеннолетних и различных формах, которые она принимает. Концептуализация «детей» как жертв структурной дискриминации потребовала новых риторических ходов — например, проведения аналогий с другими правозащитными и эмансипаторными повестками, — что привело к появлению новых «детских» сюжетов, риторических стратегий для их обсуждения и программных требований антиэйджистов. Более того, фрейм угнетения спровоцировал авторов переосмыслить способы репрезентации «взрослых» и «детей» — они переставали воображаться монолитными и цельными персонажами, стали способны как на неадекватные поступки, так и на равные отношения с другими и справедливую борьбу во имя всеобщего блага. На становление дискурса угнетения в антиэйджистских пабликах повлияла криминализация риторики социальной справедливости и феминистской повестки. То, что обоснованием действий неоконсервативного режима выступала, в первую очередь, защита детей и подростков, позволило авторам-антиэйджистам опознать в феминизме культурного союзника и использовать феминистскую риторику в качестве ресурса для формулирования антиэйджистских высказываний.

Репрезентация ребенка как субъекта постоянного анализа и критики и размноженные до бесконечности темы, в которых можно обнаружить эйджизм, стали основой для появления еще одного стиля повествования об эйджизме как системе тотального угнетения. Новый антиэйджистский дискурсивный порядок отличался вниманием авторов к эмоциональному состоянию, повествованием преимущественно от первого лица, включением диагнозов и медицинских терминов как способов интерпретировать личный опыт. Авторы новых форм автобиографических свидетельств опознавали свои *психологические и эмоциональные проблемы* как симптомы тотальной несправедливости по отношению к детям и подросткам, таким образом инструментализируя язык терапевтической культуры для обоснования представлений о системе угнетения несовершеннолетних. Под влиянием словаря и риторических стратегий терапевтического дискурса, культуры самопомощи и самостроительства авторы-антиэйджисты начинают рассуждать о сложности индивидуального «внутреннего мира» и отказываться от однозначных моральных оценок и одномерных репрезентаций взрослых и несовершеннолетних.

Несмотря на разные стратегии фреймирования детско-взрослых отношений, антиэйджистские веб-сообщества ВКонтакте функционировали как пространства, которые провоцировали и рационализировали критику повседневной жизни, социальных норм и категориальных аппаратов. Критический потенциал антиэйджизма, таким образом, можно

понять как функцию российского социально-политического контекста. Изменения, которых требуют антиэйджисты, сопротивляясь законодательным ограничениям и логике обывательского здравого смысла, становятся возможными лишь при наличии образов не-агентного ребенка, неспособного к социальной и политической рефлексии и актам выбора. При этом устойчивость и убедительность критического эффекта достигается авторами-антиэйджистами за счет символической силы актуальных и доступных для воспроизведения риторических стратегий, образов и словаря — алармистской и конспирологической риторики, риторики социальной справедливости и терапевтического дискурса. То, как производился антиэйджистский дискурс на протяжении десяти лет, является одновременно реакцией и на интенсифицирующийся охранительный дискурс государственной политики по отношению к несовершеннолетним (и не только), и на популяризацию и массовое распространение новых языков говорения о субъекте и обществе. Таким образом, антиэйджистские ВК-сообщества выступают не только примером изолированного дискурсивного «подросткового бунта», но и кейсом, который позволяет проблематизировать тенденции в публичной риторике в России 2000–2010-х годов — а именно социальные эффекты неоконсервативного режима, официального дискурса детской политики, риторики социальной справедливости и прав человека и терапевтического языка разговора о чувствах.

Однако феномен антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте не исчерпывается историей подражания и эксплуатации актуальных дискурсов. С одной стороны, авторы-антиэйджисты творчески и порой остроумно подходят к имитированию, заимствованию и переписыванию чужой риторики, вырабатывая в процессе нетривиальное и совсем не популярное высказывание о возрастной дискриминации несовершеннолетних. Так, они разбирают на части официальные речи государственных деятелей и, помещая их в контекст антиэйджистского высказывания, подталкивают читателей воспринимать их как устрашающе нелогичные, абсурдные и противоречивые утверждения. Таким образом, авторы-антиэйджисты приходят к выводу, что образы «детей» и «детства» зачастую функционируют как инструменты мистификации и морального прикрытия. На этом же тезисе настаивают и некоторые исследователи публичной сферы и детской политики России. В процессе перечитывания понятия «гендер» и его замены категорией «возраст» антиэйджисты не только изобретают новые термины, но и придумывают собственную метакритическую теорию тотальной системы ассиметричных детско-взрослых отношений, которая близка и по риторическим приемам, и по аналитической логике академическим текстам авторов новой социологии детства и их последователей.

С другой стороны, мои собеседницы и собеседники интерпретируют антиэйджистский дискурс, аналогично тому, как рядовые сотрудники советских идеологических институтов и их публика в работах Сони Люрман или Анны Кругловой заполняют конкретными и актуальными для самих себя смыслами схематичные, абстрактные или догматичные рекомендации по обсуждению «идеологически важных» тем [Luehrmann 2011: 369–374; Kruglova 2017: 762–763]. Так, они перечитывают свое прошлое, выстраивают для себя новые стратегии коммуникации, проверяют свои решения на соответствие антиэйджистским ценностям и непрерывно упражняются в таком способе воображения и интерпретации социального мира, в котором точкой отсчета выступают детско-взрослые отношения как требующая изменений тотальная система угнетения. Анализ нарративов о личной жизни не только показал различные контексты, в которых антиэйджизм обретал значение и значимость для моих собеседниц и собеседников, но и позволил зафиксировать гибкость антиэйджистской интерпретативной техники в переводе биографических фактур, несопоставимых между собой, на язык общего возмущения несправедливостью по отношению к детям и подросткам.

Помимо того, что антиэйджизм увлекает своей экзотичностью, несмотря на, казалось бы, совершенно банальные сюжетные элементы — знакомые всем паблики ВКонтакте, вариация на тему «подростковый бунт», — его анализ помогает ставить более масштабные вопросы, выходящие за пределы этого кейса. Так, появление антиэйджистских ВК-сообществ можно поместить в контекст возникновения новой гражданской культуры на глобальной сцене и массового появления «идеологически направленных» веб-площадок в русскоязычных фрагментах интернета. Анализ дискурсивной работы авторов-антиэйджистов помогает как бы «разблокировать» незаметные сюжеты, связанные не только с выражением несогласия по отношению к институтам власти и государственной политике, но и с проблематизацией повседневности, условий и языка, предлагаемого разными представителями «большого» общества. Более того, именно технические возможности (или аффордансы) соцсети ВКонтакте способствовали тому, что авторы-антиэйджисты смогли с нуля собрать «эйджизм» как проблему и язык для его обсуждения. Свободный доступ к публикации в раннем БЗР способствовал видимости массового несогласия с представлениями о детско-родительских и детско-взрослых отношениях. «Предложка», редакторская работа, возможность создать чат для закулисного обсуждения и формирование канонической формы антиэйджистского высказывания, — все это подталкивало коллективно прорабатывать идеи о проявлениях эйджизма в различных измерениях жизни и искать новые сюжеты для публикаций. Пример антиэйджистских ВК-сообществ показывает, что в начале 2010-х годов платформа ВКонтакте становилась не

только площадкой для мобилизации и для критики власти, но способствовала появлению специфической формы коллективного выражения несогласия, или своеобразного вида активизма, участники которого делали ставку не столько на артикуляцию и распространение своих идей или привлечение союзников и последователей, сколько на процесс формулирования и обоснования альтернативного взгляда на мир.

Введение сравнительной перспективы русскоязычного антиэйджизма и англоязычных теорий угнетения несовершеннолетних позволило не только реконструировать историю концепции дискриминации несовершеннолетних и представить антиэйджизм веб-сообществ ВКонтакте как ее часть, но и подсветить интеллектуальное и языковое сближение академической критики детско-взрослых отношений и ее вернакулярной версии в пабликах ВКонтакте. Преследуя одну и ту же цель — сделать видимым угнетение детей и подростков, — оба этих проекта знания обратились к одним и тем же риторическим стратегиям и традициям мысли. Другими словами, интеллектуальное и языковое сближение академической и вернакулярной теорий дискриминации несовершеннолетних можно понять как результат общих шагов, предпринятых в процессе производства знания. И исследователи детства, и авторы-антиэйджисты опирались на конструктивистские идеи об организации социального мира, искали скрытые отношения доминирования, составляющие тотальную систему угнетения, мобилизовали риторику угнетения и социальной справедливости и, главное, заимствовали из феминистского дискурса логику построения интерпретаций и специфический вокабуляр для описания и анализа положения детей и подростков.

В то же время конспирология, критика и терапевтическая культура, которые становились культурными ресурсами для авторов в разные периоды производства антиэйджистского дискурса, обладают общими эпистемологическими основаниями — а именно остранением реальности и конструктивистскими приемами интерпретации. Понимание антиэйджизма как вернакулярного конструктивизма позволяет выйти за рамки рассмотрения антиэйджизма в его сравнении с исключительно критической теорией и поставить вопрос о роли и месте конструктивистской риторики в русскоязычной публичной сфере в 2000–2010-х годах. Таким образом, можно говорить о социальном эффекте не только русскоязычного феминизма и терапевтического языка разговора о чувствах, но и неоконсервативной риторики детской политики России, в процессе и оспаривания, и имитации которой антиэйджисты стали формулировать социально-конструктивистские предположения об организации детско-взрослых отношений.

В то же время феномен антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте показывает еще и иной модус мобилизации социально-критических дискурсов в повседневном регистре.

Мои собеседницы и собеседники не знакомы с техниками критической теории и конструктивистскими интерпретациями на образовательном и профессиональном опыте и не используют их как публичный камуфляж, интеллигентский жаргон или академический инструментарий. Они опознают в этих аналитических приемах «здравый смысл», вычитанную из повседневного опыта мораль жизни, для которой необходимо только артикулировать никем не проговариваемые, по их мнению, «детские сюжеты». Так, натурализованное описание эйджистской действительности стало для многих антиэйджистов, с которыми я встретилаcь во время полевой работы, не только риторической стратегией написания публикаций, но и актуальной программой жизни. Антиэйджистские техники интерпретации мира и опознавались как самостоятельная форма борьбы с эйджизмом, и функционировали как катализатор изобретения индивидуальных проектов по изменению себя и отношений с окружающими. Этот акцент на житнетворчестве, к которому каждый антиэйджист приходит как бы самостоятельно, делает антиэйджизм типологически сопоставимым с утопическими сообществами, превращающими идеологемы в практики изменения себя. Мода на различные языки субъектности и тренд на популяризацию гуманитарного знания провоцируют ставить вопрос о функционировании типологически похожих на антиэйджистские ВК-сообщества кейсов в российском контексте и говорить о необходимости их анализа для осмысления форм и специфики низовой социальной критики в России.

В то же время отношение между семантикой и прагматикой, текстами и жизненными практиками, которое было рассмотрено при анализе антиэйджизма веб-сообществ ВКонтакте, позволяет вернуться к теориям исследований детства и уточнить их методологическую перспективу анализа, добавив в нее понимание «детской агентности» как культурной формы, границы и концептуальное наполнение которой могут оспариваться и пересобирааться и которую мобилизуют субъекты, чтобы выстроить отношения с собой и другими. Анализ антиэйджистских ВК-сообществ уточняет вопросы к «детской агентности», допуская что она может быть не только присваиваемым статусом субъекта или ситуативным знанием, но и идеологической дискурсивной формой, которая переопределяет приемы самоидентификации и интерпретации повседневности и выступает способом артикуляции городу и миру опознаваемой и желанной социальной роли.

Кейс антиэйджистских веб-сообществ ВКонтакте демонстрирует не только то, как критические социальные теории продолжают «жить», не замечая границ академии, в виде повседневных лексиконов и риторических конструкций, но и то, что они могут становиться самосбывающимися пророчествами, вернакулярными реализациями критической философии и участвовать в создании дискурсивных пространств, в которых возможно не

только подвергать сомнению нарративы о детстве и родительстве, здравый смысл и законодательные проекты, но и ставить неудобные вопросы самим себе и культивировать практику вопрошания как повседневное упражнение.

Список источников

- 6 февраля 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «6 февраля 2016 года...» // ВКонтакте. 14.02.2016. URL: https://vk.com/wall-37349221_36009.
- 7 советов по освобождению от эйджистской лексики 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «7 советов по освобождению от эйджистской лексики» // ВКонтакте. 31.12.2016. URL: https://vk.com/wall-47905106_3466.
- А вот вам подборочка 2020 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «А вот вам подборочка того...» // ВКонтакте. 22.09.2020. URL: https://vk.com/wall-37349221_55919.
- А кто стер 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «А кто стер мое сообщение?» // ВКонтакте. 16.11.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_217.
- А ответственность и обязанности 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «А ответственность и обязанности тоже будут равными или только права?» // ВКонтакте. 18.08.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_14276.
- Администрация группы 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Администрация группы сердечно поздравляет...» // ВКонтакте. 05.12.2013. URL: https://vk.com/joinbZR?w=wall-37349221_5935.
- БЗР и мораль 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «БЗР и мораль...» // ВКонтакте. 18.11.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_310.
- Блез Паскаль 2015 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Блез Паскаль...» // ВКонтакте. 02.02.2015. URL: https://vk.com/albums-47905106?z=photo-47905106_355613468%2Fphotos-47905106.
- Более одного миллиарда 2020 — Подслушано: эйджизм. «Более одного миллиарда...» // ВКонтакте. 06.08.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_4310.
- Большой трэш 2020 — Голос неголосующих. «Большой трэш в маленьком городе» // ВКонтакте. 04.08.2020. URL: https://vk.com/wall-197239338_42.
- В “англоязычном” фейсбуке 2019 — Подслушано: эйджизм. «В “англоязычном” фейсбуке активисты...» // ВКонтакте. 26.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_33.
- В Курганской 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «В Курганской области бабушка пыталась внучку кочергой...» // ВКонтакте. 08.06.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_12326.
- В Нижнем Новгороде 2021 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «В Нижнем Новгороде...» // ВКонтакте. 06.02.2021. URL: https://vk.com/wall-180648405_636.

В США февраль 2019 — Подслушано: эйджизм. «В США февраль считается месяцем...» // ВКонтakte. 21.02.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_544.

В феминистической 2019 — Подслушано: эйджизм. «В феминистической...» // ВКонтakte. 15.09.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_1822.

В шестнадцать я читала 2019 — Подслушано: эйджизм. «В шестнадцать я читала...» // ВКонтakte. 24.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_5.

Ведите дневник 2018 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Ведите дневник...» // ВКонтakte. 29.11.2018. URL: https://vk.com/wall-47905106_4505.

ВКонтakte поддержал Википедию 2012 — Live. «ВКонтakte поддержал Википедию...» // ВКонтakte. 10.07.2012. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=Завтра%20в%20Государственной&w=wall-2158488_216787.

ВКонтakte самая 2011 — Live. «ВКонтakte самая популярная социальная сеть в Европе...» // ВКонтakte. 14.11.2011. URL: https://vk.com/wall-2158488?q=%20социальная%20сеть%20в%20Европе&w=wall-2158488_140158.

Возрастные ограничения 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Возрастные ограничения на российском ТВ...» // ВКонтakte. 16.12.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_480.

Вот лежу я 2020 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Вот лежу я, читаю про Международный день девочек...» // ВКонтakte. 11.10.2020. URL: https://vk.com/wall-47905106_5246.

Вот такие взрослые 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «вот такие взрослые верующие...» // ВКонтakte. 09.08.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_3547.

Вот цитата из спора 2019 — Подслушано: эйджизм. «Вот цитата из спора на фейсбуке...» // ВКонтakte. 25.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_16.

Всё дело в социовозрастной коллективной идентичности 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Всё дело в социовозрастной коллективной идентичности...» // ВКонтakte. 26.11.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_18794.

Всем привет, моя мать меня ненавидит 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Всем привет, моя мать меня ненавидит» // ВКонтakte. 26.05.2016. URL: https://vk.com/wall-37349221_41781.

- Вспоминая Суламифь Фаейрстоун 2018 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Вспоминая Суламифь Фаейрстоун...» // ВКонтакте. 08.03.2018. URL: https://vk.com/wall-47905106_4180.
- Вскоре администраторам 2015 — Live. «Вскоре администраторам сообществ...» // ВКонтакте. 11.09.2015. URL: https://vk.com/wall-2158488?offset=200&owners_only=1&q=администраторам%20сообществ&w=wall-2158488_474103.
- Вы верите 2019 — Подслушано: эйджизм. «Вы верите, что все дети в глубине души любят своих родителей...» // ВКонтакте. 08.02.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_407.
- Вы наверное видели 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Вы наверное видели этот гомофобный ролик про поправки в конституцию...» // ВКонтакте. 04.06.2020. URL: https://vk.com/wall-180648405_301.
- Вы представляете 2019 — Подслушано: эйджизм. «Вы представляете...» // ВКонтакте. 06.02.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_351.
- Вы хотите 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Вы хотите, чтобы дети по своему желанию могли получить права...» // ВКонтакте. 29.07.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_3275.
- Госдума приняла 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Госдума приняла во втором чтении...» // ВКонтакте. 25.09.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_4894.
- Давайте обсудим 2011 — Live. «Давайте обсудим...» // ВКонтакте. 30.07.2011. URL: https://vk.com/live?w=wall-2158488_88026.
- Девочка в розовом 2018 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Девочка в розовом...» // ВКонтакте. 24.03.2018. URL: https://vk.com/wall-47905106_4193.
- Десятки тысяч детей 2020 — Подслушано: эйджизм. «Десятки тысяч детей и подростков» // ВКонтакте. 25.05.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_3540.
- Детей до 13 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Детей до 13 хотят отгородить от интернета...» // ВКонтакте. 18.04.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1180.
- Дети должны знать 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Дети должны знать свои права!» // ВКонтакте. 01.09.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_23.

- Детское программирование 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Детское программирование...» // ВКонтакте. 04.06.2014. URL: https://vk.com/wall-47905106_1008.
- Джордан Майкл Эдвин 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Джордан Майкл Эдвин...» // ВКонтакте. 15.10.2017. URL: https://vk.com/wall-47905106_4042.
- Для спикеров на митингах 2020 — Подслушано: эйджизм. «Для спикеров на митингах...»
// ВКонтакте. 30.03.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_2964.
- Дорогие друзья 2022 — Голос неголосующих. «Дорогие друзья и подруги!» // ВКонтакте.
24.08.2022. URL: https://vk.com/golosnegolosuushih?w=wall-197239338_2017.
- Едва-едва система образования 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение
БЗР. «Едва-едва система образования...» // ВКонтакте. 11.05.2021. URL:
https://vk.com/wall-47905106_5445.
- Ёжик 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Ёжик» // ВКонтакте.
24.08.2017. URL: https://vk.com/photo-47905106_422389562.
- Если вы используете 2020 — Подслушано: эйджизм. «Если вы используете...» //
ВКонтакте. 06.03.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_2591.
- Если училка 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Если училка
унижает- звони в Обрядзор...» // ВКонтакте. 10.03.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_690.
- Есть такая страна Казахстан 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Есть такая страна Казахстан...» // ВКонтакте. 19.04.2014. URL: https://vk.com/wall-47905106_815.
- Законопроект 2017 — Законопроект № 145507-7 О правовом регулировании деятельности
социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты
Российской Федерации // sozd.duma.gov. 10.04.2017. URL:
<https://sozd.duma.gov.ru/bill/145507-7>.
- Заметка одного из админов 2018 — Подслушано: эйджизм. «Заметка одного из админов...»
// ВКонтакте. 19.02.2018. URL: https://vk.com/wall-37349221_48877.
- Записки Радужного Дракона 2019 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Записки Радужного Дракона...» // ВКонтакте. 02.03.2019. URL: https://vk.com/wall-37349221_51611.
- Запись удалена 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Запись
удалена» // ВКонтакте. 16.09.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_15416.

- Запись удалена 2015 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Запись удалена» // ВКонтакте. 11.10.2015. URL: https://vk.com/wall-37349221_30134.
- Зачем вы слушаетесь? 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Зачем вы слушаетесь?» // ВКонтакте. 08.01.2021. URL: <https://vk.com/@joinbZR-zachem-vy-slushaetes>.
- Защитники детей 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Защитники детей...» // ВКонтакте. 08.02.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_8066.
- Защитники семьи 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «защитники семьи и “традиционных ценностей” громче...» // ВКонтакте. 29.07.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_3317.
- Здесь скорее одно 2019 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Здесь скорее одно...» // ВКонтакте. 02.03.2019. URL: https://vk.com/wall-37349221_51612.
- И это поколение 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «И это поколение считает себя самым умным...» // ВКонтакте. 04.08.2014. URL: https://vk.com/joinbZR?w=wall-37349221_13784.
- Иллич 2006 — Иллич И. Освобождение от школ. М.: Издательство «Просвещение». 2006.
- Интересный пост с фейсбука 2020 — Подслушано: эйджизм. «Интересный пост с фейсбука...» // ВКонтакте. 28.02.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_2488.
- Источники переходов 2013 — Live. «Источники переходов...» // ВКонтакте. 07.05.2013. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=Учёт%20ведётся%20по&w=wall-2158488_266395.
- К сожалению 2023 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «К сожалению автора не знаю...» // ВКонтакте. 08.02.2023. URL: https://vk.com/wall-180648405?own=1&w=wall-180648405_1276.
- КАК ВЫГЛЯДЕЛИ БЫ НОВОСТИ 2021 — Подслушано: эйджизм. «КАК ВЫГЛЯДЕЛИ БЫ НОВОСТИ...» // ВКонтакте. 17.03.2021. URL: https://vk.com/wall-47905106_5402.
- Как родители 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Как родители делают из тебя прокрастинатора...» // ВКонтакте. 30.03.2020. URL: https://vk.com/wall-180648405_199.
- Кактусёна 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Кактусёна» // ВКонтакте. 30.06.2016. URL: https://vk.com/photo-47905106_456239158.
- КЕЙТЛИН 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «КЕЙТЛИН НИКОЛЬ О'НИЛ...» // ВКонтакте. 31.12.2016. URL: https://vk.com/wall-47905106_3469.

- Кейтлин 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Кейтлин Николь О'Нил...» // ВКонтакте. 12.01.2017. URL: https://vk.com/wall-47905106_3510.
- Когда уходит 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Когда уходит детство? Подростки. Правда о традициях...» // ВКонтакте. 13.01.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_588.
- Когда уходит детство? 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Когда уходит детство? Откуда нравственность “русских патриотов”?» // ВКонтакте. 02.02.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_639.
- Когда я стала взрослой 2019 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Когда я стала взрослой...» // ВКонтакте. 10.04.2019. URL: https://vk.com/wall-47905106_4598.
- Кто-то скажет 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Кто-то скажет, что данный пост...» // ВКонтакте. 11.07.2021. URL: https://vk.com/wall-37349221_56977.
- Лимит на отложенные записи 2013 — Live. «Лимит на отложенные записи...» // ВКонтакте. 15.02.2013. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=Лимит%20на%20отложенные%20записи&w=wall-2158488_257175.
- Меня раздражает 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Меня раздражает, когда мама...» // ВКонтакте. 30.05.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_12036.
- Мне бы не разрешили 2019 — Подслушано: эйджизм. «Мне бы не разрешили...» // ВКонтакте. 19.02.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_531.
- Мне было 15 лет 2021 — Голос неголосующих «Мне было 15 лет...» // ВКонтакте. 27.01.2021. URL: <https://vk.com/@golosnegolosuushih-mne-bylo-15-let-i-ya-hotela-pokonchit-s-soboi-intervu-s-anei>.
- Мне кажется важным сказать 2019 — Подслушано: эйджизм. «Мне кажется важным сказать...» // ВКонтакте. 29.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_147.
- Мне тут щас вспомнилась 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Мне тут щас вспомнилась...» // ВКонтакте. 30.12.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_4805.
- Мне это напоминает демагогии 2019 — Подслушано: эйджизм. «Мне это напоминает демагогии...» // ВКонтакте. 26.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_33.
- Многабукаф 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Многабукаф про токсичных родителей...» // ВКонтакте. 04.07.2021. URL: https://vk.com/wall-37349221_56945.

Можно я тут **2013** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Можно я тут кое-что...» // ВКонтакте. 18.03.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_705.

Мы часто замечаем **2015** — Live. «Мы часто замечаем, как пользователи...» // ВКонтакте. 06.08.2015. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=Мы%20часто%20замечаем%20С%20как%20пользователи%20&w=wall-2158488_465658.

На каждом кабинете **2019** — Подслушано: эйджизм. «На каждом кабинете...» // ВКонтакте. 24.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_7.

На протяжении **2019** — Подслушано: эйджизм. «На протяжении...» // ВКонтакте. 30.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_162.

Насколько я знаю **2013** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Насколько я знаю...» // ВКонтакте. 13.06.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1884.

Не понимаю претензий **2020** — Подслушано: эйджизм. «Не понимаю претензий...» // ВКонтакте. 03.06.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_3650.

Некоторые дети имеют привычку **2014** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Некоторые дети имеют привычку...» // ВКонтакте. 31.12.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_19715.

Новые обновления **2017** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Новые обновления...» // ВКонтакте. 19.02.2017. URL: https://vk.com/wall-47905106_3628.

О защите детей **2013** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «О защите детей: осторожно, дети...» // ВКонтакте. 29.06.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_2173.

О трудовых правах подростков **2020** — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «О трудовых правах подростков...» // ВКонтакте. 19.12.2020. URL: https://vk.com/wall-180648405_548.

ОБОЖАЮ НАБЛЮДАТЬ **2017** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «ОБОЖАЮ НАБЛЮДАТЬ, КАК ЦЕЛОЕ ПОКОЛЕНИЕ МАМАШ...» // ВКонтакте. 08.12.2017. URL: https://vk.com/wall-47905106_4089.

Обращение к традиции **2019** — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Обращение к традиции...» // ВКонтакте. 16.10.2019. URL: https://vk.com/wall-180648405_28.

Общение в сообществах **2019** — Live. «Общение в сообществах выходит...» // ВКонтакте. 23.12.2019. URL: https://vk.com/live?w=wall-2158488_876821.

Очень жизненно **2013** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Очень жизненно. Возьмите на заметку...» // ВКонтакте. 21.05.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1503.

- Очень часто молодые 2019 — Подслушано: эйджизм. «Очень часто молодые...» // ВКонтakte. 30.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_166.
- Панкратов 2013 — Олег Панкратов. Стражи интернет-революции. Советник президента Игорь Щеголев возглавил охранительное движение против «чересчур свободного» Рунета // Новая газета. 04.03.13. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2013/03/04/53780-strazhi-internet-revolutsii>.
- Первое сентября - день траура 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Первое сентября - день траура...» // ВКонтakte. 31.08.2017. URL: https://vk.com/wall-37349221_47449.
- Первый Манифест 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Первый Манифест БЗР» // ВКонтakte. 31.03.2012. URL: https://vk.com/topic-37349221_26254184.
- Под “защитой детей” 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Под “защитой детей” подразумевается охрана...» // ВКонтakte. 09.06.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1781.
- Пока мы выбираем 2021 — Голос неголосующих «Пока мы выбираем...» // ВКонтakte. 20.08.2021. URL: https://vk.com/wall-197239338_1617.
- Полезности 2020 — Голос неголосующих. «Полезности...» // ВКонтakte. 16.09.2020. URL: https://vk.com/wall-197239338_165.
- Посмотрите 2019 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Посмотрите...» // ВКонтakte. 02.03.2019. https://vk.com/wall-37349221_51609.
- Почему подростки склонны 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Почему подростки склонны...» // ВКонтakte. 15.08.2020. URL: https://vk.com/wall-180648405_397.
- Почитайте и посмейтесь 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «почитайте и посмейтесь :D...» // ВКонтakte. 20.06.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_12641.
- Права молодежи 2017 — Подслушано: эйджизм. «Права молодежи...» // ВКонтakte. 22.01.2017. URL: https://vk.com/wall-177175116_2.
- Представьте себе 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Представьте себе, что любой желающий...» // ВКонтakte. 21.05.2021. URL: https://vk.com/wall-37349221_56751.
- Привет, мир! 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Привет, мир! Я хочу рассказать историю своей жизни...» // ВКонтakte. 10.08.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_3607.

- Про насилие в семье 2019 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Про насилие в семье и ювенальную юстицию...» // ВКонтакте. 18.12.2019. URL: https://vk.com/wall-180648405_77.
- Просто несколько сотен 2010 — asoc. «Просто несколько сотен...» // LiveJournal. 18.12.2010. URL: <https://asoc.livejournal.com/56139.html>.
- Против обязательной школьной формы 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Против обязательной школьной формы - Онлайн Петиция» // ВКонтакте. 25.02.2014. URL: https://vk.com/wall-47905106_722.
- Психология развития слишком 2019 — Подслушано: эйджизм. «Психология развития слишком...» // ВКонтакте. 13.04.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_947.
- Рачевский 2019 — Ефим Рачевский. ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПОДРОСТКОВ // Образователи. 24.04.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8vpqWNR5W4w>.
- Рачевский 2023 — Александр Аузан и Ефим Рачевский. «Претензии к школе — то же самое, что претензии к жизни» // EdDesign Mag. 07.03.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=umvCAqgWLRU>.
- Ребёнок не может 2019 — Подслушано: эйджизм. «Ребёнок не может «просто капризничать...» // ВКонтакте. 08.02.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_400.
- Родители! 2019 — Подслушано: эйджизм. «Родители! Это не так...» // ВКонтакте. 19.05.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_1171.
- Россияне в сети 2012 — Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа // ВЦИОМ. 13.02.2012. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-v-seti-rejting-populyarnosti-soczialnykh-media>.
- С Днём защиты детей! 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «С Днём защиты детей!» // ВКонтакте. 31.05.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1617.
- С сегодняшнего дня 2017 — Live. «С сегодняшнего дня...» // ВКонтакте. 14.03.2017. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=C%20сегодняшнего%20дня%20&w=wall-2158488_670684.
- Сборник “Куда жаловаться на взрослых?” 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Сборник “Куда жаловаться на взрослых?”» // ВКонтакте. 18.11.2012. URL: https://vk.com/topic-37349221_27328141.
- Свалить от родителей 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Свалить от родителей до 18 лет...» // ВКонтакте. 25.02.2020. URL: https://m.vk.com/wall-180648405_146.

Сейчас много стали 2020 — Подслушано: эйджизм. «Сейчас много стали...» // ВКонтакте. 15.06.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_3807.

Сейчас нажму на сонную артерию 2020 — Голос неголосующих. «Сейчас нажму на сонную артерию...» // ВКонтакте. 15.11.2020. URL: <https://vk.com/@golosnegolosuushih-seichas-nazhmu-na-sonnuu-arteriu-i-ty-otrubishsya-intervu-s>.

Сексист 19 века 2019 — Подслушано: эйджизм. «Сексист 19 века...» // ВКонтакте. 24.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_3.

Сексист 2019 — Подслушано: эйджизм «Сексист: С ней бесполезно...» // ВКонтакте. 11.11.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_2054.

Сексуальное насилие 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Сексуальное насилие в семье...» // ВКонтакте. 02.08.2013. URL: https://vk.com/wall-47905106_337.

СИТУАЦИЯ 2019 — Подслушано: эйджизм. «СИТУАЦИЯ 1.Наивный ребёнок...» // ВКонтакте. 15.04.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_951.

Снова-здорово 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Снова-здорово...» // ВКонтакте. 21.11.2013. URL: https://vk.com/wall-47905106_689.

Совершенно нормально 2019 — Подслушано: эйджизм. «Совершенно нормально критиковать...» // ВКонтакте. 05.07.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_1521.

Социальное программирование 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Социальное программирование на примере трех экспериментов» // ВКонтакте. 16.11.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_5654.

Сторонники Прав молодежи 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Сторонники Прав молодежи...» // ВКонтакте. 13.01.2017. URL: https://vk.com/wall-37349221_45186.

Скатились 2017 — Live. «Скатились, отписываюсь...» // ВКонтакте. 06.03.2017. URL: https://vk.com/wall-2158488?owners_only=1&q=самые%20страшные%20слова&w=wall-2158488_668568.

Так я вижу тех 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Так я вижу тех, кто говорит “школоте не понять”...» // ВКонтакте. 27.08.2014. URL: https://vk.com/joinbzzr?w=wall-37349221_14685.

Терпеть говоришь? 2013 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Терпеть говоришь?» // ВКонтакте. 09.06.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_1781.

- Толстой 1936 — Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 8. Педагогические статьи 1860—1863. Государственное издательство «Художественная литература». 1936.
URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/680/>.
- Тред: что делать 2020 — АЭК «Тред: что делать, если Вы ребенок подросток и столкнулись с домашним насилием...» // ВКонтакте. 07.09.2020. URL: https://vk.com/wall-180648405_426.
- Триггеры 2019 — Подслушано: эйджизм. «Триггеры: примеры дискриминационных высказываний...» // ВКонтакте. 23.01.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_2.
- У нас появилась новая беседа 2021 — Голос неголосующих. «У нас появилась новая беседа...» // ВКонтакте. 08.06.2021. URL: https://vk.com/wall-197239338_1338.
- У нас тут возник очень 2020 — Голос неголосующих. «У нас тут возник очень...» // ВКонтакте. 24.11.2020. URL: https://vk.com/wall-197239338_462.
- Узрите 2016 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Узрите...» // ВКонтакте. 15.05.2016. URL: https://vk.com/wall-47905106_2784.
- Управление сообществами 2013 — Live. «Управление сообществами...» // ВКонтакте. 26.02.2013. URL: https://vk.com/wall-2158488?offset=260&q=Управление%20сообществами&w=wall-2158488_257953.
- Феминистки часто говорят 2019 — Подслушано: эйджизм. «Феминистки часто говорят...» // ВКонтакте. 17.04.2019. URL: https://vk.com/wall-177175116_961.
- Фильтр комментариев 2015 — Live. «Фильтр комментариев в сообществах...» // ВКонтакте. 10.09.2015. URL: https://vk.com/wall-2158488?offset=40&owners_only=1&q=Фильтр&w=wall-2158488_473470.
- ФЛЕШМОБ ПРОТИВ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ! 2013** — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «ФЛЕШМОБ ПРОТИВ ШКОЛЬНОЙ ФОРМЫ!» // ВКонтакте. 07.08.2013. URL: https://vk.com/wall-37349221_3516.
- Хватит стыдиться своего возраста 2020 — Подслушано: эйджизм. «Хватит стыдиться своего возраста...» // ВКонтакте. 10.03.2020. URL: https://vk.com/wall-177175116_2674.
- Хотите посмотреть на самый 2021 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Хотите посмотреть на самый...» // ВКонтакте. 20.06.2021. URL: https://vk.com/wall-47905106_5491.
- Читая статьи на всяких сайтах 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Читая статьи на всяких сайтах...» // ВКонтакте. 09.03.2017. URL: https://vk.com/wall-37349221_45983.

- Что скрывается за законами 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Что скрывается за законами о возрасте согласия...» // ВКонтакте. 01.01.2014. URL:
https://vk.com/wall-47905106_581.
- Штраф или исправительные 2011 — Live. «Штраф или исправительные работы...» // ВКонтакте. 16.10.2011. URL: https://vk.com/live?w=wall-2158488_127631.
- Эйджизм как основа 2017 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Эйджизм как основа...» // ВКонтакте. 16.03.2017. URL: https://vk.com/wall-37349221_46030.
- Экфорд 2020 — Айман Экфорд. «Мы вам не цветы жизни: 7 фраз о возрастной дискриминации» // Мел. Раздел «Блоги». 26.12.2020. URL: <https://mel.fm/blog/ayman-ekford/45728-my-vam-ne-tsvety-zhizni-7-fraz-o-vozzrastnoy-diskriminatsii>.
- Эмансипация 2020 — АЭК: Антиэйджистская коалиция. «Эмансипация. Часть 1» // ВКонтакте. 19.05.2020. URL: https://m.vk.com/wall-180648405_268.
- Я доставляю 2021 — Подслушано: эйджизм. «Я доставляю стольким людям дискомфорт...» // ВКонтакте. 16.04.2021. URL: https://vk.com/wall-177175116_5142.
- Я СБЕЖАЛА 2020 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Я СБЕЖАЛА ИЗ ДОМА: мозг - лучший попутчик» // ВКонтакте. 09.01.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uY8R3Im1zbnk>.
- Я склонен считать 2022 — Подслушано: эйджизм. «Я склонен считать» // ВКонтакте. 24.02.2022. URL: https://vk.com/wall-177175116?own=1&w=wall-177175116_5534.
- (I)An-ok 2016 — (I)An-ok. Taking Anarchism Seriously // No! Against Adult Supremacy. 31.05.2016. Issue 19. P. 13–17.
- A Short History 1971 — A Short History of CHIPS and FPS // FPS. 04.02.1971. Issue 6. P. 7–8.
- AbdelRahim 2016 — AbdelRahim L. Mistrust and Things // No! Against Adult Supremacy. 21.02.2016. Issue 15. P. 5–8.
- Barajas 2016a — Sebastian Barajas «The Incentive to Be Sick: Why many young people play along with diagnosis culture» // youthrights.org. 14.03.2016. URL: <https://www.youthrights.org/the-incentive-to-be-sick-why-many-young-people-play-along-with-diagnosis-culture/>.
- Barajas 2016b — Sebastian Barajas «A Brief Overview of the Problems with Teen Brain Science» // youthrights.org. 21.04.2016. URL: <https://www.youthrights.org/a-brief-overview-of-the-problems-with-teen-brain-science/>.
- Bergman 2015 — Bergman C. Youth Liberation and Deschooling: Interview // No! Against Adult Supremacy. 25.06.2015. Issue 2. P. 3–10.

- Build Collectives 2017 — Build Collectives, Build Community, Build Resistance. 2017. URL: <https://sanjoserad.files.wordpress.com/2017/01/collective-zine-new-2-0.pdf>.
- Children's Rights Handbook 1979 — Children's Rights Handbook. Ann Arbor: Youth Liberation Press. 1979. 69 p.
- Delaney 2016 — Jamie Delaney «NYRA Kicks Off Summer 2016 With Fellowship Orientation» // youthrights.org. 15.06.2016. URL: <https://www.youthrights.org/nyra-kicks-off-summer-2016-with-fellowship-orientation/>.
- Desmarais 2015 — Desmarais I. Unschooling and Anarchism // No! Against Adult Supremacy. 25.06.2015. Issue 5. P. 21–22.
- Fife 2015 — Fife B. On Play and Development // No! Against Adult Supremacy. 25.06.2015. Issue 4. P. 5–14.
- Gatto 2015 — Gatto J. T. Against School // No! Against Adult Supremacy. 25.06.2015. Issue 4. P. 15–24.
- Godwin 2015 — Godwin S. Children's Oppression, Rights, and Liberation // No! Against Adult Supremacy. 20.06.2015. Issue 1. P. 3–10.
- Goldman 2015 — Goldman E. The Child and It's Enemies // No! Against Adult Supremacy. 09.09.2015. Issue 9. P. 7–14.
- Growing Up 1976 — Growing Up Gay: A Youth Liberation Pamphlet // FPS. 09.1976. Issue 54. 48 p.
- Growing Without Schooling 2016 — Growing Without Schooling: The Complete Collection Vol. 1, 1977 to 1981 // J. C. Holt, P. Farenga, C. Ricci (eds.). Medford: Holtgws Llc. 2016.
- Hefner 1988 — Hefner K. The Evolution of Youth Empowerment at a Youth Newspaper // Social Policy Magazine. Summer. 1988.
- High School Organizing 1971 — High School Organizing: the draft of a future pamphlet // FPS. 20.02.1971. Issue 7. Appendix. 14 p.
- High School Women's 1976 — High School Women's Liberation: A Youth Liberation Pamphlet // FPS. 1976. Issue 52/53. 84 p.
- Hoffman 1975 — Hoffman E. De-Schooling Trends // The New York Times. 13.10.1975. URL: <https://www.nytimes.com/1975/10/13/archives/deschooling-trends.html>.
- How to Start 1978 — How to Start a High School Underground Newspaper: A Youth Liberation Pamphlet // FPS. 04.12.1978. Issue 59. 36 p.
- Hunt, Moodie-Mills 2015 — Hunt J., Moodie-Mills A. C. Criminalising Gender Nonconforming Youth // No! Against Adult Supremacy. 25.06.2015. Issue 6. P. 9–18.

- Koroknay-Palicz 2016 — Alex Koroknay-Palicz «Making Common Cause Against Ageism» // youthrights.org. 13.04.2016. URL: <https://www.youthrights.org/making-common-cause-against-ageism/>.
- Levine 2016 — Levine B. Psychiatry and Resistance // No! Against Adult Supremacy. 22.03.2016. Issue 17. P. 17–21.
- Mail.ru тихо закрыл 2013 — «Mail.ru тихо закрыл Блоги» // Roem.ru. 03.09.13. URL: <https://roem.ru/03-09-2013/114928/mailru-tiho-zakryl-blogi/>.
- Moncure 2011a — Katrina Moncure «NYRA Freedom, Volume 11, Issue 5» // youthrights.org. 13.08.2011. URL: <https://www.youthrights.org/issue-5-6/>.
- Moncure 2011b — Katrina Moncure «NYRA Freedom, Volume 11, Issue 7» // youthrights.org. 21.08.2011. URL: <https://www.youthrights.org/issue-7-7/>.
- Napoli 1971 — Napoli A. Free School and Education: Background and Theory // FPS. 04.02.1971. Issue 6. P. 9–10.
- National High School 1970 — National High School Conference // FPS. 11.09.1970. Issue 1. P. 9–10.
- Negate Politics 2009 — «Negate Politics // affirm cuteness». 2009. URL: https://stinneydistro.files.wordpress.com/2015/08/negatepolitics_printversion.pdf.
- O’Neal 2016 — O’Neal K. N. The Problem with Unschooling// No! Against Adult Supremacy. 06.02.2016. Issue 14. P. 11–16.
- Pant 2020 — Aarushi Pant «Ageism in Social Justice Movements» // youthrights.org. 12.09.2020. URL: <https://www.youthrights.org/ageism-in-social-justice/>.
- Playground Anarchy 2015 — Playground Anarchy? // No! Against Adult Supremacy. 05.11.2015. Issue 11. P. 5–8.
- Silverstein 2015 — Silverstein M. Anarchism and Youth Liberation // No! Against Adult Supremacy. 20.06.2015. Issue 1. P. 23–26.
- Sojoyner 2015 — Sojoyner D. Undoing the School-to-Prison Pipeline // No! Against Adult Supremacy. 20.06.2015. Issue 1. P. 17–22.
- Text of the Joint Treaty 1971 — Text of the Joint Treaty Between The People Of The United States, South Vietnam And North Vietnam // FPS. 04.02.1971. Issue 6. P. 4–5.
- web.archive 2013 — Детское освободительное движение БЗР // The Internet Archive Wayback Machine. 31.03.2013. URL: https://web.archive.org/web/20130331063317/https://vk.com/bzr_jumor.
- web.archive 2018 — Детско-молодежное освободительное движение БЗР // The Internet Archive Wayback Machine. 22.01.2018. URL: https://web.archive.org/web/20220122103537/https://vk.com/bzr_jumor.

- web.archive 2019 — Подслушано: эйджизм // The Internet Archive Wayback Machine. 13.08.2019. URL: <https://web.archive.org/web/20190813162440/https://vk.com/adultism>.
- Well, They Have to 1971 — Well, They Have to Have Something For The Dean To Do // FPS. 04.02.1971. Issue 6. P. 6.
- WHAT ARE YOUTH n.d. — «WHAT ARE YOUTH RIGHTS?» // youthrights.org. URL: <https://www.youthrights.org/about/what-are-youth-rights/>.
- WHAT WE DO n.d. — «WHAT WE DO» // youthrights.org. URL: <https://www.youthrights.org/about/what-we-do/>.
- When you 2014 — Meta Diversity «When you come to Facebook*...» // Facebook*. 13.02.2014. URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=567587973337709>.
- Winter Soldier 1971 — Winter Soldier Investigation Held In Detroit // FPS. 20.02.1971. Issue 7. P. 12–14.
- Young-Bruehl 2010 — Young-Bruehl «Welcome to “Who’s Afraid of Social Democracy?”» // whosafraidofsocialdemocracy.com. 05.06.2010. URL: <https://web.archive.org/web/20100511145147/http://www.whosafraidofsocialdemocracy.com/>.
- Youth Liberation — why 1971 — Youth Liberation — why? // FPS. 21.01.1971. Issue 5. P. 1.
- Youth Liberation 1971 — Youth Liberation: 15 Point Platform and Program // FPS. 21.01.1971. Issue 5. P. 2–4.
- Подслушано 2013 — Подслушано – Здесь говорят о тебе. «Мы продолжаем стабильно расти» // Вконтакте. 25.11.2013. URL: https://vk.com/wall-34215577_388652.
- Светлова 2015 — Светлова Е. Российский Интернет захлестнул поток анонимных откровений // mk.ru. 01.02.2015. URL: <https://www.mk.ru/social/2015/02/01/rossiyskiy-internet-zakhlestnul-potok-anonimnykh-otkroveniy.html>.
- Министерство образования 2014 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР. «Министерство образования» // ВКонтате. 24.10.2014. URL: https://vk.com/wall-37349221_17583.
- Back to Skool 1970 — Back to Skool Time // FPS. 11.09.1970. Issue 1. P. 5–6.
- Lenke 1970 — Lenke H. School Reform // FPS. 16.12.1970. Issue 4. P. 6–8.
- March 8 – International 1971 — March 8 – International Women’s Day: FPS Magazine // FPS. 08.03.1971. Issue 8. Cover.
- Закон 1992 — Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 N 3266-1 // obrnadzor.gov.ru. URL: https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2020/10/ob_Obrazovanii.doc.
- 20-летний 2011 — Live. «20-летний...» // ВКонтате. 22.05.2011. URL: https://vk.com/live?w=wall-2158488_49283.

В Тобольске 2011 — Live. «В Тобольске...» // ВКонтакте. 01.09.2011. URL:
https://vk.com/live?w=wall-2158488_104378.

Проект Свободные дети 2 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Проект “Свободные дети – достойные личности!”: Часть 2» // ВКонтакте.
01.09.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_21.

Проект Свободные дети 3 2012 — Детско-молодёжное освободительное движение БЗР.
«Проект “Свободные дети – достойные личности!”: Часть 3» // ВКонтакте.
01.09.2012. URL: https://vk.com/wall-37349221_22.

We're all 1972 — We're all mates in Attica State // FPS. 17.01.1972. Issue 16. Cover.

Ok, Hippie 1970 — Ok, Hippie, Let Me See Your Pass // FPS. 16.12.1970. Issue 4. P. 3.

Список использованной литературы

- Александр 2013 — Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. Москва: Изд. и консалтинговая группа «Праксис». 2013. 640 с. ISBN 978-5-901574-96-6.
- Алюков 2014 — Алюков М. От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 181–218. ISBN 978-5-4448-0218-2.
- Алюков и др. 2014 — Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В. Введение // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 7–24. ISBN 978-5-4448-0218-2.
- Аронсон 2022 — Аронсон П. От редактора // П. Аронсон (ред.) Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. Москва: Individuum. 2022. С. 9–10. ISBN 978-5-6046877-1-0.
- Архипова* и др. 2017 — Архипова А.*, Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы Смерти»: От Игры к Моральной Панике. Москва: ШАГИ, Лаборатория теоретической фольклористики. 2017.
- Архипова* и др. 2018 — Архипова А.*, Кирзюк А., Югай Е., Белянин С., Козлова И. Жизненный цикл мема в чайках, бакланах и уточках // Искусство кино. 2018. No. 1–2. С. 300–312.
- Арьес 1999 — Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 1999. 416 с. ISBN 5-7525-0740-5.
- Атнашев, Велижев 2018 — Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Т. Атнашев, М. Велижев (сост.) Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Москва: Новое литературное обозрение. 2018. С. 7–50. ISBN 978-5-4448-0924-2.
- Атнашев, Велижев, Вайзер 2021 — Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. Режимы публичности, или Что дает словам вес // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. С. 26–32. ISBN 978-5-44-481638-7.

- Бахманн-Медик 2017 — Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. Москва: Новое литературное обозрение. 2017. 504 с. ISBN 978-5-4448-0683-8.
- бойд 2020 — бойд д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020. 352 с. doi:10.17323/978-5-7598-1964-6.
- Болтански, Кьяпелло 2011 — Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. Москва: Новое литературное обозрение. 2011. 976 с. ISBN 978-5-86793-830-7.
- Болтански, Тевено 2013 — Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. Москва: Новое литературное обозрение. 2013. 576 с.
- Брендоу-Фаллер 2021 — Брендоу-Фаллер М. Овеществляя историю детства // Дизайн детства: Игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. С. 8–44. ISBN 978-5-4448-1629-5.
- Брубейкер 2012 — Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. 408 с. ISBN 978-5-7598-0973-9.
- Бурдые 2002 — П. Бурдые. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Том 1. No. 1. С. 75–81.
- Вахтин 2020 — Вахтин Н. Б. «Северные разговоры»: между репрезентацией и реальностью // Вахтин Н., Дудек Ш. (отв. ред.) «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2020. С. 399–416. ISBN 978-5-94380-311-6.
- Головин, Лурье 2008 — Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. No. 1. С. 56–70.
- Горный 2009 — Горный Е. Русский LiveJournal: влияние культурной идентичности на развитие виртуального сообщества // Н. Конрадовой, К. Тойбинер, Э. Шмидт (ред.) Control+Shift: Публичное и личное в русском интернете. Москва: Новое литературное обозрение. 2009. С. 109–130. ISBN 978-5-86793-683-9.
- Громов 2008 — Громов Д. В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. No. 1. С. 3–8.
- Громов 2009 — Громов Д. В. Субкультуры большого города: единство непохожих // Д. В. Громов (сост.), М. Ю. Мартынова (отв. ред.) Молодежные субкультуры Москвы. М.: ИЭА РАН. 2009. С. 5–25.
- Громов 2012 — Громов Д. В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2012. 506 с.

- Громов 2023 — Громов Д. КУДА ДЕЛАСЬ ЧВК «РЕДАН»? // s-t-o-l. 12.05.2023. URL: <https://s-t-o-l.com/material/38258-kuda-delas-chvk-redan-/?fbclid=IwAR1c3HHPs3y1VzFpx9TaRGj4nXTvd4sNVGC6-su-CX6SEqNs05qtwwcgXk8>.
- Димке 2013 — Димке Д. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // Детские чтения. 2013. No. 1. Вып. 3. С. 74–99.
- Димке 2015 — Димке Д. Юные Коммунары, Или Крестовый Поход Детей: Между Утопией Декларируемой и Утопией Реальной // И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов (ред. и сост.) Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). Москва: Новое Литературное Обозрение. 2015. С. 360–397. ISBN-86793-054-8.
- Димке 2018 — Димке Д. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. Москва: Common place. 2018. 264 с. ISBN 978-999999-0-51-6.
- Дуденкова 2014 — Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. No. 3. С. 47–59.
- Ерпылева 2014а — Ерпылева С. «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 106–140. ISBN 978-5-4448-0218-2.
- Ерпылева 2014b — Ерпылева С. Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // М. Ноженко, Е. Белокурова (ред.) Сделано в Европе: взгляд российских исследователей. Т. 1. Санкт-Петербург: Норма. 2014. С. 127–144. ISBN 978-5-87857-238-5.
- Желнина 2014 — Желнина А. «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 143–180. ISBN 978-5-4448-0218-2.
- Журавлев 2014 — Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 годов // С. Ерпылева, А. Магун (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 27–60. ISBN 978-5-4448-0218-2.
- Журженко 2004 — Журженко Т. Старая идеология новой семьи: ^[1]_{SEP}демографический национализм России и Украины // С. Ушакин (сост., ред.) Семейные узы: Модели

- для сборки: Сборник статей. Кн. 2. Москва: Новое литературное обозрение. 2004. С. 268–297. ISBN 5-86793-282-6.
- Журженко 2008 — Журженко Т. Гендерные Рынки Украины: Политическая Экономика Национального Строительства. Вильнюс: ЕГУ. 2008. 256 с. ISBN 978-9955-773-15-3.
- Здравомыслова 2009 — Здравомыслова О. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России // Гендерные исследования. 2009. No. 19. С. 121–128. URL: http://www.intelros.ru/pdf/gender_issledovaniya/2009_19/07.pdf.
- Здравомыслова, Темкина 2015 — Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. 768 с. ISBN 978-5-94380-196-9.
- Зеленина 2017 — Зеленина Г. Конструируя «Мизулину»: от evil medieval к газовым камерам // А.С. Архипова*, Д.А. Радченко, А.С. Титков (сост.) Городские тексты и практики. Том I: Символическое сопротивление. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2017. С. 96–111. ISBN 978-5-7749-1217-9.
- Земон Дэвис 2021 — Земон Дэвис Н. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. 384 с. ISBN 978-5-44-481437-6.
- Земон Дэвис 2023 — Земон Дэвис Н. Путешествия трикстера: мусульманин XVI века между мирами. Москва: Новое литературное обозрение. 2023. 440 с. ISBN 978-5-44-482186-1.
- Капельчук 2016 — Капельчук К. К генеалогии угнетенного: марксизм и дискурс жертвы // Неприкосновенный запас. No. 109. 2016. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/109_nz_5_2016/article/12127/.
- Касаткина 2019 — Касаткина А. Дачные разговоры как объект этнографического исследования: разработка метода (на материале интервью об освоении садовых участков в 1980-е — 1990-е гг.). Диссертация. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. 2019. 232 с.
- Кей 2004 — Кей Р. «...Такие спортивные девчонки — как мальчики!»: о воспитании детей в постсоветской России // С. Ушакин (сост., ред.) Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 2. Москва: Новое литературное обозрение. 2004. С. 146–170. ISBN 5-86793-282-6.
- Клеман, Мирясова, Демидов 2010 — Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Москва: Три квадрата. 2010. 635 с.

- Козеллек 2014 — Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле (сост.) Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 т. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 23–44. ISBN 978-5-4448-0204-5.
- Козлов 2015 — Козлов Д. Неофициальные группы советских школьников 1940–1960-х годов: типология, идеология, практики // И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов (ред.) Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). Москва: Новое литературное обозрение. 2015. С. 451–494. ISBN-86793-054-8.
- Козлова 2020 — Козлова А. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. No. 45. С. 75–115. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-75-115.
- Козловская, Козлова 2020 — Козловская А., Козлова А. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий) // Антропологический форум. 2020. No. 45. С. 11–25. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25.
- Колозариди, Шубенкова 2016 — Колозариди П., Шубенкова А. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14. No. 1. 39–54. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3286>.
- Коэн 2022 — Коэн С. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 2022. 352 с. ISBN 978-5-7598-2341-4.
- Кукулин и др. 2015 — Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. Намывая острова: позднесоветская образовательная политика в социальных контекстах // И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов (ред. и сост.) Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). Москва: Новое литературное обозрение. 2015. С. 5–32. ISBN-86793-054-8.
- Леви 1985 — Леви Д. Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века. Москва: Новое литературное обозрение. 1985. 133 с. ISBN 978-5-4448-2124-4.
- Лернер 2022 — Лернер Ю. Новояз чувств: эмоционализация культуры в переводе // П. Аронсон (ред.) Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. Москва: Individuum. 2022. С. 11–21. ISBN 978-5-6046877-1-0.
- Лернер, Збенович 2017 — Лернер Ю., Збенович К. Нутро на публику: публичный разговор о личном в постсоветской медиакультуре (на примере передачи «Модный приговор») // Н.Б. Вахтин, Б.М. Фирсов (ред.) «Синдром публичной немоты»:

- история и современные практики публичных дебатов в России. Москва: Новое литературное обозрение. 2017. С. 294–329. ISBN 978-5-4448-0680-7.
- Литвина 2019 — Литвина Д. А. Что значит быть настоящим: молодежные культуры в поисках аутентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. No. 1. С. 324–341. doi: 10.14515/monitoring.2019.1.16.
- Лойтер 1998 — Лойтер С.М. Детские утопии, или Игра в страну-мечту как явление детского фольклора // А. Ф. Белоусов (сост.) Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. Москва: Ладомир, АСТ. 1998. С. 605–617. ISBN 5-15-001157-6.
- Лыткина 2005 — Лыткина Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Институт социологии Российской Академии наук. Москва. 2005. 27 с.
- Львовский 2010 — Львовский С. Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. 2010. Т. 14. No. 1–2. С. 20–41.
- Лярская, Гаврилова 2020 — Лярская Е., Гаврилова К. Размер и его значение: о социальных сетях и социальном комфорте на Ямале и Камчатке // Вахтин Н., Дудек Ш. (отв. ред.) «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2020. С. 324–398. ISBN 978-5-94380-311-6.
- Лярский 2020 — Лярский А. Машинка для выработки мировоззрения // Антропологический форум. 2020. No. 45. С. 26–49. doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-26-49.
- Майофис 2008 — Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. Москва: Новое литературное обозрение. 2008. 800 с. ISBN 978-5-86793-609-9.
- Майофис, Кукулин 2010 — Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. No. 1–2. С. 6–19.
- Малая 2017 — Малая Е. К. Элементы игры в страну-мечту в наивной фантастической литературе подростка: опыт самоописания // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. Vol. 12. No. 33. С. 130–145.
- Мещеркина 2002 — Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // С. Ушакин (сост.) О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. 2002. С. 268–287. ISBN 5-86793-170-6.

- Миськова 2022 — Миськова Е. Травма // П. Аронсон (ред.) Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. Москва: Individuum. 2022. С. 223–237. ISBN 978-5-6046877-1-0.
- Муфф 2004 — Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. Vol. 2. No. 42. С. 180–197.
- Нартова, Крупец 2019 — Нартова Н. А., Крупец Я. Н. «Мне довольно-таки тяжело жить в городе»: локальные идентичности и сопричастность месту молодых сельских россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. No. 1. С. 342–361. doi: 10.14515/monitoring.2019.1.17.
- Никипорец-Такигава, Паин 2016 — Никипорец-Такигава Г., Паин Э. Конформисты 2.0: сторонники Путина, материк постсоветских людей или воображаемое большинство // Никипорец-Такигава Г., Паин Э. (ред.) Интернет и Идеологические Движения в России. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2016. С. 25–73. ISBN 978-5-4448-0517-6.
- Никипорец-Такигава, Федюнин 2016 — Никипорец-Такигава Г., Федюнин С. Левые 2.0: с СССР навсегда // Никипорец-Такигава Г., Паин Э. (ред.) Интернет и Идеологические Движения в России. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2016. С. 135–185. ISBN 978-5-4448-0517-6.
- Омельченко 2020 — Омельченко Е. Л. Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды // Е. Л. Омельченко (сост., науч. ред.) Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2020. С. 29–91.
- Омельченко, Сабирова 2011 — Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Молодежный вопрос: смена оптики. От субкультур - к солидарностям // Е. Л. Омельченко, Г. А. Сабирова (ред.) Новые молодежные движения и солидарности России. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета. 2011. С. 7–20.
- Поливанова и др. 2023 — Поливанова К.Н., Ахмеджанова Д. Р., Любичкая К.А., Струкова А. С. Выбор альтернативного образования в России: мотивы и социальные характеристики семей: информационный бюллетень. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ. 2023. 28 с. ISBN 978-5-7598-2760-3.
- Прус 2023 — Прус И. В. От «тупого быдла» в интернете до нового героя протестов: дисфемизм школота и репрезентации подросткового участия в публичной сфере // Шаги/Steps. Т. 9. No. 1. 2023. С. 163–184. doi: 10.22394/2412-9410-2023-9-1-163-184.

- Прус 2024 — Прус И. Рец. на кн.: Rogers Brubaker. Hyperconnectivity and Its Discontents. Hoboken, NJ: Polity, 2023. XI+264 p. // Антропологический форум. 2024. No. 63. С. 223–237. doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-63-223-237.
- Прус 2025 — Прус И. В. Что бы сделал Малиновский? Классическая полевая работа в онлайн полях // Этнографическое обозрение. 2025. No. 2. С. 226–248. doi: 10.31857/S0869541525020125.
- Рикер 2008 — Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва: Академический Проект. 2008. 695 с. ISBN 978-5-8291-1025-3.
- Руттен 2022 — Руттен Э. Искренность после коммунизма: культурная история. Москва: Новое литературное обозрение. 2022. 416 с. ISBN 978-5-4448-1701-8.
- Самутина 2013 — Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое Обозрение. 2013. Т.12. No. 3. С. 137–194.
- Серебряков 2022 — Серебряков А. С. Ребенок в мире агентов и структур: об антиномиях исследований детства // Социология власти. 2022. Т. 34. No. 3–4. С. 29–49. doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-29-49.
- Скиннер 2018 — Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2018. 464 с. ISBN 978-5-7749-1313-8.
- Тарасова, Юрченко, Донцова 2022 — Тарасова М. В., Юрченко И. В., Донцова М. В. Факторы дестабилизации региональных процессов // Вестник ВолГУ. 2022. Т. 27. No. 1. С. 151–166. doi: 10.15688/jvolsu4.2022.1.13.
- Трубина 2002 — Трубина Е. «В форме себя держать!»: социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии // С. Ушакин (сост.) О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. 2002. С. 79–105. ISBN 5-86793-170-6.
- Ушакин 2002 — Ушакин С. «Человек Рода Он»: Знаки Отсутствия // С. Ушакин (ред.) О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. 2002. С. 7–40. ISBN 5-86793-170-6.
- Федюнин 2016 — Федюнин С. Либералы 2.0: осажденное меньшинство // Никипорец-Такигава Г., Паин Э. (ред.) Интернет и Идеологические Движения в России. Москва: Новое Литературное Обозрение. 2016. С. 186–251. ISBN 978-5-4448-0517-6.
- Форум 2019 — Форум: В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. No. 42. С. 9–106. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106.
- Форум 2023 — Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. No. 58. С. 12–189. doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189.

- Фуко 2006a — Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Т. 3. Москва: Праксис. 2006. С. 241–270. ISBN 5-901574-53-2.
- Фуко 2006b — Фуко М. Эстетика существования // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Т. 3. Москва: Праксис. 2006. С. 297–304. ISBN 5-901574-53-2.
- Фуко 2008 — Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. Vol. 2. No. 65. P. 96–122.
- Фэрклоу 2015 — Фэрклоу Н. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема // Вахтин Н.Б. (ред.) Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге. 2015. С. 507–526. ISBN 978-5-94380-135-8.
- Харауэй 2022 — Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. No. 1. С. 237–271.
- Хархордин 2019 — Хархордин О. Предисловие редактора // Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 7–33. ISBN 978-5-94380-274-4.
- Хонинева 2021 — Хонинева Е. Ритуал как предмет религиозной рефлексии в британской антропологии и католическом традиционализме // Антропологический форум. 2021. No. 50. С. 131–168. doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-50-131-168.
- Щепанская 2004 — Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ. 2004. 286 с.
- Ярошенко 2010 — Ярошенко С. «Новая Бедность» в России после социализма // Laboratorium. 2010. No. 2. С. 221–251.
- Ajunwa 2011 — Ajunwa K. It's Our School Too: Youth Activism as Educational Reform, 1951–1979. Dissertation. Temple University. 2011. 237 p.
- Alanen 2015 — Alanen L. Are we all constructionists now? // Childhood. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 149–153. doi: 10.1177/0907568215580624.
- Alava 2021 — Alava J. Russia's young army: Raising new generations into militarized patriots // K. Pynnöniemi (Ed.) Nexus of patriotism and militarism in Russia: A quest for internal cohesion. Helsinki: Helsinki University Press. 2021. P. 249–283. doi: 10.33134/HUP-9.
- Allan, Burrige 1991 — Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. New York: Oxford University Press. 1991. 263 p.
- Anker 2014 — Anker E. R. Orgies of Feeling: Melodrama and the Politics of Freedom. Durham, London: Duke University Press. 2014. 338 p. ISBN 978-0-8223-5697-4.

- Anker, Felski 2017 — Anker E. S., Felski R. Introduction // E. S. Anker, R. Felski (eds.) Critique and postcritique. Durham, London: Duke University Press. 2017. P. 1–28. ISBN 9780822363613.
- Archard, Macleod 2002 — Archard D., Macleod C. M. Introduction // D. Archard, C. M. Macleod (eds.) The Moral and Political Status of Children. Oxford: Oxford University Press. 2002. P. 1–15. ISBN 0–19–924268–2.
- Arneil 2002 — Arneil B. Becoming versus Being: A Critical Analysis of the Child in Liberal Theory // D. Archard, C. M. Macleod (eds.) The Moral and Political Status of Children. Oxford: Oxford University Press. 2002. P. 70–94. ISBN 0–19–924268–2.
- Asmolov, Kolozaridi 2017 — Asmolov G., Kolozaridi P. The Imaginaries of RuNet: The Change of the Elites and the Construction of Online Space // Russian Politics. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 54–79. doi: 10.1163/2451-8921-00201004.
- Baader 2016 — Baader M. Tracing and contextualising childhood agency and generational order from historical and systematic perspectives // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies. London, New York: Routledge. 2016. P. 135–149. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Bækken 2019 — Bækken H. The return to patriotic education in post-Soviet Russia: How, when, and why the Russian military engaged in civilian nation building // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 1–38. doi: 10.24216/97723645330050501_04.
- Behar 1993 — Behar R. Translated woman: crossing the border with Esperanza's story. Boston: Beacon Press. 1993. 372 p. ISBN 0807070521.
- Biswas 2020 — Biswas T. Little Things Matter Much: Childist ideas for a pedagogy of philosophy in an overheated world. Munich: Büro Himmelgrün Munich. 205 p. ISBN 978-3-947186-13-6.
- Blum 2006 — Blum D. Russian Youth Policy: Shaping the Nation-State's Future // The SAIS Review of International Affairs. 2006. Vol. 26. No. 2. P. 95–108. doi: 10.1353/sais.2006.0027.
- Bluteau 2021 — Bluteau J. M. Legitimising Digital Anthropology through Immersive Cohabitation: Becoming an Observing Participant in a Blended Digital Landscape // Ethnography. 2021. Vol. 22. No. 2 P. 267–285. doi: 10.1177/1466138119881165.
- Boddington, Boys 2011 — Boddington A., Boys J. Reshaping Learning - An Introduction // A. Boddington, J. Boys (eds.) Re-Shaping Learning: A Critical Reader. UK: Sense Publishers. 2011. P. xi–xxii. ISBN 978-94-6091-609-0.

- Boellstorff 2008 — Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2008. 316 p. ISBN 978-0-691-13528-1.
- Boellstorff et al. 2012 — Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2012. 237 p. ISBN 978-0-691-14950-9.
- Boltanski 2011 — Boltanski L. *On critique: A sociology of emancipation*. Cambridge, Maiden: Polity Press. 2011. 191 p. ISBN-13: 978-0-7456-4963-4.
- boyd 2011 — boyd d. *White Flight in Networked Publics? How Race and Class Shaped American Teen Engagement with MySpace and Facebook** // L. Nakamura, P.A. Chow-White (eds.). *Race after the Internet*. N.Y.: Routledge. 2011. P. 203–222. ISBN 9780415802369.
- Boyer 2015 — Boyer D. *Reflexivity Reloaded: from anthropology of intellectuals to critique of method to studying sideways* // C. Garsten, T. H. Eriksen, S. Randeria (eds.) *Anthropology Now and Next: Essays in Honor of Ulf Hannerz*. New York, Oxford: Berghahn Books. 2015. P. 91–110. ISBN 978-1-78238-449-6.
- Brubaker 2016 — Brubaker R. *Trans: Gender and race in an age of unsettled identities*. Princeton, Oxfordshire: Princeton University Press. 2016. 256 p. ISBN 9780691172354.
- Brubaker 2023 — Brubaker R. *Hyperconnectivity and Its Discontents*. Cambridge, Hoboken: Polity Press. 2023. 264 p. ISBN-13: 978-1-5095-5452-2.
- Buccitelli 2012 — Buccitelli A. B. *Performance 2.0: Observations toward a Theory of the Digital Performance of Folklore* // T. J. Blank (ed.) *Folk Culture in the Digital Age: The Emergent Dynamics of Human Interaction*. Logan: Utah State University Press. 2012. P. 60–84. doi: 10.7330/9780874218909.c03.
- Butler 1969 — Butler R.N. *Age-Ism: Another form of Bigotry* // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. No. 4. Part 1. P. 243–246. doi: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243.
- Butler 1990 — Butler J. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London, New York: Routledge. 1990. 172 p. ISBN 0-415-90042-5.
- Butler 2009 — Butler J. *Critique, Dissent, Disciplinarity* // *Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. No. 4. P. 773–795. doi: 10.1086/599590.
- Campbell, Manning 2018 — Campbell B., Manning J. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. Switzerland: Palgrave Macmillan. 2018. 278 p. ISBN 978-3-319-70328-2.
- Castells 2015 — Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age 2nd Edition*. Cambridge, Malden: Polity Press. 2015. 328 pp. ISBN-13: 978-0-7456-9575-4.

- Channell 2014 — Channell E. Is sextremism the new feminism? Perspectives from Pussy Riot and Femen // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. No. 4. P. 611–614. doi: 10.1080/00905992.2014.917074.
- Chapleau 2004 — Chapleau S. A Theory without a Centre: Developing Childist Criticism // C. Keenan, M. S. Thompson (eds.) *Studies in Children's Literature, 1500–2000*. Dublin, Ireland: Four Courts. P. 130–137. ISBN-13 978-1851828777.
- Chawar et al. 2018 — Chawar E. et al. Children's Voices in the Polish Canon Wars: Participatory Research in Action // *International Research in Children's Literature*. 2018. Vol. 11. No. 2. P. 111–131. doi: 10.3366/ircl.2018.0269.
- Choudhury 2010 — Choudhury S. Culturing the adolescent brain: what can neuroscience learn from anthropology? // *SCAN*. 2010. No. 5. P. 159–167. doi:10.1093/scan/nsp030.
- Cohen 1981 — Cohen A. The Educational Philosophy of Tolstoy // *Oxford Review of Education*. 1981. Vol. 7. No. 3. P. 241–251. URL: <http://www.jstor.org/stable/1050157>.
- Comaroff, Comaroff 1992 — Comaroff J., Comaroff J. *Ethnography and the Historical Imagination* // J. Comaroff, J. Comaroff (eds.) *Ethnography and the Historical Imagination*. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press. 1992. P. 3–48. ISBN 0-8133-1304-X.
- Comaroff, Comaroff 2005 — Comaroff J., Comaroff J. Reflections on youth, from the past to the postcolony // A. Honwana, F. De Boeck (eds.) *Makers & breakers: Children & youth in postcolonial Africa*. Oxford, Trenton, Dakar: James Currey, Africa World Press, Codesria. 2005. P. 19–30.
- Corsaro 2009 — Corsaro W. Peer Culture // J. Qvortrup, W. A. Corsaro, M. -S. Honig (eds.) *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*. London: Palgrave Macmillan. 2009. P. 301–315. ISBN 978-0-230-53261-8.
- Courpasson, Vallas 2016 — Courpasson D., Vallas S. Resistance Studies: A Critical Introduction // D. Courpasson, S. Vallas (eds.) *The SAGE Handbook of Resistance*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: SAGE Publications, Inc. 2016. P. 1–28. ISBN 978-1-4739-0643-3.
- Crapanzano 1980 — Crapanzano V. *Tuhami, portrait of a Moroccan*. Chicago, London: The University of Chicago Press. 1980. 187 p. ISBN 0-226-11870-3.
- Darıcı 2013 — Darıcı H. “Adults See Politics as a Game”: Politics of Kurdish Children in Urban Turkey // *International Journal of Middle East Studies*. 2013. No. 45. P. 775–790. doi: 10.1017/S0020743813000901.
- Davis 2024 — Davis E. A. Conspiracy Attunement and Context / The Case of The President's Body // J. Masco, L. Wedeen (eds.) *Conspiracy/Theory*. Durham, London: Duke University Press. 2024. P. 104–126. ISBN 9781478025559.

- Engelke 2004 — Engelke M. Discontinuity and the Discourse of Conversion // *Journal of Religion in Africa*. 2004. Vol. 34. Fasc. 1–2. P. 82–109.
- Erpyleva 2020 — Erpyleva S. Active citizens under Eighteen: minors in political protests // *Journal of Youth Studies*. 2020. P. 1–19. doi: 10.1080/13676261.2020.1820973.
- Esser 2016a — Esser F. Children’s agency and welfare organizations from an intergenerational perspective // S. Punch, R. Vanderbeck (eds.) *Families, Intergenerationality and Peer Group Relations*. Dordrecht: Springer. 2016. P. 1–22. doi: 10.1007/978-981-4585-92-7_21-1.
- Esser 2016b — Esser F. Neither “thick” nor “thin”: Reconceptualising agency and childhood relationally // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) *Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies*. London, New York: Routledge. 2016. P. 48–60. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Esser et al. 2016 — Esser F., Baader M., Betz T., Hungerland B. Reconceptualising agency and childhood: An introduction // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) *Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies*. London, New York: Routledge. 2016. P. 1–15. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Felski 2015 — Felski R. *The limits of critique*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2015. 228 p. ISBN-13: 978-0-226-29398-1.
- Foucault 2020 — Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Bungay, Suffolk: Penguin Classics. 2020. 352 p. ISBN 978-0241386019.
- Fountain 2018 — Fountain A. G. Building a Student Movement in Naptown: The Corn Cob Curtain Controversy, Free Speech, and 1960s and 1970s High School Activism in Indianapolis // *Indiana Magazine of History*. 2018. Vol. 114. No. 3. P. 202–237. doi: 10.2979/indimagahist.114.3.02.
- Fraser 1990 — Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. 1990. No. 25/26. P. 56–80.
- Freeman-Moir 2011 — Freeman-Moir J. Crafting Experience: William Morris, John Dewey, and Utopia // *Utopian Studies*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 202–232. doi: 10.5325/utopianstudies.22.2.0202.
- Friesen 2017 — Friesen N. Confessional technologies of the self: From Seneca to social media // *First Monday*. 2017. Vol. 22. No. 6. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/6750>. doi: 10.5210/fm.v22i6.6750.
- Gamber-Thompson, Zimmerman 2016 — Gamber-Thompson L., Zimmerman A. M. DREAMing Citizenship: Undocumented Youth, Coming Out, and Pathways to Participation // Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. M. *By Any*

- Media Necessary: The New Youth Activism. New York: New York University Press. 2016. P. 186–218. ISBN 978-1-4798-9998-2.
- Geiger 1986 — Geiger S. Women's Life Histories: Method and Content // *Signs*. 1986. Vol. 11. No. 2. P. 334–351.
- Gonick et al. 2021 — Gonick M., Vanner C., Mitchell C., Dugal A. “We Want Freedom Not Just Safety”: Biography of a Girlfesto as a Strategic Tool in Youth Activism // *YOUNG*. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 101–118. doi: 10.1177/1103308820937598.
- Gordon 2007 — Gordon H. R. Allies Within and Without: How Adolescent Activists Conceptualize Ageism and Navigate Adult Power in Youth Social Movements // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. No. 6. P. 631–668. doi: 10.1177/0891241606293608.
- Gordon 2010 — Gordon H. R. We fight to win: inequality and the politics of youth activism. New Brunswick, New Jersey, London: Rutgers University Press. 2010. 254 p. ISBN 978-0-8135-4669-8.
- Graeber 2009 — Graeber D. Direct Action: An Ethnography. Edinburgh, Oakland, Baltimore: AK Press. 2009. 568 p. ISBN 978-1-904859-79-6.
- Graeber 2014 — Graeber D. Anthropology and the rise of the professional-managerial class // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2014. Vol. 4. No. 3. P. 73–88. doi: 10.14318/hau4.3.007.
- Graeber 2023 — Graeber D. Pirate Enlightenment, or the Real Libertalia. New York: Farrar, Straus and Giroux. 2023. 208 pp. ISBN-10: 0374610193.
- Graeber, Wengrow 2022 — Graeber D., Wengrow D. The Dawn of Everything: A New History of Humanity. UK: Penguin Books. 2022. 720 pp. ISBN 9780141991061.
- Gupta, Ferguson 1997 — Gupta A., Ferguson J. Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology // A. Gupta, J. Ferguson (eds.) *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 1997. P. 1–46. ISBN 0-520-20679-7.
- Hale 2006 — Hale C. R. Activist Research v. Cultural Critique: Indigenous Land Rights and the Contradictions of Politically Engaged Anthropology // *Cultural Anthropology*. 2006. Vol. 21. No. 1. P. 96–120. ISSN 0886-7356.
- Harding 1987 — Harding S. F. Convicted by the Holy Spirit: The Rhetoric of Fundamental Baptist Conversion // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14. No. 1. P. 167–181. doi: 10.1525/ae.1987.14.1.02a00100.
- Harding, Stewart 2003 — Harding S., Stewart K. Anxieties of Influence: Conspiracy Theory and Therapeutic Culture in Millennial America // H. G. West, T. Sanders (eds.) *Transparency*

- and Conspiracy: Ethnographies of Suspicion in the New World Order. Durham, London: Duke University Press. 2003. P. 258–286. doi: 10.1215/9780822384854.
- Harman 2013 — Harman O. Unformed minds: Juveniles, neuroscience, and the law // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2013. No. 44. P. 455–459.
- Hasbrouck 2022 — Hasbrouck E. Ageism, Youth Liberation, and the Draft // *Resisters.info*. 04.12.2022. URL: <https://hasbrouck.org/draft/ageism.html>.
- Haslam, McGrath 2020 — Haslam N., McGrath M. J. The Creeping Concept of Trauma // *Social Research: An International Quarterly*. 2020. Vol. 87. No. 3. P. 509–531. doi: 10.1353/sor.2020.0052.
- Heinich 2010 — Heinich N. About “social construction” // *The Newsletter of the Research Committee on Sociological Theory*. 2010. Spring/Summer. P. 3–4.
- Hemment 2015 — Hemment J. Youth Politics in Putin’s Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press. 2015. 261 p. ISBN 978-0-253-01772-7.
- Hill Collins 2015 — Hill Collins P. Intersectionality’s definitional dilemmas // *Annual review of sociology*. 2015. Vol. 41. P. 1–20. doi: 10.1146/annurev-soc-073014-112142.
- Hill Collins 2019 — Hill Collins P. Intersectionality as Critical Social Theory. Durham, London: Duke University Press. 2019. 360 p. ISBN 9781478007098.
- Holloway et al. 2019 — Holloway S.L., Holt L., Mills S. Questions of Agency: Capacity, Subjectivity, Spatiality and Temporality // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. No. 3. P. 458–477. doi: 10.1177/0309132518757654.
- Hoskins 1985 — Hoskins J. A. A Life History from Both Sides: The Changing Poetics of Personal Experience // *Journal of Anthropological Research*. 1985. Vol. 41. No. 2. P. 147–169.
- Ignatieff 2003 — Ignatieff M. Human Rights as Politics and Idolatry // A. Gutmann (ed.) *Human rights as politics and idolatry*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2003. P. 3–98. ISBN 0-691-11474-9.
- Illouz 2008 — Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. 294 p. ISBN 978-0-520-22446-9.
- Illouz 2016 — Illouz E. The Melodrama of the Self // S. Loren, J. Metelmann (eds.) *Melodrama after the Tears: New Perspectives on the Politics of Victimhood*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2016. P. 157–168. doi: 10.1515/9789048523573.
- Jameson 1995 — Jameson F. On Cultural Studies // J. Rajchman (ed.) *The identity in Question*. New York, London: Routledge. 1995. P. 251–295. ISBN 0-415-90617-2.

- Jenkins 2006 — Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press. 2006. 308 p. ISBN-13: 978-0-8147-4281-5.
- Jenkins et al. 2016 — Jenkins H., Shresthova S., Gamber-Thompson L., Kligler-Vilenchik N., Zimmerman A. M. *By Any Media Necessary: The New Youth Activism*. New York: New York University Press. 2016. 352 p. ISBN 978-1-4798-9998-2.
- Joosen 2022 — Joosen V. *Connecting Childhood Studies, Age Studies, and Children's Literature Studies: John Wall's Concept of Childism and Anne Fine's The Granny Project* // *Barnboken: Journal of Children's Literature Research*. 2022. Vol. 45. P. 1–21. doi: 10.14811/clr.v45.745.
- Keesing 1985 — Keesing R. M. *Kwaio Women Speak: The Micropolitics of Autobiography in a Solomon Island Society* // *American Anthropologist*. 1985. Vol. 87. No. 1. P. 27–39
- Kolozaridi, Muravyov 2021 — Kolozaridi P., Muravyov D. *Contextualizing sovereignty: A critical review of competing explanations of the Internet governance in the (so-called) Russian case* // *First Monday*. 2021. Vol. 26. No. 5. doi: 10.5210/fm.v26i5.11687.
- Konradova 2020 — Konradova N. *The Rise of Runet and the Main Stages of Its History* // S. Davydov (ed.) *Internet in Russia: A Study of the Runet and Its Impact on Social Life*. Switzerland: Springer. 2020. P. 39–61. doi: 10.1007/978-3-030-33016-3.
- Kraftl 2009 — Kraftl P. *Utopia, Childhood and Intention* // *Journal for Cultural Research*. 2009. Vol. 13. No. 1. P. 69–88. doi: 10.1080/14797580802674860.
- Kruglova 2017 — Kruglova A. *Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics* // *Comparative Studies in Society and History*. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 759–785. doi: 10.1017/S0010417517000275.
- Kukulin 2021 — Kukulin I. *The Culture of Ban: Pop Culture, Social Media and Securitization of Youth Politics in Today's Russia* // *International Journal of Cultural Policy*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 177–190. doi: 10.1080/10286632.2021.1873968
- Lancy 2012 — Lancy D. F. *Unmasking Children's Agency* // *AnthropoChildren*. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 1–19.
- Latour 2004 — Latour B. *Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern* // *Critical Inquiry*. 2004. Vol. 3. I. 2. P. 225–248. doi: 10.1086/421123.
- Le Huérou 2015 — Le Huérou A. *Where Does the Motherland Begin? Private and Public Dimensions of Contemporary Russian Patriotism in Schools and Youth Organisations: A View from the Field* // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. No. 1. P. 28–48. doi: 10.1080/09668136.2014.988999.

- Lerner, Rivkin-Fish 2021 — Lerner J., Rivkin-Fish M. On emotionalisation of public domains // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 3–14. doi: 10.1332/263169021X16149420135743.
- Levi, Christin 1989 — Levi G., Christin O. Les usages de la biographie // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1989. 44e Année. No. 6. P. 1325–1336.
- Luehrmann 2011 — Luehrmann S. The Modernity of Manual Reproduction: Soviet Propaganda and the Creative Life of Ideology // *Cultural Anthropology*. 2011. Vol. 26. Is. 3. P. 363–388. doi: 10.1111/j.1548-1360.2011.01103.x.
- Lyubitskaya, Polivanova 2022 — Lyubitskaya K., Polivanova K. Parental Engagement: Why Parents in Russia Choose Homeschooling and What Problems They Have to Solve // *Journal of School Choice, International Research and Reform*. 2022. Vol. 16. I. 2. P. 191–209. doi: 10.1080/15582159.2021.2018785.
- Marcus 2007 — Marcus G. E. Ethnography Two Decades after Writing Culture: From the Experimental to the Baroque // *Anthropological Quarterly*. 2007. Vol. 80. No. 4. P. 1127–1145. doi: 10.1353/anq.2007.0059.
- Marwick et al. 2017 — Marwick A., Fontaine C., boyd d. “Nobody sees it, nobody gets mad”: Social Media, Privacy, and Personal Responsibility among Low-SES Youth // *Social Media and Society*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 1–14. doi: 10.1177/2056305117710455.
- Masco 2024 — Masco J. A False Flag // J. Masco, L. Wedeen (eds.) *Conspiracy/Theory*. Durham, London: Duke University Press. 2024. P. 81–103. ISBN 9781478025559.
- Masco, Wedeen 2024 — Masco J., Wedeen L. Introduction: Conspiracy/Theory // J. Masco, L. Wedeen (eds.) *Conspiracy/Theory*. Durham, London: Duke University Press. 2024. P. 1–33. ISBN 9781478025559.
- McGillivray 2022 — McGillivray A. On Childism // *Canadian Journal of Children’s Rights*. 2022. Vol. 9. No.1. P. 113–129. doi: 10.22215/cjcr.v9i1.3942.
- Miltner, Gerrard 2022 — Miltner K. M., Gerrard Y. “Tom had us all doing front-end web development”: A nostalgic (re)imagining of Myspace // *Internet Histories*. 2022. Vol. 6. No. 1–2. P. 48–67. doi: 10.1080/24701475.2021.1985836.
- Morenkova 2012 — Morenkova E. (Re)creating the Soviet Past in Russian Digital Communities. Between Memory and Mythmaking // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian, and Central European New Media*. 2012. No. 7. P. 39–66.
- Moyn 2010 — Moyn S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press. 2010. 337 p. ISBN 978-0-674-04872-0.

- Munt 2017 — Munt S. Argumentum ad misericordiam—the critical intimacies of victimhood // Sussex Research Online. URL: <http://sro.sussex.ac.uk/id/eprint/62144>. doi: 10.1080/14680777.2016.1259176.
- Nance-Carroll 2021 — Nance-Carroll N. Children and Young People as Activist Authors // International Research in Children's Literature. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 6–21. doi: 10.3366/ircl.2021.0374.
- Nardi 2010 — Nardi B. A. My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft. Technologies of the Imagination. Ann Arbor: University of Michigan Press, University of Michigan Library. 2010. 236 p. ISBN 978-0-472-07098-5.
- Oswell 2016 — Oswell D. Re-aligning children's agency and re-socialising children in Childhood Studies // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies. London, New York: Routledge. 2016. P. 19–33. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Oswell 2020 — Oswell D. Agency // D. T. Cook (ed.) The SAGE Encyclopedia of Children and Childhood Studies. Thousand Oaks: SAGE Publications. 2020. P. 44–50. ISBN 9781473942929.
- Paik, Shi 2013 — Paik P. C., Shi C.-K. Playful gender swapping: user attitudes toward gender in MMORPG avatar customization // Digital Creativity. 2013. Vol. 24. I. 4. P. 310–326. doi:10.1080/14626268.2013.767275.
- Pavlidis, Fullagar 2014 — Pavlidis A., Fullagar S. Women, Sport and New Media Technologies: Derby Grrrls Online // A. Bennett, B. Robards (eds.) Mediated Youth Cultures. The Internet, Belonging and New Cultural Configurations. London: Palgrave Macmillan. 2014. P. 165–181. doi: 10.1057/9781137287021.
- Pearce, Artemisia 2009 — Pearce C., Artemisia. Communities of Play: Emergent Cultures in Multiplayer Games and Virtual Worlds. Cambridge, London: The MIT Press. 2009. 327 p. ISBN 978-0-262-16257-9.
- Perheentupa 2018 — Perheentupa I. Digital Culture and Feminist Politics in Contemporary Russia: Inside Perspectives // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian, and Central European New Media. 2018. No. 19. P. 117–127.
- Popper 2013 — Popper K. The Open Society and Its Enemies. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 2013. 755 p. ISBN 978-0-691-15813-6.
- Postill 2018 — Postill J. The Rise of Nerd Politics: Digital Activism and Political Change. London: Pluto Press. 2018. 238 p. ISBN 978 0 7453 9984 3.
- Postill 2024 — Postill J. The Anthropology of Digital Practices: Dispatches from the Online Culture Wars. New York, London: Routledge. 2024. 194 p. ISBN 9781032370842.

- Postill, Pink 2012 — Postill J., Pink S. Social Media Ethnography: The Digital Researcher in a Messy Web // Media International Australia. 2012. Vol. 145. I. 1. P. 123–134. doi: 10.1177/1329878X12145001.
- Prout 2000 — Prout A. Childhood Bodies: Construction, Agency and Hybridity // A. Prout (ed.) The body, childhood and society. Hampshire, London, New York: Macmillan Press., St. Martin's Press. 2000. P. 1–18. doi: 10.1007/978-0-333-98363-8.
- Prout, James 2005 — Prout A., James A. A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems // A. James, A. Prout (eds.) Constructing and Reconstructing Childhood. London, Washington: Falmer Press. 2005. P. 7–32. ISBN 0-203-36260-8.
- Prus n.d. — Prus I. V. Reinventing ordinary life: Melodramatic narratives in Russian social network Vkontakte // Balina M., Adachi D. (eds.) Melodramatic Russia. Toronto: University of Toronto Press (Принята к публикации).
- Punch 2016 — Punch S. Exploring children's agency across majority and minority world contexts // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies. London, New York: Routledge. 2016. P. 183–196. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Qvortrup et al. 2009 — Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M. -S. Why Social Studies of Childhood? An Introduction to the Handbook // J. Qvortrup, W. A. Corsaro, M. -S. Honig (eds.) The Palgrave Handbook of Childhood Studies. London: Palgrave Macmillan. 2009. P. 1–18. doi: 10.1007/978-0-230-27468-6.
- Raithelhuber 2016 — Raithelhuber E. Extending agency: The merit of relational approaches for Childhood Studies // F. Esser, M. Baader, T. Betz, B. Hungerland (eds.) Reconceptualising Agency and Childhood: New perspectives in Childhood Studies. London, New York: Routledge. 2016. P. 89–102. ISBN 978-1-315-72224-5 (ebk).
- Rajchman 1995 — Rajchman J. Introduction: The Question of Identity // Rajchman J. (ed.). The Identity in Question. New York, London: Routledge. 1995. P. VII–XIII. ISBN 0-415-90617-2.
- Rajchman 2007 — Rajchman J. Introduction: Enlightenment Today // Foucault M. The Politics of Truth. Los Angeles, CA: Semiotext(e). 2007. P. 9–27. ISBN-I3: 978-1-58435-039-2.
- Reddy 2001 — Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, New York, Port Melbourne, Madrid, Cape Town: Cambridge University Press. 2001. 380 p. ISBN 0-511-03264-1.
- Rose 1999 — Rose N. Governing the Soul: The Shaping of the Private Self. London, New York: Free Association Books. 1999. 320 p. ISBN 1 85343 444 2.

- Rossmann 2021 — Rossmann E. From Socialism to Social Media: Women's and Gender History in Post-Soviet Russia // *Ber. Wissenschaftsgesch.* 2021. No. 44. P. 414–432. doi.org/10.1002/bewi.202100008.
- Ryan 2008 — Ryan P.T. How New Is the «New» Social Study of Childhood? // *Journal of Interdisciplinary History.* 2008. Vol. 38. No. 4. P. 553–576. URL: <https://www.jstor.org/stable/20143705>.
- Schüll 2019 — Schüll N. D. Self in the Loop: Bits, Patterns, and Pathways in the Quantified Self // Z. Papacharissi (ed.) *A networked self and human augmentics, artificial intelligence, sentience.* New York, London: Routledge. 2019. P. 25–38.
- Sedgwick 2003 — Sedgwick E.K. Paranoid Reading and Reparative Reading, or, You're So Paranoid, You Probably Think This Essay Is about You // M. A. Barale, J. Goldberg, M. Moon, E. K. Sedgwick (eds.) *Touching Feeling Affect, Pedagogy, Performativity.* Durham, London: Duke University Press, 2003. P. 123–151. doi: 10.1215/9780822384786-005.
- Shen 2013 — Shen F. Legislating Neuroscience: The Case of Juvenile Justice // *Loyola of Los Angeles Law Review.* 2013. Vol. 46. No. 985. P. 985–1018. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/llr/vol46/iss3/5>.
- Sieca-Kozłowski 2010 — Sieca-Kozłowski E. Russian military patriotic education: a control tool against the arbitrariness of veterans // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity.* 2010. Vol. 38. No. 1. P. 73–85. doi: 10.1080/00905990903386637.
- Soldatov*, Borogan 2015 — Soldatov* A., Borogan I. *The Red Web: The Struggle Between Russia's Digital Dictators and the New Online Revolutionaries.* New York: PublicAffairs. 2015. 384 pp. ISBN 978-1-61039-57-3-1.
- Solovey 2018 — Solovey V. Is an “armchair feminist” a coward? Debates over activist methods within feminist movements in Russia // S. Heinemann, N. Kaiser, L. Killius and M. Schröder (eds.) *Work in Progress.* Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung. 2018. P. 109–121. ISBN 978-3-89965-890-3.
- Spyrou 2018 — Spyrou S. *Disclosing Childhoods: Research and Knowledge Production for a Critical Childhood Studies.* London: Palgrave Macmillan. 2018. 241 p. doi: 10.1057/978-1-137-47904-4.
- Summers 2019 — Summers I. *The Rhetorical Construction of Oppression in Activist Discourses.* Doctoral dissertation. Department of Communication the University of Utah. 2019. 171 p.
- Sundhall 2017 — Sundhall J. A Political Space for Children? The Age Order and Children's Right to Participation // *Social Inclusion.* 2017. Vol. 5. No. 3. P. 164–171. doi: 10.17645/si.v5i3.969.

- Taft 2011 — Taft J. K. *Rebel Girls: Youth Activism and Social Change across the Americas*. New York, London: New York University Press. 2011. 241 p. ISBN 978-0-8147-8324-5.
- Temkina, Zdravomyslova 2003 — Temkina A., Zdravomyslova E. *Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences // Studies in East European Thought*. 2003. Vol. 55. No. 1. P. 51–61. URL: <https://www.jstor.org/stable/20099818>.
- Tisdall, Punch 2012 — Tisdall E. K. M., Punch S. Not So ‘New’? Looking Critically at Childhood Studies // *Children’s Geographies*. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 249–264. doi: 10.1080/14733285.2012.693376.
- Tsyrlina-Spady, Lovorn 2015 — Tsyrlina-Spady T., Lovorn M. Patriotism, History Teaching, and History Textbooks in Russia: What Was Old Is New Again // J. Zajda (ed.) *Globalisation, Ideology and Politics of Education Reforms*. Switzerland: Springer International Publishing. 2015. P. 41–57. doi 10.1007/978-3-319-19506-3_4.
- Turmel 2008 — Turmel A. *A Historical Sociology of Childhood: Developmental Thinking, Categorization and Graphic Visualization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 362 p. ISBN-13 978-0-511-42314-7.
- van den Boomen 2014 — van den Boomen M. *Transcoding the Digital: How Metaphors Matter in New Media*. Amsterdam: Institute of Network Cultures. 2014. 220 p. ISBN 978-90-818575-7-4.
- Vinitsky 2015 — Vinitsky I. Tolstoy’s Lessons: Pedagogy as Salvation // E. C. Allen (ed.) *Before They Were Titans: Essays on the Early Works of Dostoevsky and Tolstoy*. Boston: Academic Studies Press. 2015. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1zxsjmd.16>.
- Wadsworth 2015 — Wadsworth S. The Year of the Child: Children’s Literature, Childhood Studies, and the Turn to Childism // *American Literary History*. 2015. Vol. 27. No. 2. P. 331–341. doi: 10.1093/alh/ajv003.
- Wall 2012 — Wall J. Imagining childism: how childhood should transform religious ethics // M. J. Bunge (ed.) *Children, adults, and shared responsibilities: Jewish, Christian, and Muslim perspectives*. New York: Cambridge University Press. 2012. P. 135–151. ISBN 978-1-107-01114-4.
- Wall 2019 — Wall J. From Childhood Studies to Childism: Reconstructing the Scholarly and Social Imaginations // *Children's Geographies*. 2019. P. 1–14. doi: 10.1080/14733285.2019.1668912.
- Wall 2022 — Wall J. *Give children the vote: on democratizing democracy*. London, New York: Bloomsbury Academic. 2022. 246 p. ISBN 9781350196285.

- Watson, Watson-Franke 1985 — Watson L. C., Watson-Franke M.-B. *Interpreting Life Histories: An Anthropological Inquiry*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press. 1985. 228 p. ISBN 0-8135-1090-2.
- Weiser 2020 — Weiser T. *Speaking Without Listening: Imitating Dissensus in the Agonistic Public Debates in Russian Political Talk-Shows in the 2010s* // *Javnost: The Public*. 2020. Vol. 27. No. 1. P. 80–96. doi: 10.1080/13183222.2020.1675432.
- Young-Bruehl 2009 — Young-Bruehl E. *Childism — Prejudice against Children* // *Contemporary Psychoanalysis*. 2009. Vol. 45. No. 2. P. 251–265. doi: 10.1080/00107530.2009.10745998.
- Young-Bruehl 2012 — Young-Bruehl E. *Childism: Confronting Prejudice Against Children*. New Haven, London: Yale University Press. 2012. 353 p. ISBN 978-0-300-17311-6.
- Zitzewitz 2017 — von Zitzewitz J. *Reader Questionnaires in Samizdat Journals: Who Owns Aleksandr Blok?* // J. Fürst, J. McLellan (eds.) *Dropping out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc*. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books. 2017. P. 107–127. ISBN 9781498525145.

Список участников исследования

1. Ваня, ок. 2004 г.р., с 2019 г. участник АЭК, БЗР, автор публикаций.
2. Никита, ок. 2001 г.р., с 2016 г. участник АЭК, БЗР, «Голоса», автор публикаций.
3. Катя, ок. 2003 г.р., с 2017 г. участница БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», автор публикаций, создательница и администратор «Голоса» с 2020 по 2022 г.
4. Матвей, ок. 2009 г.р., с 2021 г. участник БЗР, АЭК и «Голоса».
5. Лена, ок. 1994 г.р., с 2012 г. участница БЗР, АЭК, «Голоса», «Подслушано: эйджизм», автор публикаций, администратор БЗР с 2022 г.
6. Миша, ок. 2004 г.р., с 2020 г. участник БЗР и «Голоса».
7. Глеб, ок. 2006 г.р., с 2016 г. участник БЗР, «Подслушано: эйджизм», «Голоса», автор публикаций, администратор АЭК.
8. Ксюша, ок. 2005 г.р., с 2018 г. участница БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса».
9. Артем, ок. 2003 г.р., с 2017 г. участник БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм» и «Голоса».
10. Маша, ок. 2005 г.р., с 2015 г. участница БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса», автор публикаций, администратор БЗР с 2021 по 2022 г.
11. Степа, ок. 2003 г.р., с 2019 г. участник БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса».
12. Федя, ок. 2004 г.р., с 2018 г. участник БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса», администратор АЭК.
13. Аня, ок. 1998 г.р., участница БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса», создательница и администратор БЗР с 2012 по 2021 г.
14. Гавриил, ок. 2001 г.р., с 2019 г. участник БЗР, АЭК, «Голоса».
15. Петр, ок. 1985–1990 г.р., с 2019 г. участник БЗР и «Голоса».
16. Карина, ок. 1995–2000 г.р., с 2015 г. участница БЗР, АЭК, «Подслушано: эйджизм», «Голоса», автор публикаций.
17. Егор, ок. 2005–2010 г.р., с 2020 г. участник БЗР и «Голоса».
18. Алиса, ок. 2004 г.р., с 2018 г. участница «Подслушано: эйджизм» и «Голоса».